

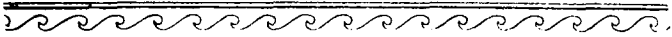
ДРЕВНОСТИ
ЮЖНОГО
ХОРЕЗМА

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

Ордена Дружбы народов Институт этнографии
имени Н. Н. Миклухо-Маклая

ТРУДЫ
ХОРЕЗМСКОЙ
АРХЕОЛОГО-
ЭТНОГРАФИЧЕСКОЙ
ЭКСПЕДИЦИИ

•
XVI

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОГО ХОРЕЗМА

Ответственный редактор
М. А. ИТИНА

ББК 63.5(2)
Д 73

Рецензенты:

доктор исторических наук Е. Е. НЕРАЗИК,
кандидат исторических наук Г. В. ШИШКИНА

Древности Южного Хорезма. — М.: Наука, 1991.
ISBN 5—02—009919—8

Книга посвящена археологическим памятникам, большая часть которых стояла на древних караванных путях, связывающих Хорезм с Бактрией, Парфией, Хорасаном, Согдом, Бухарой и Мервом. Центральное место в книге занимают памятники античности, руины которых высятся вдоль берегов Амударьи или оказываются скрытыми под поздней средневековой застройкой. Раскопки Елхараса продемонстрировали великолепное мастерство зодчих IV—II вв. до н. э., мало известные до этого времени стенные росписи и глиняную раскрашенную скульптуру. Новые данные по хорезмийской фортификации этого и более позднего, кушанского времени дали раскопки Капараса. На страницах книги впервые исследована история заселения Южного Хорезма в эпохи неолита и бронзы.

Д $\frac{0505000000-353}{042 (02)}$ 201—90

ББК 63.5(2)

Научное издание
Коллектив авторов

ДРЕВНОСТИ ЮЖНОГО ХОРЕЗМА

Утверждено к печати

Ученым Советом Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая

Редактор издательства Г. А. Николаев

Технический редактор Т. В. Калинина

Художественный редактор И. Д. Богачёв

Корректор Р. В. Молоканова

ИБ № 38935

Сдано в набор 12.01.90 г. Подписано к печати 02.10.90 г. Формат 70×90¹/₁₆. Бумага офсетная. Гарнитура обыкновенная. Печать высокая. Усл. печ. л. 21.06. Усл. кр.-отт. 22.23. Уч.-изд. л. 22.5. Тираж 1000 экз. Тип. Зак. 40. Цена 4 р. 80 к.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»
Калужское производственное объединение «Полиграфист», пл. Ленина, 5.

ISBN 5—02—009919—8

© Издательство «Наука», 1991

ВВЕДЕНИЕ

В конце 20-х годов, рассматривая возможности использования вод Амударьи для расширения ирригационной сети Хорезма и анализируя преимущества и недостатки проектов создания гидроузлов в Тахиаташе, Ташсака и Тюямуюне, инженеры К. А. Михайлов и В. В. Пославский писали: «...узел Тюямуюнский можно из рассмотрения, по крайней мере на наш век, исключить, а потомкам всегда останется возможность построить Тюямуюнскую гидростанцию и подать от нее воду в Южнохорезмский канал»¹.

Как мы теперь знаем, они не ошиблись в оценке очередности строительства гидросооружений (Тахиаташская и Ташсакинская системы были задействованы в первую очередь), но они, естественно, не могли предвидеть те стремительные перемены, которые внесла в нашу жизнь научно-техническая революция, экономические задачи, вставшие перед страной в послевоенное время, и технические возможности, которые открылись для их реализации.

Постановление Совета Министров СССР от 24 декабря 1970 г. предусматривало строительство Тюямуюнского гидроузла и водохранилища, воды которого должны были питать ирригационные системы на больших площадях вновь осваиваемых земель древнего орошения в Левобережном и Правобережном Хорезме². В связи с тем, что в зону затопления попадали большие площади вдоль правого и левого берегов Амударьи, а о существовании там археологических памятников было известно, в постановление был включен пункт, обязывающий Хорезмскую археолого-этнографическую экспедицию Института этнографии АН СССР провести на этой территории охранные археологические работы. В 1966 г. экспедиция осуществила разведочный маршрут на правом и левом берегах Амударьи, в зоне будущего затопления³, а в 1972—1975 гг. велись маршрутные и стационарные археологические работы⁴.

Следует сразу сказать, что в историческом и археологическом планах исследуемый район в целом не был terra incognita. Как свидетельствуют арабские источники X в. (ал-Истахри, ал-Макдиси), по левому и правому берегам Амударьи проходили караванные пути, связывавшие Хорезм с Согдом, Хорасаном и Джурджаном. Согласно этим авторам

на левом берегу помимо караван-сараев были расположены крупные города, на правом — только укрепленные караван-сарай. Сходную картину наблюдал позднее, в начале XIII в., перед монгольским завоеванием, Ибн Якут, хотя к этому времени и произошли некоторые изменения, о которых пойдет речь ниже.

Анализ сведений арабских письменных источников домонгольского времени, касающихся интересующего нас региона, был дан В. В. Бартольд⁵, и, хотя время внесло некоторые поправки в его заключения, ценность этих работ непреходяща. Что же касается собственно исторических памятников среднего и нижнего течения Амударьи, то к моменту Хивинских походов 1872—1873 гг. интерес к ним, основанный на наблюдениях предшествующих лет, в период проникновения России в Среднюю Азию, сильно возрос и благодаря усилиям Русского географического общества приобрел научную основу. Достаточно упомянуть программу по выявлению исторических памятников, предложенную обществом в связи с Хивинским походом генерала фон Кауфмана в 1873 г.⁶ и программу составленную в тех же целях для Амударьинской экспедиции, организованной обществом сразу же после этого похода и завоевания Хивы⁷. Правда, судя по замечаниям большинства военных, да и гражданских лиц, с той или иной целью побывавших в Средней Азии и прошедших берегом или проплывших вниз по Амударье от Чарджуя до Петро-Александровска (Старый Турткуль), развалины на берегах Амударьи считались не слишком древними. Один из наиболее пытливых, штабс-капитан А. Н. Быков, писал: «...едва ли можно предполагать, чтобы эта местность вообще была когда-либо населена. Этому как будто противоречат многочисленные развалины, раскинутые по обоим берегам этой части реки; но если мы всмотримся в характер этих разрушившихся построек, взаимное и топографическое их положение, спросим людей, знакомых с местной историей и преданиями, то придем к только что высказанному мнению. Можно думать, что большая часть всех этих развалин едва ли служила местом жизни мирного земледельца, торговца; это скорее был ряд военных постов... или же ряд караван-сараев... весьма может быть, что построены они не более 300 лет тому назад известным строителем всех дорог, караван-сараяв, рабатов и сардоб в ханстве — Абдулла-ханом (XVI в. — *М. И.*)»⁸. И в другом месте: «История этих стран и многочисленные развалины цветущих когда-то городов свидетельствуют, что здесь, в относительно недавнее время, жило гораздо значительнейшее население, чем находимое нами ныне. Но сначала завоевания арабов и последовавшие затем волнения, затем нашествие монголов, непрерывные войны Чингизидов и Тимуридов, потом войны Надир-шаха и вечные междоусобия Бухарцев, Северного Афганистана, Хорасана и Хивы сделали то, что от обывателей городов и селений остались одни развалины, грандиозные ирригационные сооружения разрушились и цветущие долины превратились в пустыню... Таковы местности к северу от Шурахана ...по всему левому побережью Аму»⁹. Автору этих строк нельзя не отдать должное за попытку понять причину запустения некогда цветущих земель, но, к сожалению, в целом, как и большинство лиц, оставивших записки об интересующих нас местах, он не смог правильно оценить древность виденных им развалин.

Эта тенденция нашла отражение и в одном из томов популярного издания «Россия», посвященном Средней Азии: «Огромное большинство этих остатков старины в Средней Азии относится, однако, к сравнительно недавнему мусульманскому периоду, даже тысячелетние памятники представляют большую редкость, а от времени греко-бактрийского царства сохранились лишь находимые здесь и там монеты»¹⁰.

Уже в наши дни, в начале 30-х годов участники различных изыскательских экспедиций в своих отчетах упоминают некоторые памятники на берегах Амударьи и наносят их на прилагаемые карты¹¹. Однако, судя по замечанию одного из таких исследователей, П. С. Макеева, о том, что «все постройки караван-сараев и сардоб по правому берегу Амударьи и в Каршинской степи обычно относятся ко времени Абдуллахана»¹², заблуждение о времени существования этих древних сооружений продолжало сохраняться.

Призыв к изучению древних развалин звучит в словах известного востоковеда А. А. Семенова, когда он пишет: «Бесчисленные остатки древней жизни в виде совершенно необследованных развалин городов, крепостей, башен, рабатов, мазаров и т. п. встречаются не только в дельте Амударьи, но и идут далеко выше ее, вплоть до самых бухарских пределов...»¹³. Первые археологические маршруты вдоль древних караванных путей по левому и правому берегам Амударьи были предприняты в 1939 г. С. А. Ершовым (Институт истории АН Туркменской ССР) и С. П. Толстовым (Хорезмская археологическая экспедиция АН СССР)¹⁴. Их результатом помимо выборочного описания и датировки отдельных памятников явилась карта, на которой были нанесены все обследованные памятники¹⁵. Впоследствии этот материал был использован С. П. Толстовым при составлении карт для его монографий, причем на них уже графически показаны и категории памятников, и их хронологическая привязка¹⁶.

В послевоенное время на ряде левобережных и правобережных памятников побывал Я. Г. Гулямов, который внес свой вклад в корректировку их названий, идентификацию в соответствии со средневековыми дорожниками, датировку¹⁷.

Очень важный и нужный маршрут вдоль левобережного караванного пути проделал в 1954 г. отряд Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции (ЮТАКЭ) во главе с М. Е. Массоном¹⁸. К сожалению, им была охвачена лишь часть древнего караванного пути в пределах Туркменской ССР, но сделано это столь тщательно, при анализе привлечен такой большой историографический и сравнительный материал, что эта работа до сих пор является основополагающей для всех, кто занимается данной проблематикой.

В связи с охранными работами в зоне затопления Тюямунонского гидроузла Хорезмская экспедиция ставила перед собой следующие задачи. Во-первых, возникла возможность доследовать памятники на правом и левом берегах Амударьи, а некоторые из них раскопать. Этот цикл работ предполагал получение новых сведений, касающихся не только функционирования караванных путей между Хорезмом, Амулем (Чарджу) и Бухарой в средние века, но и уточнения наиболее активных периодов в их жизни. Во-вторых, создавалась возможность установить время

возникновения этих путей. Дело в том, что на правом и левом берегах и Хорезмской экспедицией в 1939 г., и экспедицией ЮТАКЭ в 1954 г. были обнаружены памятники, датирующиеся эпохой античности. Можно ли было связывать их с караванными путями вдоль Амударьи, ведущими в Дактрию и Парфию, давали ли они цепочку сооружений типа средневековых — на эти вопросы должны были дать ответ охранные работы в зоне строительства. Но это направление работ для данной территории было, если можно так выразиться, традиционным, хотя и сулило получение новых фактов.

Нетрадиционным был второй аспект работ на Тюямуюне. Проводились комплексные исследования, целью которых было выявление условий расселения человека в зоне действия крупного речного русла, в прилегающих коренных песках и на берегах озерных впадин, начиная с эпохи первобытности.

Такой цикл в этом регионе проводился впервые. Не говоря уже о перспективе открытия новых памятников, он давал возможность на новом материале и в сравнительно ограниченном регионе еще раз рассмотреть степень зависимости человека от естественных водных источников в условиях аридного климата, выявить приемы приспособления человека к данным природным условиям и наметить эволюцию их в своих нуждах, и все это в очень широких хронологических рамках — от первобытности до развития средневековья¹⁹.

Фронт работ Хорезмской экспедиции на Тюямуюне был окончательно определен после маршрутного обследования зоны затопления, проведенного в 1966 г. археологами Ю. А. Рапопортом, В. А. Лоховицем и архитектором М. С. Лапировым-Скобло. В развернувшихся в 1972—1976 гг. археологических работах принимали участие несколько отрядов. Каракумский отряд под руководством А. В. Виноградова и Э. Д. Мамедова (ТашГУ) провел маршрут по левому берегу до Дарган-Аты, по правому — до Кызыл-рабата. Отрядом, помимо открытия стоянок и находок эпохи неолита и бронзы, был собран керамический материал эпохи античности и средневековья, исследованы горные выработки в урочище Султансанджар. Капарасский отряд (начальник М. Г. Воробьева) вел раскопки античного укрепления Капарас, Елхарасский (начальник Л. М. Левина) — комплекса Елхарас того же времени. Два отряда — Джигербентский (начальник О. А. Вишневская) и Садварский (начальник Н. Н. Вактурская) — вели раскопки на развалинах средневековых городов Джигербент и Садвар. Наконец, отряд под руководством В. А. Лоховица вел раскопки караван-сараев на правом берегу Амударьи, ниже теснины Дульдуйлатлаган, и на левом — ниже Дарган-Аты.

Предлагаемая вниманию читателя книга посвящена результатам исследования первобытных и античных памятников. Работы на средневековых памятниках будут освещены в специальной публикации. Однако, так как раскопанные античные памятники несомненно связаны с историей древних караванных путей, соединявших Хорезм с прилегающими к нему с юга областями на протяжении тысячелетий, мы считаем необходимым дать в этой книге и краткий историографический обзор исследований правобережной и левобережной дорог, ведущих в Хорезм с юга,

который основан на анализе открытых вдоль них археологических памятников.

Авторы монографии: М. А. Итина — введение, гл. 1, гл. 2, 2, заключение; Э. Д. Мамедов — гл. 2, 1; А. В. Виноградов — гл. 2, 2; С. А. Оленич — гл. 2, 2; Л. М. Левина — гл. 3, 1, 2, 3, 4, 5; С. М. Коляков — гл. 3, 4; гл. 4, 1; М. С. Лапиров-Скобло — гл. 3, 5 (реконструкция плана памятника, с. 140—147); М. Г. Воробьева — гл. 4, 1, 3, 4; А. Н. Гертман — гл. 4, 2.

Обмеры, план и разрезы Елхараса сделаны архитектором И. П. Луньковой, реконструкция плана памятника на основе этих материалов — архитектором М. С. Лапировым-Скобло, обмеры и план Капараса — архитектором И. А. Корбутом. Чертежи и рисунки в книге выполнены Г. М. Баевым, А. Н. Лехницкой, И. П. Луньковой, М. С. Лапировым-Скобло, фотографии — А. В. Виноградовым, А. Кличенко, В. С. Козловым, И. П. Луньковой. Карты-схемы составлены Б. В. Андриановым и М. А. Итиной (рис. 1), А. В. Виноградовым (рис. 2).

¹ Михайлов К. А., Пославский В. В. Коренное переустройство питания южнохорезмийской ирригационной системы // Вестн. ирригации. 1927. № 9. С. 55.

² Здесь и далее мы говорим о Хорезме как об историко-культурной области, не оговаривая современное административное деление входящих в нее регионов (Каракалпакская АССР, Хорезмская обл. УзССР, Сев. Туркмения).

³ Толстов С. П., Итина М. А., Виноградов А. В. Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция // АО 1966 г. М., 1967. С. 303, 307.

⁴ Итина М. А. Основные итоги работ Хорезмской экспедиции в минувшем пятилетии // ПИИЭ, 1975 г. М., 1977. С. 193—204.

⁵ Баргольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М., 1963. Т. 1. С. 197—211; *Он же*. К истории орошения Туркестана // Там же. М., 1965. Т. 3. С. 163—172.

⁶ Вопросы, предлагаемые Императорским Русским Географическим обществом при исследовании Хивинского ханства и сопредельных с ним степей в географическом, этнографическом и культурно-историческом отношениях. СПб., 1873.

⁷ Программа для исследований Амударьинской экспедиции // Изв. РГО. 1874. Т. 10. № 5. С. 192—212.

⁸ Быков А. Н. Очерк переправ через Амударью. Ташкент, 1879.

⁹ [Быков А. Н.] Очерк долины Амударьи: Расспросы капитана 3-го Западно-Сибирского линейного батальона Быкова // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1884. Вып. 9. С. 42.

¹⁰ Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Сост. В. И. Масальский. СПб., 1913. Т. 19: Туркестанский край. С. 317.

¹¹ См., например: Архангельский А. Д. Геологические исследования в низовьях Амударьи. М.; Л., 1931. С. 35 и сл.; Никитин С. А., Песков С. Ф. Пески Юго-Западных Кызылкумов // Тр. совета по изучению производительных сил. Сер. каракалп. М.; Л., 1936. Вып. 3. Карта.

¹² Макеев П. С. Записка к карте маршрута ю.-з. отряда Кызылкумской геохимической экспедиции АН СССР 1931 г. // Тр. совета по изучению производительных сил. Сер. каракалп. Л., 1933. Вып. 1. С. 191.

¹³ Семенов А. А. Материальные памятники арийской культуры // Таджикистан. Ташкент. 1925. С. 149.

¹⁴ Ериов С. А. Археологические памятники левого берега Амударьи // ВДИ, 1941. № 1. С. 184—192; Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма // Там же. С. 181—183.

¹⁵ Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. С. 155, рис. 1.

¹⁶ Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948.

Карта; *Он же*. По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. Карта.

¹⁷ Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957.

¹⁸ Массон М. Е. Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр: (В пределах Туркменской ССР) // ТЮТАКЭ. 1966. Т. 13. С. 181 и сл.

¹⁹ Такая же работа, основанная на комплексных исследованиях, была проделана Хорезмской экспедицией для дельтовых областей и древних течений Амударьи. См.: Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой: История формирования и заселения человеком // МХЭ. Вып. 3. 1960.

Глава 1

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ДРЕВНИХ ТОРГОВЫХ ПУТЯХ ВДОЛЬ БЕРЕГОВ АМУДАРЬИ

Если в эпоху неолита и бронзы, т. е. в IV — начале I тыс. до н. э., берега основного русла Амударьи — реки могучей и человеку в то время совершенно неподвластной, не входили в зону его расселения, то позднее, к середине I тыс. до н. э., ситуация меняется. Именно к этому времени относятся существенные перемены в технике ведения ирригационного земледелия в Хорезмском оазисе — люди начинают выводить магистральные каналы непосредственно из основного русла Амударьи, естественно, осваивая и ее берега, хотя бы в процессе создания головных сооружений¹. Дальнейший прогресс в развитии хозяйства и культуры уже сложившегося государственного образования — Хорезма приводит, в частности, к тому, что Амударья, караванные пути вдоль ее берегов играют связующую роль в его сношениях с сопредельными государствами к югу, юго-западу и юго-востоку от него. Свидетельством последнего являются многочисленные развалины на правом и левом берегах, датирующиеся, как мы увидим ниже, самым разным временем, в том числе и античным (рис. 1). Отправным пунктом для исследования исторических памятников на приамударьинских торговых путях являются данные о средневековых развалинах в исторических и географических сочинениях, путевых записках и сведения о них как некогда живых организмах в средневековых географических источниках начиная с X в.².

Сопоставление этих данных с данными археологических исследований позволяет, насколько это возможно, воссоздать отдельные моменты истории, хозяйства, культуры древнего и средневекового Хорезма.

Настоящий обзор охватывает памятники на отрезках правобережного и левобережного торговых путей, от южных границ Хорезма (средневекового) и до нижнего течения Амударьи в его южной части, т. е. уже собственно Хорезмского оазиса. Памятники описываются последовательно, сверху вниз по течению Амударьи, без предварительного их деления на более ранние и более поздние.

Как известно, конфигурация правого и левого берегов Амударьи в ее среднем течении резко отлична³. Левый берег низкий с высокой береговой террасой и широкой поймой с крупными тугаями. К краю террасы близко подходят пески Заунгузских Каракумов, чуть выше Питнякской луки пески подступают прямо к берегу. Правый берег преимущественно песчаный, часто с обрывистыми берегами, хотя на некоторых его участ-

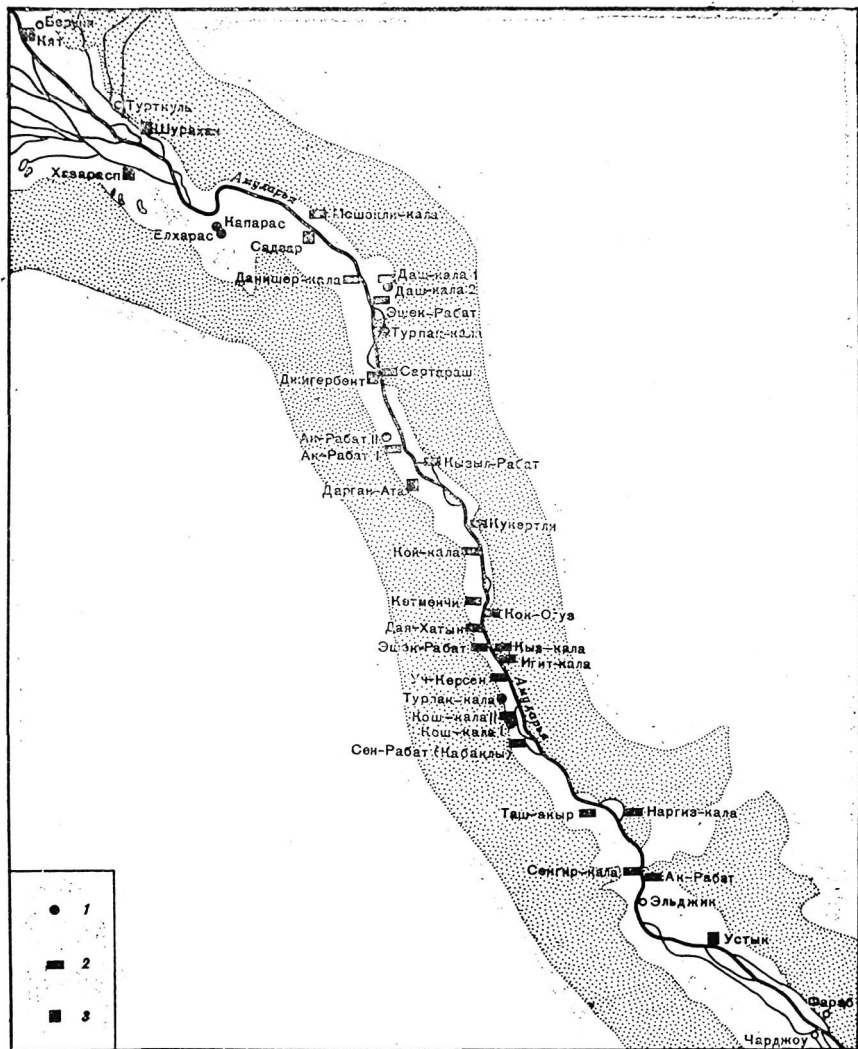

Рис. 1. Археологические памятники на берегах Амударьи
 1 — античные укрепления; 2 — средневековые караван-сарай; 3 — многослойные памятники

ках тоже встречаются тугаи, но не столь обширные, как на левом. Правый берег — это юго-западный край Кызылкумов.

Такая ситуация в целом наблюдалась и в древности. Тугайная пойма левого берега способствовала развитию земледельческого и скотоводческого хозяйства и возникновению именно здесь городов и населенных пунктов. Пески правого берега осваивались лишь скотоводами, населенных пунктов, подобных левобережным, здесь не было. Согласно Истахри, сплошная культурная полоса левого берега начиналась от Тахирии и шла узкой полосой до Хазараспа, а далее расширялась⁴. Это утверждение требует коррекции, так как цепочка караван-сараев, расположенных вне населенных пунктов на отрезках левобережного караванного пути (см. ниже), несомненно подчеркивает отсутствие близ них культурной зоны. Однако заключение Истахри о том, что на правом берегу «нет населенных мест до селения, называемого Гарабахшна, потом от Гарабахшны до г. Хорезма (древняя столица Хорезма г. Кят. — М. И.) заселены обе стороны Джейхуна»⁵, видимо, справедливо. Подтверждается, как нам кажется, и предложенная Я. Г. Гулямовым на основании анализа текстов Истахри и Макдиси идентификация г. Гарабахшна с древним Шураханом⁶.

В X в. южная граница Хорезма на левом берегу — Тахирия (развалины Дая-Хатын)⁷. Ее фиксируют арабские географы, и в целом она довольно традиционна на протяжении столетий. Так, в конце XIX в. пограничный столб между Хивой и Бухарой был установлен на развалинах Эшек-рабат, чуть выше Дая-Хатына⁸.

Граница Хорезма на правом берегу не столь стабильна. Во всяком случае, С. П. Толстов считал крепость Кыз-кала укреплением хорезмшахского времени (XII—XIII вв.)⁹. В XIX в. границей между Хивой и Бухарой считалось расположенное ниже по течению укрепление Кукертли¹⁰, а после хивинских походов и образования Амударьинского отдела граница между последним и Бухарой и Хивой была еще ниже по течению, в урочище Мешекли¹¹.

Наиболее оживленным был путь из Амуля (современный Чарджоу) в Хорезм, идущий по левому берегу Амударьи. Чаще всего путешественники, следующие из Бухары в столицу левобережного Хорезма Гургандж (современный Куля-Ургенч), дойдя до Фараба (сохранил название до наших дней), переправлялись в Амуль и оттуда шли левым берегом. Во всяком случае, так было бесспорно после объединения Хорезма и сосредоточения центральной власти в Гургандже. Действовало здесь еще одно обстоятельство. Как известно, столицей Хорезма был город Кят (район современного Бируни), цитадель которого в X в. была смыта водами Амударьи, да и город, видимо, сильно пострадал. Если до этого дорога из Бухары в Кят нередко шла по правому берегу, то после этих разрушений, а главное, перемещения центра государства в конце X в. на левый берег, ее использовали значительно реже. Приоритету левобережного пути способствовали и природные условия, более благоприятные на левом берегу, что привело к его большей заселенности и, следовательно, созданию лучших условий для торговцев и путешественников. Это тем более очевидно, если вспомнить слова Истахри: «Дорога из Бухары в Хорезм (по правому берегу. — М. И.) — это дорога по пустыне»¹².

Однако из этого не следует, что правобережная дорога не использовалась вообще, но об этом ниже.

Итак, первым пунктом на границе с Хорезмом на левом берегу была Тахирия-рабат Дая-Хатын. Этот памятник представляет собой две разновременные постройки. Более ранняя — остаток прямоугольника укрепленных стен, собственно рабата, которые большинством авторов датируются IX в. или концом IX — началом X в.¹³ (Якут связывал постройку рабата Тахирия с именем Тахир ибн ал-Хусейна). Иную датировку дает Я. Г. Гулямов — VI—VII вв.¹⁴, однако он ее никак не аргументирует. Доказательство того, что это был именно хорезмийский пограничный рабат, М. Е. Массон видит в ориентировке его ворот в сторону дороги из Хорезма¹⁵. Во всяком случае, по-видимому, именно эту Тахирию упоминает Истахри. В пределах более древних стен позднее был построен караван-сарай, который собственно и называется в новое время Дая-Хатын. Он подробно изучен и описан Г. А. Пугаченковой, М. Е. Массоном и А. М. Прибытковой¹⁶. Степень его сохранности еще в конце XIX в. была столь высока, что его принимали за постройку времен Абдуллы-хана¹⁷ и называли старой бухарской крепостью¹⁸. На его первом этаже в конце 80-х годов XIX в. располагался хивинский пограничный караул¹⁹.

В действительности караван-сарай Дая-Хатын значительно старше. А. М. Прибыткова датирует его первой половиной XI в.²⁰, Я. Г. Гулямов относит его постройку к XI—XII вв.²¹ Г. А. Пугаченкова, полемизируя с А. М. Прибытковой, датирует караван-сарай Дая-Хатын первой четвертью XII в.²² Анализ архитектуры караван-сарая, выявленные в нем наряду с хорезмийскими черты хорасанского стиля заставили ее думать, что он был построен в пору могущества Сельджукидов, при султানে Санджаре, и являлся одним из подобных сооружений, построенных по указанию центральных, в данном случае мервских, властей.

Чуть ниже Дая-Хатына находились развалины Кетменчи. Это квадратное в плане сооружение (27×27 м), выстроенное из пахсы. Упоминающий о нем М. Е. Массон его не датирует²³, С. А. Ершов уклончиво замечает, что этот памятник позднее Дая-Хатына²⁴. На карте С. П. Толстова эти развалины помечены как укрепленный караван-сарай домонгольского времени²⁵. Может быть, он действительно не одновременен с Дая-Хатыном, так как их разделяет расстояние не более 5 км, что для дневного перехода мало. Однако, это мог быть промежуточный пункт для дневки. Далее, вниз по реке М. Е. Массон упоминает развалины Кой-кала, которые он идентифицирует с рабатом Будина Хамдаллаха Казвини, расположенным выше Даргана. Рядом с развалинами Кой-калы была сигнальная башня с гофрированной поверхностью внешних стен. М. Е. Массон датирует оба памятника XI—XIV вв.²⁶ Однако верхняя дата может свидетельствовать о повторном, более позднем, использовании этих памятников. Как мы увидим ниже, большинство левобережных памятников относятся все же к домонгольскому времени.

Ссылаясь на Бейхаки, В. В. Бартольд пишет, что «начиная с XI в. самым южным городом Хорезма обыкновенно считали Дарган, в двух днях пути ниже Тахирии»²⁷. Среди городов Хорезма упоминает Дарган Истахри²⁸. Макдиси называет его «самым большим городом после Джурджани, в нем прекрасная соборная мечеть»²⁹. По его же словам,

пойменная часть ниже города (город стоял на надпойменной террасе) была обработана (9 фарсахов вдоль берега реки), там было 500 виноградников³⁰.

По Якуту, Дарган был расположен на террасе в двухмилях от реки. Есть упоминание о нем и позднее, у Абульгази³¹. Как считает Я. Г. Гулямов, особую значимость городу придавало то, что он находился на оживленной переправе через Амударью и на скрещении путей из Бухары, Амуля и Мерва в Хорезм³². Развалины Дарган-Ата (под этим названием они известны теперь) сохранились до наших дней, упоминания о них неоднократно встречаются в разного рода заметках и дорожниках конца XIX в.³³.

Обследовавший Дарган С. А. Ершов привел его схематичный план и датировал верхний слой XI—XIII вв.³⁴ Я. Г. Гулямов относил постройку Даргана к VI в., а расцвет к XI—XIII вв.³⁵ Подробно описал развалины Даргана М. Е. Массон. Он отметил, что общая площадь города была не менее 50 га. К X в. это был уже крупный город, расцвет его приходится на XI—XII вв. Город был разрушен монголами, возродился, затем снова пострадал при Тимуре³⁶. Развалины Дарган-Аты были обследованы и описаны Г. А. Пугаченковой, которая на основе анализа фортификационной системы городища и отдельных строительных приемов пришла к выводу, что город этот хорезмийский³⁷.

Между Дарганом и Джигербентом (следующим большим городом на пути из Амуля в Гургандж) расположены развалины Ак-рабата. На карте С. П. Толстова 1939 г. они помечены как Ак-кала³⁸, видимо, в отличие от Ак-рабата на правом берегу Амударьи, находящегося значительно выше по течению. В описании левого бережного маршрута того же года С. А. Ершов о них вообще не упоминает. Развалины были описаны М. Е. Массоном³⁹. Это прямоугольник стен, сложенных из паховых блоков высотой 0,8 м, площадью 40×36 м. Вход был с восточной стороны. Караван-сарай стоял на высокой надпойменной террасе у соленого озера, в северном конце Дарганатинского тугая.

М. Е. Массон по самым ранним керамическим находкам датирует памятник XII — началом XIII в. Описание развалин Ак-рабата, сделанное Хорезмской экспедицией во время маршрута 1966 г. и раскопки 1973 г., дает сходную, но уточненную картину, где указывается, что на памятнике встречена керамика золотоордынского времени и что датируется он XII—XIV вв.⁴⁰ Примерно в 1 км к северу от Ак-рабата, на краю обрыва, над рекой, отрядом Хорезмской экспедиции были обнаружены развалины укрепления, выстроенного из квадратного сырцового кирпича размером (35—37) × (11—12) см. Сохранившаяся часть северной стены достигает длины около 60 м, западной — около 100, южной — 42 м. У восточного края последней, видимо, была башня или предварительное укрепление⁴¹. Судя по размерам кирпича, сооружение это могло быть позднеантичным или, скорее, раннесредневековым.

Далее, ниже по течению расположен был город Джигербент, урочище и тугай сохранили это название до наших дней. Город располагался на верхней надпойменной террасе, и, как и в случае с Дарганом, его благоденствие в значительной мере было связано с развитием скотоводства и земледельческого хозяйства в пойме реки. Так же, как и Дарган,

он стоял у переправы и, следовательно, был важным торговым центром на пути из Бухары и Хорасана в Хорезм. В X в. Истахри, описывая маршрут из Бухары в Хорезм, упоминает Джигербент, но совершает ошибку и помещает его выше Даргана⁴². У Макдиси Джигербент помещен выше Хазараспа⁴³, что справедливо. В другом месте, касаясь переправ через Джейхун с юга на север, он правильно помещает Джигербент севернее, т. е. ниже Даргана⁴⁴. Именно Макдиси оставил нам краткое упоминание о Джигербенте как о городе, подобном Хиве, имеющем соборную мечеть и пересекаемом главной дорогой⁴⁵. Надо сказать, что Джигербент сохранился плохо. Виною тому не только разрушения его монголами, но и природа. Берег в этом месте очень сильно подмывался и обрушался в реку, так что от города уже к концу XIX в. сохранилось очень мало, и развалины его выглядели значительно скромнее, чем развалины Даргана. Видимо, именно поэтому он гораздо реже упоминается в разного рода записках этого времени. В связи с этим можно назвать строки в записке полковника Беляевского о развалинах Джигербента и упоминание о караван-сараях (современном?) в Джигербенте⁴⁶.

В наши дни развалины Джигербента были обследованы в 1936 г. Я. Г. Гулямовым, в 1954 г. М. Е. Массоном и в 1966 г. Хорезмской экспедицией. В 1974—1976 гг. экспедиция вела здесь раскопки⁴⁷. И хотя, по словам М. Е. Массона, Джигербент оказался утраченным для науки, в чем значительную роль сыграло наводнение 1949 г.⁴⁸, все же проведенные здесь раскопки осветили и уточнили важные страницы его истории.

Средневековая цитадель города, стоявшая на естественном холме, сохранилась значительно лучше городской застройки, что и предопределило выбор ее в качестве объекта раскопок. Раскопки показали, что первоначально, в IV—III вв. до н. э., на возвышенности была сооружена овальная в плане крепость (120×90 м), повторяющая очертания холма. Крепостные стены были выстроены из квадратного сырцового кирпича (40×40×10 см). Внутри крепостной стены, общая толщина которой достигала 6,5 м, проходил внутрстенный коридор (ширина около 2 м). Его наружная стена была прорезана бойницами, которые повторялись через 1,75 м, и усилена башнями с передней скругленной стороной, выступавшими на 5 м за линию куртин (вскрыты остатки шести башен). Башни были воздвигнуты на расстоянии примерно 25 м друг от друга. Любопытно, что внутрибашенные камеры на месте стыка со стрелковой галереей не меняли своей ширины, что сближает эту конструкцию с подобной на городище Кюзели-гыр (VI—V вв. до н. э.). Можно думать, что в северной части крепости был вход в нее с предвратным лабиринтом.

Таким образом, дата основания крепости на Джигербентском холме, предложенная Я. Г. Гулямовым, — III—II вв. до н. э.⁴⁹, в целом подтвердилась, но с некоторым уточнением. В кушанское время, видимо, жизнь крепости продолжалась, о чем свидетельствуют перестройки в крепостном коридоре, остатки застройки с внутренней стороны крепостной стены, хранилища с хумами этого времени около крепостных стен. После длительного периода запустения жизнь здесь возобновляется в VII—VIII вв. Крепость перестраивается. Башни в плане делают закругленными, имеют большой вынос. Видимо, увеличивается их число, так как между двумя ранними, кангюйскими, башнями строятся еще

две. Судя по уровню полов внутривороненного коридора, бойницы уже не функционируют, меняется стандарт квадратного кирпича (37—40) × ×10 см, (36—37) ×10 см. Застройка содержала помещения с плоским перекрытием, опиравшимся на деревянные колонны, сохранились их каменные базы из неотесанного камня, покоящиеся на четырех античных кирпичах.

Средневековая цитадель была возведена на развалинах древней крепости. Для этого они были выровнены и обведены пахсовой стеной двухметровой толщины. С западной стороны на расстоянии от 4 до 8 м от первой была сооружена вторая пахсовая стена, а между ними располагались субструкционные клетки. Были они и в южной части, с внутренней стороны первой стены. Таким образом, средневековая цитадель стояла на цоколе и по площади превосходила античную крепость. Одна из клеток была забита материковым грунтом и керамикой. Сосуды закладывались целыми, так как после выемки большинство склеилось и дало целые формы. Всего извлечено не менее 300 сосудов, все они были в употреблении. Среди круговых сосудов — водоносные кувшины, кружки, миски, маслoбойки. Кухонные горшки лепные, украшены налeпным орнаментом. Поливной посуды мало. Весь этот комплекс относится к IX в., таким образом, этим временем датируется и постройка средневековой цитадели.

Коллекция эта ценна не только своей сохранностью, но и тем, что комплексы этого времени достаточно редки и сколько-нибудь полно были до сих пор представлены лишь на Афраснабе.

Стены цитадели не сохранились, однако удалось вскрыть остатки многокомнатных жилых домов IX—XI вв. в ее северной, западной и южной частях. В одном из домов в западной части цитадели были обнаружены остатки антропоморфного очага и фрагменты хума с изображением древа жизни, по-видимому, свидетельства пережиточного существования зороастрийских верований в мусульманской среде X в.⁵⁰

В XI в., а точнее в 1017 г., Махмуд Газневидский вторгся в Хорезм, и, по свидетельству Бейхаки⁵¹, его войско перед решающим броском было сосредоточено близ Джигербента. Это заставляет думать, что Джигербент пал жертвой завоевателей. Тому есть и археологические свидетельства. В застройке северной части цитадели среди пожарища, на полу одной из комнат был найден динар, чеканенный в 406 г. хиджры, т. е. в 1016 г., в Герате. По-видимому, пожар и разрушения были действительно связаны с опустошительным походом Махмуда Газневидского.

В XII в. жизнь в Джигербенте возродилась, но прежнего расцвета город, видимо, не достиг. К этому времени относятся расчищенные здесь остатки мечети и минарета, жилая застройка. Может быть, потерей Джигербентом прежней значимости можно объяснить отсутствие сведений о нем у Якута. По материалам раскопок на цитадели можно судить, что в начале XIII в. там еще жили люди, но позднее город был разрушен монголами. И хотя в дорожке Хамдаллаха Казвини (XIV в.) Джигербент назван⁵², развалин этого времени обнаружить не удалось, видимо, они смыты рекой.

По источникам известно, что на правом берегу, напротив Джигербента, на переправе, был рабат того же названия. Этот вопрос требует

специального рассмотрения, и мы на нем остановимся ниже, при описании правобережного пути.

Чуть южнее теснины Дульдудьлатлаган располагалась крепость Данишер-кала, развалины которой, по свидетельству М. Е. Массона, еще в 1952 г. были разобраны местными жителями. Как полагает М. Е. Массон, которому удалось осмотреть место развалин, это был средневековый караван-сарай между Джигербентом и Садваром, размерами 48×40 м, выстроенный из пахсы. По фрагментам керамики он датировал его XIV в.⁵³ Этот памятник упоминается в дорожниках Хамдаллаха Казвини (XIV в.) и Хаджи Хальфа (XVII в.) как рабат Дехан-и-Шир⁵⁴. В конце XIX в. развалины рабата Данишер или Данишер-калы еще стояли и выглядели, видимо, достаточно внушительно, о чем свидетельствует целый ряд упоминаний о них⁵⁵.

Третий (после Даргана и Джигербента) большой хорезмийский город Садвар располагался еще ниже по реке, выше теснины Тюямуюн и Питнякской луки. В отличие от местоположения Даргана и Джигербента берег здесь, сложенный из известняков, хоть и достаточно высокий, не образует нависающей террасы над поймой и плавно понижается в сторону реки. Развалины находятся в зоне Мешеклинского тугая, в древности, как и в новое время, это обстоятельство способствовало развитию в районе Садвара земледельческого хозяйства.

На юго-восточной окраине городища Садвар стоят развалины караван-сарая Чаш-кала. Е. А. Ершов в 1939 г. описал схематично только их, не сказав ни слова о собственно городище. Видимо, и он, и С. П. Толстов на своих картах⁵⁶ рассматривали развалины караван-сарая как единое целое с городищем, но не идентифицировали весь этот комплекс с Садваром источников. Я. Г. Гулямов просто пишет: «Старый Садвар соответствует развалинам Чаш-кала... сохранившиеся развалины укрепления Чаш-калы относятся скорее всего к типу правобережных рабатов»⁵⁷. Из этого можно заключить, что городище осталось вне поля его зрения.

А между тем о Садваре — городе на берегу Джейхуна с крепостью, рабатом и соборной мечетью в крепости пишет Макдиси⁵⁸, встречаем мы Садвар в дорожниках Хамдаллаха Казвини и Хаджи Хальфа⁵⁹, есть упоминание о Садваре и у Абульгази⁶⁰.

В XIX в., как нам представляется, все упоминания о развалинах Садвара имеют в виду именно развалины Чаш-калы с ее эффектными останцами стен, фасады которых покрыты гофрировкой с венчающими ее арочками. Правда, в записках А. В. Каульбарса, который проделал несколько маршрутов в Правобережном Хорезме и один из них до Мешекли, сказано: «Вожаки говорили мне, что и на том берегу есть развалины города Садыгер или Садльвар»⁶¹, но это единственный случай, когда фигурирует слово «город». Во всех других случаях речь идет просто о развалинах⁶². Уже в наши дни на одной из карт по мечен Садьвар наряду с другими памятниками правого и левого берегов⁶³.

Развалины города Садвара были обследованы и подробно описаны М. Е. Массоном; в 1972—1975 гг. на городище Садвар работала Хорезмская экспедиция⁶⁴.

Городище Садвар имеет неправильную, вытянутую широтно форму, и площадь его приближается к 20 га. Его центральная, наиболее возвышенная часть занимает площадь около 2 га, на ней расположены развалины цитадели, стены которой, как и на Джиггербенте, не сохранились. Площадь цитадели 130×140 м, ориентирована она углами по сторонам света. С трех сторон цитадель была окружена ровом, между ним и цитаделью располагалась жилая застройка. Второй, внешний ров окружал с трех сторон уже всю площадь городища. В южном углу цитадели раскопки выявили остатки первоначальной застройки бугра, на котором она стояла. Здесь была вскрыта стена мощностью 3,5 м, сохранившаяся ее высота — 2,2 м. Поставлена она была на материке, причем на высоту 1,5 м была пахсовой, выше — кирпичной (40×40×10 см). В пахсовой части с наружной стороны были прорезаны ложные бойницы, две из них, сохранившиеся целиком, стреловидные. Помещение, примыкавшее к этой стене, судя по хумам на пяти его полах, было кладовой. Однако полы разновременны. Пятый, нижний пол был намазан на материке. На четвертом полу найдены фрагменты кангюйской керамики, в том числе кубок с отбитой ножкой, аналогичный встреченным в нижних слоях Койкрылган-калы. Это дает основание датировать начало обживания площади Садвара IV—III вв. до н. э. На верхнем, первом полу стояли хумы кушано-афригидского времени, на втором и третьем — кушанского. По-видимому, здание, в котором была кладовая, жило до IV—V вв. Выше шла застройка, датирующаяся в пределах IX—XII вв. Тогда же было застроено не только пространство между цитаделью и ровом, но и ров, к этому времени уже не функционировавший. Это дает основание предположить, что ров (ширина более 20 м) окружал цитадель античного времени.

Городская застройка почти не сохранилась, в большинстве случаев выявляются лишь субструкционные основания стен, выложенные из известняковых плиток. Визуальные наблюдения и данные аэрофотосъемки помогли выявить на отдельных участках города следы улиц, разделяющих его на кварталы. Коллекция керамики, собранная при раскопках в гончарном квартале, на основной застройке цитадели и городище четко датируется IX—XII вв. Это показалось неожиданным, так как принято было считать, что город Садвар погиб в результате монгольского нашествия. Однако если эту датировку сопоставить с тем, что в списке городов Хорезма у Якута упоминания о Садваре нет, и вспомнить некоторую скудность сведений о нем в источниках, то правомерным будет предположение, что Садвар погиб еще до монгольского нашествия. М. Е. Массон датирует подъемную глазурованную керамику с городища IX—X вв., XI — первой половиной XII, а затем уже XIV в.⁶⁵, что согласуется с нашими данными. При раскопках во всех разрезах фиксировались явные следы затопления города, поэтому вполне возможно, что он пал жертвой наводнения.

Раскопки караван-сарая Чаш-кала⁶⁶ показали, что он был построен в X в.⁶⁷ в характерном для Хорезма архитектурном стиле тогда, когда Садвар, по-видимому, превратился в торгово-ремесленный центр на одном из главных караванных путей Хорезма. Караван-сарай погиб вместе с городом⁶⁸, но, судя по всему, его развалины и позднее, в XIV в.,

еще служили приютом для путешественников, да и вообще в каком-то виде пункт Садвар на караванном пути продолжал существовать.

Следующим крупным городом на пути в Гургандж источники называют город Хазарасп, который начав свою жизнь с эпохи ранней античности дожил со множеством перестроек до наших дней, сохранив свое название⁶⁹.

Однако выше Хазараспа, на изгибе Питнякской луки, С. А. Ершов описал городище, приведя его схематический и крайне неточный план, которое он назвал Ататюрк-кала⁷⁰, воспользовавшись, видимо, некорректной местной информацией, ибо Я. Г. Гулямов называет это городище Капарас⁷¹. Примечательно, что Капарас совершенно не упоминается в источниках, хотя его развалины сохранились до наших дней. В XIX в. единственное упоминание о развалинах Капраз-калы содержится в описании левобережного маршрута от г. Хазар-аспе до Чарджуя⁷².

Чем же можно объяснить молчание средневековых и современных источников об этом памятнике? Еще С. А. Ершов датировал Капарас (Ататюрк-кала) I—III вв.⁷³, т. е. эпохой античности. Так же определил время этого памятника Я. Г. Гулямов⁷⁴. Раскопки на Капарасе, проводившиеся Хорезмской экспедицией в 1972—1975 гг. (см. гл. 4), позволили уточнить и расширить наши представления об этом памятнике⁷⁵. Укрепленное поселение здесь, вероятно, существовало еще в IV—II вв. до н. э. Позднее, в кушанское время, крепость была перестроена и отремонтирована, и сохранившиеся развалины в основе своей относятся к этому времени. В раннем средневековье — в афригидское время и позднее на крепости видны лишь незначительные и частичные следы ее обживания, так что можно уверенно сказать, что время жизни Капараса — эпоха античности.

К этому же времени относятся и развалины Елхарас (см. гл. 3), расположенные примерно в 1,5 км к юго-востоку от Капараса. Елхарас был открыт Хорезмской экспедицией во время маршрута 1966 г., и в 1973—1975 гг. на нем велись раскопки⁷⁶. То, что памятник до сих пор никем не был замечен, объясняется, видимо, его расположением несколько в стороне от средневекового караванного пути и внешним видом оплывшего тепе на небольшой возвышенности. Не исключено, что Капарас и Елхарас (последний представлен остатками двух зданий) составляют единый комплекс, относящийся к античному времени. Елхарас позднейшим перестройкам не подвергался.

Таким образом, одной из причин молчания средневековых авторов об этих памятниках, и особенно о Капарасе, является то, что в средние века эти памятники уже не существовали и соответственно в дорожники не попали.

Наконец, еще М. Е. Массоном было справедливо замечено, что левобережный караванный путь не был единым⁷⁷. Выдерживалось основное направление, а караваны шли то верхней дорогой, по пескам, то нижней, вдоль берега, что зависело от многих причин и, в частности, от времени года (от затопления или осушения тех или иных отрезков пути). Так, уже в новое время, в конце XIX в., известно, что дорога даже от Ак-рабата, т. е. еще выше Садвара, отходила от реки на расстояние до 27 верст и шла далее прямо мимо оз. Султансанджар⁷⁸ в направлении Хаза-

распа. Надо полагать, что идти от Садвара, следуя изгибам реки, до Капараса, жизнь которого давно прекратилась, смысла не имело. Отсюда и умолчание о Капарасе, да и Елхарасе во всех более поздних источниках.

Анализируя результаты левобережного маршрута 1954 г., М. Е. Массон обратил внимание на малое количество памятников рабовладельческой формации вдоль караванного пути. Причину этого он видел и в их возможной неопознанности, и в том, что большинство их находилось вдоль нижних дорог, а следовательно, могло быть разрушено водой и людьми⁷⁹. Первое предположение вполне основательно, и доказательство тому — открытие Хорезмской экспедиции 70-х годов, тогда как второе не бесспорно.

Мы могли видеть, что остатки античных укреплений были встречены и у реки и в некотором отдалении от нее, на низких отметках или на высокой надпойменной террасе. К тому же буйный нрав Окса античных и Джейхуна арабских авторов отнюдь не являлся гарантией неприкосновенности для памятников, находившихся в более выгодной топографической ситуации. Достаточно вспомнить Джигербент, расположенный на высокой надпойменной террасе (почти полностью смыт), и Садвар, развалины которого после наводнения сохранились значительно лучше. И так ли уж мало античных памятников на левобережном караванном пути? Пойдем на этот раз снизу вверх по реке.

Начнем со стоящих на пути крупных торговых городов Хазараспа, Садвара, Джигербента, античная основа которых теперь очевидна. К этому времени логически можно было бы добавить и Дарган, не подвергавшийся раскопкам. Правда, исследования последнего, проведенные в 1968 г. Амударьинской экспедицией Института истории АН Туркменской ССР, античного материала там не обнаружили, но их рекогносцировочный характер позволяет, по мнению В. Н. Пилипко, считать этот вопрос нерешенным⁸⁰. Фактически же в нижнем течении сюда прибавляются укрепление Капарас и развалины Елхараса, далее вверх по реке Ак-рабат II, возможно сходное с Капарасом. С. А. Ершов в 1939 г. еще выше по течению, севернее Кабаклы, называл крепости Кош-кала I и Турпак-кала, считая их античными и датируя I—III вв.⁸¹ Турпак-кала помечена на карте С. П. Толстова между Кош-калой I и 2 и Уч-Керсеном и отнесена к античности⁸². В тексте С. А. Ершова она лишь упомянута, но не описана, если не считать замечания, что Турпак-кала и Ата-тюрк-кала (т. е. Капарас) — памятники одного типа⁸³. На карте М. Е. Массона Турпак-кала не обозначена, за Кош-калой I и 2, вниз по реке, следует Уч-Керсен⁸⁴. Что же касается Кош-калы I (сохранилась лишь ее западная половина, восточная смыта рекой), она подробно описана М. Е. Массоном и датирована им I в. до н. э. — первыми веками н. э., т. е. кушанским временем⁸⁵. Существенные уточнения касательно времени постройки крепости и характера ее перестроек внесли раскопки, проведенные там В. Н. Пилипко в 1974 г.⁸⁶ Оказалось, что первоначально крепость, прямоугольная в плане, имела внутрисканальный коридор и была укреплена выступающими за линию стен прямоугольными башнями. Стены крепости и башен возведены из квадратного сырцового кирпича и прорезаны стреловидными бойницами. Крепость датируется находками

на полу внутриворонного коридора архаической хорезмийской керамики, т. е. VI—V вв. до н. э. Позднее стены крепости были выровнены, и на высоте 2,5 м возведены новые стены, а прямоугольные башни заменены полуовальными. Время запустения крепости В. Н. Филиппко, как и М. Е. Массон, датирует первыми веками н. э. Создается впечатление, что план, некоторые строительные приемы и архитектурные детали сближают Кош-калу 1 с Капарасом (подробно см. гл. 4).

Если предположить, что Дарган в основе был античным, то и тогда между ним и упомянутыми античными крепостями достаточно большое расстояние, предполагающее наличие промежуточных античных памятников, но это уже из области гипотез. Во всяком случае, как кажется, у нас есть все основания присоединиться к заключению Я. Г. Гулямова, что Хазарасп, Капарас, Джигербент в числе прочих входят в систему античных крепостей, расположенных «вдоль Амударьи на древней дороге, связывавшей Хорезм с древней Бактрией и Мервским оазисом»⁸⁷.

Во всех крупных городах — Даргане, Джигербенте, Садваре, Хазараспе есть свидетельства обживания их и в V—VI вв. Из арабских источников мы узнаем об их росте и высокой экономической значимости в X в. и позднее. Дальнейшая их судьба, как мы могли убедиться, складывалась по-разному. Во всяком случае, левобережный караванный путь существовал на протяжении столетий вплоть до нового времени, независимо от падения уровня значимости или прекращения жизни в древних городах, лежащих на этом пути. Из крупных городов до наших дней дожили Хазарасп и Хива с их укреплениями, древний Куня-Ургенч лежит в развалинах.

Явные следы затопления некоторых левобережных памятников заставляют вспомнить замечание В. В. Бартольда о том, что в случае нашествия на Хорезм с юга его правители не раз прибегали к искусственному затоплению левобережной прибрежной полосы. В качестве примера он упоминает время похода султана Саиджара на Хорезм (1138 г.)⁸⁸. Таким образом, земли Южного Хорезма, находившиеся в зоне действия крупных магистральных каналов, могли пострадать от затопления не только в результате стихийных бедствий, но и по воле людей.

По данным средневековых авторов, в Хорезме переплетались три торговых пути, связывавших его с южными областями. Описанный выше левобережный путь был основным для связей с Хорасаном и Джурджаном. Главный путь из Бухары шел до Фараба на берегу Амударьи, далее через Кызылкумы по правому берегу Амударьи до древней столицы Хорезма Кята (до X в. включительно). Правда, нередко из Бухары доходили до Фараба, переправлялись там в Амуть и далее двигались по левому берегу. Были и другие варианты переправ через Амударью с правого на левый берег (о них ниже), но, по-видимому, целиком правобережный путь, если и был когда-то более предпочтительным, то лишь в период существования Кята. После переноса столицы на левый берег и особенно после объединения Хорезма путешественники предпочитали левобережную дорогу. Однако правобережная использовалась целиком, отдельными отрезками или вариантами с переправами в разных местах. Во всяком случае, в эпоху великих Хорезмшахов на правом берегу строятся укрепленные рабаты и именно по правому берегу шел на Хорезм в

1372 и 1376 гг. Тимур. По правому же берегу из Хорезма в Бухару прошел Ибн-Батута. В целом же из-за трудных географических условий и отсутствия населенных пунктов путь по правому берегу был менее оживленным. В XIX в. можно упомянуть путешествие Арминия Вамбери из Гурганджа в Бухару по правому берегу через Кызылкумы⁸⁹.

Его же путь, но в обратном направлении, повторил Туркестанский отряд во время Хивинского похода 1873 г., претерпев при этом немалые трудности⁹⁰. Имеются свидетельства, что в новое время, когда левобережный Хорезм был в границах Хивинского ханства, а правобережный, выше Мешекли, — Бухарского, торговцы предпочитали двигаться из Хорезма на юг по левому берегу, так как хивинские власти брали с них меньшую пошлину.

Памятники, дошедшие до нашего времени на правобережном пути из Бухары, — преимущественно укрепленные караван-сарай или военные посты. Двигаясь сверху вниз, среди хорезмийских караван-сараяев отмечаем правобережный Ак-рабат⁹¹, расположенный чуть ниже Ильджика и Устыка — поздних бухарских укрепленных пунктов, от которых дорога отворачивала от реки на восток⁹². Ниже Ак-рабата расположена крепость Наргиз-кала, которую, как и Ак-рабат, Я. Г. Гулямов датирует началом XIII в.⁹³ Нар-кыз-кала упоминается на картах и в маршрутах по правому берегу в конце XIX — начале XX в.⁹⁴, в 25 верстах ниже Ильджика. Еще ниже по течению стоят крупное укрепление Хорезмшахского времени Кыз-кала и связанное с ним Ийгит-кала, обследованные и описанные С. П. Толстым⁹⁵.

По свидетельству В. Н. Пилипко, крепости осматривал в 1964 г. А. А. Марущенко, посещал их и Я. Г. Гулямов, а в 1974 г. сам В. Н. Пилипко провел там рекогносцировочные раскопки⁹⁶. Этот комплекс выглядит очень эффектно со стороны реки, особенно стоящая на высоком берегу Кыз-кала, поэтому упоминание о ней мы находим у самых разных авторов⁹⁷. К этому же времени относится и караван-сарай Кок-Огуз, расположенный напротив Дая-Хатына⁹⁸. Примерно в 30 км ниже Кок-Огуза, т. е. на расстоянии дневного перехода, был рабат Кукертли, видимо, того же, а может быть, и более раннего времени⁹⁹. Дело в том, что рабат Кукертли расположен как раз напротив Даргана, а, по мнению Я. Г. Гулямова, здесь была оживленная переправа — одна из тех, по которой переправлялись на левый берег путники, следовавшие из Бухары в Хорезм. Как мы знаем, Дарган уже в X в. был крупным городом, а расцвет его приходится на XI—XII вв. Возможно, что рабат Кукертли был возведен на правом берегу Амударьи у переправы в Дарган. Караван-сарай был обследован и описан С. П. Толстым в 1939 г.¹⁰⁰ Он представлял собой прямоугольник пахсовых стен (28×31 м) с прямоугольными башнями, фланкирующими углы и вход, обращенный на запад. В центре каждой из стен, кроме западной, — прямоугольные башни или контрфорсы со следами гофрировки. И план караван-сарая и обработка стен характерны для подобных сооружений хорезмшахского времени, хотя украшение стен гофрама, но менее совершенное по технике исполнения, встречается в Хорезме и раньше, в X—XI вв. (например, Наиб-кала)¹⁰¹.

Раскопки на Кукертли не велись, но, скорее всего, он был построен не раньше конца XI в. В 21 версте ниже Кукертли стоял Кызыл-рабат¹⁰²,

на картах С. П. Толстова он не показан, но на карте С. А. Никитина и С. Ф. Пескова нанесен ниже Кок-Огуза и выше Сартараша¹⁰³. Развалины караван-сарая Кызыл-рабат были обследованы Хорезмской экспедицией в 1973 г. Это остатки прямоугольной, может быть, квадратной постройки со сторонами 40—45 м, с оплывшими, высотой до 1,5 м, стенами. Внутреннее пространство почти целиком занято современным кладбищем. Подъемный керамический материал датируется IX—XII вв.

Следующий пункт вниз по реке — рабат Сартараш. Расстояние между Кукертли и Сартарашем равно примерно 35 км. Между ними, ближе к Сартарашу, был Кызыл-рабат. Сартараш и Кукертли находятся на месте больших переправ с правого берега на левый в районе Даргана и Джигербента, и привязка их к этим переправам несомненна. Кызыл-рабат стоит между ними, но не точно посередине. Тем не менее, если учесть, что он, скорее всего, синхронен Кукертли и, как мы увидим, Сартарашу, может быть, в нем путники останавливались на дневку.

Упоминания о развалинах Сартараша встречаются в материалах конца XIX в.¹⁰⁴ Очевидно, степень сохранности Сартараша была достаточно велика, а может быть, в новое время его ремонтировали, но как бы то ни было в литературе есть упоминание о бухарском укреплении Сартараш и заготовке в нем топлива по распоряжению бухарского эмира¹⁰⁵.

В наши дни Сартараш был отмечен на картах¹⁰⁶, обследован¹⁰⁷ и раскопан¹⁰⁸. Это типичный караван-сарай, квадратный в плане (32×32 м), выстроенный из сырцовых кирпичей и датирующийся IX—XII вв. Еще В. В. Бартольдом было замечено, что упоминаемый Макдиси на пути из Бухары к берегу Амударьи рабат Джигербент находился, видимо, напротив города того же названия¹⁰⁹. М. Е. Массон выразил сомнение по этому поводу, проанализировав указанные Макдиси расстояния между пунктами и сделав на этом основании предположение, что рабат Джигербент должен быть выше по реке и, может быть, это Кызыл-рабат¹¹⁰. Думается, что прав В. А. Лоховиц, который заметил, что ошибка Макдиси, который поместил Джигербент выше, а не ниже Даргана, не позволяет вести локализацию рабата Джигербента на основании расстояний между пунктами, указанными Макдиси, и дает возможность в соответствии с точкой зрения В. В. Бартольда считать рабатом Джигербент рабат Сартараш¹¹¹, расположенный на переправе против г. Джигербент.

Ниже Сартараша на правом берегу расположена группа памятников, причем разновременных: античные Турпак-кала и Даш-кала 2; средневековые Даш-кала 1 и Эшек-рабат.

К этой группе памятников подходила еще одна караванная тропа, ведущая из Бухары в Хорезм. Упомянув Таш-калу и Топрак-калу (имеются в виду Даш-кала и Турпак-кала), Я. Г. Гулямов пишет, что это и была «знаменитая Сепайнская дорога» из Бухары в Хорезм¹¹². М. Е. Массон считает, что «Си-пайе — это название местности или урочища на правом берегу Амударьи и одновременно дороги через Кызылкумы между Кятом и Бухарой, проходившей у селения Вабкент»¹¹³. Скопление здесь разновременных памятников может свидетельствовать в пользу значи-

тельной древности именно этого варианта караванного пути из Бухары в Хорезм.

Турпак-кала обследована С. П. Толстовым в 1939 г.¹¹⁴ и отрядом Хорезмской экспедиции в 1966 г.¹¹⁵ Она расположена на высоком берегу Амударьи и имеет прямоугольный план. Длина ее восточной стены около 100 м, северная и южная стены в их западной части, равно как и западная стена, рухнули вследствие обвала берега, на краю которого стоит крепость¹¹⁶. Южная стена в момент обследования в 1966 г. сохранилась в длину на 85 м. На расстоянии 65 м от юго-восточного угла в стене имеется разрыв, который может быть принят за вход в крепость. Если ворота были посередине, то первоначальные размеры крепости — 130×100 м. Следов башен, кроме оплывов у ворот, не прослежено. Стены сложены из квадратного сырцового кирпича античного стандарта, сохранились в виде валов высотой 1,5—2 м и шириною до 5 м. Стандарт кирпича и фрагменты подъемной керамики заставляют уверенно относить Турпак-калу к античному времени, но последние недостаточно выразительны, чтобы дать более точную дату.

Эшек-рабат, расположенный чуть ниже Турпак-калы, — средневековый караван-сарай, который был обследован С. П. Толстовым в 1939 г.¹¹⁷ и раскопан Хорезмской экспедицией в 1974 г.¹¹⁸ Южная часть здания не сохранилась, однако раскопки северной позволили восстановить небольшую (48×48 м), выстроенный из пахсы караван-сарай с характерной внутренней застройкой по периметру стен и двором в центре. Здание датируется IX—XI вв., может быть началом XII в., находки синхронны материалам Садвара.

В 3,5 км ниже Эшек-рабата обследованы Даш-кала 1 и 2 (первая была раскопана)¹¹⁹. Караван-сарай сооружен из каменных плит на растворе, что и определило его современное название (таш, тас—камень). Его размеры — 100×85 м, вход устроен в середине восточной стены. По заключению В. А. Лоховица, памятник сооружался в хорезмшахское время, в XII — начале XIII в., но достроен не был. Видимо, благодаря материалу, из которого строился, караван-сарай, несмотря на незавершенность, был достаточно заметен еще в конце XIX в.¹²⁰, да и сейчас удалось восстановить его план.

Даш-кала 2, находящаяся в нескольких сотнях метров от Даш-калы 1, по описанию С. П. Толстова, сложена из сырцовых кирпичей 40×40×(10—12) см, но керамики на ней не найдено¹²¹. Неподалеку были обнаружены остатки позднего сооружения (XV—XVI вв.), предположительно караван-сарая, которое местное население называет Сардоба¹²².

Следующим пунктом по дороге в Хорезм была Мешекли-кала, расположенная на высокой площадке правого берега против города Садвара на левом берегу. Мешекли-кала на карте С. П. Толстова помечена как средневековый караван-сарай домонгольского времени¹²³, входящий, таким образом, в систему караван-сараяв вдоль правобережного пути в Хорезм. Я. Г. Гулямов, анализируя дорожки X в., приходит к выводу, что рабат Саидала, расположенный на расстоянии дневного перехода (около 3 км) от рабата Маш, — это Мешекли-кала¹²⁴. Но если это так, то в расстоянии дневного перехода от Мешекли-калы находится Эшек-

рабат. И тогда, может быть, рабат Маш — это караван-сарай Эшек-рабат?

Что касается Мешекли-калы, то ее развалины до сих пор имеют достаточно внушительный вид, а в конце XIX в. степень ее сохранности заставила А. В. Каульбарса предположить, что опустела она недавно¹²⁵. Упоминания о Мешекли-кале после присоединения встречаются во многих записках¹²⁶, особенно в связи с тем, что урочище Мешекли стало пограничным пунктом между Амударьинским отделом и Бухарским ханством. Имеются упоминания о ней уже и в наши дни¹²⁷.

Согласно дорожникам X в., через один переход после рабата Сандала (Мешекли-кала) расположен Бакирган (Мискин-саид) на Ак-камыше, а еще через один переход — Шурахан¹²⁸.

Шурахан, как известно, существует поныне и сохранил свое название. Я. Г. Гулямов полагал, что город возник в кушанское время¹²⁹ и, по-видимому, жизнь в нем не прекращалась на протяжении столетий. Он продолжал оставаться важным и первым большим населенным пунктом на правобережном пути из Бухары в Хорезм. Он стоял на переправе, о которой, в частности, упоминал Вамбери, описывая один из вариантов пути из Хивы в Бухару: «На Ханку и Шурахан правым берегом реки, причем нужно было бы идти два дня пустыней до Каракеля»¹³⁰. Очевидно, что здесь речь идет все о той же Сепайнской дороге.

Конечным пунктом в Хорезме был г. Кят, некогда столица Хорезма, жизнь в котором не прекращалась, но постепенно, после объединения Хорезма в конце X в., он превратился в обычный населенный пункт, на месте которого в период Хивинского похода было местечко Шейх-Аббас-Вали, а ныне это город Беруни.

Приведенное нами описание памятников на правобережном торговом пути в Хорезм убедительно подтверждает сведения источников об отсутствии населенных пунктов на всем его протяжении, вплоть до Шурахана. Большинство из них — средневековые караван-сарай, преимущественно домонгольского времени. Однако исключать возможность движения по правому берегу в античное время было бы, видимо, неверно. Помимо Турпак-калы, Даш-калы 2 и Шурахана есть данные о том, что расположенная выше по реке, в округе Фараб-Амуль, крепость Устык уже существовала в кангуйско-кушанское время¹³¹. Но, по-видимому, все же наиболее зримые следы освоения торговых путей вдоль берегов Амударьи начиная с античности должны были сохраниться в полосе оседлых поселений, на левом берегу, что мы и имели возможность наблюдать.

Совершенно очевидно, что левобережный и правобережный пути не следует рассматривать изолированно. В Южном Хорезме населенные пункты были сосредоточены на левом берегу, поэтому связующим звеном между правобережным маршрутом и левым берегом являлись переправы. По Макдиси, «переправы Хорезма Дарган, Джигербент, затем другая, затем Хазарасп, затем Кас...»¹³². М. Е. Массон полагает, что «другая» находилась в 4 км ниже теснины Дульдудульатлаган, ибо это место слыло всегда наиболее удобным на Амударье для переправы¹³³. Если это так, то переправа могла быть связана с Садваром, который находился ниже, примерно в 15 км, и к которому напрямую перепра-

виться с правого берега было, видимо, невозможно (правый берег здесь очень высокий). На протяжении времени места переправ менялись, что связано было не только с изменениями политического характера, но, видимо, и с непокорным нравом Амударьи. Думается, что после монгольского запустение левобережных городских центров привело к ликвидации переправ, упоминаемых Макдиси, кроме Хазараспской. В более позднее время и поныне все основные хорезмские переправы сосредоточены в нижнем течении Амударьи.

Возвращаясь к вопросам хронологии, еще раз подчеркнем, что широко известный по данным средневековых источников караванный путь по левому берегу Амударьи, по данным наших предшественников и работ Хорезмской экспедиции в послевоенные годы, несомненно, возник значительно раньше, в эпоху античности. Помимо упомянутых выше античных памятников, начало жизни которых относится к IV—II вв. до н. э., есть данные, позволяющие видеть присутствие здесь человека и в более ранних, архаический период (VI—V вв. до н. э.). Однако, как кажется, возникновение собственно торгового пути датировать архаическим временем было бы преждевременно.

Маршрутным отрядом экспедиции обнаружены отдельные фрагменты античной керамики разного времени на обоих берегах Тюямуюнской излучины, и особенно в районах впадин Кошбулак и Султансанджар. Архаическая посуда встречается в пунктах 8, 9, 13, 18, 30, 31, 37, 38, а также в ходе специальных работ, проведенных в районе впадины Султансанджар. В одном из описаний конца XIX в. упоминается эта впадина и соленое озеро в ней с самоосадочной солью. Там же сказано, что «соль эту, а равно и известковый камень из близлежащих ямок везут отсюда по всему ханству»¹³⁴. Древние каменоломни были обнаружены маршрутным отрядом восточнее и юго-восточнее впадины Султансанджар. Это скопление заплывших карьеров, достигающих в поперечнике 40 м и глубины (до завала) до 2 м. Выработки представляют собой ямы-котлованы диаметром 15—20 м, окруженные отвалами некондиционных глыб. Для нас представляет особый интерес тот факт, что на отвалах из выработок и в непосредственной близости от них было собрано большое количество керамики, которая датируется античным временем, причем в сборах присутствуют и фрагменты архаического периода. Разработка месторождения продолжалась и позже, в средневековом (X—XIII вв.) и новое время.

Была обследована также пещера Зуманкан, которая находится на юго-восточном склоне впадины Султансанджар. Вход в пещеру, узкий и низкий, располагается на уровне обнажений песчаника, однако дальше она расширяется до высоты 10 м. Перед входом небольшая площадка, вытянутая с северо-запада на юго-восток. Протяженность пещеры, считая от ее западного слепого апикса до оконечности восточного зала, 125 м¹³⁵. В восточной части она достигает и наибольшей ширины — 30 м. Общая же протяженность ходов пещеры превышает 250 м. Геологи, посетившие пещеру в разные годы, отметили, что она имеет искусственное происхождение и является древним рудником, в котором добывали квасцовый камень, употребляемый для изготовления краски¹³⁶. Значительный объем разработок указывает на длительное функциони-

рование рудника. С пещерой Зуманкан связан ряд поверий, и в прошлом она служила местом паломничества местного населения. Шурфовка пещеры выявила 14 условных горизонтов. В IX (сверху) горизонте появляется античный материал — обломки стенок ремесленного красноглиняного с красным ангобом сосуда. Немногочисленные обломки сосудов античной эпохи продолжают до самого нижнего (XIV) горизонта. В горизонтах с I до VIII найден современный и средневековый материал.

Таким образом, исследования маршрутного отряда дают нам еще одну категорию памятников, освоенных в античное время. К тому же вспомним, что путь в Хазарасп, судя по данным поздних источников, мог идти с юга и через Питняк и через озеро Султансанджар. Тогда не исключена возможность того, что соль озера Султансанджар вывозилась уже в эпоху античности не только для использования ее в Хорезмском оазисе, но и продавалась купцам, шедшим на юг по караванному пути.

Однослойных памятников раннесредневекового времени вдоль обоих берегов Амударьи обнаружить не удалось. Этот период представлен главным образом керамическими находками на таких многослойных памятниках, как Дарган (?), Садвар, Хазарасп, но отдельные очаги обживания с материалом VII—VIII вв. известны на античных памятниках Капарас и Елхарас. Расцвет левобережного средневекового пути относится к IX—XI и XII—XIII вв. При том что на правом берегу, кроме Шурахана, есть несколько малозначительных античных памятников, все же можно предположить, что наиболее часто им стали пользоваться в эпоху средневековья. С другой стороны, цепь укреплений и укрепленных караван-сараяев IX—XII и XII—XIII вв. вдоль правого берега Амударьи заставляет вслед за С. П. Толстовым думать, что это была и защитная линия Хорезма на подступах к реке.

В свете задачи исследования античных памятников в зоне действия левобережного торгового пути особый интерес представляют раскопки комплексов Капараса и Елхараса. Сбор подъемного материала на обоих памятниках с несомненностью выявил их принадлежность к античному времени. Их бесспорно разное функциональное назначение (один из них был крепостью, что легко было определить и до раскопок) могло привести к мысли, что эти два памятника как-то связаны между собой. Этому не противоречили и остатки валов (стен?), обнаруженных в 1,5 км западнее Елхараса и в нескольких десятках метров северо-западнее крепости Капарас, которые могли рассматриваться как единая обводная стена, окружающая оба памятника. Однако эта гипотеза могла превратиться в реальность только после раскопок обоих памятников и установления факта их одновременности.

В 1973—1975 гг. на памятниках велись раскопки, результатам которых посвящены следующие главы книги.

¹ Андрианов Б. В. Древние оросительные системы Приаралья. М., 1969.

² В настоящем кратком обзоре мы не претендуем на исчерпывающее ис-

пользование данных письменных источников, равно как и картографических материалов; это тема большой специальной работы.

³ См. гл. 2 настоящей книги, а так-

- же: *Цинзерлинг В. В.* Орошение на Амударье. М., 1927. С. 89—90; *Архангельский А. Д.* Геологические исследования в низовьях Амударьи. М.; Л., 1931. С. 35—49, 121, 145.
- ⁴ *ал-Истахри*, 302 // МИТТ. 1939. Т. 1. С. 179.
- ⁵ *ал-Истахри*, 301 // Там же.
- ⁶ *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. С. 137.
- ⁷ Идентификация развалин Дая-Хатын с работом Тахирья была предложена А. А. Марущенко (см.: *Марущенко А. А.* Существенные поправки // Туркменоведение. 1930. № 12. С. 16) вопреки предположению В. В. Бартольда, считавшего, что древняя Тахирья — это развалины Кетменчи (см.: *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Соч. М., 1963. Т. 1. С. 197). Точка зрения А. А. Марущенко сейчас принята всеми исследователями.
- ⁸ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути из Мерва в Хорезм и в Мавераннахр: (В пределах Туркменской ССР). // ТЮТАКЭ. 1966. Т. 13. С. 199.
- ⁹ *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма // ВДИ. 1941. № 1. С. 183.
- ¹⁰ *Ханьков Н. В.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 6.
- ¹¹ Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. [Составлено Ген. штаба капитаном Гиришфельдом. Переработано начальником Амударьинского отдела генерал-майором Галкиным]. Ташкент, 1902. Ч. 1. С. 29; *Логофет Д. Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. 1. С. 51.
- ¹² *ал-Истахри*, 338 // МИТТ. Т. 1. С. 180.
- ¹³ *Еришов С. А.* Археологические памятники левого берега Амударьи // ВДИ. 1941. № 1. С. 189; *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮТАКЭ. 1958, Т. 6. С. 231; *Прибыткова А. М.* Памятники архитектуры XI в. в Туркмении. М., 1955. С. 39 и сл.; *Она же.* Строительная культура Средней Азии в IX—XII вв. М., 1973. С. 101 и сл.; *Пилипко В. Н.* Средневековые памятники северной части Чарджоуской области: (Новые данные) // Новые исследования по археологии Туркмении. Ашхабад, 1980. С. 89.
- ¹⁴ *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 140.
- ¹⁵ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 205.
- ¹⁶ *Пугаченкова Г. А.* Некоторые архитектурные памятники левобережья Амударьи // Изв. АН ТССР. 1955. № 4; *Она же.* Пути развития архитектуры. С. 230—241; *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 208—214; *Прибыткова А. М.* Памятники архитектуры... С. 39—64; *Она же.* Строительная культура... С. 101—112.
- ¹⁷ *Быков А. Н.* Очерк переправ через Амударью. Ташкент, 1879. С. 47.
- ¹⁸ Россия: Полное географическое описание нашего отечества / Сост. В. И. Масальский; СПб. 1913. Т. 19: Туркестанский край. С. 744.
- ¹⁹ [*Стеткевич*] Ген. штаба капитан]. Материалы для статистического описания Хивинского оазиса. Ташкент, 1889. С. 16. Упоминания о Дая-Хатыне см. также: [*Андреев*]. Отчет чиновника особых поручений Туркестанского окружного интенданта коллежского советника Андреева, сопровождавшего в 1884 г. 17-й Туркестанский линейный батальон из Петро-Александровска в Мерв. Описание реки Амударьи от укрепления Петро-Александровского до переправы у города Чарджуй // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1885. Вып. 13. С. 170; [*Белявский*]. Дополнительные сведения о пути в Среднюю Азию от залива Цесаревича, по Усть-Урту и Амударье 1885 г. полковник Белявского // Там же. С. 16., 1887. Вып. 25. С. 209; [*Лыкоич Н. С.* Древности близ Дарган-Ата по дороге в Хиву // Московское археологическое общество: Археол. изв. и заметки. М., 1897. Ч. 5. № 1. С. 11; *Дмитриев-Кавказский Л. Е.* По Средней Азии. СПб., 1894. С. 30, рис.; С. 52; *Герасимовский Н. И.* Древности Хивы и Амударьинского отдела // Ист. вестн. 1909. Т. 67. С. 969.
- ²⁰ *Прибыткова А. М.* Памятники архитектуры... С. 39—64.
- ²¹ *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 140.
- ²² *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры... С. 239.

- ²³ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 214.
- ²⁴ *Ершов С. А.* Археологические памятники... С. 189.
- ²⁵ *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации: М., 1948.
- ²⁶ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 215.
- ²⁷ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 197.
- ²⁸ *ал-Истахри*, 199 // МИТТ. Т. 1. С. 178.
- ²⁹ *ал-Макдиси*, 289 // Там же. С. 188.
- ³⁰ Там же.
- ³¹ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 197.
- ³² *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 141.
- ³³ См., например: [Андреев]. Описание реки Амударьи... С. 168; [Белявский]. Дополнительные сведения... С. 208; [Стеткевич]. Материалы для статистического описания... С. 19.
- ³⁴ *Ершов С. А.* Археологические памятники... С. 191.
- ³⁵ *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 140—141.
- ³⁶ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 217—232.
- ³⁷ *Пугаченкова Г. А.* Новые материалы к истории архитектуры Туркменистана // ТЮТАКЭ. 1958. Т. 8. С. 283—290.
- ³⁸ *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма. С. 195, рис. 1.
- ³⁹ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 232—233.
- ⁴⁰ *Лоховиц В. А., Рапопорт Ю. А.* Левобережный маршрут 1966 г.: Полевой дневник № 43, 1966. С. 35—37 // Арх. ХЭ; *Лоховиц В. А.* Раскопки караван-сарая Ак-Рабат // АО 1973 г. М., 1974. С. 506—507.
- ⁴¹ *Лоховиц В. А., Рапопорт Ю. А.* Левобережный маршрут 1966 г. С. 33—34.
- ⁴² *ал-Истахри*, 338 // МИТТ. Т. 1. С. 180. Любопытно, что в первой половине XIV в. эту ошибку повторяет Хамдаллах Казвини (см.: *Хамдаллах Казвини*, 180 // Там же. С. 511).
- ⁴³ *ал-Макдиси*, 287 // МИТТ. Т. 1. С. 187.
- ⁴⁴ *ал-Макдиси*, 292 // Там же. С. 189.
- ⁴⁵ *ал-Макдиси*, 289 // Там же. С. 188.
- ⁴⁶ [Белявский]. Дополнительные сведения... С. 208; Карманная книжка Самаркандской области на 1894 г. Самарканд, 1894. Вып. 2. С. 239.
- ⁴⁷ О раскопках на Джигербенте см. *Вишневецкая О. А.* Раскопки города
- дища Джигербент // АО 1974 г. М., 1975. С. 522—523; *Она же.* Раскопки Джигербента // АО 1975 г. М., 1976. С. 544; *Вишневецкая О. А., Рапопорт Ю. А.* Следы почитания огня в средневековом хорезмском городе // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 105—112. См. также полевые отчеты О. А. Вишневецкой о раскопках на Джигербенте в 1974, 1975, 1976 гг.: Арх. ХЭ.
- ⁴⁸ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 235—236.
- ⁴⁹ *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 141.
- ⁵⁰ *Вишневецкая О. А., Рапопорт Ю. А.* Следы почитания огня... С. 110.
- ⁵¹ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 340. Примеч. 2.
- ⁵² МИТТ. Т. 1. С. 511.
- ⁵³ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 238—239.
- ⁵⁴ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 211.
- ⁵⁵ [Белявский]. Дополнительные сведения... С. 208; [Стеткевич]. Материалы для статистического описания... С. 20; Лобысевич Ф. И. Описание Хивинского похода 1873 г. СПб., 1898. С. 181. Карта движения всех отрядов на Хиву; Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. 1. С. 50; Россия. Т. 19. С. 746.
- ⁵⁶ *Ершов С. А.* Археологические памятники... С. 190—192; *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма. С. 155, рис. 1; *Он же.* По следам древнехорезмийской цивилизации. Карта; *Он же.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. Карта.
- ⁵⁷ *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 141.
- ⁵⁸ *ал-Макдиси*, 288 // МИТТ. Т. 1. С. 187.
- ⁵⁹ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 211.
- ⁶⁰ *Абдулгази.* Родословная тюрок: Пер.: Изд. Демизона (Histoire des Mogols et des Tatares par Aboul-Ghâzi Bèhâdour Khan, publiée, trad. et ann. par le Baron Desmaisons, St.-Pbg., 1874. Т. 2. P. 349).
- ⁶¹ *Каульбарс А. В.* Низовья Амударьи, описанные по собственным исследованиям в 1873 г. // Зап. РГО по общей географии. 1891. Кн. 9. С. 15.
- ⁶² *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край. СПб., 1880. Т. 1. Карта; [Белявский]. Дополнительные сведения... С. 207;

- [Стеткевич]. Материалы для статистического описания... С. 22; *Лобышевский Ф. И.* Описание Хивинского похода... С. 181. Карта; Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. 1. С. 96.
- ⁶³ *Никитин С. А., Песков С. Ф.* Пески Юго-Западных Кызылкумов // Тр. совenga по изучению производительных сил. Сер. каракалп. М.; Л., 1936. Вып. 3. Карта.
- ⁶⁴ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 241—243; *Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г., Лоховиц В. А.* Работы Хорезмской экспедиции в зоне затопления Тюямунонского водохранилища // АО 1972 г. М., 1973. С. 478; *Вактурская Н. Н.* Раскопки средневекового города Садвар // АО 1973 г. М., 1974 г. С. 498—499; *Она же.* Раскопки на городище Садвар // АО 1974 г. С. 519—520; *Она же.* Новые данные о городище Садвар // АО 1975 г. С. 542. См. также полевые отчеты Н. Н. Вактурской о раскопках Садвара в 1972, 1973, 1974, 1975 гг.: Арх. ХЭ.
- ⁶⁵ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 245.
- ⁶⁶ *Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г., Лоховиц В. А.* Работы Хорезмской экспедиции... С. 478.
- ⁶⁷ Эту дату подтверждают и исследования Г. А. Пугаченковой. См.: *Пугаченкова Г. А.* Новые материалы... С. 290—294.
- ⁶⁸ XIII в. датирует прекращение жизни на Чаш-кале и Я. Г. Гулямов. См.: *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма. С. 141.
- ⁶⁹ Хазарасп не входил в зону затопления Тюямунонского водохранилища, археологические работы на нем велись раньше. См.: *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Археологические работы в Хазараспе 1958—1960 гг. // МХЭ. 1963. Вып. 6.
- ⁷⁰ *Ершов С. А.* Археологические памятники... С. 185. Основываясь, по-видимому, не на собственных наблюдениях, а на более чем несовершенном плане Капараса и его краткой характеристике в статье С. А. Ершова, архитектор В. А. Лавров дал в своей книге не соответствующее действительности описание этого памятника (см.: *Лавров В. А.* Градостроительная культура Средней Азии. М., 1950. С. 31).
- ⁷¹ *Гулямов Я. Г.* История орошений Хорезма... С. 141—142.
- ⁷² [Беляевский]. Дополнительные сведения... С. 207.
- ⁷³ *Ершов С. А.* Археологические памятники... С. 185.
- ⁷⁴ *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 141.
- ⁷⁵ *Вактурская Н. Н., Воробьева М. Г., Лоховиц В. А.* Работы Хорезмской экспедиции... С. 477; *Воробьева М. Г.* Работы на Капарасе // АО 1973 г. С. 502—503; *Она же.* Раскопки на Капарасе // АО 1974 г. С. 523—524; *Она же.* Раскопки на Капарасе // АО 1975 г. С. 545.
- ⁷⁶ *Левина Л. М.* Раскопки на поселении Елхарас // АО 1973 г. С. 505—506; *Она же.* Раскопки на поселении Елхарас // АО 1974 г. С. 525—526; *Она же.* Раскопки на поселении Елхарас // АО 1975 г. С. 549.
- ⁷⁷ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 247—248.
- ⁷⁸ [Стеткевич]. Материалы для статистического описания... С. 20.
- ⁷⁹ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 249.
- ⁸⁰ *Пиллико В. Н.* Средневековые памятники... С. 80.
- ⁸¹ *Ершов С. А.* Археологические памятники... С. 185.
- ⁸² *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма. С. 155, рис. 1; *Он же.* По следам древнехорезмийской цивилизации. Карта.
- ⁸³ *Ершов С. А.* Археологические памятники... С. 185.
- ⁸⁴ *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... Рис. 80.
- ⁸⁵ Там же. С. 196—198.
- ⁸⁶ *Пиллико В. Н.* Раскопки в Дейнауском районе Чарджууской области // АО 1974 г. С. 527—528.
- ⁸⁷ *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 83.
- ⁸⁸ *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 209, 388; *Он же.* История орошения Туркестана // Соч. М., 1965. Т. 3. С. 172.
- ⁸⁹ *Вамбери А.* Путешествие по Средней Азии. М., 1867. С. 128—129, 133. Дорога, которой шел Вамбери, называлась Джанбатырган («разрушитель жизни») и пролегла по правому берегу Амударьи через пески Хал-Ата (см.: Статистический обзор Хивинского ханства / Сост. Генерального штаба полковники Соболев и Гродеков. Ташкент, 1882. С. 11).

- 90 *Лобысевич Ф. И.* Описание Хивинского похода 1873 г. СПб., 1898.
- 91 *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма... С. 155. Карта; *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 160; *Костенко Л. Ю.* Туркестанский край. СПб., 1880. Т. 2. С. 111.
- 92 [*Андреев*]. Описание реки Амударьи... С. 180.
- 93 *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 160.
- 94 *Лобысевич Ф. И.* Описание Хивинского похода... Карта; *Логофет Д. Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. СПб., 1911. Т. 2. С. 201.
- 95 *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма. С. 182—183.
- 96 *Пилипко В. Н.* Средневековые памятники... С. 90—96.
- 97 *Быков А. Н.* Очерк переправ через Амударью. С. 47; *Каразин Н. И.* Самарская ученая экспедиция для исследования Среднеазиатской железной дороги и изучения бассейна реки Амударьи. 4. От Чарджоу до Петропавловска // Всемирная иллюстрация. 1880. № 602. С. 67; *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край... Т. 2. С. 111; [*Андреев*]. Описание реки Амударьи... С. 170; *Дмитриев-Кавказский Л. Е.* По Средней Азии. С. 32, рис.; С. 52.
- 98 *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма. С. 115. Карта. См. также: *Никитин С. А., Песков С. Ф.* Пески Юго-Западных Кызылкумов... Карта.
- 99 *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма. С. 155. Карта; *Лобысевич Ф. И.* Описание Хивинского похода... Карта; *Быков А. Н.* Очерк переправ через Амударью. С. 48.
- 100 См.: *Дневник С. П. Толстова.* Маршрут 1939 г. // Арх. ХЭ.
- 101 *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 154—155.
- 102 *Логофет Д. Н.* Бухарское ханство под русским протекторатом. Т. 2. С. 201; *Лобысевич Ф. И.* Описание Хивинского похода... Карта; *Быков А. Н.* Очерк переправ через Амударью. С. 78; [*Андреев*]. Описание реки Амударьи... С. 169.
- 103 *Никитин С. А., Песков С. Ф.* Пески Юго-Западных Кызылкумов. Карта.
- 104 [*Андреев*]. Описание реки Амударьи... С. 168; *Зубов Н.* Верхнее и среднее течение судоходной Аму // Зап. РГО по общей географии. 1886. Т. 15, № 4. С. 23, примеч. 1, табл.; [*Стеткевич*]. Материалы для статистического описания... С. 20; Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. 1. С. 94 (здесь разданы Чачтарас).
- 105 [*Белявский*]. Сведения о судоходной части Амударьи ген. штаба полковника Белявского // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. СПб., 1884. Вып. 9. С. 169.
- 106 *Никитин С. А., Песков С. Ф.* Пески Юго-Западных Кызылкумов. Карта.
- 107 *Дневник С. П. Толстова.* Маршрут 1939 г. // Арх. ХЭ; *Он же.* Древности Верхнего Хорезма. С. 182.
- 108 *Лоховиц В. А.* Караван-саран Верхнего Хорезма // Этнография и археология Средней Азии. С. 115—117. Рис. 3.
- 109 *Баргольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. С. 210.
- 110 *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 233.
- 111 *Лоховиц В. А.* Караван-саран... С. 116—117.
- 112 *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма... С. 146.
- 113 *Массон М. Е.* Средневековые торговые пути... С. 193.
- 114 *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма. С. 155. Карта; *Дневник С. П. Толстова.* Маршрут 1939 г. // Арх. ХЭ.
- 115 *Лоховиц В. А., Рапопорт Ю. А.* Левобережный маршрут 1966 г.
- 116 Однако надо полагать, что к концу XIX в. крепость еще достаточно хорошо сохранилась, так как она упоминается в описании маршрутов по правому берегу Амударьи (см.: *Костенко Л. Ф.* Туркестанский край. Т. 2. С. 111). Позднее есть упоминание о ней геолога А. Д. Архангельского (см.: *Архангельский А. Д.* Геологические исследования в низовьях Амударьи. М.; Л., 1931. С. 43).
- 117 *Толстов С. П.* Древности Верхнего Хорезма. С. 155, карта; С. 182; Эшк-рабат помечен также на карте Никитина и Пескова (см.: *Никитин С. А., Песков С. Ф.* Пески Юго-Западных Кызылкумов. Карта).
- 118 *Лоховиц В. А.* Караван-саран... С. 112—114. В. А. Лоховиц опубликовал памятник под названием Ишан-рабат, однако на всех картах он именуется Эшк-рабатом (не путать с левобережным караван-сарам, имеющим то же название).

- 119 Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. С. 155. Карта. См. также: Дневник С. П. Толстова; Маршрут 1939 г. // Арх. ХЭ; Лоховиц В. А. Караван-саран... С. 116. Рис. 4.
- 120 Проплывший по Амударью от Чарджуу до Петро-Александровска художник Л. Е. Дмитриев-Кавказский упоминает Даш-калу, но видел он ее, вероятно, лишь с реки. В тех случаях, когда художник высказывался на берег, он делал зарисовки соответствующих памятников, а Даш-калы среди его рисунков нет (см. Дмитриев-Кавказский Л. Е. По Средней Азии. С. 54).
- 121 Дневник С. П. Толстова. Маршрут 1939 г. // Арх. ХЭ. На карте в книге С. П. Толстова (см.: Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации) показана лишь одна Даш-кала и помечена она как памятник античного времени.
- 122 Лоховиц В. А. Караван-саран... С. 118. Здесь В. А. Лоховиц допустил ошибку, предполагая, что около этого памятника совершил стоянку Туркестанский отряд во время Хивинского похода 1873 г. Туркестанский отряд действительно шел через пустыню Хал-Ата и колодец Адам-Крылган, но вышел он к Амударье не у Даш-калы, а ниже, у Уч-Учака (см.: Лобысевич Ф. И. Описание Хивинского похода...), где и имеется соленое озеро под названием Сардоба-куль, а на нем, у восточного склона одного из холмов Уч-Учак, есть развалины караван-сарая под названием Сардоба, позднего, датирующегося XV—XVI вв. См. Макеев П. С. Записи к карте маршрута Юго-Западного отряда Кызылкумской геохимической экспедиции АН СССР 1931 г. // Тр. совета по изучению производительных сил. Сер. каракалп.: Л., 1933. Вып. I. С. 191, фиг. 4.
- 123 Толстов С. П. По следам древнехорезмийской цивилизации. Карта.
- 124 Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма... С. 146.
- 125 Каульбарс А. В. Низовья Амударьи... С. 15.
- 126 [Геденов]. Описание пути от Кызыл-Арвата через Игды в Петро-александровск // Сборник географических, топографических и статистических материалов по Азии. Вып. 15. С. 99; [Стеткевич]. Материалы для статистического описания... С. 22; Лобысевич Ф. И. Описание Хивинского похода... С. 181. Карта движения всех отрядов; Шкапский О. А. Амударьинские очерки. Ташкент, 1900. С. 3; Военно-статистическое описание Хивинского оазиса. Ч. 1. С. 95—96; Костенко Л. Ф. Туркестанский край... Т. 1. Карта.
- 127 Макеев П. С. Записки к карте... С. 191; Никитин С. А., Песков С. Ф. Схематическая карта песчаных районов Юго-Западных Кызылкумов // Каракалпакия: Тр. 1-й конф. по изучению производительных сил ККАССР. Л., 1934. Т. 2. Между С. 34—35.
- 128 Гулямов Я. Г. История орошения Хорезма... С. 146.
- 129 Там же. С. 99.
- 130 Вамбери А. Путешествие по Средней Азии. С. 123. Как известно, этим путем Вамбери и шел в Бухару, испытывав в пустыне Хал-Ата страшные лишения. Описавший Хивинский поход 1873 г. Ф. И. Лобысевич заметил, что, если бы возглавлявший Туркестанский отряд генерал Кауфман внимательно изучил труд Вамбери, он извлек бы из него полезный урок и не подверг войска таким лишениям, которые они претерпели на этом же пути.
- 131 Толстов С. П. Древности Верхнего Хорезма. С. 184.
- 132 ал-Макдиси, 292 // МИТТ. Т. 1. С. 189.
- 133 Массон М. Е. Средневековые торговые пути... С. 239.
- 134 [Стеткевич]. Материалы для статистического описания... С. 19, примеч. 2.
- 135 Таким образом, указываемая А. И. Дзэнс-Литовским протяженность пещеры в 90 м оказывается заниженной (см.: Дзэнс-Литовский А. И. Озеро Султансанджар и его окрестности // Изв. ВГО. 1939. № 4. С. 518).
- 136 Шербаков Д. И. Автопробег через Центральные Каракумы // Каракумы: Материалы комис. экспедиц. исслед. Сер. туркмен. Л., 1930. Вып. 20. Георгиевский Б. М. Южный Хорезм. Геологические и гидрогеологические исследования, 1925—1935 гг. Ч. 1. Геологическое строение и морфогенез. Ташкент, 1937. С. 33; Дзэнс-Литовский А. И. Озеро Султансанджар... С. 518.

Глава 2

НЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО ХОРЕЗМА

Исследования памятников эпохи первобытности в зоне затопления водохранилища Тюямуюнского гидроузла охватили не только эту территорию, но и значительные участки вдоль правого и левого берегов Амударьи выше по течению, причем работы эти велись комплексно*. Основными их задачами были поиски памятников первобытной культуры в Южном Хорезме, выяснение особенностей расселения древнего человека в связи с палеогеографическими условиями в разные исторические периоды. Кроме того, отряд занимался выявлением и обследованием археологических объектов более позднего времени, изучением ряда памятников, известных по упоминаниям или кратким описаниям в геологической и географической литературе.

В течение первого полевого сезона была обследована равнинная полоса шириной 20—25 км и длиной около 70 км, вытянутая с северо-запада на юго-восток вдоль левого берега Амударьи. Территория эта, являющаяся восточной частью Заунгузских Каракумов, оказалась чрезвычайно разнородной в географическом и геологическом отношении. В нее вошли: узкая полоса молодых аллювиальных образований (пойма и первая надпойменная терраса Амударьи), древняя каменистая равнина, почти лишенная четвертичного покрова, с многочисленными структурными элементами в ее мезорельефе и крупными скульптурными формами (впадины Султансанджар и Кошбулакская) и собственно песчаная пустыня, сложенная мощной толщей древнеаллювиальных песков кызылкумской свиты. Эти три основные ландшафтные единицы обследованного района вытянуты почти параллельно друг другу (СЗ—ЮВ). В следующем полевом сезоне проводилось более детальное исследование некоторых осмотренных ранее участков территории (впадины Султансанджар и Кошбулакская, древние горные выработки, а также территория между впадиной Султансанджар и современным течением Амударьи). Была также проведена разведка прибрежной зоны Амударьи по правому берегу от района Турткуля до Дульдультлагана и по обоим берегам от этого последнего пункта далее на юг до Дарган-Аты (левый берег) и развалин Кызыл-рабат (правый берег). В этих районах, как правило,

* Исследования осуществлялись в 1973—1974 гг. Каракумским отрядом Хорезмской экспедиции и географическим отрядом ТашГУ.

обследовалась узкая прибрежная полоса, которая должна была быть затронута затоплением.

Обследование проводилось пешеходными и автомобильными маршрутами, сочетающимися в ряде случаев с работами полустационарного характера: наибольшими по объему археологическими раскопками, археологической и геологической шурфовкой.

Сплошное пешеходное обследование больших площадей обусловило характер значительной части полученного отрядом материала. Это разрозненная разновременная подъемная керамика, реже — находки других категорий (изделия из кремня и др.). Взятая в отдельности, каждая из этих находок не представляет сколько-нибудь существенной ценности, однако полученные со значительной территории и систематизированные, они являются хорошим источником для исследования некоторых аспектов истории заселения и освоения человеком изучаемой территории.

Находки, разрозненные и случайные, фиксировались суммарно в рамках «поисков», затрагивающих, как правило, ограниченные, сравнительно небольшие участки (до нескольких квадратных километров). При концентрации на небольших участках (несколько десятков или сотен квадратных метров) находок первобытной эпохи — кремня, керамики — последние фиксировались обычно как стоянки и пункты¹.

Всего было проведено 112 археологических поисков, в подавляющем большинстве которых получены, как правило, разновременные находки. В общей сложности насчитывается более 120 пунктов, давших археологический материал (рис. 2), который охватывает значительный отрезок времени: от неолита (IV—III тыс. до н. э.) до позднего средневековья и нового времени.

Наиболее важным и интересным результатом работ Каракумского отряда было открытие памятников первобытной культуры. Материалы этого времени обнаружены в левобережной части Южного Хорезма впервые. Они зафиксированы в 59 пунктах, в том числе материалы эпохи неолита в 35 и материалы бронзового века — в 24 пунктах. В подавляющем большинстве случаев это отдельные разрозненные находки кремневых изделий и обломков керамики, но встречены и небольшие развешенные стоянки. Единичные находки датировать трудно. Не исключено, что некоторая часть их, отнесенная нами к неолиту, датируется более поздним временем. О времени освоения человеком этого района и характере культуры древнего населения в эпоху неолита можно судить по материалам нескольких развешенных стоянок, открытых во впадинах Султансанджар и Кошбулак. Большинство пунктов с находками каменного века вытянуто по одной линии (СЗ—ЮВ), соответствующей расположению и ориентировке упомянутых выше впадин, и приурочено к разлому и выходам вдоль него сильно минерализованных в настоящее время грунтовых и артезианских вод.

Другой район находок материалов эпохи неолита и бронзового века — восточные окраины песчаного массива Заунгузских Каракумов. Здесь проведена серия поисков в грядово-ячеистых песках, юго-западнее урочища Султансанджар, и особенно вдоль дороги Газачак—Напп. Концентрация неолитических находок здесь несколько меньшая.

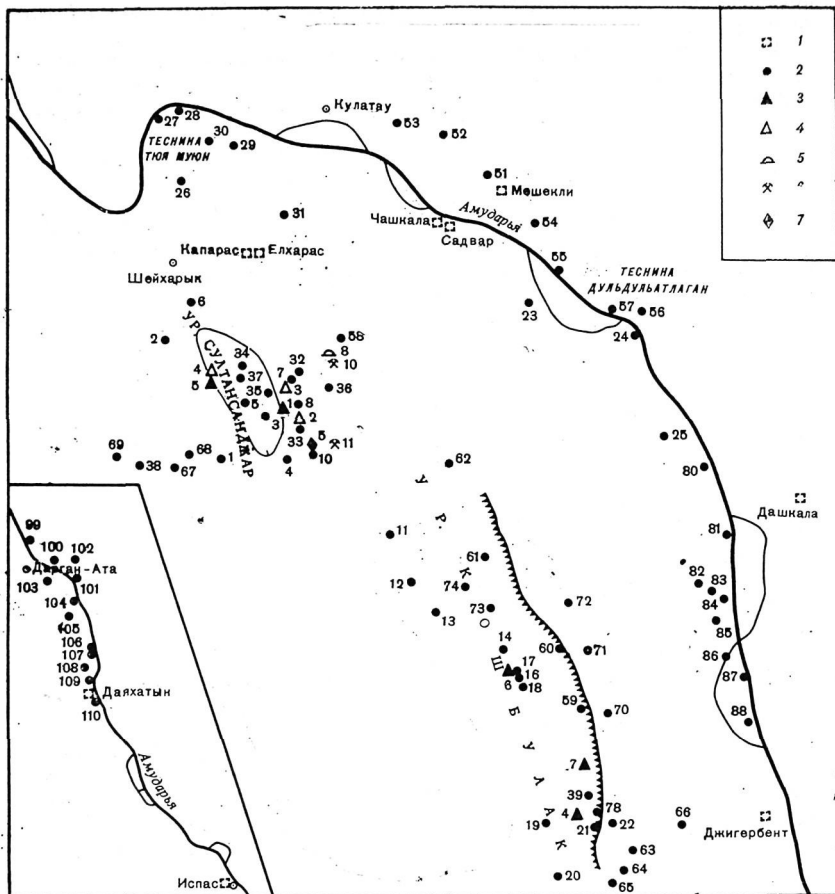

Рис. 2. Схематическая карта археологических поисков, проведенных в 1973—1974 гг. 1—развалины античного и средневекового времени; 2—поиски; 3—стоянки; 4—пункты; 5—курган; 6—горные выработки; 7—пещера (на карте не отражено несколько поисков, проведенных на западных окраинах песчаного массива Заунгузских Каракумов)

Наконец, единичные находки эпохи неолита обнаружены непосредственно по обоим берегам Амударьи, преимущественно на участке южнее Дульдуйлятлагана.

Однако, прежде чем перейти к рассмотрению полученных материалов, следует предпослать ему краткий геолого-геоморфологический и палеогеографический очерк, дающий возможность уяснить условия расселения древнего человека на исследованной территории.

1. Геолого-геоморфологический и палеогеографический очерк

Геолого-геоморфологические исследования, проведенные в приамударьинской полосе Заунгузских Каракумов, были теснейшим образом связаны с археологическим обследованием этого региона и имели своей главной целью разработку вопросов, касающихся стратиграфии четвертичных отложений, геоморфологии и палеогеографии зоны затопления Тюямуюнского водохранилища и Восточного Заунгузья в целом.

Под названием Заунгузских, или Северных, Каракумов известна обширная пустынная территория, расположенная между $41^{\circ}45'$ и $39^{\circ}23'$ с. ш. и $57^{\circ}31'$ и $62^{\circ}20'$ в. д. На севере она примыкает к древней Присарыкамышской дельте Амударьи. Южной и восточной границами этой пустыни является цепь солончаковых впадин Унгуза. Западная же граница ее проводится по древнему руслу Узбоя. Заунгузские Каракумы расположены в пределах Туркменской ССР и занимают около четвертой части площади этой республики (75 тыс. км²).

Большая часть Заунгузских Каракумов представляет собой типичную песчаную пустыню с древним, сильно расчлененным эоловым рельефом. Юго-восточная часть Заунгузья несколько приподнята. Абсолютная высота песчаной равнины здесь достигает 200 м, а отдельные точки и более. В этой части территории расположена и наивысшая отметка Заунгузских Каракумов — 244 м (в 40 км к югу от колодца Кервен). К северо-западу поверхность равнины полого понижается до 150 м (в средней части) и 100—125 м у западной и северной границ. В западной части Заунгузья (впадина Акчакая) находится и самая низкая отметка этой территории — минус 81 м. Колебания же относительных высот в ее пределах редко превышают 50—70 м.

Заунгузские Каракумы относятся к зоне южных пустынь, характеризующейся сухим климатом с очень жарким летом и умеренно мягкой зимой². Положение области в глубине континента обуславливает значительную континентальность климата, выражающуюся в больших суточных и годовых колебаниях температуры воздуха³. Средняя месячная температура января, самого холодного месяца в году, составляет -2° на юге и -5° на севере, однако в отдельные годы температура зимних дней может понижаться до -20° и ниже. С марта средняя месячная температура резко возрастает и достигает наивысших значений в июле ($+28-31^{\circ}$). Абсолютный максимум температуры для этой территории, $+46,7^{\circ}$, был зарегистрирован в Дарган-Ате в 1944 г. Поверхность песка в жаркие летние дни нагревается до $70-80^{\circ}$. Наряду с низменными Каракумами и южной частью Кызылкумов рассматриваемая территория относится к одному из самых жарких мест Евразии, уступая по интенсивности жары лишь долине Тигра в Ираке⁴.

Суточные колебания температуры воздуха наименьшие в зимние месяцы (декабрь—январь), к лету они возрастают, достигая максимума ($10-15^{\circ}$) в период июнь—август. Продолжительность лета (периода между датами устойчивых переходов температуры через 20°) составляет 126—150 дней.

Заунгузские Каракумы получают ничтожное количество атмосфер-

ных осадков — в среднем около 100 мм за год. Распределяются они по территории своеобразно — количество их уменьшается не с севера на юг, а с востока на запад. При этом в крайней северо-западной части Заунгузья (в окрестностях впадины Акчакая) годовое количество осадков составляет всего 75 мм в год. Это один из самых слабо обеспеченных атмосферными осадками районов Средней Азии и всего Советского Союза.

Годовой ход осадков характерен для пустынь Средней Азии: лето отличается крайней сухостью — в течение четырех месяцев (с июня по сентябрь) здесь почти не выпадает осадков. В это время лишь изредка (не каждый год) возможны отдельные ливни. Некоторое увеличение осадков наблюдается в октябре—ноябре, затем они начинают возрастать, достигая максимума весной, преимущественно в марте.

Количество осадков из года в год сильно колеблется — в очень дождливые годы их может выпасть в полтора-два раза больше по сравнению с многолетними данными, в сухие же годы осадков выпадает лишь половина, а местами и меньше многолетней нормы. Число дней с дождем в среднем за год составляет 31. Количество дней со снегом вдвое-втрое меньше — 10—15. Устойчивого снежного покрова на территории области не образуется. На протяжении зимы он появляется 8—10 раз и быстро стает, иногда в течение нескольких часов.

В течение всего года в Заунгузских Каракумах преобладают ветры северной половины горизонта, зимой преимущественно северо-восточные, а летом северные и северо-западные. В период с сентября по май устойчивость северных ветров объясняется тем, что к северу от Средней Азии располагается область стационарного высокого давления. Летом же градиенты давления, направленные с севера на юг, и господствующие ветры, дующие с севера, обусловлены термической депрессией, центр которой располагается на крайнем юге Таджикистана и Туркмении.

Сильные ветры, достигающие скорости 20—25 м/с, а иногда и более, чаще всего наблюдаются летом или весной⁵. Наибольшие средние месячные скорости ветра, достигающие 5—6 м/с, приходятся на июль—август. Вторичный максимум регистрируется весной с февраля по апрель включительно. В Каракумах (Зеагли) высокие среднемесячные скорости сохраняются в течение всего периода с февраля по август включительно. Показательно, что на протяжении значительной части года, в том числе всего летнего периода, ветры «активны» по отношению к песчаным субстратам (а вследствие этого и по отношению ко всем другим) даже в их среднемесячном выражении⁶.

Жесткие ксеротермические климатические условия Заунгузских Каракумов накладывают яркий отпечаток на все компоненты физико-географического ландшафта: почвенный покров, растительность, животный мир и др. Они обуславливают полное отсутствие поверхностных вод, глубокое залегание и большей частью высокую минерализацию грунтовых вод, малую интенсивность современных почвообразовательных процессов, мощное развитие ветровой эрозии и т. п.

Как уже говорилось, комплексными исследованиями была охвачена приамударьинская полоса Заунгузских Каракумов от Тюямуонской тес-

нины Амударьи до Дарган-Аты шириной 20—25 и протяженностью до 100 км. В естественной исторической обстановке этот относительно небольшой по площади район является наиболее сложной и интересной частью Заунгузья.

Долина Амударьи на обследованном участке врезана на глубину до 40—60 м и имеет крутые берега. Русло, суженное у Тюямуюна до 460 м, выше теснины расширяется до 1,0—1,5 км. Оно выполнено тонкозернистыми песками, переслаиваемыми с суглинками. Мощность их местами превышает 20 м³. На высоте 1 м над межениным уровнем реки расположена пойменная терраса. На отдельных участках левобережья реки ширина ее достигает 1 км. Выше поймы здесь развиты уже две террасы. Первая из них так называемая «тугайная» терраса возвышается над поверхностью поймы на 1—2 м. Она сложена толщей суглинков, супесей и песков. Вторая терраса высотой 8,5—9,0 м над поймой хорошо выражена на левом берегу Амударьи, в 5 км ниже по течению теснины Дульдультлаган. Поверхность ее волнистая, заметны плоские ложбины древних речных протоков. Сверху терраса покрыта песком и щебнем. По мнению Б. А. Федоровича, отсутствие более древних террас в области прорыва Амударьей Заунгузских Каракумов связывается с интенсивным поднятием района и энергичной глубинной эрозией реки. Следует, очевидно, иметь в виду и молодой (позднеплейстоценовый и голоценовый) возраст этого участка речной долины.

Примыкающая к долине Амударьи северо-восточная окраина Заунгузских Каракумов представляет собой древнюю структурно-денудационную равнину с абсолютными отметками 160—170 м на севере и 200 м на юге. Она занимает большую часть исследованной площади. Это район распространения дислоцированных отложений верхнего мела, подвергшихся длительным и интенсивным процессам физического и солевого выветривания и эоловой проработке. Границы его соответствуют основной (каракумской) части так называемого Питнякского поднятия. Последнее представляет собой громадную выпуклую складку — антиклиналь, которая осложнена в своде пологим прогибом, расширяющимся к юго-востоку, и, таким образом, разветвлена на две цепи более мелких складок: юго-западную и северо-восточную⁸.

Юго-западная цепь, вытянутая в северо-западном направлении (320—330°), состоит из трех асимметричных антиклиналей: Тюямуюнской (на севере), Султансанджарской и Кошбулакской (на юге). Тюямуюнская складка является как бы узлом, от которого к юго-востоку отходит вторая, северо-восточная цепь складок, вытянутых в направлении 3—С—3 (300—310°). Складки юго-западной цепи имеют пологие (3—5°) северо-восточные крылья и более крутые (10—12°) юго-западные. Своды куполообразных антиклиналей сильно разбиты круто падающими (65—85°) сбросами. Поднятые северо-восточные крылья образуют низкие асимметричные гряды — куэсты.

Наиболее отчетливо в рельефе выражена Тюямуюнская гряда. Ближе теснины эта куэста имеет абсолютную высоту 165 м. Река пересекает ее в глубоком врезе, частично заполненном рыхлым песком — пливуним. От Тюямуюна гряда протягивается к Султансанджару, ограничивая впадину с юго-запада. Юго-восточнее этой впадины она скрывается под

песками, однако далее в этом направлении, вдоль юго-западного борта Кошбулакской впадины, резко возвышается еще одна куэста в виде прерывистой короткой гряды, также сложенной верхнемеловыми породами. Еще одна гряда образует высокий и крутой склон упомянутой впадины. Абсолютные отметки ее гребня достигают 230—248 м. По разлому вдоль подножия куэсты тянется цепь родников и колодезь: Ходжибулак, Буробулак, Сюзаклы и Каррыкызыл. Гребни и пологие склоны гряд сложены серым, светло-серым или розоватым (Кошбулак) плотным известняком.

На больших площадях поверхность структурно-денудационной равнины почти сплошь покрыта каменистым панцирем. Обломки плоские, остросеребряные, буровато-серые величиной до 4—5 см. Высокий процент содержания обломков (до 30—40% на повышенных участках) характерен и для профилей доминирующих в этом районе серо-бурых почв⁹. Поверхность этих почв темно-бурая. Корка плотная, ячеисто-пористая, вертикально-трещиноватая, внизу рыхлая. Под коркой залегает очень плотный, бурый, глыбисто-комковатый горизонт с обильными выделениями карбонатов в виде белых пятен и редкой щебенки. Он подстилается менее уплотненным комковатым, светло-буроватым горизонтом, более каменистым, иногда с редкой карбонатной «белоглазкой». Ниже залегает песчано-каменистый гипсоносный слой, подстилаемый коренной породой. Почвенный профиль уместается в пределах 30—40 см¹⁰.

В настоящее время можно считать установленным, что бурый глыбистый горизонт в профиле широко распространенных в Каракумах, Кызылкумах и на Устюрте серо-бурых почв имеет реликтовый характер и образовался в относительно влажных — плейстоценовых условиях, существовавших на территории Средней Азии в древнем—среднем голоцене¹¹. Интересно, однако, что в некоторых районах Заунгузских Каракумов отмечены серо-бурые почвы с двумя карбонатными горизонтами, между которыми располагается гипсоносный слой¹². К сожалению, время формирования нижнего, погребенного горизонта этих почв, имеющего важное палеогеографическое значение, пока не установлено.

Растительность, развитая на серо-бурых почвах, изрежена. Выровненные участки заняты эфемерово- или полынно-солянковыми группировками. В эфемерово-солянковой ассоциации участвуют саксаул, джугун, или кандым, солянка жесткая, рогач песчаный, или эбелек, тюльпан, осочка, полынь белая, костер кровельный и др. На более глинистых субстратах увеличивается примесь эбелека, и ассоциация переходит в эбелеково-солянковую, состоящую главным образом из эбелека, солянки жесткой, примеси белой полыни и единичных кустов нитрарии. Растительность более засоленных почв полынно-солянковая, причем на относительно повышенных участках преобладают полынь белая и серая полкустарниковая солянка. Кроме того, здесь присутствуют ежовник безлистный, солянка сероватая и солянка шерстистая, спайно-цветник спайноплодный, сведа и др. В понижениях рельефа поселяются главным образом солянки¹³.

Сводная часть Султансанджарской антиклинали денудирована, и на ее месте образовалась замкнутая впадина. Длинная ось впадины совпадает с простираемостью структуры, т. е. вытянута с северо-запада на юго-

Рис. 3. Впадина Султансанджар. Вид с восточного борта

восток. Впадина разделена невысокой перемычкой на две части: с северо-востока расположена собственно впадина Султансанджар, а юго-западная часть этой морфоскульптуры носит название урочища Султансанджар. В целом эта конструкция протягивается на 17 км при максимальной ширине 9 км. В плане она имеет почти прямоугольные очертания. Собственно впадина (рис. 3) имеет длину 11 и ширину 5 км. В центральной части ее располагается пересыхающее озеро. По берегам впадины обнажаются верхнемеловые (сеноман) и палеогеновые породы. На склонах и внутри впадины много структурных поверхностей, уступов.

По наблюдениям А. И. Дзенс-Литовского и Н. Н. Дзенс-Литовской¹⁴, на юго-западном и западном склонах впадины насчитывается до пяти террас, из которых две нижние являются аккумулятивными. Северо-восточный склон крутой, часто и глубоко рассечен оврагами. В отложениях, слагающих этот склон, имеются прослои и линзы, окрашенные в красные и желтые цвета. Они разрабатывались для добычи минеральных красок. Песчаники нижней части толщи содержат квасцы¹⁵. На сухих склонах впадины развита изреженная кустарниково-солянковая растительность. Кроме травянистых солянок и полыни здесь встречается черный саксаул, хвойник крылатый, солянка малолистная, нитрария, изредка кусты гребенщика и некоторые другие растения¹⁶.

Днище впадины расположено на абсолютной высоте 100 м. Это на 23 м ниже уровня воды в Амударье у Тюямуюна. Рапа на озере бывает лишь в весенне-зимний период, летом же озеро имеет только подкорко-

вую рапу, превращаясь в мокрый солончак с бело-розовой поверхностью. Под пятнами рапы и новосадки в наиболее глубоких частях впадины залегают две линзы плотной поваренной соли. Максимальная мощность — до 3,65 м — установлена в северной линзе¹⁷. Соль интенсивно добывалась¹⁸ (и добывается), запасы ее постоянно пополняются новосадкою из соленых родниковых вод сеноманских отложений. Месторождение дает соль хорошего качества, и длительное время являлось основным для всей южной части Хорезмского оазиса¹⁹.

На пухлых солончаках, которые развиваются на участках с неглубоко залегающими, сильно минерализованными водами, растительность представлена исключительно кустами сарсазана шишковатого. Если воды не очень соленые (солончатые), развивается лугово-солончаковая растительность из прибрежницы солончаковой, или ажрека, сведы, с кустами соляноколосника прикаспийского и тростником. Такие пухлые солончаки развиты по западному берегу озера, по которому осуществляется довольно обильный подземный сток богатых сульфатами вод, в озеро стекает целый ряд источников²⁰.

Среди дна встречаются выступы — острова, сложенные меловыми алевроитами, песками и песчаниками, которые здесь, в сводной части антиклинали, имеют горизонтальное залегание, участки кучевых песков и песчаных бугров — чоколаков.

В юго-западной части впадины расположен продолговатый остров, известный в литературе под названием «Курортного», что, очевидно, связано с наличием возле его южной оконечности целебных грязей²¹. Длина острова около 2,0—2,5 км, а наибольшая ширина 1 км. Юго-западный склон его покатый, а восточный и северо-восточный берега крутые и обрывистые, образующие над озером уступ высотой до 15—25 м.

На склонах острова имеется три группы источников: на северо-западном конце — группа Агар-Булак, на юго-восточном — группа Хаутча-Булак и на полусклоне уступа — целая система многочисленных родников, из которых самый большой Кара-Ковак. Наиболее крупной из этой группы по дебиту воды является группа Агар-Булак. Кроме воды, большинство источников выделяют и газ. Газовые струи Агар-Булака в безветренную погоду горят бледно-зеленым непотухающим пламенем. Источники Агар-Булака и Кара-Ковака дают пригодную для питья воду²². У выходов опресненных подземных вод развиваются солончаковые болота с зарослями тростника и кустами гребенщика многоветвистого. В юго-восточной части Курортного острова обнаружена неолитическая стоянка Султансанджар I. Более или менее значительные скопления изделий из кремня отмечены и на других островах.

О происхождения впадины Султансанджар существуют разные мнения. Одни исследователи склоны отдать предпочтение речной эрозии и рассматривать впадину в качестве участка древнего русла Амударьи, другие высказываются в пользу выветривания и эоловых процессов²³. Последнее более вероятно, о чем свидетельствуют замкнутость впадины, отсутствие в ее пределах каких-либо геоморфологических признаков древнего течения воды, аллювиальных отложений, пресноводной малакофауны и, наоборот, мощное развитие в районе процессов физического и химического выветривания, коррозии и дефляции.

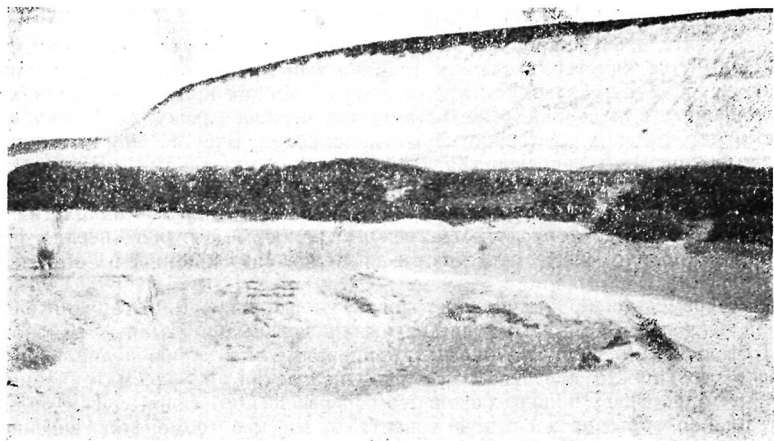

Рис. 4. Впадина Кошбулак. Восточный борт-куэста в районе колодца Каррыкызыл

Кошбулакская впадина расположена в 11—12 км от берега Амударьи. Впадина вытянута в направлении ССЗ—ЮЮВ. Она представляет собой узкий желоб, возникший между двумя куэстами. Восточная гряда круто, по разлому, обрывается к впадине и обрамляет ее на всем протяжении восточного склона (рис. 4). Западная куэста обращена к впадине своим бронированным пологим склоном. Как уже отмечалось, она не сплошная и прослеживается в виде отдельных коротких гряд. Поэтому западная граница Кошбулакской впадины не такая резкая, как восточная. И восточная, и западная куэсты вытянуты по простиранию меловых пород. Днище впадины расположено на высоте около 115 м над уровнем моря. Внутренняя часть желоба занята глинистыми низинами, солончаками и массивами перевеянных песков.

Третий тип ландшафта обследованной площади развит на песках восточной окраины Заунгузских Каракумов. Пески имеют эоловый рельеф, который представляет собой чередование выровненных полос — «коридоров» и широких платообразных песчаных гряд. Те и другие покрыты ячеями, особенно мощно развитыми на возвышенных элементах. В последнем случае ячеи разнообразной формы и величины достигают глубины 7—10 м, а отдельные холмы рыхлого песка возвышаются над днищами котловин до 30 м и более.

На задернованных склонах и на дне ячей развита маломощная пустынная песчаная почва. В шурфах вскрывается желтовато-серый разпозернистый с преобладанием тонкой и мелкой фракций песок. Отдельные горизонты породы содержат включения гравия и мелкой гальки. Наблюдается тонкая косая слоистость. В одной из котловин был вскрыт горизонт песка с крупными неправильной формы обломками крепкого светло-серого песчаника размером от 1—2 до 10—15 см. По

всей вероятности, эти осадки относятся к низам кызылкумской свиты и имеют нижнеплейстоценовый возраст²⁴.

Растительный покров песков имеет трехъярусное строение (кустарниковый, полукустарниковый и травянистый ярусы). Среди кустарников преобладает белый саксаул, джужугун, хвойник крылатый, солянка Палецкого, или черкез, реже встречается черный саксаул. Последний поселяется преимущественно на дне понижений. Второй, полукустарниковый ярус представлен астрагалом, полынью, вьюнками. В нижнем травянистом ярусе фоновым растением служит илак, к которому примешиваются костер, мортук, или арпаган, и некоторые другие однолетки²⁵. Перемычки ячей часто покрыты свежими наносами сыпучего песка. На дне котловинко-ячей встречаются изделия из кремня и обломки керамики.

Современная природная обстановка — завершающий этап длительной и сложной истории Заунгузья и сопредельных пустынных районов. И было бы, конечно, ошибкой игнорировать эту историю и анализировать особенности древнего расселения человека на рассматриваемой территории вне меняющегося палеогеографического фона. Тем более что накопленные за последние годы геологические, геоморфологические, палеопочвенные и другие данные позволяют по-новому и с большей полнотой восстановить этот фон для плейстоцена.

Воссоздание палеогеографической обстановки раннеплейстоценового времени в Заунгузье тесно связано с вопросом о возрасте и генезисе отложений заунгузской свиты, залегающих под молодыми эоловыми образованиями почти на всей территории Северных Каракумов. Этот вопрос крайне сложен и в настоящее время чрезвычайно запутан. Различные точки зрения относительно стратиграфического положения свиты или ее отдельных частей можно найти во многих публикациях²⁶. Большинство исследователей придерживаются мнения о неогеновом возрасте всего разреза отложений заунгузской свиты.

Особый интерес представляют возраст и характер отложений, слагающих верхнюю часть разреза заунгузской свиты и выделенных А. А. Ямновым в самостоятельную кызылкумскую свиту. Кызылкумская свита, по А. А. Ямнову, — это пестрая толща песков, алевритов, глин, мергелей и своеобразных конгломератов из глиняных галек и валунов, слагающая аллювиально-аккумулятивную равнину Юго-Западных Кызылкумов и Заунгузских Каракумов. «Отложения кызылкумской свиты, — отмечает он, — отличаются крайней неустойчивостью в вертикальном и горизонтальном направлениях. Галька и валуны хорошей окатанности состоят из местных пород, образуют включения довольно плотных конгломератов с плохо отсортированным песчано-глинистым цементом. Среди отложений кызылкумской свиты часто встречаются горизонты тонкослоистых и тонкозернистых песчаников, переслаивающихся с песчанистыми глинами. Как правило, эти отложения, по-видимому, озерно-дельтовые, резко сменяются по простиранию и в вертикальном направлении пестрой серией осадков, которые могли отлагаться блуждающими руслами и временными водотоками»²⁷. Отмечая, что минералогический состав песков кызылкумской свиты весьма сходен как качественно, так и по количественному содержанию минералов с песками современной

дельты Зеравшана, А. А. Ямнов приходит к выводу, что аллювиальная равнина Юго-Западных Кызылкумов и Заунгузских Каракумов является древней дельтой этой реки (пра-Зеравшана).

Вывод А. А. Ямнова убедительно подтверждается приведенной им литологической характеристикой отложений кызылкумской свиты. К сожалению, это, на наш взгляд, вполне обоснованное предположение не разделяют исследователи, высказавшие мнение об эоловом происхождении верхней части заунгузской свиты²⁸. Исследования А. А. Ямнова и наши наблюдения эту точку зрения, как нам представляется, опровергают. Плащеобразное залегание рассматриваемой песчаной толщи на обширных площадях Заунгузских Каракумов и Юго-Западных Кызылкумов, значительная ее мощность — десятки метров, неоднородный состав песков, наличие в них гравия и гальки, частое присутствие горизонтально наслоенных линз мергелистых глин и конгломератов из катунов глин и многие другие признаки указывают на водный генезис основной массы песков этой пачки.

Вопрос о возрасте кызылкумской свиты более сложен. Как уже упоминалось, большинство исследователей отложения заунгузской свиты датируют неогеном — от миоцена до плиоцена включительно. Однако никаких свидетельств, которые указывали бы на неогеновый возраст всего разреза отложений этой свиты, не приводится. Напротив, накапливается все большее количество веских доказательств плейстоценового возраста ее верхней части — кызылкумской свиты. К числу таких доказательств относится залегание песков и песчаников этой свиты на размытой поверхности отложений ташакырской свиты, имеющих позднеапшеронский возраст, а по мнению отдельных исследователей, включающих и нижнечетвертичные слои²⁹. Срезание ташакырских отложений осадками кызылкумской свиты можно, в частности, наблюдать во многих амударьинских разрезах от района Ташакыра до Тюямуяна.

Находки органических остатков в отложениях самой кызылкумской свиты довольно редки, причем большинство из них не имеют стратиграфического значения. Это находки в Юго-Западных Кызылкумах раковин *Dreissencia polymorpha* Pall³⁰, в амударьинских разрезах остатков моллюсков *Corbicula fluminalis* Müll., *Anodonta* sp., *Planorbis* sp., *Lymnaea* sp.³¹. В Южных Кызылкумах (Газли, район Уч-Баша и Кара-Кыра) в этих осадках содержатся плейстоценовые остракоды *Lymnocythere pomosa* Manxels *L.sankti-patricii* Br. et Rob.³².

Важное значение имеют находки остатков моллюсков, сделанные Каракумским отрядом в процессе изучения разрезов кызылкумской свиты по обоим берегам Амударьи на значительном ее протяжении от Турткуля до Кабаклы. Эти находки были сделаны в следующих пунктах:

Точка (Т.) 270. Левый берег Амударьи, в 15 км ниже по течению райцентра Дарган-Аты. Поверхность ташакырской свиты. Створка моллюска *Corbicula fluminalis* Müll.³³

Т. 273. Левый берег, в 5,6—6,0 км ниже райцентра Дарган-Аты. Контакт ташакырской и кызылкумской свит. Россыпь раковин *Corbicula fluminalis* Müll.

Т. 275. Правый берег Амударьи, в 17 км выше по течению теснины

Дульдүлятлагаи. Отложения кызылкумской свиты. Раковины *Corbicula fluminalis* Müll.

Т. 276. Правый берег, примерно в 19 км выше теснины Дульдүлятлагаи. Контакт ташакырской и кызылкумской свит. Раковины моллюсков *Corbicula fluminalis* Müll, в том числе в коренном залегании.

Т. 277. Правый берег, в 21 км выше сел. Кызыл-Рават (напротив дарганатинской водокачки), в 8 км от долины реки. Низы кызылкумской свиты. Раковины моллюсков *Corbicula oxiana* Marf., *C. fluminalis* Müll, *C. sp.*

Характерно, что все эти находки приурочены к самому основанию кызылкумской свиты — ее подошве, но совершенно отсутствуют в средней и верхней частях разреза.

Как известно, род *Corbicula* не древнее рубежа, разделяющего акчагыл и апшерон. С другой стороны, указания на присутствие *Corbicula* в отложениях нижнего плейстоцена весьма редки³⁴. В перечнях нижнеплейстоценовых форм сводки Н. Н. Костенко³⁵ этот моллюск не упоминается вовсе. Если принять во внимание, что все перечисленные выше находки *Corbicula* были сделаны в самой подошве отложений кызылкумской свиты и не обнаружены выше по разрезу, можно заключить, что формирование рассматриваемых осадков началось на рубеже плиоцена и плейстоцена и завершилось в раннем плейстоцене; Амударья покинула Заунгузские Каракумы и, блуждая по обширной территории Низменных Каракумов, начала формировать песчаную толщу каракумской свиты³⁶.

Итак, в начале плейстоцена Заунгузские Каракумы, в том числе нынешняя приамударьинская часть этой пустыни, а также примыкающая к ней с северо-востока территория Юго-Западных Кызылкумов, представляли собой обширную низменную равнину, по которой протекали Амударья и, очевидно, ее крупнейший правый приток — Зеравшан. Благодаря равнинному рельефу и небольшим уклонам долины рек были широкими, с плоскими берегами, русла ветвились и часто меняли свое положение. Инфильтрация речных вод в подстилающие рыхлые породы и испарение в условиях аридного (хотя и менее сухого и жаркого, чем современный) климата стимулировали интенсивное осадконакопление, что, в свою очередь, усиливало неустойчивость, динамичность гидрографической сети. Вероятно, что во многих местах существовали озера и болота.

Как известно, еще в 50-х и в начале 60-х годов нынешнего столетия среди исследователей среднеазиатских пустынь, и особенно геоботаников, преобладало мнение о древности и относительной стабильности климата этих засушливых территорий. Известный перелом во взглядах наметился после выхода в свет книги А. И. Перельмана³⁷. А уже в 1966 г. С. Г. Батулин констатировал: «Геологические и археологические исследования не оставляют сомнения в том, что в недавнем геологическом прошлом территории, ныне занятые пустынями, характеризовались иными климатическими условиями. В большинстве случаев наступление пустынного режима в течение четвертичного периода неоднократно приостанавливалось, и климат становился более влажным (плювиальные

фазы)»³⁸. Эта точка зрения получила дальнейшее развитие в работах А. В. Виноградова и Э. Д. Мамедова³⁹.

Выше уже отмечалось, что климат начала плейстоцена характеризовался менее жесткими ксеротермическими условиями, чем современный. Скорее всего, это был климат степного типа с более или менее дождливой теплой половиной года. К сожалению, растительность раннего плейстоцена, являющаяся одним из наиболее достоверных палеоклиматических индикаторов не только на территории Заунгузских Каракумов, но и вообще на равнинах Средней Азии, изучена совершенно недостаточно. Результаты спорово-пыльцевого анализа нескольких серий образцов, отобранных из нижнеплейстоценовых отложений ряда районов (Кызылкумы, низовья Амударьи, Приташкентский район, Фергана), весьма незначительны и дают представление о безлесном открытом ландшафте с сухолюбивой травянистой растительностью⁴⁰.

Более основательные палинологические данные Е. А. Мальгиной⁴¹ по Западной Туркмении указывают на бореальный характер растительности, похолодание и увлажнение климата в начале плейстоцена (тюркянское время). Не исключено, по ее мнению, развитие в это время в прикаспийской пустыне высокотравных растительных формаций и, добавим, галерейных лесов вдоль речных долин. Представление об относительно влажном климате, существовавшем в начале плейстоцена на равнинах Средней Азии, в известной мере подтверждается литологическими и геохимическими признаками, зафиксированными в разрезе кызылкумской свиты на смежной территории Кызылкумов, такими, как «степные» параметры гальки (коэффициенты удлинения, уплощения и др.) и ее лучшая окатанность в низах толщи, наличие в основании разреза погребенной почвы со следами омарганцевания и нескольких карбонатно-глазковых горизонтов — реликтов луговых карбонатных почв.

В целом природная обстановка, существовавшая в это время в Заунгузье, была, несомненно, благоприятной для расселения первобытного человека, и, как думается, лишь малая численность древнего населения и быстрое погребение следов его пребывания под песчаными алювиальными и эоловыми наносами являются причиной того, что эти следы до сих пор не обнаружены. Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что более благоприятных экологических условий для существования человека в пределах рассматриваемой территории на протяжении плейстоцена не было.

Во второй половине плейстоцена произошло значительное иссушение климата, вызвавшее постепенное опустынивание территории. Амударья покинула пределы Заунгузских Каракумов, и обводненность этой пустыни резко ухудшилась. Нет признаков и близкого стока здесь зеравшанских вод. Важным следствием этих изменений явилось мощное развитие ветроэрозийных процессов. На территории Заунгузья и Юго-Западных Кызылкумов возникают крупные очаги развевания — Султансанджарская, Кошбулакская, Мынбулакская, Кулкудукская, Бешбулакская, Каракатинская, Аякагытминская и другие замкнутые впадины. Этот этап формирования впадин завершился к началу среднего плейстоцена, когда глубина развивавшихся морфоструктур достигла 60—

70 м. В пределах песчаных равнин шли энергичные процессы перевывания аллювиальных песков и формирование глубоко расчлененного эолового рельефа.

Интервал, охватывающий средний и поздний плейстоцен, представляется в Заунгузье наименее ясным, что объясняется отсутствием здесь остатков этого времени (или они пока не выявлены). Но еще раз напомним, что рассматриваемый район в течение длительного времени (всего среднего плейстоцена) представлял единое целое с территорией Кызылкумов, где палеогеографические свидетельства, хотя и ограниченные, для этого периода имеются. К их числу относится наличие в кызылкумских впадинах двух террас, образовавшихся в течение среднего и позднего плейстоцена. Обе террасы однотипны — цокольные, прикрытые маломощным плащом пролювиального материала. Фиксируемое этими террасами двукратное возобновление во впадинах процесса водной седиментации и ряд других признаков указывают на два, очевидно, непродолжительных, увлажнения климата в среднем — позднем плейстоцене. Подобные признаки, как известно, имеются и на смежных территориях: в Каракумах и на Устюрте⁴², в Каспийской области⁴³; в Казахстане на них указывает Н. Н. Костенко⁴⁴.

Позднеплейстоценовая история Заунгузских Каракумов, в том числе района Тюямуюнского водохранилища, связана с историей Амударьи. Как известно, начиная с раннего плейстоцена, а по представлению отдельных исследователей — с апшерона, крупнейшая среднеазиатская река блуждала по площади Низменных Каракумов, где происходило накопление каракумской свиты. Каракумская толща тонкослоистая, состоит из песков, суглинков и глин. В восточной части Низменных Каракумов в песке присутствует большое количество гранитного щебня и гальки. Для песков каракумской свиты характерен серо-стальной цвет, встречаются голубовато- или зеленовато-серые разности. Пески равномерные, с преобладающим остроугольных неокатанных песчинок⁴⁵. Мощность свиты местами достигает 200—300 м.

Стратиграфический объем и положение каракумской свиты в шкале плиоцен-четвертичных отложений Закаспия еще не вполне ясны. Палеонтологические находки в отложениях свиты крайне немногочисленны, и возраст ее устанавливается главным образом по соотношению с палеонтологически охарактеризованными морскими осадками. Дискуссионным, собственно говоря, является положение ее нижней возрастной границы. Некоторые исследователи считают, что она, возможно, соответствует подошве апшерона⁴⁶. Однако в последние годы апшеронские и какая-то часть нижнеплейстоценовых отложений Амударьи были обнаружены в Заунгузских Каракумах (саятская, ташакырская и низы кызылкумской свиты). Таким образом, низы каракумской свиты соответствуют, скорее всего, нижнему плейстоцену, причем не всему, а какой-то его верхней части. Более уверенно датируются верхи каракумской свиты по залеганию на фаунистически охарактеризованном горизонте морских осадков урунджикского или верхнебакинского возраста и под нижнехвалынскими слоями⁴⁷. Имеется и прямое указание на возраст этой части разреза — верхнекаракумской подесвиты. Это находка в Прибалханском районе костных остатков слона *Palaeoloxodon-turkmenicus*

Dubrovo, которая позволяет датировать содержащие ее слои второй половиной среднего плейстоцена⁴⁸.

Приведенные факты подтверждают существующие представления о том, что поворот Амударьи на север и расчленение единой Заунгузско-Кызылкумской равнины на Заунгузские Каракумы и Кызылкумы произошли в позднем плейстоцене. Причины, вызвавшие возвращение Амударьи к своим древним плиоценовым и нижнеплейстоценовым направлениям стока, не ясны. По предположению Ю. А. Скворцова и Н. А. Нагинского поворот совершился путем перехвата Амударьи долиной Зеравшана в районе Кабаклы⁴⁹.

Для правильного понимания этого явления необходимо, однако, принять во внимание, что в позднем плейстоцене район Низменных Каракумов пережил еще одну фазу обильного обводнения и активного субаквального осадконакопления, время которого, по И. А. Волкову, предшествовало позднечетвертичной (хвалынской) трансгрессии Каспия (частично совпадало с ней)⁵⁰. Можно предположить, что возросший сток Амударьи в какой-то момент привел к разливу ее вод и частичному переливу их в хорошо разработанную долину Зеравшана. Последовавший затем быстрый размыв водораздела обусловил поворот Амударьи к северу и слияние обеих рек. В результате этого водами Амударьи были заполнены Сарыкамышская и, возможно, Аральская впадины, и возникла река Узбой, вытекавшая из Сарыкамышского озера и впадавшая в Каспийское море.

В голоцене на территории среднеазиатских пустынь отчетливо выделяются две климатические фазы. Это так называемая льявляканская пльвиальная эпоха и эпоха современного засушливого климата. На увлажнение климата, предшествовавшее современной сухой и жаркой эпохе, указывают многие исследователи среднеазиатских и казахстанских пустынь⁵¹.

В Каракумах, Кызылкумах и на Устюрте наиболее яркие следы голоценовой пльвиальной эпохи сохранились в почвенном покрове. Это плотные буровато-серые иловато-супесчаные почвы песчаных массивов, погребенные болотно-глеевые почвы в районе Льявляканских озер в Кызылкумах и др.

Древние почвы хорошо выражены морфологически, заметно отличаются от современных почв и подстилающих пород физико-химическими свойствами: несколько повышенным содержанием гумуса, плотностью, относительно высоким содержанием ила, незасоленностью и значительной мощностью — до 2,0—2,5 м. Содержание CO_2 карбонатов в них в полтора-два раза выше, чем в современной пустынной песчаной почве, что указывает на более интенсивный процесс карбонатонакопления в прошлом, протекавший в условиях слабоминерализованных почвенных и грунтовых вод. Формирование этих почв началось, возможно, еще в конце позднего плейстоцена, завершающий же этап их развития уверенно датируется археологическими памятниками Льявлякана VI—III (или VIII—III) тыс. до н. э.⁵²

Анализ древних и современных гидрохимических, почвенно-геохимических и других данных, их сопоставление с соответствующими показателями других географических зон показывают, что период льявлякан-

ского пювниала характеризовался климатическими условиями, сходными с условиями современной степной зоны, где осадков выпадает от 250 до 400—450 мм в год, а средняя температура июля составляет $+21-23^{\circ}$, т. е. на $8-9^{\circ}$ ниже средних июльских температур в южной части Туранской низменности.

Ландшафтно-климатические условия льявляканского пювниала благоприятствовали широкому расселению первобытного человека в Каракумах, Кызылкумах и других частях Туранской равнины. В ряде районов Кызылкумов было обнаружено несколько сотен пунктов, давших находки первобытной эпохи, в том числе много крупных стоянок эпохи неолита⁵³. Относительно густо были заселены человеком многие районы Устюрта⁵⁴. Неолитические стоянки обнаружены в Низменных Каракумах⁵⁵ и Заунгузских Каракумах, в районе Тюямуонского гидроузла (см. ниже). Таким образом, на протяжении VI—III тыс. до н. э. первобытный человек освоил практически всю территорию пустынных равнин Средней Азии.

Ухудшение палеогеографической обстановки и возникновение условий, близких к современным, относится, вероятно, к рубежу III и II тыс. до н. э. На это указывает резкое сокращение численности населения в бессточных районах Кызылкумов и Каракумов⁵⁶. Указанный хронологический рубеж в некоторой степени согласуется с началом эпохи жесткого ксеротермического климата, проявившейся одновременно (и, очевидно, однонаправленно) на обширнейших территориях⁵⁷.

Особенности древнего расселения человека в пустынных районах Средней Азии неоднократно анализировались и рассматривались в советской научной литературе⁵⁸. В указанных работах отмечалось, что выбор местообитаний и плотность древнего заселения территорий определялись целым рядом факторов, к числу которых относятся микроклиматические условия, обводненность областей, их растительный потенциал, охотничье-промысловые животные, наличие полезных ископаемых — кремня, халцедона и кварцита, медных руд. Одним из постоянно действующих условий во все эпохи, бесспорно, было наличие источников питьевой воды: транзитных рек, озер и временных водоемов, образующихся вследствие скопления талых и дождевых вод, временных водотоков, в руслах которых местами иногда подолгу сохраняется вода, разлилов слепо заканчивающихся рек и их устьевых озер, собственно источников (родников), а для более поздних этапов заселения пустыни — колодцев⁵⁹. Гидрологическая и гидрогеологическая обстановка и связанная с нею водообеспеченность пустынных территорий Средней Азии в течение плейстоцена неоднократно менялись, отражая сложный ход тектонических и особенно палеоклиматических изменений.

В приамударьинской полосе Заунгузских Каракумов экологические условия определялись тремя главными факторами: климатом, стоком транзитной Амударьи и гидрогеологической ситуацией. Если отвлечься от двух последних факторов, то по климатическим условиям в Заунгузье, как и на сопредельных пространствах Каракумов и Кызылкумов, как было показано выше, наиболее благоприятными для расселения древнего человека периодами были первая треть или половина раннего плейстоцена, первая половина среднего плейстоцена, середина позднего

плейстоцена и древний — средний голоцен⁶⁰. Сток амударьинских вод являлся дополнительным благоприятным фактором в начале плейстоцена, в позднем плейстоцене и голоцене. Совпадения во времени улучшений климата и стока речных вод приводили к повышению уровня грунтовых вод, увеличению водопротока к действующим источникам и появлению новых источников, а также обуславливали опреснение подземных вод.

Рассматриваемый район в гидрогеологическом отношении весьма своеобразен. Несмотря на то что по общим структурным особенностям (антиклинальные структуры) он крайне неблагоприятен для накопления и разгрузки подземных вод, здесь имеются многочисленные источники. Частое чередование в отложениях района водопроницаемых и непроницаемых пород, обилие сбросовых трещин создают условия для накопления здесь атмосферных и амударьинских вод и превращения их в напорные⁶¹. Многочисленные восходящие источники функционируют здесь и в настоящее время. Однако в определенные периоды обводненность территории, несомненно, улучшалась, причем улучшалось и качество вод. Учитывая характер питания подземных вод рассматриваемого района, а именно роль в их балансе речных фильтрационных вод, следует, по-видимому, исключить из указанных выше четырех благоприятных по климатическим условиям периодов период среднего плейстоцена, когда сток Амударьи направлялся в Каспий по Низменным Каракумам. Во всяком случае, этот отрезок времени нуждается в специальном изучении.

2. Памятники эпохи неолита и бронзы

Значительная по объему и значению коллекция находок первобытной эпохи связана с двумя крупными впадинами — Султансанджарской и Кошбулакской, которые расположены на древней структурно-денудационной равнине, занимающей большую часть исследованной территории. Это район слабодислоцированных меловых отложений, прикрытых лишь тонким слоем песчано-каменистого элювия и местами эоловыми песками.

Как уже говорилось, впадина Султансанджар находится в 6 км к юго-западу от Амударьи (от теснины Тюямуюн). Она разделена невысокой перемычкой на две части: с северо-востока расположена собственно впадина Султансанджар, а юго-западная часть с небольшим озером носит название урочища Султансанджар. В целом впадина вытянута на 17 км при максимальной ширине 9 км. В плане она имеет почти прямоугольные очертания.

Собственно впадина имеет длину 11 км и ширину до 5 км. В рельефе очень четко выражен ее северо-восточный склон. Он крут, часто и глубоко рассечен оврагами. Днище впадины расположено на абсолютной высоте 100 м. Оно представляет собой солончак, местами мокрый. На днище встречаются выступы — острова, сложенные меловыми алевритами, песками и песчаниками, участки кучевых песков и песчаных бургов-чоколаков.

Непосредственно в самой впадине Султансанджар была проведена серия разведочных маршрутов, в результате которых обнаружены две

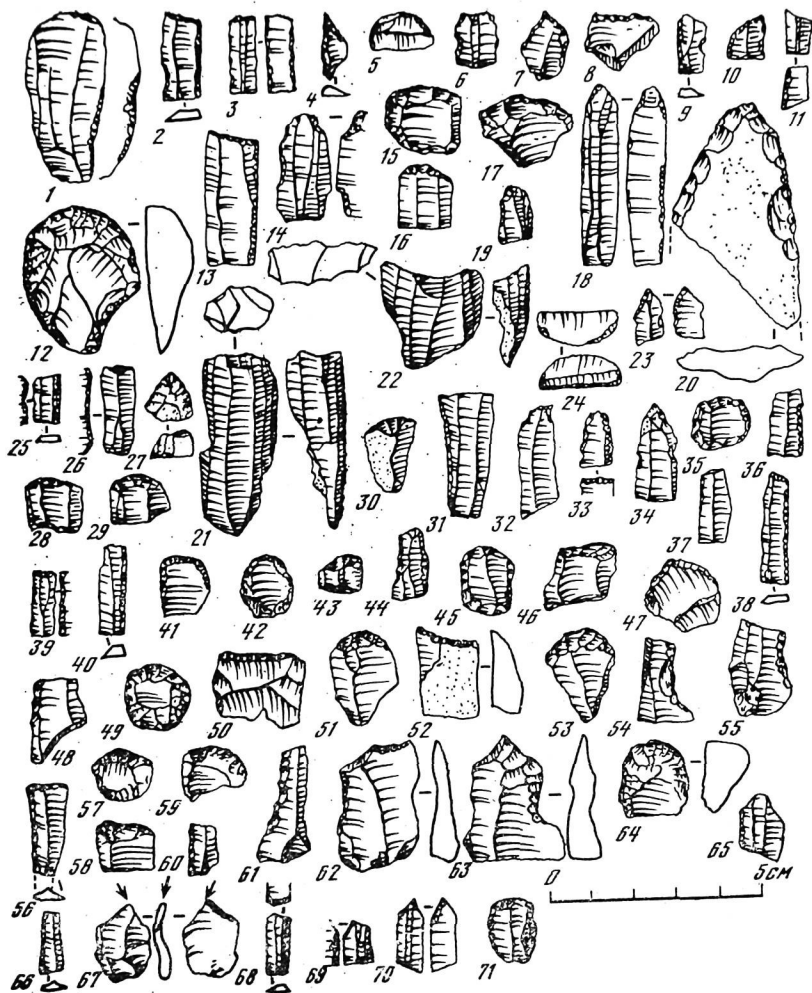

Рис. 5. Материалы из района впадин Султанджар и Кошбулак. Изделия из камня
 1 — поиск 11; 2-4 — поиск 13; 5 — поиск 17; 6 — поиск 31; 7, 8 — поиск 33; 9 — поиск 35;
 10, 11 — поиск 37; 12, 13 — поиск 38; 14 — поиск 40; 15-39 поиск 16; 40 — пункт Султанджар
 2; 41 — пункт Султанджар 4; 42-44 — стоянка Султанджар 5; 45-59 — стоянка Султанджар
 1; 60, 64 — поиск 60; 62 — поиск 67; 63 — поиск 73; 64, 65 — поиск 84; 66 — поиск
 102; 67 — поиск 101; 68, 69 — поиск 106А; 70, 71 — пункт Каррыкызыл 4

небольшие развешенные неолитические стоянки (Султансанджар 1 и 5), единичные разрозненные находки того же времени (поиски 33, 34, 35, три пункта с неолитическим материалом (Султансанджар 2, 3, 4) и 37; см. рис. 2 и рис. 5).

Самым крупным скоплением неолитических материалов в пределах впадины является стоянка Султансанджар 1, найденная на южном (Курортном) острове солончака. Центральная часть острова прорезана котловиной, вытянутой по длинной оси его (с юго-востока на северо-запад) примерно на 350 м. Юго-восточный пониженный край ее смыкается с солончаком. Неолитический материал располагался на дне и склонах котловины, на площади 110×90 м, сборы произведены раздельно по четырнадцати участкам. Каких-либо существенных типологических различий между материалами отдельных участков не наблюдается.

Концентрация находок примерно везде одинакова и в целом крайне незначительна. Всего на стоянке собрано 361 кремневое и кварцитовое изделие. Преобладают изделия из серого и светло-серого кварцита, на втором месте коричневый кремль, единично встречен цветной. В небольшом количестве использовалась галька темных тонов и редко цветная. Незначительно число изделий из окремненной породы.

Из общего количества найденных на стоянке каменных изделий — 40 орудий с ретушью, или 10,6%. Основная же масса находок — это отщепы и обломки (277 экз., или 70,9%), в том числе 14 экз. с остатками желвачной корки. Орудия представлены преимущественно скребками, среди которых почти в равной мере имеются изделия из пластин и отщепов. Особо следует выделить небольшую серию микроскребок из отщепов с обработкой по всему периметру. В небольшом количестве представлены пластины с разного рода выемками и нерегулярной ретушью. Отщепов с ретушью мало (табл. 1; рис. 5, 45—59).

Вторая по величине в районе Султансанджара неолитическая стоянка Султансанджар 5 обнаружена в 10 км юго-восточнее селения Шейх-Арык и в 2 км западнее берега впадины Султансанджар. Она расположена в небольшой котловине, спускающейся к солончаку. На плотной засолонцованной песчаной поверхности на площади 40×10 м собрано немного кремня, а также разновременная керамика (всего 42 экз.). Каменный инвентарь изготовлен в большинстве случаев из белого кремня хорошего качества (22 экз.), реже — из цветного кремня. Единично встречены изделия из окремненного песчаника и окремненной породы. Всего каменных изделий 35 экз., из них 17 с ретушью (табл. 1; рис. 5, 42—44). По типологическому составу коллекция близка материалам стоянки Султансанджар 1.

На стоянке найдено 8 обломков первобытной керамики. Один из обломков в верхней части украшен нарезным орнаментом (рис. 6, 1). Не исключен поздне-неолитический возраст этих фрагментов. Кроме материалов первобытной эпохи здесь собран и поздний материал — средневековая ремесленная и лепная керамика.

Во впадине Султансанджар отмечены также три пункта с неолитическим материалом. В отличие от стоянок, находки на них немногочисленны и еще менее выразительны.

Пункт Султансанджар 2 находится на пологом засолонцованном

Таблица 1. Типологический состав коллекций изделий из камня из стоянок Султансанджар 1 и 5

Тип изделия	Султансанджар 1 (экз.)	Султансанджар 5 (экз.)
Отщепы, обломки	277	9
Ножевидные пластины без ретуши	33	6
Сколы с нуклеусов	9	2
Сколы «оживления»	2	—
Заготовки для нуклеусов	—	1
Концевые скребки на ножевидных пластинах	9	2
То же, дублированные	1	—
Боковые скребки	1	—
Скребки на отщепах	10	—
Микроскребки на отщепах	3	2
Ножевидные пластины с широкими выемками	2	—
Ножевидные пластины с мелкими выемками	4	3
Ножевидные пластины с неправильно-мелкозубчатым краем	—	1
Ножевидные пластины с краевой ретушью	—	2
Ножевидные пластины с притупленным краем и скошенным концом	1	—
Ножевидные пластины с нерегулярной ретушью	5	7
Отщепы с ретушью	4	—
Всего	361	35

южном берегу озера Султансанджар. Находки собраны по западному берегу небольшого солончака на слабозакрепленной, местами переваемой песчаной поверхности. Севернее этого солончака находится группа небольших бугров (типа чоколаков), образовавшихся, по всей видимости, на месте старых родников. Площадь сборов примерно 30×60 м. Находки распределялись довольно равномерно по всей площади. Всего собрано 36 каменных изделий. Это в основном отщепы и обломки, реже — пластины. В коллекции имеется скол «оживления» с нуклеуса.

Пункт Султансанджар 3 находится в восточной части солончака, в 10—15 м от берега. Находки располагались двумя скоплениями: перед озерной террасой (скопление I) и на самой террасе (скопление II).

Скопление I. Общая площадь скопления примерно 110×60 м. Находки лежали на песчаной поверхности, покрытой конкрециями, а в южной части — песчанниковой щебенкой. Единичные находки были обнаружены и на склонах террасы (к востоку от основного скопления). В коллекции представлены главным образом отщепы и обломки окремненно-го песчаника.

Скопление II. Расположено в 50—60 м северо-западнее скопления I на поверхности террасы. Площадь сборов 50×10 м. Концентрация находок выше, чем в скоплении I, выделяются отдельные пятна с повышенной концентрацией. Характер находок в обоих скоплениях аналогичен. Вне скоплений найдено два крупных кремневых обломка.

Пункт Султансанджар 4 расположен в восточной части перемычки, отделяющей впадину Султансанджар от одноименного урочища. Наход-

ки собраны на террасовидной возвышенности, на поверхности плотно засоленцованного песка. Общая площадь сборов 30×30 м, в коллекции около 70 кремневых находок. По склону возвышенности находок не было. Концентрация материала при мерно одинакова по всей площади, несколько больше их было в центре скопления.

В пунктах Султансанджар 2, 3, 4 получен немногочисленный и невыразительный материал. В сборах преобладают изделия из невысокой по качеству окремненной породы желтоватых и серых оттенков. Единично встречен хороший белый или серый кремнь. Всего на трех пунктах собрано 115 экз., в том числе пять изделий с ретушью (4,4% всех находок). Из обработанных изделий следует отметить пластину с притупленной спинкой (Султансанджар 2, рис. 5, 40), скребок на отщепе (Султансанджар 4, рис. 5, 41), отщепы с ретушью (3 экз.). Основная масса находок — отщепы (75 экз.) и в меньшем количестве обломки (20 экз.).

В пределах впадины Султансанджар было проведено 14 поисков (1—8 и 32—37), но только четыре из них дали неолитический материал (33—35, 37). Материал этот очень немногочислен, разрознен, собран на значительной территории и носит случайный характер. В связи с этим типологическое описание его дается суммарно со всех поисков (33—35, 37). Всего собрано 18 предметов из камня, из них 10 экз. из окремненных пород (в том числе песчаника), остальные из кремня.

Типологический состав коллекции представлен на табл. 2 (см. также рис. 5, 7—11).

Вторая впадина — Кошбулакская расположена к юго-востоку от

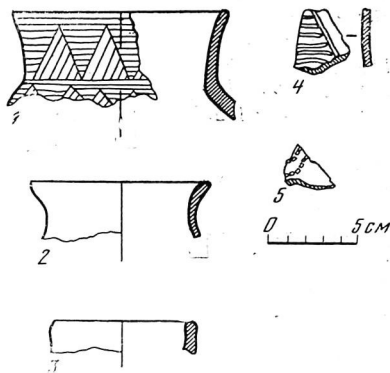

Рис. 6. Неолитическая керамика из района впадин Султансанджар и Кошбулак

1—стоянка Султансанджар 5; 2, 4, 5—стоянка Кошбулак; 3—поиск 13

Таблица 2. Типологический состав находок (поиски 33—35, 37)

Тип изделия	Количество экземпляров	Тип изделия	Количество экземпляров
Отщепы и обломки без ретуши	12	То же со скошенным концом	1
Ножевидные пластины без ретуши	1	Скребок-проколка на отщепе	1
Пластины с краевой ретушью	1	Скребок на сколе снуклеуса	1
Пластина с притупленной спинкой	1	Всего	18

Султансанджарской и в 11—12 км от берега Амударьи. Подробно она описана выше (см. с. 43).

В пределах впадины было проведено 20 разведочных маршрутов, в результате чего обнаружены две неолитические стоянки (Каррыкызыл 1 и Кошбулак 1), один пункт (Каррыкызыл 4) и выделено шесть поисков (16, 17, 59, 60, 64, 74) с материалами эпохи неолита и бронзового века.

Внимание обращалось прежде всего на колодцы и родники, расположенные по разлому. На одном из них, колодце Каррыкызыл, в 1,5 км к западу от восточного берега впадины, была обнаружена неолитическая стоянка Каррыкызыл 1. Площадь стоянки примерно 70×50 м. Это ровная открытая площадка, полого опускающаяся к востоку. Поверхность ее покрыта навейным песком. С севера стоянку ограничивает полоса крупных кустов тamarиска, на западе пологий склон переходит в уплощенную засоленную поверхность. На востоке между стоянкой и бортом котловины располагается полого опускающаяся к востоку засоленная поверхность с густой кустарниковой растительностью.

Площадь стоянки изрыта воронкообразными ямами с хорошо выраженной кольцевой обваловой (или выбросом). Их насчитывается 10, диаметр колеблется от 6—8 до 8—10 м, глубина некоторых достигает 2 м. Как показала шурфовка, это следы полужемлячных жилищ или небольших загонов для скота, относящиеся к недавнему прошлому.

Работы на стоянке Каррыкызыл 1 проводились в течение двух сезонов. В 1973 г. здесь был собран подъемный материал (по отдельным участкам). Он лежал на плотной супесчано-суглинистой поверхности, иногда слегка присыпанный песком. Были находки на валах ям, на их внутренних склонах и днищах. Всего в 1973 г. было собрано 1007 предметов разных категорий.

В 1974 г. работы на стоянке были продолжены. Вторично был собран подъемный материал со всей площади. Однако главной задачей исследований была разведочная шурфовка с целью возможного обнаружения участков неразрушенного культурного слоя. В разных местах стоянки было заложено шесть шурфов и одна траншея глубиной от 60 см. до 2 м. Если исключить участки, затронувшие края ям и прорезавшие их отвалы, в основе песчаные, с линзами и прослойками овечьего помета, то стратиграфия поверхностных отложений представляется в общих чертах в следующем виде (сверху вниз, рис. 7):

1. Песок с гравийными зернами и глинистыми частицами. Гравийных зерен много, форма их уплощенная. Слой лежит горизонтально, граница со следующим слоем отчетливая. Этот слой имеется в шурфах 3, 4, 5, 6. Мощность его до 20 см.

2. Тонкозернистый песок (или супесь). В этом слое есть биогенные пустоты, заполненные гравийными зернами. Порода слабо сцементирована, цвет светло-серый, мощность 18—20 см. Имеются корешки. Слой содержал редкие находки эпохи неолита. Зафиксирован во всех шурфах (1—6).

3. Песок с гравийными зернами и незначительным количеством глинистых включений. Цвет серый. Есть биогенные пустоты, заполненные грубозернистым песком. Гравийные зерна кварцевые. Песок средне- и мелкозернистый, неотсортированный, слабосцементированный. Мощ-

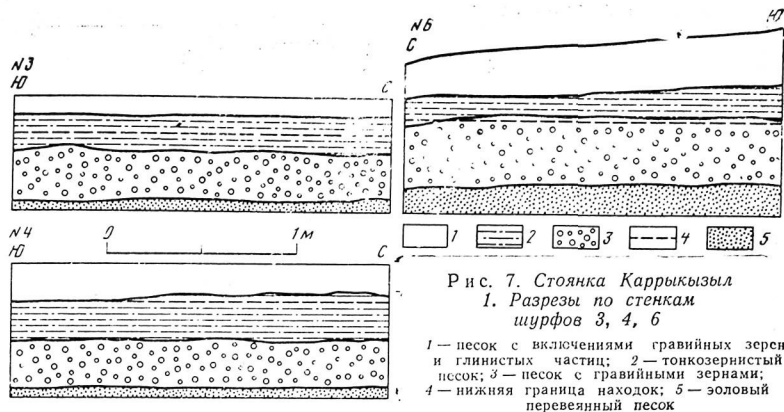

Рис. 7. Стоянка Каррыкызыл

1. Разрезы по стенкам шурфов 3, 4, 6

- 1 — песок с включениями гравийных зерен и глинистых частиц; 2 — тонкозернистый песок; 3 — песок с гравийными зернами; 4 — нижняя граница находок; 5 — золовый переветренный песок

ность 20—30 см. Зафиксирован во 2, 3, 4-м и 6-м шурфах. Граница между 2-м и 3-м слоями неровная. В этом слое отмечены редкие неолитические находки.

4. Золовый, переветренный песок видимой мощностью до 60 см. Песок хорошо отсортированный, мелкозернистый, желтоватого цвета. Археологических находок в слое не было.

Всего из шурфов извлечено 236 экз. находок разных категорий, главным образом относящихся к неолиту. Однако рассеянный по площади и в глубину характер материала, отсутствие сколько-нибудь интенсивных скоплений на одном уровне, зольных пятен и некоторые другие признаки показывают, что археологический материал располагается здесь в переотложенном состоянии.

Сравнительный анализ подъемного материала и материала шурфов свидетельствует о том, что мы имеем дело, видимо, с разрушенной однослойной неолитической стоянкой. Полученная на стоянке коллекция кремневых изделий и керамики довольно значительна (в масштабах этого района) и насчитывает 1866 экз. Поздняя (в основном средневековая) примесь на стоянке невелика и легко отчленяется (55 обломков круговой керамики).

За вычетом очень мелких трудноопределимых обломков (123 экз.) коллекция неолитической керамики насчитывает 504 фрагмента. По тесту эта керамика делится на две группы: 1) с примесью шамота и 2) с примесью песка (так называемая «песочная» керамика).

Керамика с примесью мелкого шамота составляет основу коллекции (510 экз.). Она изготовлена ленточным способом, во многих случаях стенки ломались именно по стыку лент. Тесто слоистое, черепок в изломе черный или серый разных оттенков. Поверхности в большинстве случаев серые, реже — оранжевые. Толщина стенок сосудов этой группы, как правило, 0,5—0,6 см. Судя по сохранившимся фрагментам венчиков и верхней части, эта группа представляет 27—30 сосудов.

Вторую, меньшую группу составляют обломки сосудов «песочного»

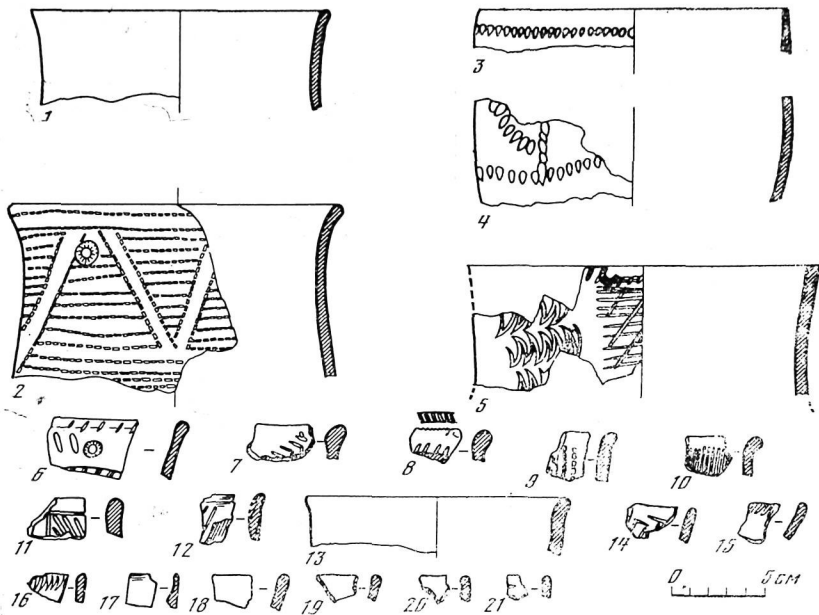

Рис. 8. Керамика стоянки Каркымызы 1

теста. Всего их 94 экз. Тесто тонкоотмученное с едва заметной на глаз примесью песка. Черепок ровного серого или коричневого (оранжевого как вариант) цвета. Поверхности в большинстве случаев серых оттенков, реже — коричневые. В сравнении с первой группой сосуды песочного теста более тонкостенны (0,3—0,5 см).

По форме можно выделить следующие типы: 1) сосуды вертикально-вытянутых пропорций с отогнутым наружу венчиком и раздутым туловом — 12 экз. (рис. 8, 1, 2, 5); 2) чаши близкой к полусферической формы — 14 экз. Они представлены несколькими вариантами: а) с вертикальным ровным или утончающимся бортиком — 6 экз. (рис. 8, 3, 4); б) с плавно отогнутым наружу краем — 1 экз. (рис. 8, 13); в) со слегка загибающимися внутрь бортиками — 2 экз. (рис. 8, 20).

Среди обломков керамики «песочного» теста имеются также фрагменты двух полусферических чаш со сливом и, возможно, сосуда с трубчатым носиком.

Обломки сосудов с орнаментом составляют 39,2% их общего количества. Наиболее многочисленна группа фрагментов с прочерченным орнаментом (всего 83 экз., или 35% от общего количества фрагментов с орнаментом). Преобладает прочерченный прямолинейный орнамент (рис. 9, 1—3, 8, 9) и только в двух случаях встречен волнистый (рис. 9,

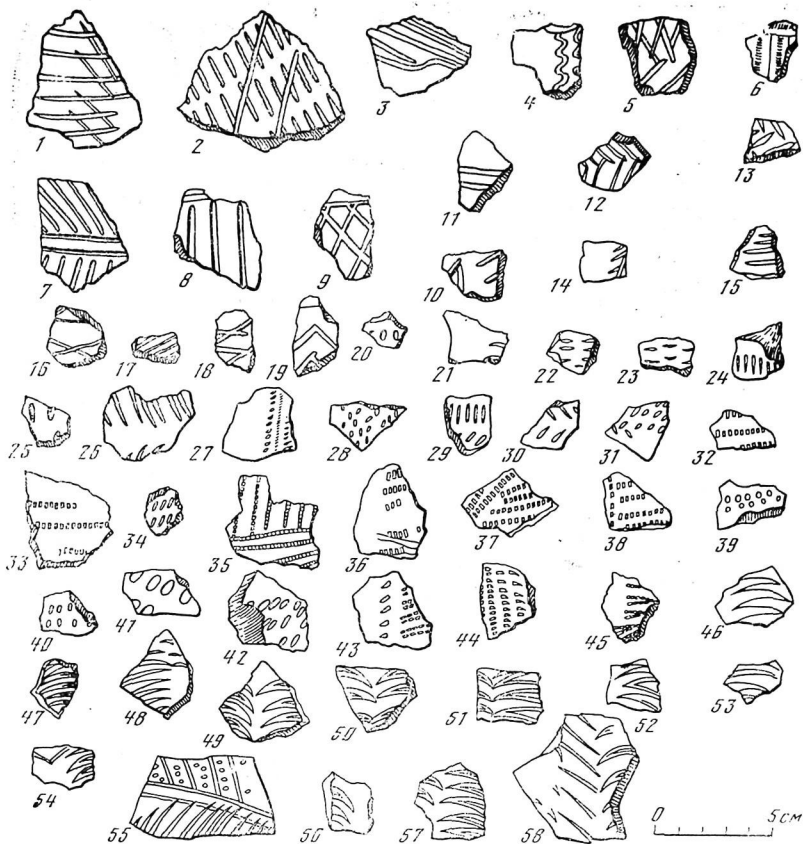

Рис. 9. Керамика стоянки Карыкызыл I

4). Чаще всего встречаются простые параллельные линии, которые в ряде случаев являются, возможно, частью сложных узоров, реже — ромбическая сетка (рис. 9, 5, 10, 16). В одной трети случаев прочерченный орнамент встречен в сочетании с другими видами узоров. Второе место по количеству занимают оттиски гладкой и зубчатой качалки (рис. 8, 5; рис. 9, 43—58) — 82 случая (34%). Иногда качалка (гладкая) служила разделителем орнаментальных полей. В большинстве случаев обломки так малы, что судить о композиции невозможно. Штампованный зубчатый орнамент встречен в 30 случаях, что составляет 12,6% (рис. 8, 2; рис. 9, 33, 35—38). Только в одном из них можно про-

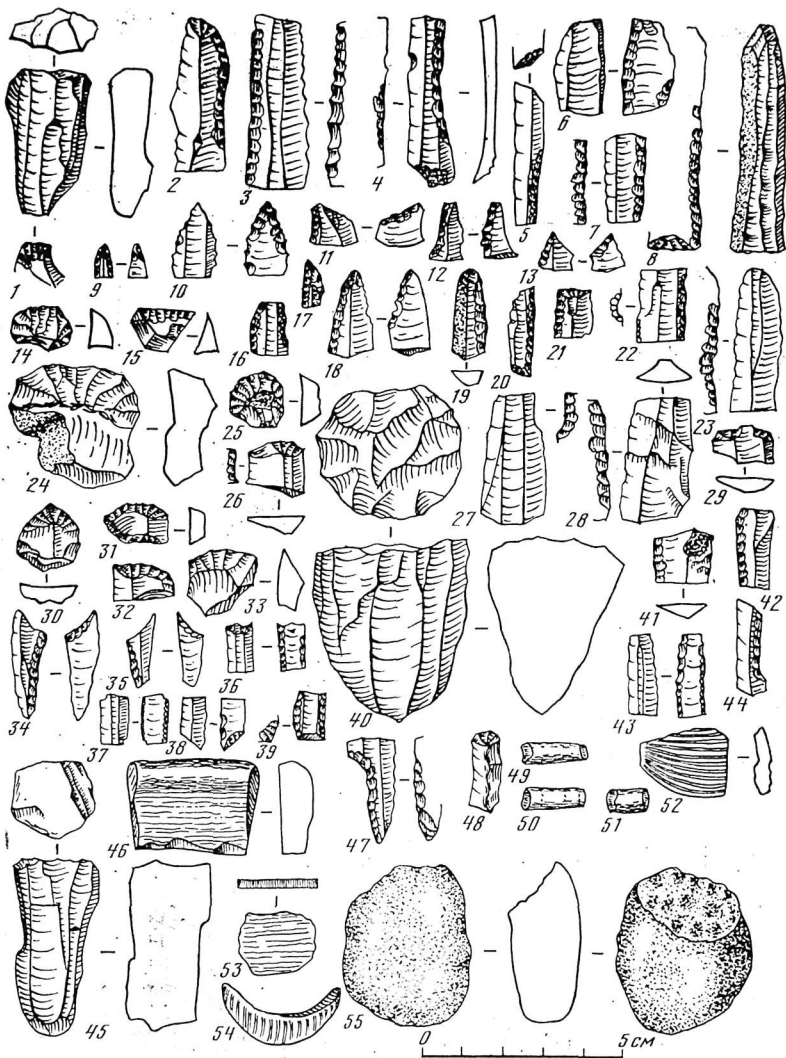

Рис. 10. Изделия из камня и украшения стоянки Каррыкызыл I

следить композицию: 2—3 параллельные линии делят орнаментальное поле на горизонтальные пояса, которые заполнены заштрихованными треугольниками, поочередно расположенными вершиной вверх и вниз. Насечки и вдавления составляют 8,8% общего количества (21 случай, рис. 9, 20—31). Преобладают вдавления овальной или подовальной формы. Они обычно заполняют орнаментальные пояса и обрамляют контуры фигур. Очень небольшую группу составляют насечки (16 экз., или 6,5%). Последнее место занимает ногтевой орнамент — 5 экз. (2,1%).

Чаще других орнаментировались вертикально вытянутые сосуды, причем преимущественно прочерченным орнаментом. Чаши разных вариантов покрывались обычно насечками, вдавлениями, качалкой (гладкой). Орнаментальные мотивы, как правило, геометрического характера: горизонтальные и вертикальные пояса, прямоугольные, треугольные, овальные фигуры.

Коллекция изделий из камня насчитывает 945 экз. Для изготовления орудий обитатели стоянки использовали главным образом высококачественный кремль, преимущественно белого цвета (570 экз.), часто желтого (240 экз.), изредка серых и коричневых тонов. Первичная обработка происходила, видимо, в местах добычи; во всяком случае, на стоянке только 166 сколов с остатками желвачной корки (16%). Из местного материала употребляли кварцит (10%), единично гальки из различных кремнистых пород.

Нуклеусы представлены коническими и призматическими типами. Всего их четыре. Конический нуклеус (1 экз.) сделан из зеленовато-желтой окремненной породы и имеет хорошо выраженную коническую форму со слегка уплощенной тыльной стороной. Высота его 4,1, ширина 3,6 см. Ударная площадка горизонтальная, подовальной формы, оформлена серией сколов. Пластины удлиненные, призматические средних размеров, снимались с $\frac{2}{3}$ окружности. Основание нуклеуса заострено, следов смятости нет (рис. 10, 40).

Призматических нуклеусов три. Один из них изготовлен из окремненной породы красноватого цвета. По диагонали отколота вся тыльная часть. Ударная площадка горизонтальная, неровная, оформлена грубоватыми сколами. Из-за низкого качества породы (слоистость) сколы часто оканчиваются заламами. Со всей фронтальной поверхности сняты длинные ножевидные пластины. Высота его 6, ширина 3,6 см. Второй нуклеус, двухплощадочный, сделан из белого кремня. Высота 4,1, ширина 2,1 см. По форме близок цилиндру. Верхняя ударная площадка горизонтальная, округлая, со сколами-заламами от краев к центру. Нижняя почти не оформлена, неправильно-округлой формы, скошена. С этой площадки были сняты 2—3 пластины (рис. 10, 45). Последний нуклеус призматический, уплощенный, из белого кремня. Высота 3,4, ширина 2,0 см. Ударная площадка подовальной формы, почти горизонтальная. Узкие ножевидные пластины снимались с передней и одной боковой стороны. Нижнее основание с тыльной стороны отретушировано (рис. 10, 1).

Среди разного рода сколов с нуклеусов и их обломков (всего 54 экз.) имеется шесть сколов «оживления».

Орудий с ретушью — 75 экз.

Рансе нами была опубликована общая типологическая статистика изделий из кремня этой стоянки⁶². Ниже приводится описание основных типологических групп орудий.

1. Наконечник стрелы кельтеминьарского типа, представлен черешком и частью пера (рис. 10, 47). Характер обработки черешка — он заострен, оформлен противоположащей ретушью — показывает, что изделие относится к типу, более характерному для южных районов распространения памятников кельтеминьарской культуры (низовья Зеравшана, Лявлякан).

2. Проколки и провертки (11 экз.) могут быть разделены на три группы: а) острия-проколки — 5 экз. (рис. 10, 10, 13, 18). Сделаны на сечении ножевидных пластин, имеют треугольный острый рабочий конец, обработанный либо с брюшка (2 экз.), либо противоположащей ретушью (3 экз.); б) сверло — 1 экз. (рис. 10, 19). Сделано на сечении ножевидной пластины, рабочий конец обработан крутой ретушью со спинки, конец — пологой ретушью брюшка; в) провертки — 5 экз. (рис. 10, 12), сделаны на сечении ножевидных пластин, ретушь со спинки, противоположащая или чередующаяся.

3. Скрепки — 57 экз. (рис. 10, 14, 15, 25, 26, 29, 30—33, 48), в том числе: а) с круговой ретушью — 5 экз.; б) концевые на пластинах, дублированные — 3; в) концевые на пластинах — 26 (19 с ретушью по одной или двум боковым сторонам со спинки или брюшка); г) скрепки на отщепе — 23 экз. В последней серии имеются крупные скрепки-скребла (3 экз.), миниатюрные изделия с дуговидным рабочим краем (14 экз.), скрепки с подтреугольным рабочим концом (1 экз.), с прямым рабочим краем (3 экз.), клювовидные (2 экз.).

4. Пластины с притупленной спинкой — 33 экз. (рис. 10, 19, 20, 34, 35, 39). Серия этих изделий довольно значительна количественно и включает обычные для пустынного неолита варианты этого типа: а) пластины с притупленной спинкой — 14 экз.; б) с притупленной спинкой и прямо срезанным концом — 2; в) с притупленной спинкой и косо срезанным концом — 13; г) с притупленной спинкой и косо срезанным концом (треугольники) — 4 экз. (рис. 10, 34, 35).

5. Пластины со скошенным или прямо срезанным концом — 3 экз. Ретушь по краю с брюшка (рис. 10, 36, 38).

6. Ножевидные пластины с выемками — 21 экз., в том числе: а) с широкими неглубокими выемками — 4 экз. (рис. 10, 27, 44); б) с мелкими нерегулярными выемками — 9 (рис. 10, 22); в) с мелкими регулярными выемками, образующими зубчатый край (пилки) — 8 экз. (рис. 10, 3, 43).

7. Пластины с краевой ретушью — 12 экз. (рис. 10, 6—8, 41, 42), в том числе: а) со спинки — 3 экз.; б) с брюшка — 8; в) с противоположащей — 1 экз.

8. Ножевидные пластины с нерегулярной ретушью — 12 экз.

9. Отщепы с краевой ретушью — 11 экз.

10. Мелкие обломки изделий с ретушью, типологически не определяемые — 5 экз.

11. Необработанные ножевидные пластины — 248 экз. Как правило, это отходы, сечения, мало пригодные для дальнейшего использования.

12. Отщепы, обломки, камни — 644 экз.

На стоянке найдено несколько обломков шлифованных изделий, среди которых можно выделить фрагменты рубящих орудий — топоров или тесел (5 экз.). Следует отметить, что в небольшой серии галечных орудий (7 экз.) имеются два изделия типа чопперов (рис. 10, 55).

В коллекции встречены украшения — цилиндрические пронизки из раковин Dentalium (рис. 10, 49—51), а также бусы из створок раковин округлой формы (рис. 10, 52, 54). Украшений из камня на стоянке не найдено, возможно, заготовкой для украшения является найденный здесь обломок мраморного оникса.

Второй по величине во впадине Кошбулак является стоянка Кошбулак I. Она выделена в пределах поиска 16, проведенного на юго-западном берегу солончака Кошбулак. Стоянка расположена в 150—200 м от берега солончака на песчаной, засолонцованной поверхности, тянущейся полосой вдоль первых гряд коренных песков. С запада и северо-запада ее территорию ограничивает высокая песчаная гряда, закрепленная кустарником. Площадь распространения находок — с юга на север (250) × (30—40) м. На стоянке выделено три скопления.

Скопление I — северное, самое большое по площади и материалу тянется на 200 м вдоль гряды до ее конца. Ширина полосы с находками от 20 до 30 м. Находки располагались в целом равномерно, постепенно уменьшаясь к периферии. Всего здесь собрано 77 экз. изделий из камня и керамики.

Скопление II — южное, самое маленькое по площади (10×15 м). По отношению к уровню скопления I расположено несколько выше. На поросшей кустарником поверхности собран немногочисленный кремневый и керамический материал (31 экз.).

Скопление III расположено между скоплениями I и II и несколько смещено к востоку, площадь его 15×20 м. Материал был найден на заросшей кустарником песчаной поверхности. В коллекции в основном мелкие обломки поздней керамики — средневековой и нового времени.

Всего на скоплениях I и II собрано 122 предмета, в том числе 84 из кремня. Преобладает хороший кремень белого цвета (непрозрачный или полупрозрачный), реже — коричневато-розовый. Единичны изделия из кварцита песочного цвета.

Типологический состав коллекции следующий:

1. Нуклеусы — 2 экз. Оба уплощенные, односторонние, клиновидные в вертикальном сечении (рис. 5, 21, 22). Найдена также заготовка для нуклеуса — желвак белого кремня со следами предварительной обтески.

2. Сколы нуклеусов — 2 экз. Оба они являются сколами «оживления».

3. Наконечник копья или дротика (обломок, верхняя часть). Изготовлен из сланцевой плитки подтеской краев по периметру (рис. 5, 20).

4. Скребки на пластинах концевые — 9 экз., в том числе два дублированных (рис. 5, 15, 16, 26, 28, 29).

5. Скребки на отщепе — 5 экз. (рис. 5, 17, 27, 30, 35). Среди них миниатюрное орудие подтреугольной формы с ретушью по всему периметру (рис. 5, 27).

6. Проколки и провертки — 3 экз. Все они сделаны из сечений пластин, но разнотипны по форме и характеру обработки (рис. 5, 23, 32).

7. Пластины с краевой ретушью — 3 экз.

8. Пластины с выемками — 9 экз.

9. Пластины с притупленным краем — 3 экз. Среди них пластинка со скошенным концом (рис. 5, 38), а также изделие геометризованных очертаний с обработкой торцов, одной и частично другой длинных сторон (рис. 5, 24).

10. Обломки пластин с нерегулярной подправкой — 3 экз.

11. Ножевидные пластины без ретуши — 34 экз., все они представлены обломками.

12. Отщепы и обломки без ретуши — 27 экз.

На скоплении I найдены три маленьких обломка мраморного оникса.

Неолитическая керамика со скоплений I и II насчитывает 21 экз. По составу теста она может быть разделена на три группы: 1) из «песочного» теста; 2) из тонкоотмученного теста с примесью шамота; 3) из теста с примесью карбонатов.

Основную часть керамической коллекции составляет «песочная» керамика (17 экз.). Учитывая количество венчиков и днищ, можно предположить наличие 4—5 сосудов, причем один из них был, возможно, вертикально вытянутых пропорций (рис. 6, 2). Один из сосудов представлен уплощенным днищем с углублением снизу. Большую же часть песочной керамики составляют мелкие невыразительные обломки. Три фрагмента имеют прочерченный орнамент, но только на одном он достаточно хорошо прослеживается. Это волнистый орнамент, заполняющий очерченные геометрические фигуры (рис. 6, 4).

Вторая группа (с примесью шамота в тесте) представлена 3—4 сосудами, один из которых, возможно, вертикально вытянутых пропорций. Один обломок этой группы украшен штампованным зубчатым орнаментом в форме зигзага (рис. 6, 5). Поверхность сосудов этой группы серая или коричневая, излом темный.

Третья группа наименее выразительна. В числе находок — обломок верхней части сосуда с сильно отогнутым наружу венчиком, хорошо выраженным горлом и, очевидно, раздутым туловом. На скоплениях I и II в небольшом количестве собран и более поздний (средневековый) материал.

Еще одним неолитическим местонахождением этой группы является пункт Каррыкызыл 4. Он выделен в пределах поиска 78. В 4 км к юго-востоку от колодца Каррыкызыл в районе слабо функционирующих родников меридионально расположены два чоколака. Вокруг них солончак с такыровидной поверхностью. Около северного чоколака и между ними собран незначительный кремневый материал — всего 25 предметов.

В инвентаре преобладает кремень белого цвета (14 экз.), единично коричневый. В качестве подсобного материала использовали окремненную породу, кварцит и гальки. Обработанных изделий — 6 экз. (24%). Среди них концевой скребок с ретушью по боковым сторонам (рис. 5, 71), провертка с острым треугольным рабочим концом, оформленным противолежащей ретушью (рис. 5, 70), ножевидные пластины с нерегулярной

краевой ретушью. Необработанных пожевидных пластин найдено 7, отщепов и обломков — 12 экз.

Во впадине Каррыкызыл был проведен ряд разведочных поисков, но только три из них дали неолитический материал в виде единичных находок изделий из кремня (59, 60, 74). Кроме того, обследовалась территория вокруг впадины. Был осмотрен ее восточный высокий борт. В районе родника Кайнар был проведен поиск 64. Примерно в 2 км к северо-востоку от родника, в южной части такыра, находится колодец Кайнар.

Поиск охватил территорию вдоль западного края такыра, в том числе примыкающий к нему участок грядовых песков. Находки располагались либо в межгрядовых понижениях, либо в замкнутых котловинах; в большинстве случаев это небольшие скопления. В пределах поиска было выделено скопление 64А, где на обочине дороги, на площади 1 м² лежали обломки лепного сосуда, видимо, эпохи бронзы. Южнее, в межгрядовом понижении, на площади 15 м² собран значительный и невыразительный кремневый материал.

Столь же бедна неолитическим материалом и западная граница впадины. Здесь неолитический материал дали два поиска — 16 и 17. Поиск 16 охвачена территория вдоль юго-западного берега солончака Кошбулак протяженностью до 2 км с северо-востока на юго-запад. Рельеф этой территории неоднороден. Вдоль береговой линии на 100—150 м в глубь берега тянутся невысокие песчаные гряды, закрепленные низкой растительностью. Местами они образуют замкнутые котловины с запесоченными или затакыренными днищами. В 150—200 м к западу от берега начинаются грядовые пески, также закрепленные невысокой и умеренной растительностью. Гряды ориентированы с севера на юг с небольшими отклонениями. Эти пески тоже образуют систему котловин и межгрядовых понижений, только более глубоких (15—20 м), чем прибрежные. Между грядовыми песками и прибрежными грядами на отдельных участках тянется полоса с засолонцованной или запесоченной поверхностью.

На исследованной территории был собран кремневый и керамический материал. Следует отметить, что находки были как в прибрежных впадинах, так и в пониженных котловинах грядовых песков. В большинстве своем это разрозненные находки, но в двух случаях зафиксированы скопления керамических обломков (16А и 16Б).

Собранный материал хронологически делится на три группы. Самая ранняя, неолитическая, включает кремневые и керамические находки. Кремь — преимущественно белого цвета, реже — желтоватый или пестрый. Единично использовался окремненный песчаник. Состав коллекции следующий:

1. Сколы с нуклеусов — 2 экз.
2. Изделия с ретушью — 8 экз., в том числе скребки концевые — 2 экз.; скребки на пластинах дублированные — 2; скребок на отщепе — 1; пожевидная пластина с боковыми выемками — 1; пожевидные пластины с краевой ретушью — 2 экз.
3. Необработанные пожевидные пластины — 5 экз.
4. Отщепы, обломки, камни — 9 экз.

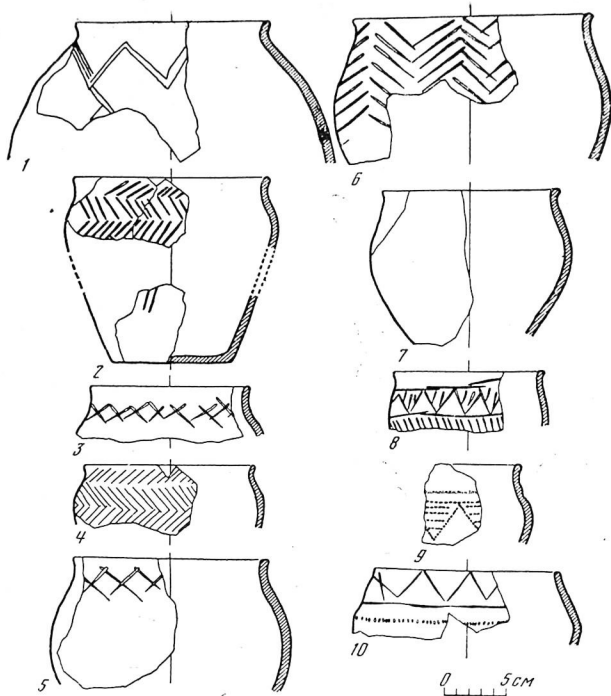

Рис. 11. Керамика эпохи бронзы из зоны затопления Тюямуянского гидроузла
 1 — поиск 16; 2 — поиск 45А; 3 — поиск 48А; 4,5 — поиск 48Б; 6—8 — поиск 50А; 9 — поиск 38;
 10 — поиск 70

Неолитическая керамика представлена несколькими обломками стенок лепных сосудов «песочного» теста.

Вторую хронологическую группу составляет керамика степной бронзы. В числе находок крупный обломок верхней части лепного сосуда, имеющего прямое короткое горло со срезанным краем и раздутое тулово. Глиняное тесто с примесью дресвы. Поверхности черепка желтовато-коричневые, в изломе он черный. По плечам сосуд украшен легко процарапанным двойным или тройным зигзагом, местами от него отходят вниз вертикальные линии (рис. 11, 1). Найдено также несколько обломков стенок лепных толстостенных сосудов, которые украшены рядами резных насечек, расположенных под острым углом друг к другу.

К третьей группе отнесены многочисленные в этом районе находки поздней керамики, в том числе позднеанτικής и средневековой.

Поиск 17 был проведен в районе группы родников солончака Кошбулак (в том числе севернее родника Кошбулак). Обследовались песчаные возвышенности внутри солончака. В 0,5 км от западного берега на

твердой песчаной поверхности, обильно покрытой конкрециями, найдено два кремневых предмета. Один из них — маленькая асимметричная трапеция (или сегмент?) (рис. 5, 5).

Кроме впадин Султансанджар и Кошбулак была обследована узкая полоса к северу от них. С юго-запада ее ограничивают впадины, а с северо-востока Амударья. Неолитического материала здесь не было, за исключением одного кремневого изделия (поиск 31). В 2 км от Амударьи, напротив родника Бешагач, располагается впадина с двумя такырами, разделенными двухкилометровым солончаковым пространством. Обследована территория в радиусе 1 км к югу и юго-западу от железнодорожного полотна. Поверхность здесь плотная песчаная с обильными конкрециями и выходами песчаника по склонам впадины. К югу от такыра обнаружено несколько курганообразных возвышений со следами древних раскопок. Вероятно, это остатки древних горных выработок. Вокруг найдено несколько фрагментов керамики (предположительно архаического периода) и сечение ножевидной пластины с нерегулярной ретушью со спинки.

С юго-запада к впадинам Кошбулак и Султансанджар подступают пески восточной окраины Заунгузских Каракумов, где было проведено свыше тридцати разведочных маршрутов, 18 из них дали неолитический материал. В отличие от впадин здесь нет сколько-нибудь значительных местонахождений, лишь единичные разрозненные находки, собранные на значительной площади.

Для этого района характерен песчаный золотой рельеф. Он представляет собой чередование выровненных полос («коридоров») и широких пластообразных песчаных гряд. И те, и другие покрыты ячеями, особенно мощно развитыми на возвышенных элементах. В последнем случае ячеи разнообразной формы и величины достигают глубины 7—10 м, а отдельные холмы рыхлого песка возвышаются над днищами котловин до 30 м и более. Пески закреплены травянистой и кустарниковой растительностью, но перемычки ячей покрыты свежими наносами перевеваемого песка. На дне котловин встречается археологический материал.

Рельеф на контакте коренных песков с впадинами Султансанджар и Кошбулак несколько иной. Для него характерна система солончаков или впадин с затакыренным дном, окруженных грядовыми песками. В некоторых местах здесь функционируют колодцы, имеющие и в настоящее время хозяйственное значение.

На контакте было проведено несколько поисков, шесть из них дали первобытный материал. Поиски 9 и 10 проведены в песках, подступающих с юга и юго-востока к впадине Султансанджар. В 3 км южнее озера Султансанджар начинается система солончаков, вытянутых в виде узких параллельных полос по линии СЗ—ЮВ. Солончаки окружены грядовыми песками. Поиском 9 обследованы пески вокруг котловины с затакыренным дном, расположенной восточнее системы солончаков. В дефляционных котловинах собрано довольно много разрозненных обломков сосудов. В одной из котловин найдены два обломка неорнаментированных лепных сосудов, которые, судя по характеру теста и обжига, относятся к первобытной эпохе.

Поиск 10 проведен в песках, в 8—10 км юго-восточнее южной оконечности озера Султансанджар. Здесь наблюдается меридиональная система слабозакрепленных гряд и межгрядовых котловин, днища которых были затакырены или засолонцованы. Общая площадь осмотренного участка (6—8) × (1,0—1,5) км. В песчаных дефляционных котловинах и на склонах гряд собрано не менее сотни обломков разновременной лепной и круговой керамики. Среди них два мелких обломка тонкостенных лепных сосудов, предположительно первобытной эпохи.

Кроме того, в пределах поиска выделено два «развала» лепных сосудов (10А и 10Б). Они обнаружены в южной части обследованной площади в двух смежных котловинах, пересекающих гребень песчаной гряды. «Развал» 10А включает обломки плоскостонного горшковидного сосуда, видимо, эпохи бронзы, «развал» 10Б — обломки грубого лепного сосуда, относящегося к более позднему времени. Орнамент — насечки у края горла.

Следующие четыре поиска (11, 12, 13, 19) приурочены к цепочке соленых колодцев, расположенных по линии СЗ—ЮВ параллельно впадине Кошбулак с ее западной стороны. Около колодца Ишанкуйма (поиск 11) найден один пластинчатый отщеп из кварцита (рис. 5, 1).

Поиск 12 проведен в районе колодца Яныджа. Западнее и южнее колодца находится солончак, в песчаных грядах восточнее него собран кремневый материал (8 отщепов и обломков).

Поиск 13 проведен в районе колодца Шорбулак. Севернее колодца имеется солончак, к которому с запада подступают грядовые пески. Обследовались котловины между песчаными грядами и западный берег солончака. В 600 м к западу от колодца по берегу солончака, на террасовидной поверхности, во впадинах найдено 10 кремневых изделий, в том числе пластина с ретушью и пластина с притупленной спинкой (рис. 5, 2—4).

К юго-западу от колодца Шорбулак в одной из котловин на песчаном пятне найдены обломки венчика, днища и стенок лепного сосуда степной бронзы с плавным профилем и плоским дном. На горле и плечиках орнамент, нанесенный насечками. Это местонахождение выделено как поиск 13А.

К югу и юго-западу от колодца в межгрядовых котловинах собран разновременный керамический материал. В одной из котловин найдена керамика эпохи неолита.

У южной оконечности впадины Кошбулак в котловине между песчаными грядами находится колодец Мугер. В 300 м севернее него, на дне котловины, собрано 10 кремневых предметов (скол с нуклеуса, отщепы и обломки, поиск 19).

Песчаный массив Заунгузских Каракумов дал немногочисленный материал первобытной эпохи.

Для обследования территории коренных песков к юго-западу от упомянутых выше впадин использовалась дорога Газачак — Наип, пересекающая пески с севера на юг. По дороге пройдено 32 км от поселка Шейх-Арык, ширина поиска по обе стороны от дороги достигала 1,5—2,5 км. В межгрядовых котловинах и котловинах выдувания в ячеистогрядовых песках собран разрозненный и разновременный археологиче-

ский материал. Всего было проведено 20 разведочных маршрутов, 12 из них дали первобытный материал. Неолитические находки здесь единичны (четыре поиска, девять кремневых находок).

Обломки лепных сосудов эпохи бронзы зафиксированы в 10 поисках. Это обычно небольшие скопления фрагментов одного-двух сосудов или разрозненные находки в пределах одной котловины.

Отдельные фрагменты керамики эпохи бронзы найдены в поисках 41, 44, 68А. В остальных случаях находки более выразительны и поддаются анализу.

Поиск 38 проведен в районе высоких грядовых песков, в 5 км западнее урочища Султансанджар. Поиском охвачена площадь $1,0 \times 0,5$ км. Материал располагался обычно на западных и юго-западных склонах котловин, а также на дне их. В одной из котловин найдено два кремневых орудия — массивный скребок на отщепе и обломок ножевидной пластины с притупленной спинкой (рис. 5, 12, 13). Обнаружен также фрагмент сосуда эпохи бронзы (рис. 11, 9). Это был небольшой лепной сосудик типа чашки, имевший слегка изогнутое горло и округлое тулово. По горлу шел невысокий рельефный пояс, плечи были украшены поясом равнобедренных заштрихованных треугольников вершинами вниз. Орнамент нанесен гребенчатым штампом. Наличие рельефного пояса позволяет относить этот фрагмент к эпохе поздней бронзы.

Поиск 45А проведен в 6 км к юго-западу от впадины Султансанджар среди грядово-ячеистых песков. В одной из межгрядовых котловин обнаружено несколько фрагментов керамики эпохи бронзы, украшенной рядами насечек.

Там же найдены фрагменты лепного горшка (рис. 11, 2) с невысоким изогнутым горлом, выделенными плечами и туловом, плавно переходящим к плоскому дну. Сосуд был украшен, видимо, на $2/3$ своей высоты горизонтальными рядами косых насечек, поставленных под острым углом друг к другу.

Поиск 48А и Б проведен в 22 км к югу от поселка Газачак по обе стороны дороги. В 200 м к западу от дороги в крупной котловине выдувания собраны обломки лепных сосудов эпохи бронзы (рис. 11, 3—5). Это горшки, сделанные из глины с дресвой, имеющие коричневого цвета поверхность, заглаженную, со следами копти, невысокое изогнутое горло и округлое тулово. Два из них украшены по горлу орнаментом в виде косых крестов, третий — рядами тонких резных косых насечек. Все эти находки датируются эпохой поздней бронзы.

Поиск 50 проведен в 18 км к югу от поселка Шейх-Арык, западнее дороги. Площадь поиска равна примерно $2,0 \times 0,5$ км. В одной из котловин, в 200—300 м от дороги найден отщеп из окремненной породы со следами использования по одному краю и скол с гальки. В пределах поиска обнаружены обломки трех сосудов эпохи бронзы, собранные на дне и склонах крупной котловины (поиск 50А). Все они лепные, сделаны из глины с дресвой, в одном случае есть примесь толченых раковин. В целом сосуды идентичны по форме и различаются только размерами (рис. 11, 6—8). Это горшки со слегка изогнутым прямым горлом, округлым туловом, с перегибом плеч, приходящимся на середину высоты сосуда, имеющие срезанный край и слегка выступающий венчик (черта,

характерная для керамики тазабагъябской культуры Хорезма). Из трех сосудов два украшены. В одном случае это ряды косых насечек, которые покрывали 2/3 поверхности сосуда, в другом — прослеживаются два горизонтальных орнаментальных пояса — ряд заштрихованных треугольников, обращенных вершинами вниз, и ниже — ряды коротких косых насечек. По характеру черепка, форме и принципу нанесения орнамента эти сосуды, скорее всего, могут быть датированы третьей четвертью II тыс. до н. э.

Поиск 76 проведен в 32 км к югу от поселка Шейх-Арык, по обе стороны шоссе. Глубина поиска до 2,0—2,5 км от дороги. Обследованы песчаные, хорошо закрепленные травянистой растительностью гряды со слабовыраженными котловинами. К западу от дороги в одной из котловин на южном склоне найдены обломки двух лепных сосудов эпохи бронзы. От одного из них сохранилась примерно половина, и он может быть полностью восстановлен (рис. 12, 1). Это лепная миска, сделанная из глины с примесью шамота, черепок коричневого, заглаженный. Изогнутое горло переходит к перегибу плеч, приходящемуся на середину высоты сосуда. Дно сосуда плоское, его диаметр примерно в 2 раза меньше диаметра горла. Миски такого типа характерны для эпохи поздней бронзы.

Фрагмент второго сосуда — донная часть крупного лепного горшка, выполненного в той же технике, что и первый из описанных сосудов, и относится, очевидно, тоже к эпохе поздней бронзы (рис. 12, 2). Остальной керамический материал, собранный в этом поиске, — поздний.

Поиск 77 начат в 28 км и закончен в 29 км к югу от поселка Шейх-Арык. Глубина поиска от дороги 2 км. Обследованы высокие гряды желтых песков меридионального направления в 1 км к западу от дороги. В глубоких котловинах западного склона гряды собраны обломки сосуда эпохи бронзы. В пределах поиска в одной из крупных котловин, в 1,5 км к западу от дороги, обнаружено скопление керамики эпохи бронзы. Находки располагались в верхней части южного склона, на дне их не было. Один из найденных сосудов сохранился примерно на 1/3, другой — на 1/2. Удалось полностью восстановить форму грубого лепного горшка (рис. 12, 4), сделанного из глины с крупными включениями дресвы, которые после обжига выступили на поверхности, несмотря на то, что она была предварительно затерта. Любопытно, что сосуд украшен по горлу двумя рядами косых насечек, расположенных лишь на половине его окружности. Второй сосуд восстанавливается почти полностью (нет дна). Это небольшая чашка (рис. 12, 3) с прямым коротким горлом и раздутым туловом, поверхность коричневого цвета залощена. Оба сосуда относятся к эпохе поздней бронзы.

Еще более бедным находками эпохи неолита и бронзы оказался район вдоль Амударьи. Поисками была охвачена узкая прибрежная полоса шириной до 1,0—1,5 км от края поймы. Она включает первую надпойменную террасу и краевую часть древней структурно-денудационной равнины. Протяженность обследованной прирусловой части значительна — от Турткуля до Дейнау. Обследовались оба берега. Всего было проведено 47 маршрутов. Первобытный материал дали 17 поисков (51, 80, 81, 82, 84, 85, 89, 93, 98А, 101, 102, 106, 106А, 106Б, 109, 110, 111, 112),

неолитический зафиксирован в четырех пунктах (поиски 98А, 101, 102, 106).

Правый берег. Поиск 98А проведен в 15 км южнее селения Топраккала (Турпаккала), в прибрежных песках. В 200—300 м от крутого берегового обрыва найден маленький кремневый отщеп.

Поиск 101 проведен в 20—21 км южнее развалин каравансарая Кызыл-рабат, в прибрежных песках, по восточному берегу глубокого сухого сая, подходящего в этом месте с севера к излучине Амударьи. Сай прорезал отложения, слагающие обрыв над тугайной поймой Амударьи. Осмотрен участок до 1,5 км шириной. Найден резец срединного типа на отщепе (рис. 5, 67).

Поиск 102 проведен в истоках того же самого сая, в 4—5 км от берега Амударьи. В 3 км сай теряется в песках, переходя в цепочку котловин. Радиальный поиск в этом районе дал три не очень выразительных кремневых отщепов, пластинку с притупленным краем (рис. 5, 66).

Материал эпохи бронзы на правом берегу зафиксирован всего в двух пунктах (поиски 51 и 93).

Поиск 51 проведен по правому берегу Амударьи, севернее каравансарая Мешекли-кала и к востоку от поселка Мешекли. На западе границей поиска была пойма Амударьи. Глубина поиска с юга на север 3, с запада на восток — 4 км. К северо-востоку от поселка Мешекли найдены фрагменты керамики эпохи бронзы.

Поиск 93 проведен в 6—7 км северо-западнее селения Безерген, по обе стороны современного асфальтированного шоссе Безерген—Турткуль. К северу от дороги в одной из песчаных котловин найдены обломки сосуда эпохи бронзы (рис. 12, 5). Он лепной, сделан из глины с шамотом, имеет поверхность коричневого цвета, заглажен. Восстановлено его направленное внутрь горло с характерным венчиком тазабагъябского типа и переход к округлым плечам, приходящийся на середину высоты сосуда. По-видимому, сосуд имел биконическую форму. Его тулово, очевидно, на 2/3 было покрыто рядами косых оттисков гребенчатого штампа, расположенных под острым углом друг к другу. Форма сосуда и его орнаментация позволяют отнести его к одному из типов тазабагъябской посуды и датировать третьей четвертью II тыс. до н. э.

На левом берегу, на отрезке прирусловой полосы от Тюямюна и примерно до широты станции Сазакино, первобытный материал не обнаружен. Далее к югу найдены единичные изделия из кремня и в одном месте (поиск 106) — небольшое скопление неолитического материала. Находки располагались как на поверхности древней аллювиальной

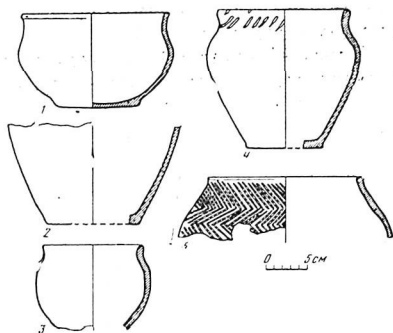

Рис. 12. Керамика эпохи бронзы из зоны затопления Тюямюнского гидрорузла

1, 2 — поиск 76; 3, 4 — поиск 77А; 5 — поиск 93

равнины, так и в межрядовых котловинах песчаных массивов, подступающих к берегу реки.

Поиск 80 начат в 3 км вверх по течению Амударьи от теснины Дульдудульатлаган. Протяженность поиска 3 км, осмотрены: левый обрывистый берег и прилегающая к берегу поверхность древней аллювиальной равнины. В 5 км к югу от теснины Дульдудульатлаган, в 200 м от берега, там, где начинается пойма реки, найден кремневый отщеп белого цвета.

Поиск 81 проведен в 7,5 км к югу от теснины Дульдудульатлаган. Протяженность поиска вдоль берега реки до 1 км. Обследованы берега поймы, а также прилегающие участки поверхности древней аллювиальной равнины. В 0,5 км от берега на этой поверхности найден отщеп из белого кварцита.

Поиск 82 проведен в 8,5 км вверх по течению от теснины Дульдудульатлаган, среди песчаных гряд, в 1 км от края поймы. Массив небольшой по размерам, отделен от основного массива участком древней аллювиальной равнины. Песчаные гряды невысокие, котловины слабо выражены. Находки собраны не только в котловинах, но и в межрядовых понижениях, основанием которых является поверхность древней аллювиальной равнины. Найден обломок кремневого изделия.

Поиск 84В — вверх по течению Амударьи в 14 км от теснины Дульдудульатлаган, на берегу поймы обнаружены следы какой-то постройки. Возвышенный участок древней аллювиальной равнины ограничен несколькими глиняными буграми, некоторые из которых вытянуты в одну линию, что позволяет предположительно считать их остатками стен загона для скота. На одном из бугров, на площади скопления ремесленной керамики, керамических бус, обломков бронзовых и железных изделий, найдено несколько предметов из кремня белого, черного и коричневого цветов. В числе находок скребок на отщепе — сечение ножевидной пластины с краевой ретушью (рис. 5, 64, 65).

Поиск 89 проведен в 5 км вниз по течению от поселка Дарган-Ата. Обследованы обрывистые речные берега и прилегающая к берегу территория. Протяженность поиска до 3 км. Примерно в 6 км от Дарган-Аты и в 100 м от берега реки найден кремневый отщеп белого цвета.

Поиск 106 проведен в 8 км южнее селения Горельде. Осмотрены низкие закрепленные грядовые пески с крупными котловинами. Найден обломок стенки лепного неолитического сосуда с оттисками «качалки».

Поиск 106А выделен в пределах поиска 106. Берег Амударьи на этом участке обычно высокий, обрывистый, в одном месте понижается (2—3 м над урезом воды). Сразу от обрыва тянется неширокая (до 10 м) полоса с засолонцованной поверхностью, за ней в меридиональном направлении песчаные гряды, в большинстве случаев образующие небольшие замкнутые котловинки.

В одной из них (70×50 м) зафиксировано скопление неолитического материала (кремнь и керамика). С востока котловину ограничивает первая прибрежная гряда, с запада — вторая, более массивная. На севере они сливаются и замыкают котловину. Поверхность покрыта песком, слегка закрепленным редкими кустиками кандыма. Находки располагались в восточной половине котловины довольно равномерно, с некоторым увеличением концентрации по направлению к реке. Всего

здесь собрано 30 предметов. Кремень (10 экз.) довольно разнороден по качеству и цвету. Преобладает кремень рыжеватого цвета (4 экз.), единично встречается красновато-белый, серовато-белый и песочный. Есть два плохо сохранившихся изделия из кварцита. Состав коллекции следующий:

1. Скол «оживления» — 1 экз.

2. Обработанные ножевидные пластины — 3 экз., в том числе пластина с притупленной спинкой и прямо срезанным концом, пластина с краевой ретушью с бруска (рис. 5, 68, 69).

3. Необработанная ножевидная пластина — 1 экз.

4. Отщепы, обломки — 5 экз.

Найдено также 20 обломков неолитической керамики, изготовленной из «песочного» теста. Среди них край тонкостенной чаши, остальные обломки невыразительны.

Меньшим количеством представлена керамика эпохи бронзы. Выделяются два обломка горла лепных однотипных сосудов со срезанным краем, изогнутой шейкой, четко выделенными высокими плечиками. По краю сосуда с внутренней стороны наплыв. Тесто с примесью дресвы. Четыре обломка стенок лепных сосудов украшены «елочным» орнаментом.

Поиск 110 проведен в 3 км к югу от развалин Дая-Хатын. Охватил территорию в 1 км вдоль берега и до 1 км в глубину от реки. Для рельефа характерны открытые уплощенные участки с обломками темных камней, чередующиеся с песчаными грядами расплывчатых очертаний. На склоне одной из гряд найден небольшой кремневый отщеп с ретушью. Здесь же собран разновременный керамический материал. Один обломок сосуда с орнаментом в виде круглых вдавлений, возможно, относится к эпохе бронзы.

Кроме уже описанных случаев керамика эпохи бронзы была встречена еще в семи поисках.

Поиск 86 проведен в 7 км вниз по течению реки от совхоза Дарган-Ата. Обследованы невысокие ячеисто-грядовые пески в 1 км от края поймы. В котловинах найдены обломки лепного сосуда эпохи бронзы с орнаментом. Здесь же обнаружен обломок плоского круглого каменного предмета с отверстием посередине.

Поиск 106Б выделен в пределах уже описанного поиска 106. Он проведен в песчаных прибрежных грядах меридионального направления. Гряды образуют замкнутые котловины с умеренной растительностью. В одной из таких котловин, в 80—100 м от берега, собран керамический материал. Он располагался на склоне гряды, в западной части котловины на площади 10 м². Собраны обломки одного лепного сосуда с толстыми стенками. Тесто грубоватое с примесями, обжиг неровный. К эпохе бронзы отнесен предположительно.

Поиск 109 проведен между развалинами Кетменчи и Дая-Хатын. Протяженность его 3 км вдоль реки и 1,5 км в глубину от берега. Вдоль берега тянутся довольно мощные (до 5 м высотой) песчаные гряды, закрепленные редким кустарником. Между грядами понижения, заросшие мелким кустарником. Северный участок обследованной площадки, отделенный от остальной части сильно выдающимся береговым мысом,

занят ячисто-грядовыми песками, подступающими к самому берегу. В котловинах разрозненные обломки стенок лепных сосудов эпохи бронзы с резным и в одном случае штампованным гребенчатым орнаментом в виде рядов косых насечек.

Поиск 111 охватывает территорию на 1,5 км в глубь от берега. Примерно в 1 км к западу от реки тянется длинная и высокая песчаная гряда. Поверхность берега покрыта песком. Растительность умеренная (в основном мелкий кустарник). Разрозненные находки собраны вдоль берега и в котловинах. Среди них обломки сосудов эпохи бронзы. Поиск 112 проведен в районе крупных песчаных гряд, в 1,5 км западнее берега Амударьи. В котловинах выдувания и межгрядовых понижениях собрано небольшое количество разновременной керамики. Среди них обломки, предположительно отнесенные к эпохе бронзы.

Как видим, прирусловая часть реки сравнительно с песками дала более выразительный неолитический материал. Наряду с кремневыми изделиями здесь есть и керамика. Однако более половины найденных кремневых изделий являются случайными единичными находками. Исключение составляет лишь материал пункта 106А, который был, вероятно, развеянной стоянкой.

Всего в зоне затопления зафиксировано 35 пунктов с неолитическим материалом (включая стоянки, пункты, поиски).

Наиболее массовые и интересные неолитические находки приурочены к выходам сильно минерализованных в настоящее время грунтовых и артезианских вод по краям впадин. Именно здесь зафиксированы развеянные стоянки, которые наиболее полно характеризуют неолитическое время исследованного района. Материал самой крупной в пределах этого района стоянки Каррыкызыл I достаточно выразителен, и его хронологическое и культурное место в неолите Средней Азии определяется довольно четко.

Для стоянки характерна пластинчатая индустрия с набором основных типов изделий, свойственных памятникам развитого и позднего неолита кельтеминарского круга. Укажем прежде всего на основные типы нуклеусов, наличие заметных серий пластинок с притупленным краем, включая такие их специфические разновидности, как изделия в форме асимметричного треугольника, наконец и стрелы кельтеминарского типа в его южно-кызылкумском варианте, пластины с выемками нескольких разновидностей. Вместе с тем кремневая индустрия стоянки, в целом кельтеминарская по облику, показывает и некоторое своеобразие. Оно, в частности, проявляется в наличии в инвентаре стоянки (так же, как и в ряде других кремневых коллекций из этого района) заметных серий небольших скребков, главным образом на отщепях, обычно округлой формы, обработанных по всему периметру. Эти скребки очень напоминают микроскребки джейтунской культуры⁶³. Близки джейтунским изделиям и единично встречающиеся длинные и широкие пластины со скошенным или прямо срезанным регушкой концом.

Керамика стоянки Каррыкызыл I, а также бедные керамические находки ряда других местонахождений в зоне затопления — типично кельтеминарские и имеют ближайšie аналогии в материалах развитого

п позднего неолита древней Акчадарьинской дельты Амударьи. Близкое сходство наблюдается и в характере керамического теста, и в наборе форм сосудов, и в технике и композициях орнаментики. Особо следует отметить находки на стоянках Южного Хорезма (впервые на левобережье Амударьи) сосудов с открытыми желобчатыми сливами и, возможно, трубчатыми носиками.

Приведенные выше заключения основаны главным образом на материалах стоянки Каррыкызыл I, культурный комплекс которой, несмотря на его подъемный и переотложенный характер, можно предположительно рассматривать как хронологически единый. Другие неолитические материалы из зоны затопления (в тех случаях, когда имеется возможность их более или менее основательно характеризовать) в целом близки по типологическому составу коллекции Каррыкызыла I. Наблюдаемое в отдельных случаях (Султансанджар I, 5 и др.) существенное преобладание в сборах отщепов касается не изделий с дополнительной обработкой, среди которых преобладают пластинчатые формы, а отходов производства. Это, очевидно, связано с разным функциональным назначением исследованных местонахождений, различиями в соотношениях использованного местного и привозного сырья для изготовления каменных орудий и рядом других причин.

Определение хронологической позиции наиболее представительных коллекций из района затопления не вызывает особых трудностей. Керамика стоянки Каррыкызыл I и других местонахождений имеет наиболее полные соответствия в материале стоянок поздней группы Акчадарьинской дельты. Об этом свидетельствует широкое распространение в орнаментике «качалки», наличие сосудов со сливами и трубчатыми носиками. Кремневый инвентарь исследованных местонахождений не противоречит предполагаемой хронологической корреляции. Надо указать, однако, что в материалах стоянки Толстова, относимой к развитому неолиту, имеются единичные керамические фрагменты с отгисками зубчатой «качалки», а также сосуды со сливами и носиками типа трубчатых. Найдено здесь и несколько небольших трапеций, атипичных по форме и способам обработки⁶⁴. Нельзя, таким образом, полностью исключить возможность хронологической корреляции стоянки Каррыкызыл I и с памятниками среднего неолита. Исходя из этих данных, можно полагать, что неолитические материалы из зоны затопления Тюмююнского гидроузла вряд ли относятся ко времени старше IV тыс. до н. э. Наиболее вероятная «широкая» их дата — IV—III тыс. до н. э.

Открытие неолитических памятников в левобережном Южном Хорезме, характер их культуры позволяют включить еще один район за пределами Кызылкумов в зону расселения племени кельтеминарской культурной общности. Эти новые материалы открывают также широкую перспективу для поисков памятников каменного века во внутренних районах Каракумов.

Материалы эпохи бронзы представлены отдельными находками керамики, причем ни в одном случае они не составляют комплекса, который мог бы свидетельствовать о том, что здесь когда-то была стоянка. Даже в том случае, когда в одной котловине лежали обломки нескольких сосудов, речь может идти лишь о случайных находках. Примеча-

тельно, что их мало и одно из наиболее вероятных объяснений этого — условия, в которых они были найдены. Исследования памятников эпохи бронзы Южного Приаралья выявили систему расселения древних скотоводов и земледельцев в этом регионе⁶⁵.

Стоянки и поселения располагались, как правило, близ естественных источников воды, на берегах небольших русловых протоков, входивших в древние дельтовые системы Амударьи. Находки скоплений керамики в песках были обычно приурочены к коренному берегу древней дельты и располагались неподалеку от русла (не далее второй песчаной гряды от него). Мы связывали их с поселками на внутريدельтовом пространстве и считали, что они являются свидетельством существования придомной пастушеской формы скотоводства в эпоху развитой бронзы (вторая половина II тыс. до н. э.). В эпоху поздней бронзы (конец II — начало I тыс. до н. э.) количество стоянок древних скотоводов в песках резко увеличивается и ареал их значительно расширяется. Этот факт можно рассматривать как довод в пользу того, что к этому времени произошел уже переход к отгонному скотоводству. Однако на протяжении всей эпохи бронзы поселения, и стационарные, и сезонные, равно как и небольшие временные стоянки, никогда не располагались непосредственно на берегу Амударьи или на берегах больших (основных) дельтовых протоков. В то же время упомянутые скотоводческие стоянки эпохи поздней бронзы все же находились на недалеком расстоянии от источников воды.

Исследования в зоне Тюямуюнского водохранилища все высказанные предположения не опровергают. Близ Амударьи находки эпохи бронзы единичны. Иными словами, для постоянных поселений, аналогичных найденным в древней Акчадарьинской дельте, условий не было. В то же время сделанные здесь находки смело можно рассматривать как следы передвижений древних скотоводов в целом в зоне течения Амударьи и ее разливов. Расширение ареала этих передвижений, проходящее, как уже говорилось, на эпоху поздней бронзы, находки в зоне Тюямуюна также подтверждают — большая часть керамических находок относится именно к этому времени.

Что же касается культурной принадлежности сделанных находок, то среди относительно более ранних выделяются сосуды, которые можно отнести к тазабагъябской культуре Хорезма⁶⁶ (см., например, рис. 11, 6—8; рис. 12, 5). К культуре поздней бронзы этого региона, амирабадской⁶⁷, относится большая часть находок (наиболее выразительные из них — рис. 11, 3—5; рис. 12, 1, 3). Во всяком случае, можно уверенно считать, что собранная на Тюямуюне коллекция в целом представляет амударьинский вариант культуры степной бронзы, которая, как известно, дает много точек соприкосновения с более северными культурами степной бронзы Евразии. В данном комплексе это выражается в наличии баночных сосудов с высокими плечами (рис. 11, 2; рис. 12, 4), остро-реберных форм (рис. 11, 10) и, наконец, в решительном преобладании среди орнаментальных мотивов рядов резных косых насечек, расположенных под острым углом друг к другу. В целом же описанные находки керамики степной бронзы не только свидетельствуют о появлении и развитии отгонного скотоводства, но, возможно, обозначают один из

путей продвижения скотоводческих племен к югу — процесс археологически зафиксированный на всей территории Средней Азии для этого времени.

Таким образом, комплексные исследования памятников эпохи неолита и бронзы в Южном Хорезме вписали еще одну страницу в историю освоения человеком районов крупных рек (в данном случае Амударьи) и подтвердили правильность исторических выводов, сделанных ранее при изучении материалов этого времени на территории Среднеазиатского Междуречья.

- 1 О содержании понятий «стоянка» и «пункт» как единицах полевой фиксации подъемного материала см.: *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д.* Первобытный Лявлякан: Этапы древнейшего заселения и освоения Внутренних Кызылкумов // МХЭ. 1975. Вып. 10. С. 26—27; *Виноградов А. В.* Исследования памятников каменного века в Северном Афганистане // Древняя Бактрия. М., 1979. Вып. 2. С. 21—22.
- 2 *Челпанова О. Л.* Средняя Азия // Климат СССР. Л., 1963. Вып. 3. С. 340.
- 3 См. статьи О. И. Субботиной и С. Г. Чанышевой в кн.: Опасные гидрометеорологические явления в Средней Азии. Л., 1977. С. 51.
- 4 *Челпанова О. Л.* Средняя Азия. С. 350.
- 5 *Чанышева С. Г.* Сильный ветер // Опасные гидрометеорологические явления в Средней Азии. С. 123.
- 6 «Активными» по отношению к песку обычно считаются ветры, обладающие скоростью более 4,0—4,5 м/с.
- 7 *Федорович Б. А.* Континентальные четвертичные отложения равнинных областей // Геология СССР. М., 1957. Т. 2: Туркменская ССР, ч. 1: Геологическое описание. С. 331.
- 8 *Смолоко А. И.* Средний участок: (Приамударьинский район) // Там же. С. 478.
- 9 *Лавров А. П.* Почвенный очерк Заунгузских Каракумов. Ашхабад, 1973. С. 28, 29.
- 10 Там же. С. 40.
- 11 *Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Степинов И. Н.* О древних почвах в песках Кызылкумов // Почвоведение. 1969. № 9. С. 38, 39.
- 12 *Лавров А. П.* Почвенный очерк... С. 36.
- 13 *Дзенс-Литовская Н. Н.* Почвы и растительность окрестностей озера Султанджар // Изв. ВГО. 1941. Т. 73, вып. 3. С. 420—421.
- 14 *Дзенс-Литовский А. И.* Озеро Султанджар и его окрестности // Изв. ВГО. 1939. № 4. С. 527; *Дзенс-Литовская Н. Н.* Почвы и растительность... С. 417.
- 15 *Георгиевский Б. М.* Южный Хорезм // Геологические и гидрогеологические исследования, 1925—1935 гг. Ташкент, 1937. Т. 1: Геологическое строение и морфогенез. С. 33.
- 16 *Дзенс-Литовская Н. Н.* Почвы и растительность... С. 423.
- 17 *Дзенс-Литовский А. И.* Озеро Султанджар... С. 531.
- 18 [*Стеткевич*]. Материалы для статистического описания Хивинского оазиса. Ташкент, 1889. С. 19, примеч. 2.
- 19 *Георгиевский Б. М.* Южный Хорезм. С. 97; *Он же.* Южный Хорезм // Геология Узбекской ССР. Л.; М., 1937. Т. 2. С. 163.
- 20 *Дзенс-Литовская Н. Н.* Почвы и растительность... С. 424.
- 21 *Дзенс-Литовский А. И.* Озеро Султанджар... С. 532.
- 22 Там же. С. 521—523.
- 23 Там же. С. 526.
- 24 *Мамедов Э. Д.* Плейстоценовый этап геологического развития пустынной зоны СССР: (Центральные районы): Автореф. дис. ... д-ра геол.-минерал. наук. М., 1980. С. 13—15.
- 25 *Лавров А. П.* Почвенный очерк... С. 23—24.
- 26 Обзор публикаций до 1964 г. см.: *Мамедов Э. Д.* Пески Внутренних Кызылкумов // Науч. тр. ТашГУ. Н. С. 1964. Вып. 269: Геогр. науки, кн. 32. Гидрология и физическая география. С. 100—104.

- 27 Ямнов А. А. О стратиграфии континентальных отложений неогена Каракумов и Кызылкумов // ДАН СССР. 1950. Т. 72, № 4. С. 761.
- 28 См.: Животовская А. И. Плиоцен Северных Каракумов Туркмении и его связь с плиоценом Западного Узбекистана // Геология и полезные ископаемые Туркмении: Стратиграфия. Ашхабад, 1969. С. 252, 254; Айнемер А. И. О неогеновых эоловых отложениях в восточной части Заунгузских Каракумов: Материалы по литологии, стратиграфии и палеогеографии // Тр. ВСЕГЕИ. Н. с. 1970. Т. 127. С. 208.
- 29 Алферов Г. Ю. Стратиграфия неогеновых отложений западной части Узбекистана // Палеонтологическое обоснование стратиграфии мезозойских и кайнозойских отложений Узбекистана. Ташкент, 1969. Вып. 8. С. 182.
- 30 Кушнарь С. А. К геологии Юго-Западных Кызылкумов // Учен. зап. геогр. фак. Моск. обл. пед. ин-та, 1940. Т. 3, вып. 1. С. 191.
- 31 Ямнов А. А. О стратиграфии... С. 761.
- 32 Грамм М. Н. Нижний антропоген // Решения совещания по разработке унифицированных стратиграфических схем для Средней Азии. Ташкент, 1969. С. 123.
- 33 Здесь и ниже определения моллюсков принадлежит А. Л. Чепалыге.
- 34 Ямнов А. А. О стратиграфии... С. 761; Айнемер А. И., Житинева В. В., Радюкевич Н. М., Смолюко А. И., Ткачев Ю. Р. Континентальный плиоцен среднего течения Амударья // Изв. АН ТССР. Сер. физ.-тех., хим. и геол. наук. 1968. № 2. С. 59.
- 35 Костенко Н. Н. Четвертичные отложения Казахстана и прилежащих территорий союзных республик: (Объяснительная записка к карте масштаба 1 : 1 500 000) Алма-Ата, 1978. С. 64—65.
- 36 Мамедов Э. Д. Плейстоценовый этап... С. 14—15.
- 37 Перельман А. И. Процессы миграции солей на равнинах Восточной Туркмении и Западного Узбекистана: (Древние почвы пустынь Средней Азии) // Тр. Ин-та геол. рудных месторождений петрографии, минералогии и геохимии. 1959. Вып. 25.
- 38 Батулин С. Г. О типах историческо-го развития пустынь и факторах соленакопления в геохимическом ландшафте // Очерки геохимии эндогенных и гипергенных процессов. М., 1966. С. 326.
- 39 Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. С. 234—254; Мамедов Э. Д. К проблеме пльовальных палеоклиматов пустынь СССР // Сб. науч. тр. ТашГУ. 1978. № 572. С. 40—49; Он же. Динамика природных процессов на равнинах Средней Азии в плейстоцене // Там же. 1979. № 591. С. 17—30; Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья // ТХЭ. 1981. Т. 13. С. 19—45.
- 40 Мамедов Э. Д. К стратиграфии новейших континентальных образований Центральных Кызылкумов // Тр. САГУ. Н. с. 1957. Вып. 49: Геогр. науки, кн. 10. С. 105—106; Швецова Е. М. Спорово-пыльцевые комплексы четвертичных отложений Западной Ферганы и Южного Приаралья // УЗ САИГИМС. 1960. Вып. 4. С. 70.
- 41 Малгина Е. А. Палеогеографические условия Западной Туркмении в конце плиоцена и в начале четвертичного периода: (По данным спорово-пыльцевого анализа): Автореф. дис. ... канд. биол. наук. М., 1964. С. 14—15.
- 42 Федорович Б. А. Вопросы палеогеографии равнин Средней Азии // Тр. Ин-та геогр. АН СССР. 1946. Вып. 37. С. 165—167.
- 43 Федоров П. В. Стратиграфия четвертичных отложений и история развития Каспийского моря // Тр. Геол. ин-та АН СССР. 1957. Вып. 10. С. 273.
- 44 Костенко Н. Н. Позднекайнозойская история Казахстана // Международный геологический конгресс. XXV сессия: Докл. сов. геологов: (Геология четвертичного периода. Инженерная геология. Проблемы гидрогеологии аридной зоны). М., 1976. С. 89.
- 45 Федорович Б. А. Континентальные четвертичные отложения... С. 322—323.
- 46 Федоренко К. Я. Низменные Каракумы // Геология СССР. М., 1972. Т. 22: Туркменская ССР. С. 418.
- 47 Назинский Н. А. Вопросы четвертичной геологии Низменных Каракумов // Материалы всесоюз. совещ.

- по изуч. четвертичного периода. М., 1961. Т. 3. С. 324.
- ⁴⁸ Дубров И. А. Древние слоны СССР // Тр. Палеонтол. ин-та. 1960. Т. 35, вып. 1. С. 67—72.
- ⁴⁹ Скворцов Ю. А. К вопросу об изучении геоморфологии и четвертичных отложений // Материалы по производительным силам Узбекистана. Ташкент, 1959. Вып. 10. С. 67; Нагинский Н. А. Вопросы четвертичной геологии... С. 329.
- ⁵⁰ Волков И. А. Позднечетвертичная субаральная формация. М., 1971. С. 42, 61.
- ⁵¹ Кассин Н. Г. Материалы по палеогеографии Казахстана. Алма-Ата, 1947. С. 228; Федоров П. В. Стратиграфия четвертичных отложений... С. 283—284; Никифорова Е. В. Кайнозой Голодной степи Центрального Казахстана // Тр. Ин-та геологии АН СССР. М., 1960. Вып. 45. С. 207.
- ⁵² Виноградов А. В., Мамедов Э. Д., Степанов И. Н. О древних почвах Кызылкумов // Почвоведение. 1969. № 20. С. 33—45; Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Ландшафтно-климатические условия... С. 32—44; Они же. Первобытный Лявлякан. С. 234—255.
- ⁵³ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан.
- ⁵⁴ Бижанов Е., Виноградов А. В. Неолитические памятники Каракалпакского Устюрта. Сообщ. 1 // Вестн. ККФАН УзССР. 1965. № 2. С. 46—57; Они же. Неолитические памятники Каракалпакского Устюрта. Сообщ. 2 // Там же. № 3. С. 63—70; Бижанов Е. Неолитические памятники юго-восточного Устюрта // Древняя и средневековая культура Юго-Восточного Устюрта. Ташкент, 1978. С. 18—78.
- ⁵⁵ Щербаков Д. И. Отчет о работах Каракумской серной экспедиции осенью 1926 г. // Серная проблема в Туркменистане. Л., 1928; Федорович Б. А. Кремневые орудия в Туркменских Каракумах и вопрос о взаимоотношении их с террасами Узбоя и Каспия // Бюл. Комис. по изуч. четвертичного периода. 1940. № 6—7; Окладников А. П., Кляшторный С. Г. Археологические работы в Центральных Каракумах // Проблемы нефтегазоносности Средней Азии. Л., 1961. Вып. 3; Низовья Амударьи, Сарыкамыш, Узбой: История формирования и освоения человеком // МХЭ. 1960. Вып. 2. Гл. 5.
- ⁵⁶ Виноградов А. В., Мамедов Э. Д. Первобытный Лявлякан. С. 252.
- ⁵⁷ Гаель А. Г., Воронков Н. А. О взаимоотношениях древесной и травянистой растительности в островных борах Казахстана // Науч. докл. высш. шк. Биол. науки. 1963. № 3. С. 131—132; Ковалев П. В. О различиях в проявлении среднеголоценовой ксеротермической фазы // Природные и трудовые ресурсы левобережной Украины и их использование. Харьков, 1965. С. 27; (Материалы харьк. отделения Геогр. о-ва СССР); Косарев М. Ф. Некоторые особенности древней истории Томско-Нарымского Приобья в свете данных палеогеографии (II—I тыс. до н. э.) // СА. 1971. № 2. С. 41—42.
- ⁵⁸ Кесь А. С. Природные факторы, обуславливающие расселение древнего человека в пустынях Средней Азии // КСИЭ. 1958. Вып. 30. С. 5—17; Мамедов Э. Д. Опыт географического анализа древнего расселения человека в бессточных районах пустынь // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 9—16; Мамедов Э. Д., Батулин С. Г. Палеогеографическая обстановка и древнее расселение человека в пустынях Средней Азии // Палеоэкология древнего человека. М., 1977. С. 222—230; Мамедов Э. Д. Палеоэкология человека каменного века в пустынях Средней Азии // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 81—87.
- ⁵⁹ Кесь А. С. Природные факторы... С. 5—6.
- ⁶⁰ Мамедов Э. Д. Палеоэкология человека каменного века... С. 86.
- ⁶¹ Дзенс-Литовский А. И. Озеро Султанджар... С. 520.
- ⁶² Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы... С. 105.
- ⁶³ Массон В. М. Поселение Джейтун: (Проблема становления производящей экономики) // МИА. 1971. № 180. С. 183, табл. XVII, 12—21.
- ⁶⁴ Виноградов А. В. Древние охотники и рыболовы... С. 78—87.
- ⁶⁵ Игана М. А. История степных пашен Южного Приаралья. II — начало I тыс. до н. э. // ТХЭ. 1977. Т. 10. С. 196 и сл.
- ⁶⁶ Там же. Гл. III.
- ⁶⁷ Там же. Гл. IV.

Глава 3

ЕЛХАРАС

Памятники эпохи античности, выявленные на левом берегу Амударьи, сохранились с разной степенью полноты. Как уже говорилось, в одних случаях это подъемный керамический материал, разбросанный на протяжении всего исследованного участка караванного пути, в других — слои античного времени в многослойных памятниках, перекрытые мощными средневековыми отложениями, наконец — развалины собственно античных памятников, строительство и активная жизнь которых приходится именно на этот период.

Среди последних, находящихся к тому же в зоне затопления, особое внимание привлекли развалины Елхараса и Капараса. Их, бесспорно, разное функциональное назначение, которое легко было определить визуально и до раскопок (Елхарас — остатки монументального здания или зданий, Капарас — крепостное сооружение), давало основание надеяться, что раскопки этих памятников помогут осветить разные стороны истории и культуры исследуемого региона во второй половине I тыс. до н. э. — начале I тыс. н. э.

В 1973—1975 гг. на Елхарасе были произведены археологические работы, в результате которых памятник был раскопан полностью.

1. Общее описание памятника

Развалины Елхарас расположены на левом берегу Амударьи, юго-восточнее теснины Тюямуюн, в 12 км к северо-востоку от г. Газачак (Чарджоуская обл. Туркменской ССР). До раскопок это был высокий (до 9 м над уровнем окружающей равнины) бугор, прямоугольный в плане. В 1,2 км к востоку от него находилась крепость Капарас.

Елхарас (рис. 13) стоял на естественной останцовой возвышенности того же названия, почти в центре окружающей его со всех сторон низины. С севера ее склон был довольно пологим, с запада и северо-запада более крутым, южный склон частично подрезан современным арыком. Не исключено, что в древности была застроена и часть низины, на площади которой встречены фрагменты архаической и раннекангюйской керамики, — возможные свидетельства достаточно раннего обживания площадей вокруг возвышенности Елхарас.

Развалины Елхараса несут следы смыва, особенно в центральной, восточной и юго-восточной частях. Если до раскопок казалось, что памятник невелик по размерам (30×50 м), то после них (рис. 14) выяс-

Рис. 13. *Елхарас. Вид с запада до раскопок*

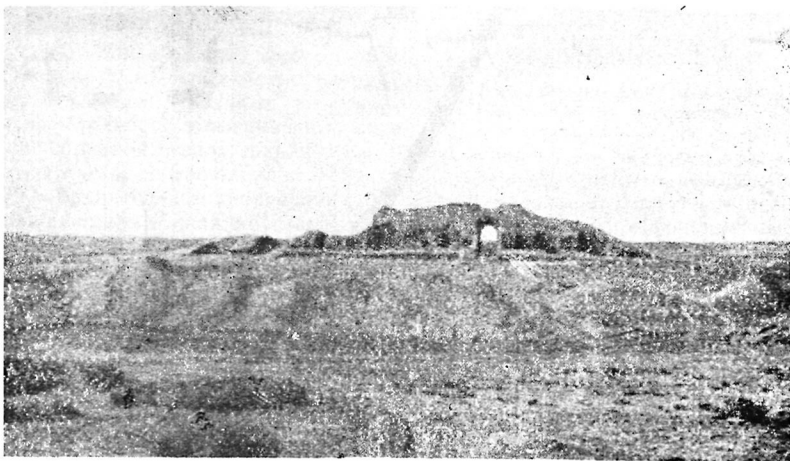
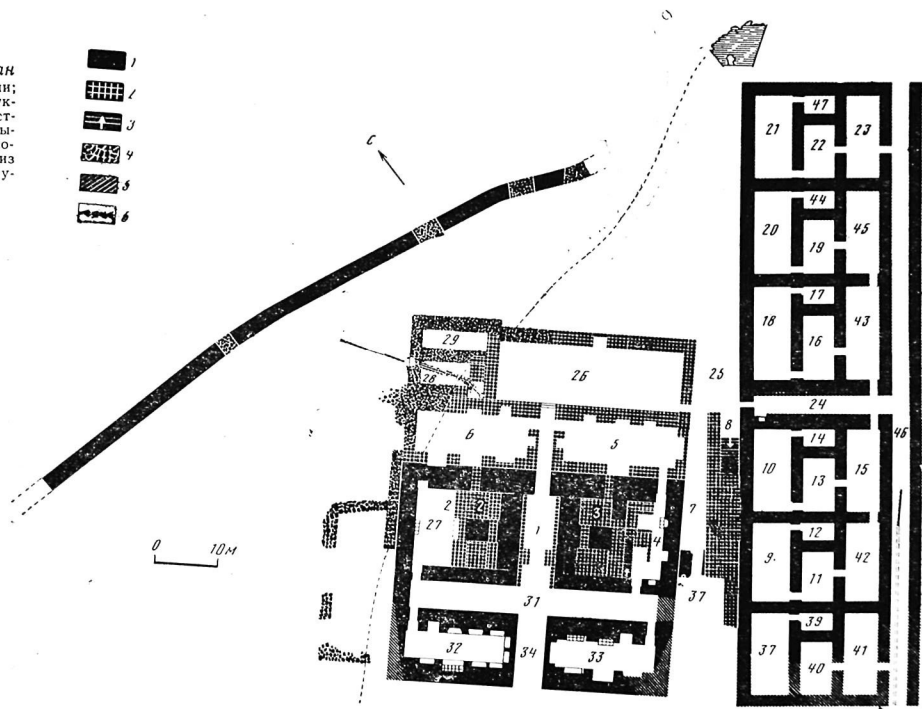

Рис. 14. *Елхарас. Вид с северо-запада после раскопок*

нилось, что занимаемая остатками застройки площадь превышает 130×80 м. Все относительно хорошо сохранившиеся постройки сконцентрированы в северо-западной части возвышенности, причем, судя по центральному и восточным ее участкам с ровной, искусственно с nivelированной поверхностью и редкими паховыми останцами, можно

Рис. 15. Елхарас. План
 1 — паховые конструкции;
 2 — кирпичные конструкции;
 3 — кирпичные лестницы;
 4 — каменные выкладки;
 5 — следы паховых стен;
 6 — водовод из керамических труб (кобуров)

предположить, что она была сплошь застроена. Обнаруженные при этом остатки строений (рис. 15) могли представлять собой лишь весьма небольшую крайнюю западную часть общей застройки. Раскопанный участок был обнесен обводной стеной. Останцы стен в виде валов сохранились лишь на более низких северо-западном и западном участках возвышенности. Системой поперечных траншей и шурфов установлено, что обводная стена была сложена из пахсы и стояла на каменной подбутовке. Ширина основания стены и подбутовки не превышала 2,2 м. Последняя выложена из крупных плоских камней (рис. 16). Высота каменной выкладки на крайне западном участке — 75 см и более, а в 50 м восточнее — 20—30 см, при этом резко повышается отметка уровня верхнего ряда каменной кладки (более чем на метр на протяжении 30 м), что связано, очевидно, с разными уровнями материковой поверхности. Каменная выкладка под обводной стеной сохранилась, как выяснилось, на наиболее низких западном и северо-западном участках возвышенности Елхарас. Версия об оборонительном назначении обводной стены сразу отпадает, для этого она слишком тонкая, не имеет следов башен и других фортификационных сооружений. По-видимому, стена ограждала постройки на возвышенности и отделяла их от застройки поселения в низине. Последнее, возможно, составляло единое целое с сооружениями на возвышенности, которые при этом, очевидно, можно рассматривать как цитадель или дворец правителя. Единственная находка около обводной стены — фрагменты красноглиняного красноангобированного кувшина станковой работы, найденные в шурфе 4 около внутреннего края каменной выкладки. По типу этот сосуд относится к характерным раннекангуйским кувшинам Хорезма¹, датируемым IV—III вв. до н. э.

Рис. 16. Елхарас. Каменная выкладка под пахсовые конструкции обводной стены

На площади, окруженной обводной стеной, сохранились остатки двух конструктивно связанных между собой зданий, условно названных Восточным и Западным (см. рис. 15). Западное здание сохранилось намного лучше Восточного, хотя его южная часть была, видимо, утрачена при проведении современного арыка. В настоящее время Западное здание представляет собой вытянутый с севера на юг (с отклонением к востоку на 22°) прямоугольник, размерами 48×36 м (рис. 17). В центре его, на продольной меридио-

на площади, окруженной обводной стеной, сохранились остатки двух конструктивно связанных между собой зданий, условно названных Восточным и Западным (см. рис. 15).

Западное здание сохранилось намного лучше Восточного, хотя его южная часть была, видимо, утрачена при проведении современного арыка. В настоящее время Западное здание представляет собой вытянутый с севера на юг (с отклонением к востоку на 22°) прямоугольник, размерами 48×36 м (рис. 17). В центре его, на продольной меридио-

Рис. 17. Елхарас. План Западного здания (условные обозначения см. рис. 15)

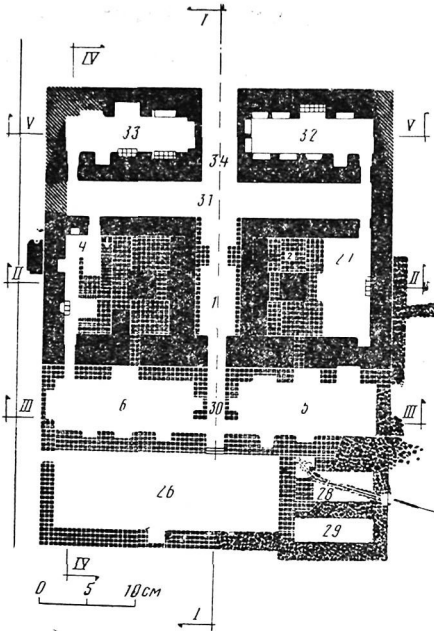

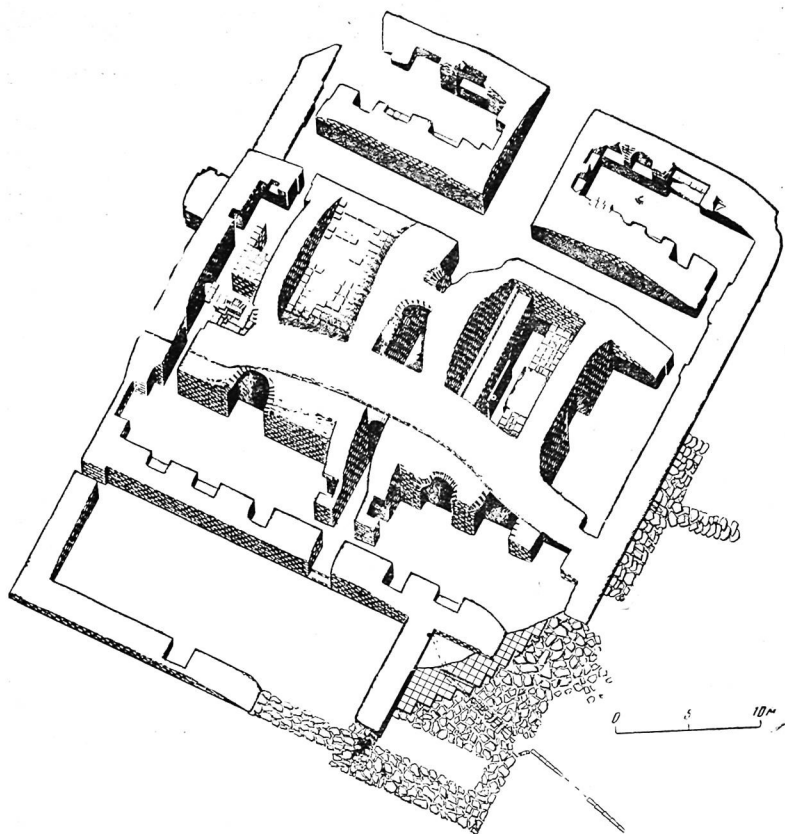
Рис. 18 Елхарас. Западное здание. Асонометрия

нальной оси сохранились остатки свода, причем на одном из участков он стоит в неприкосновенности до сих пор. Остатки свода были зафиксированы также в четырех других помещениях Западного здания.

Восточное здание практически смыто. Удалось расчистить лишь его западную часть площадью 84×24 м.

Оба здания Елхараса (как и некоторые другие памятники Хорезма)² поставлены непосредственно на специально выровненную материковую поверхность возвышенности. В месте резкого падения уровня последней, на крайнем северо-западном участке, очевидно с целью увеличения его площади для нужд строительства, на едином нивелировочном уровне с остальными участками была положена выкладка из одного или нескольких рядов крупных камней как под стенами, так и под полами (рис. 18). Подобно каменной выкладке под северо-западной частью обводной стены памятника, толщина такой каменной нивелирующей вымостки в разных местах северо-западного участка различна, но отметка ее верха совпадает с общим уровнем строительной площадки.

Материковая поверхность была тщательно сnivelирована не только под стенами, но и под полами помещений. В местах, где был значительный уклон возвышенности, нивелировка под полами производилась

за счет различной толщины слоя глиняной подбутовки (например, в помещениях 1, 26, 31, 33 Западного здания), песчаной подсыпки, а на северо-западном участке — выкладок из горизонтальных рядов кирпича (помещения 5, 28. Рис. 18) ³.

Стены всех сохранившихся строений Елхараса сооружены из лессовых материалов, характерных для равнинных среднеазиатских районов, пахсы и сырцового кирпича. Подавляющее большинство стен Западного здания и все без исключения стены Восточного в нижней своей части до определенной высоты — пахсовые. Отметка верха пахсовой части

стен всех построек Елхараса одина (+495 см от условного 0) ⁴. С учетом уровня сивелированной материковой поверхности под большей частью елхарасских строений общая высота нижней пахсовой части стен равнялась в основном 140 см ⁵.

Выше этого уровня все стены возведены из крупного квадратного в плане сырцового кирпича размером (42—47) × (42—47) × (11—14) см.

Кирпич, как и пахса, очень хорошего качества, изготовлен из хорошо промешанной выдержанной глины светло-серого цвета с примесью самана. При разборке кирпичных конструкций — закладок в центральной части Западного здания (помещения 2, 3) были найдены также половинные кирпичи, которые наряду с целыми применялись в кладках стен, «фигурные» и так называемые «лекальные». Последние представляют собой кирпич толщиной 12—14 см, с основанием шириной 12—14 см, с одной дуговидной стороной, длиной 45—50 см. И «фигурные» («стреловидные») и «лекальные» кирпичи могли использоваться для декоративного оформления верхних частей стен и при выкладке арочных ниш в стенах залов.

Употреблявшийся в кладках стен Западного здания (в Восточном здании сохранилось в основном их пахсовое основание) глинистый с добавлением песка раствор аналогичен применявшемуся при строительстве других древнехорезмских памятников (например, центрального здания Кой-Крылган-калы ⁶).

При сооружении кирпичных конструкций внутри некоторых помещений (конструкция с лестницей и камерами в помещении 4, закладки — цоколи под второй этаж в помещениях 2 и 3) внешние лицевые ряды кирпичей положены на глиняный раствор, а остальные на песок. Последний прием широко применяется и в современном среднеазиатском строительстве, вероятно, в антисейсмических целях. Часть стен Западного здания (стены помещений 26, 28, некоторые стены помещений 2—6, 27) возводилась кирпичной кладкой с основания, что могло объясняться как особенностями этапа строительства, так и недостатком времени, возможно, вызванным какими-либо изменениями в планировке комплекса. В центральном осевом помещении I восточная и западная стены, в основании пахсовые, имели облицовку из одного ряда кирпичей (рис. 10, разрез II—II).

Стены помещений и коридоров Западного и Восточного зданий были оштукатурены толстым слоем глиняной с примесью самана штукатурки, а затем покрыты слоем бело-розовой обмазки (глина с добавлением алебаstra). Подобная двухслойная обмазка обнаружена и на стенах других хорезмских памятников — усадьбы Дингильдже (V в. до н. э.), постройкик нижнего слоя Кой-Крылган-калы (IV—III вв. до н. э.) ⁷.

Повсюду, там где он сохранился, отмечен лишь один пол, покрытый (2—10 см) слоями обмазки, имевшей бело-розовый цвет и по технологии изготовления аналогичной той, которая покрывала стены. Там, где в основаниях стен не было размытых водой «пещерок», она плавно переходила на их поверхность.

Под обмазками полов некоторых помещений (28, 46) находились керамические водосливные трубы (кобуры), лежащие в углублениях в материке или специальных каменных ложах. Часть кобуров была рас-

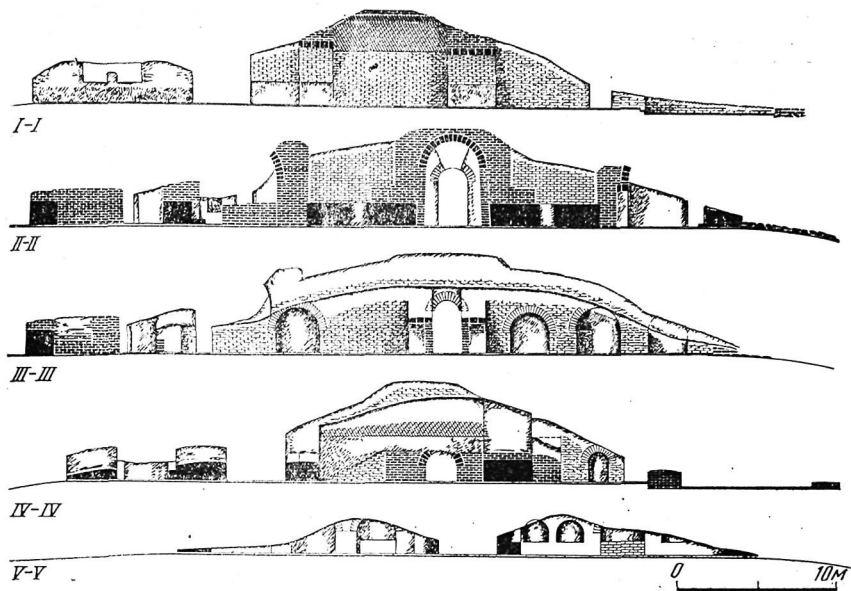

Рис. 19. *Елхарас. Западное здание*

Разрезы: I—I — по линии С—Ю через коридор 34, помещение 1, коридор 30, помещение 26; II—II — по линии В—З через помещения 4, 3, 1, 2, 27, 36; III—III — по линии В—З через помещения 8, 7, 6, 30, 5, 35; IV—IV — по линии Ю—С через помещения 33, 31, 4, 6, 26; V—V по линии В—З через помещения 33, 34, 32

чищена в вертикальном положении в стенах помещений 2, 5, 37.

Водоотводная система, подобная проложенной в стенах и под полами в елхарасских постройках, известна во многих памятниках Древнего Востока. Близкие дренажные системы выявлены еще при раскопках ассирийского дворца середины VIII в. до н. э. в Тель-Барсипе (Северная Месопотамия)⁸.

Размеры и расположение проходов во всех помещениях обоих зданий строго регламентированы. Большинство их — скользящие с обязательным уступом на стенах проходы (уступы выложены в пахсе и кирпичах; рис. 15 и 18). Аналогичные уступы в проходах известны в Хорезме в дворцовом комплексе Калалы-гыр I⁹.

Большинство помещений Западного здания имело сводчатое перекрытие. О существовании последнего в Восточном здании можно судить по находкам в завалах помещений трапециевидных кирпичей, а также упавшего свода в помещении 9 (см. ниже). Как уже говорилось, в Западном здании к настоящему времени свод полностью сохранился лишь в северной части центрального осевого помещения 1. Стоящие in situ части сводов были и в помещениях 4, 27, 32, в нишах-камерах помещения 4 (рис. 18; 19, разрезы I—I, II—II, IV—IV). Пяты сводов удалось

проследить и расчистить также в помещении 31 и в северном проходе помещения 4. Завалы сводов были расчищены в помещениях 1, 4, 5, 6, 27, 31, 34.

Своды Западного здания выложены методом «поперечных отрезков» без кружал наклонными рядами колец в один перекал*. Наклон их равен 60 (рис. 19, разрез I—I). Очертания сохранившегося свода в помещении 1 — полуциркульные, с центрами на уровне пят (рис. 19, разрез II—II). В сводах употреблялся специальный трапециевидный кирпич стандарта $(24-25) \times (27-28) \times (42-47) \times (11-14)$. В качестве расклинок в елхарасских сводах употреблялись камни средних размеров. Пролет большинства сводов Западного здания равен 3,6 м (помещения 1, 31—34), но были и гораздо более широкие до 5,4 м (помещения 5 и 6). Отдельные же помещения, возможно, имели плоские перекрытия.

До сих пор речь шла о некоторых общих чертах в строительной технике и конструкциях, связывающих Западное и Восточное здания Елхараса. Однако раскопки выявили и их значительные отличия, касающиеся прежде всего плана каждого из них, что наводит на мысль об их различном функциональном назначении.

2. Западное здание

Конструктивно Западное здание отчетливо распадается на две части (см. рис. 17). Стены первой из них, южной, возведены из кирпича на пахсовом основании, второй, северной, — сплошь кирпичные, причем визуально последняя воспринимается как пристройка. Однако если мы обратим внимание на план сооружения, то крестообразный принцип его построения станет для нас очевидным (подробно см. ниже). Часть помещений кирпичной пристройки (5, 6) в этот крестообразный план явно вписывается, и это обстоятельство заранее ставит под сомнение возможно более позднюю дату ее возведения.

Система меридиональных помещений (30, 1, 34) делит здание на восточную и западную половины, которые с севера предваряет один общий зал-двор 26. Каждая из половин содержит по три зала: северный, центральный и южный. Южная пара залов отделена от остальных широким коридором (31), который пересекается с меридиональным (34) и образует крест. Северная пара залов (5 и 6) смежная с залом-двором 26, повторяет планировку южных залов (32, 33), но имеет большие размеры. Важно отметить, что уровень пола всех помещений Западного здания (кроме помещения 26) имеет одну и ту же отметку $+355...+360$ см. В северных и южных залах в стенах были арочные ниши. В середине каждой из южных стен находилась самая крупная, идущая от пола, ниша, напротив которой на высоте 60—80 см от пола была сооружена очажная ниша, сохранившая многочисленные слои обгоревшей обмазки. Рядом с проходами (обычно скользящими и всегда с выраженными уступами) расположена наиболее глубокая ниша, идущая от пола.

* Подобными наклонными отрезками без кружал выложены своды во дворце Саргона в Дур-Шаррукине (707 г. до н. э.). Там же отмечено наличие полуциркульных арок (Брунов Н. И. Очерки по истории архитектуры. М.; Л. 1937. Т. I. С. 156).

Центральную часть здания занимали два симметричных комплекса помещений, каждый из которых имел по прямоугольному залу (помещения 4 и 27), вытянутому с севера на юг вдоль внешней стены здания (залы совпадают по размерам, но различаются по внутренним конструкциям), и по два небольших помещения типа камер (2а, 2б, 3а, 3б), соединявшихся между собой проходами и располагавшихся между залами и осевым помещением 1. Эти помещения-камеры были на высоту до 5 м заложены сырцовыми кирпичами. В залах центрального ряда помещений зафиксированы аналогичные крупные ниши и напротив них — очажные. Так, в западном зале (помещение 27) в восточной стене была вскрыта идущая от пола большая ниша, а напротив нее, очевидно, поднятая на определенную высоту от пола, — очажная. В восточном зале (помещение 4) очажная ниша и противоположная ей глубокая ниша-камера были сдвинуты от широтной оси помещения к северу (см. рис. 17), что, вероятно, может быть объяснено особыми функциями данного помещения, большая часть площади которого была занята кирпичной конструкцией, состоящей из двух глубоких сводчатых камер-ниш и лестницы, выводящей на второй этаж.

Сохранились арки, а в некоторых случаях только пяты сводов ниш (и проходов). Конструкции арок выполнены по кружалам клинчатой кладкой обычными кирпичами. В помещении 1 сохранившаяся в северной стене арка входа имела дугу пологой формы (рис. 19, разрез III₁—III; рис. 20). В северных залах (помещения 5, 6) арки ниш южных стен полуциркульной формы, а стенки ниш — строго вертикальны (рис. 19, разрез III—III). В кладках ниш южных залов (помещения 32, 33) употреблялся специальный Г-образный или «лекальный» кирпич, возможно, для перевязки рядов кирпичей в углах ниш. Центральные ниши южных стен помещений 32, 33, 5, 6 конструктивно аналогичны друг другу и, скорее всего, имели арочное перекрытие одинаковой формы (рис. 19, разрезы III—III, V—V). Очевидно, центральная ниша помещения 27 тождественна вышеописанному (см. рис. 18). Остальные ниши южных залов, небольшие по размерам, как правило, имели трапециевидную или подпрямоугольную в плане форму, наклонные боковые стенки, также дающие трапециевидную форму до начала дуги арки. Наклон боковых стенок этих ниш выполнен путем напуска вышележащих рядов кирпичей, так как часть дуги арки начата еще в паховой нижней части стены¹⁰. Дуги арок этих ниш также имеют полуциркульную форму (рис. 19, разрез V—V).

Стены всех залов и коридоров Западного здания были украшены росписью, остатки которой сохранились не только на стенах помещений (например, 1, 4, 5, 6, 26, 27, 31, 32, 33), но и на лежащих на полах и в намывах фрагментах обмазки с моно- и полихромной раскраской. В нижней части стен почти всех залов и коридоров, в том числе и на стенках начинающихся от пола ниш, удалось проследить сплошь закрашенную красной краской панель высотой 45 см. Она была отделена белой черной горизонтальной полосой (шириной соответственно 4 и 8 см) от верхней белой поверхности стены с остатками росписи. Сохранность последней очень плохая. Можно заключить, что роспись была моно- и полихромной, вероятно, геометрического и растительного характера

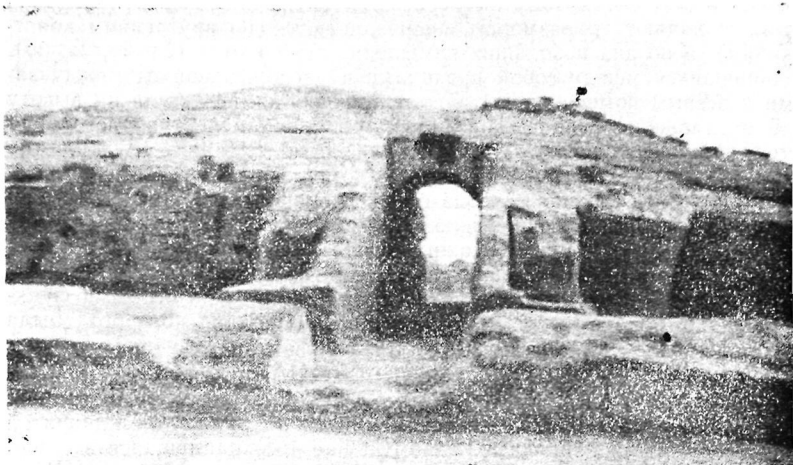

Рис. 20. Елхарас, Западное здание. Проход из помещения 26. Вид с севера

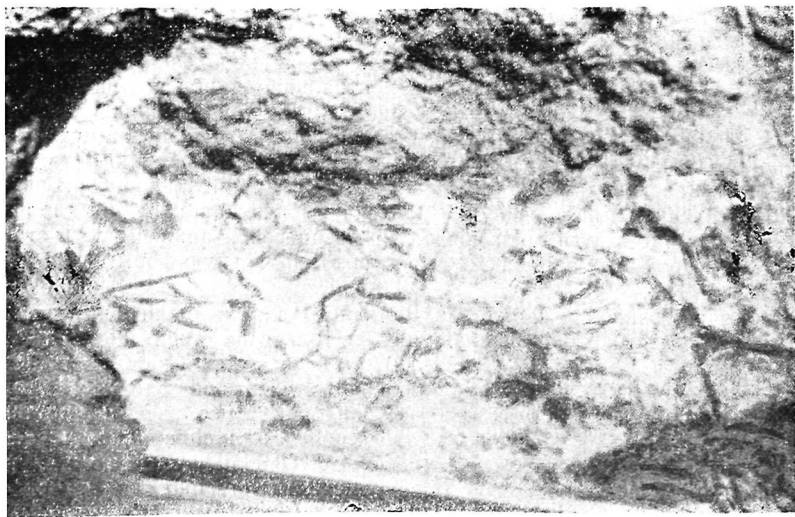

Рис. 21. Елхарас, Западное здание. Помещение 32. Фрагмент росписи стены

(обрывки кругов, полос, сетки, ромбов, веток, листьев). Применялись цвета: черный и коричневый с оттенками; по крайней мере, три оттенка красного; желтый; зеленый. В одном из южных залов (32) на стенках ниш сохранилась очень тонкая и изящная роспись в виде веточек с листочками, выполненная по белому фону линиями разного оттенка (создающими объемность) черного и коричневого цвета, иногда с последующей раскраской листьев зеленой краской (рис. 21).

Помещения Западного здания имели разную степень сохранности. Хуже других сохранились самые северные из них: зал-двор 26 и смежные с ним помещения 28 и 29 (см. рис. 17, 5, 6).

В помещении 26 (площадь $24 \times 8,1$ м), стены которого были целиком кирпичными, северная и западная практически не сохранились и проследить их направление удалось лишь по каменным выкладкам из крупных плоских плит, подложенных под этими стенами при строительстве (см. рис. 17, 18).

Так же плохо сохранилась и вся северо-западная часть этого помещения. В качестве одного из вариантов можно предположить, что через зал-двор 26 вел главный вход в Западное здание. Возможно, что он находился в плохо сохранившейся части северной стены вблизи идущей от пола крупной ниши (ширина 1,8, глубина 1,5 м). Напомним, что в большинстве помещений здания специальные ниши располагались рядом с проходами. В юго-восточном углу помещения, в его восточной стене, был расширен заложенный скользящий проход (ширина 0,9 м), выводящий в помещение 25, к лестнице и коридору (7). В южной стене был проход (ширина 1,8 м), соединяющий зал-двор 26 с осевым коридором (30) той же ширины, перекрытым сводом. Этот коридор соединял зал-двор 26 с центральным осевым помещением 1 и через него с меридиональным коридором 34 (рис. 17). В этом проходе между помещением 26 и коридором 30 были две ступеньки, так как уровень пола в помещении 26 на 20—25 см ниже полов остальных помещений Западного здания. В центре помещения 26 были обнаружены несколько прокаленных пятен диаметром 1,0—1,5 м и ряд столбовых ямок, заполненных золой. Ряд таких же ямок был расчищен и вдоль южной стены. На расстоянии 2,2 м от южной стены прослежен параллельный ряд из поставленных на ребро пяти сырцовых кирпичей. Та же картина была и у западной стены. Можно предположить, что помещение 26 имело плоское перекрытие.

Помещение 26 узким коридором соединялось с центральным осевым помещением 1. Последнее ($7,2 \times 3,6$ м) в южной части отделено от меридионального коридора (34) кирпичной стеной с перекрытым двойной аркой проходом (ширина 1,8 м). Эта стена отстоит от линии южных стен центрального ряда помещений на 3 м к северу (см. рис. 17; 22). Фасады восточной и западной стен помещения 1 имеют кирпичную облицовку шириной в один кирпич. Кирпичи эти положены с небольшим напуском снизу вверх, т. е. «свесами» рядов кладки, что уменьшило ширину верхней части помещения и сузило пролет свода (рис. 19, разрез II—II). К началу раскопок в северной и средней части помещения 1 свод сохранился полностью (рис. 23), а над кирпичами свода лежали два горизонтальных ряда кирпичей (рис. 19, разрез I—I). Пяты свода

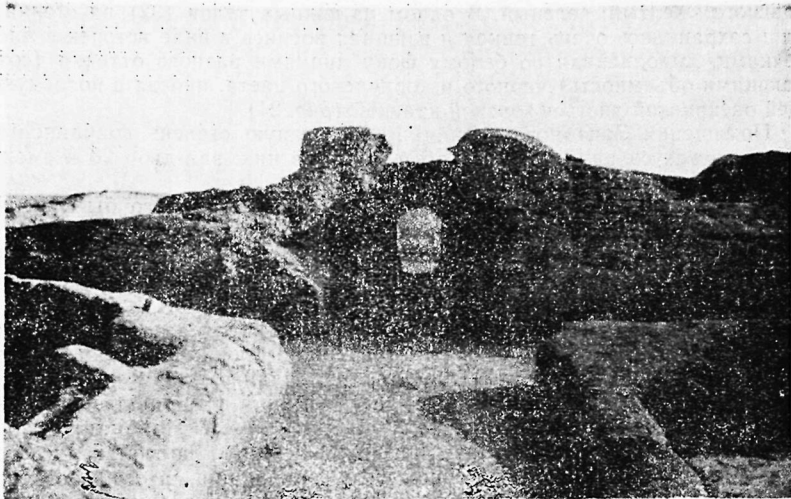

Рис. 22. Елхарас. Западное здание. Вид с юга на коридор 34 и помещение 1

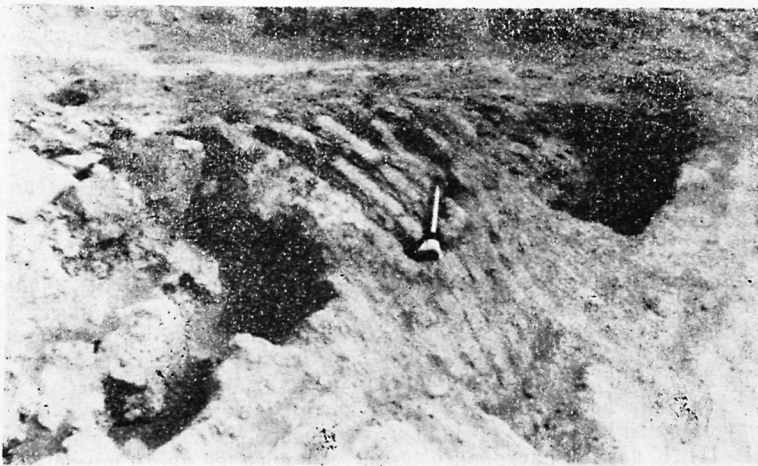

Рис. 23. Елхарас. Западное здание. Начало расчистки свода помещения 1

находились на 3,4 м выше пола (на отметке +700 см), пята арки северного прохода лежала на высоте 2,6 м над полом (на отметке +620 см), а пята арки южного прохода была на 3,05 м выше пола (на отметке +665 см), на уровне, равном уровню замка арки северного прохода. Тем самым с юга хорошо просматривалась и арка северного прохода помещения 1.

На той же меридиональной оси Западного здания, к югу от помещения 1 располагался коридор 34 (ширина 2,6 м). Южный участок его уничтожен современным арыком, а сохранившаяся длина достигает 16 м. На его северном конце частично сохранился свод, пята которого находилась на отметке +700 см, а замок свода — на отметке +820 см, т. е. на тех же уровнях, что и в помещении 1.

Наиболее вероятным представляется вариант, когда главный вход в Западное здание вел с юга через коридор 34. Возможно, что разрушенный южный конец последнего завершался специальным порталом. Существование южного входа, как нам кажется, лучше объясняет и наличие своего рода вестибюля перед помещением 1, и характер и уровень арочных перекрытий проходов в помещении 1, а также постепенное увеличение с юга на север объемов трех пар симметрично расположенных залов (см. рис. 53).

В широтном коридоре 31 (ширина 3,6 при длине 36 м) удалось расчистить пята свода на его северной стене на высоте 2,1 м от пола (на отметке +565 см). Учитывая уровень пята свода осевого коридора 34, можно с уверенностью предположить, что при пересечении коридоров свод широтного проходил гораздо ниже меридионального. С запада и востока коридор 31 ограничивался, очевидно, глухими внешними стенами здания толщиной 2 м. В обоих его концах было четыре одинаковых скользящих прохода (ширина 90 см) с уступами для дверной рамы: два из них вели в южные залы (32 и 33) одинаковой площади — $12,5 \times 3,6$ м (рис. 17 и 18). Толщина их северных и южных стен равна 3 м, внутренних торцовых стен — 1,6, внешних торцовых стен — 2 м. Пяты сводов обоих залов находились на высоте чуть более 3 м от уровня полов. В их стенах были сооружены арочные ниши различной конфигурации и размеров. В северных стенах помещений 32, 33 ближайшая к проходу ниша, одинаковой глубины и ширины (1,5 м), сооружена от уровня пола. Соседние с ними очажные ниши (шириной 180 см, глубиной 65 см), расположенные на центральной меридиональной оси помещения, имеют основания на высоте 75—80 см от пола. Углы очажных ниш были закруглены, а толстые слои обмазок и стены под обмазками сильно прокалены. В помещении 33 к такой очажной нише была представлена кирпичная выкладка высотой в четыре и толщиной в один ряд кирпичей, также сильно прокаленная. Непосредственно против очажных ниш, как упоминалось выше, в южных стенах размещались самые значительные по высоте и ширине ниши, прямоугольных в плане очертаний (ширина 2,8 м, глубина 1,5 м).

Все остальные ниши помещений 32, 33 имеют и прямоугольную и трапециевидную в плане форму, а часто и наклонные стенки (рис. 17, 18, 19; разрез V—V). Часть ниш в помещении 33 перестраивалась, закладывалась кирпичами на высоту 70—90 см от пола. За кирпичной

закладкой на стенах ниш сохранились следы красной нижней панели и бело-черной полосы над нею (например, в центральной нише южной стены, в восточной и западной нишах северной стены). Сопряжение глиняных обмазок кирпичной выкладки в очажной нише помещения 33 с верхними обмазками пола свидетельствует об одновременности ее постройки с перестройкой-ремонтом в этом зале. Западные ниши северной и южной стен зала 33 имели с восточной стороны вырубленные до уровня пола пазы, шириной 20 см (рис. 17, 18, 19, разрез V—V), заполненные кусками белой штукатурки со следами красной и черной краски, косточками абрикосов и костями мелких животных. В западной торцовой стене зала 33 имеется ниша, идущая до уровня пола (ширина 280, глубина 75 см).

В отличие от помещения 33 в симметричном ему зале 32 не отмечено никаких следов ремонта или перестройки ниш. Из десяти ниш, сохранившихся в помещении 32, пять имеют в плане прямоугольные очертания, пять — трапециевидные. В торцовой восточной стене были две одинаковые арочные ниши (глубина 65, ширина 150 см) с наклонными стенками. Такую же форму и глубину имели и четыре восточные ниши южной и северной стен (по две ниши на каждой стене, см. рис. 17), ширина которых соответственно 170 и 165 см, при той же трапециевидной форме, когда основание трапеции — это основание задней стенки ниши.

Находящиеся на центральной меридиональной оси помещения 32 очажная ниша и противоположная ей крупная ниша в южной стене, хотя и тождественны по конфигурации и размерам таковым из зала 33, но имеют некоторые различия. В очажной нише нет кирпичной прикладки, а в центральной нише южной стены лишь на половину ее глубины, на высоте 75 см от пола, выложены кирпичные ступеньки (рис. 18). Все ниши помещения 32, сохранившиеся в высоту до начала дуги арки, имеют в задней стенке парные отверстия размером $(23-25) \times (14-16)$ см, образованные пропуском части кирпича (рис. 19, разрез V—V; рис. 24). Возможно, что они являлись вентиляционными или служили в качестве дымоходов.

Проходы с ступамя, аналогичные проходам южных залов, вели из обоих концов широтного коридора 31 в залы центрального ряда помещений 4 и 27 (рис. 17). Оба эти, симметрично расположенные помещения тождественны по размерам $(10,80 \times 5,0$ м), но различаются по интерьеру. Помещения 4, 27 были перекрыты сводами, замки которых, очевидно, находились на той же высоте, что и замок свода центрального помещения 1, но пяты были на 65 см ниже (на отметке +635 см), что, вероятно, может быть объяснено большей шириной пролета (рис. 19, разрез II—II). В помещении 27 был лишь один скользящий проход в южной стене, а напротив него в северной стене находилась небольшая ниша. В середине восточной стены (в отличие от трех других, целиком кирпичной) была большая арочная ниша шириной 2,8, высотой 2,7 м. Хотя противоположная, западная стена помещения 27 сохранилась на высоту всего 20—80 см, можно с уверенностью предположить по аналогии с большинством помещений Западного здания, что и здесь, напротив большой центральной ниши в восточной стене, находилась очажная.

В пользу этого свидетельствует кирпичная выкладка на полу со следами горения, расположенная в середине западной стены против восточной ниши. Из-за резкого падения на данном участке уровня материка часть западной стены помещения 27 подбутаована каменной выкладкой из крупных плоских плит песчаника, которая на 80—120 см отступала от внешнего фасада западной стены помещения 27.

В симметричном помещению 27 и лучше сохранившемся помещении 4 на внутренней западной стене уцелело намного больше рядов кирпичного свода (рис. 19, разрез II—II). Большую часть этого помещения занимала кирпичная конструкция — выкладка, внутри которой образованы две квадратные, перекрытые сводами, глубокие ниши-камеры размером 1,9×1,9 м. Одна из них расположена напротив южного прохода в широтный коридор 31, другая выходит в длинный узкий коридор (шириной 1,3 м) между кирпичной конструкцией и восточной стеной помещения 4. Этот коридор является продолжением южного прохода из помещения 6. Он той же ширины, что и южный проход из помещения 4, но его длина 4,5 м. Проход был перекрыт сводом, пята которого находилась на высоте 2,1 м от пола (на отметке +570 см). Все стены помещения 4, кроме западной, возведены на пахсовом основании. Западная стена на две трети своей длины сооружена целиком из кирпичей на глиняном растворе (рис. 17; рис. 19, разрез II—II). Вдоль нее, начинаясь непосредственно у южного прохода, идет лестница шириной 1 м, ведущая на уже упоминавшуюся нами кирпичную конструкцию и, по-видимому, еще выше — на второй этаж (рис. 19, разрез IV—IV). От лестницы сохранилось шесть кирпичных ступенек и продолжающие их выше отпечатки побеленной обмазки вместе с обломанными кирпичами ступеней на западной стене (рис. 25).

Внешний ряд кирпичной конструкции положен на глиняном растворе, остальные — на песке. В северной нише-камере, находящейся внутри этой конструкции и открывающейся на восток в коридор, идущий вдоль восточной стены, сохранились части свода, пята которого лежала на отметке +440 см (рис. 19, разрез IV—IV). На том же уровне была и пята свода южной ниши аналогичной кирпичной конструкции. Напротив северной ниши-камеры в восточной стене располагалась очажная ниша, шириной 1 м, глубиной 0,5, высотой 1,1 м, со скругленными углами и округлым перекрытием, днище которой находилось на высоте 20 см от пола. На полу к ней вплотную прилегал выкладка из кирпичей (рис. 17 и 18). Поверхность этой выкладки, как и 20-сантиметровый слойобмазок ниши, очень сильно прокалена. К югу от нее, в восточной стене помещения 4, находилась еще одна ниша, прямоугольная в плане, шириной 130 см, глубиной 80, высотой более 1,6 м. Задняя и боковые стенки этой ниши наклонены вперед и к ее центру. Перекрытие ниши, скорее всего было арочным. В южной стене помещения 4, к востоку от южного прохода, была ниша с днищем на высоте 70 см от пола. В плане она имела прямоугольные очертания, ширину 75, глубину 60 см, наклонные заднюю и боковые стенки.

В том же центральном ряду, к западу от помещения 4 и к востоку от помещения 27, располагались помещения 2 и 3 площадью 10,8××5,4 м. На высоту более 5 м оба они были заполнены рядами сырцо-

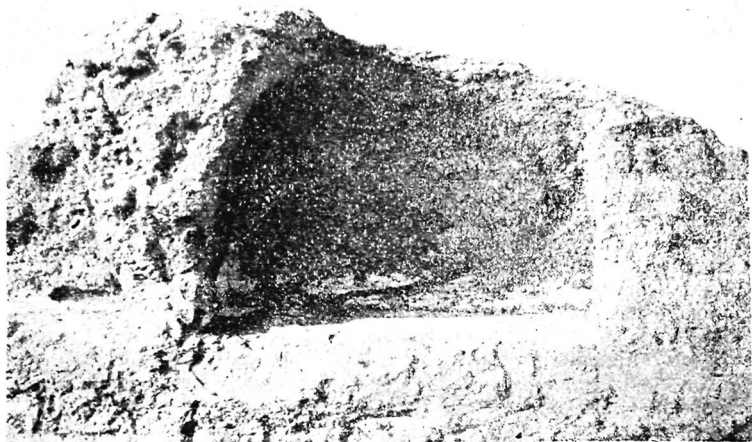

Рис. 24. Елхарас. Западное здание. Помещение 32.
Ниша в южной стене

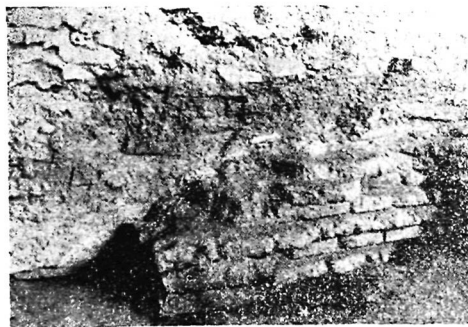

Рис. 25. Елхарас. Западное здание. Помещение 4.
Вид с востока на лестницу

вых кирпичей, положенными на песке, характерного для Елхараса стандарта (рис. 17 и 18). После того как была произведена полная или частичная выемка этих кирпичей, выяснилось, что каждое из двух помещений, в свою очередь, состояло из двух смежных небольших помещений-камер площадью $3,6 \times 3,9$ м, соединенных между собой проходом. Из северных помещений скользящие проходы (ширина 90 см) вели в залы 5 и 6 (рис. 17). Помещения и проходы, очевидно, должны были перекрываться сводами. Однако этот планировочный замысел был осуществлен лишь частично. Были возведены нижние паховые части северной, южной, внутренней восточной и западной стен, а

также поперечной, шириной 3,6 м, стены, чтобы отделять маленькие помещения-камеры друг от друга. Затем, возможно, для дополнительного укрепления под постройку второго этажа, учитывая также распоры сводов соседних помещений 1, 4, 27, 31, все четыре помещения и проходы в северные залы целиком заложены кирпичом, они составляют цокольную конструкцию под помещения второго этажа (рис. 19, разрез II—II).

В помещении 2, где закладка была вынута почти целиком, удалось проследить не только выступ в паховой нижней части восточной стены напротив стены, разделяющей помещения-камеры, который, вероятно, сделан в качестве опоры свода над соединяющим помещения-камеры проходом, но и вышележащий полутораметровой ширины уступ в той же восточной стене, возможно, для помещений второго яруса (рис. 26), подобного предполагаемому ярусу над кирпичной конструкцией помещения 4. В помещении 2 проход из северного помещения-камеры в северный зал 5 был заложен одновременно с возведением западной кирпичной стены и закладкой камеры. При этом надо отметить, что до уровня «планировочного горизонта» Елхараса, т. е. до верхней отметки паховых частей стен (+495 см), кирпичи западной стены помещения 2, северного прохода и заполнения северной камеры были положены вперевязку (рис. 27). Восточный ряд кирпичей, заполнивших помещения-камеры внутри помещения 2 до указанного уровня, был положен на глиняном растворе, остальные, как и вышележащие, — на песке. Та же картина наблюдалась и в симметрично расположенном помещении 3. В обоих помещениях ни на паховой, ни на кирпичной частях стен нигде не обнаружено никакой обмазки или даже следов заглаживания швов (см. рис. 15).

К северу от центрального ряда помещений, симметрично относительно меридиональной оси Западного здания, расположены два северных зала 5 и 6, по интерьеру и конфигурации повторяющие южные залы в увеличенном виде. Площадь каждого из этих помещений 14×5,4 м. Судя по завалам трапецевидных кирпичей, оба помещения также имели сводчатое перекрытие. С разделяющим их осевым коридором 30 помещения 5 и 6 соединялись скользящими вдоль северных стен проходами (ширина 1,4 м), перекрытыми сводами. Во всех стенах этих залов также были ниши (по шесть ниш в каждом). В помещении 5 западная треть северной стены и западная стена расчищены по уровню каменного фундамента, а в помещении 6, помимо отмеченных шести ниш, по обе стороны от центральной ниши на высоте 90 см от пола в южной стене в период жизни здания были вырублены две небольшие, неглубокие «портретные» нишки. Хотя сохранность северных и внешних торцовых стен такова, что не дает возможности судить о характере перекрытия ниш, по аналогии с нишами в южных и внутренних торцовых стенах этих залов (помимо аналогий в других залах Западного здания) можно с уверенностью предположить, что все ниши были перекрыты арками.

Центральные крупные ниши южных стен, шириной 2,8 м, глубиной 1,5, высотой 2,7 м, имели толстые (более 10—15 см) слои стальных обмазок, которые прикрыли и кирпичные закладки проходов в заложённые помещения 2 и 3. Очажные ниши в северных стенах (ширина 1,7,

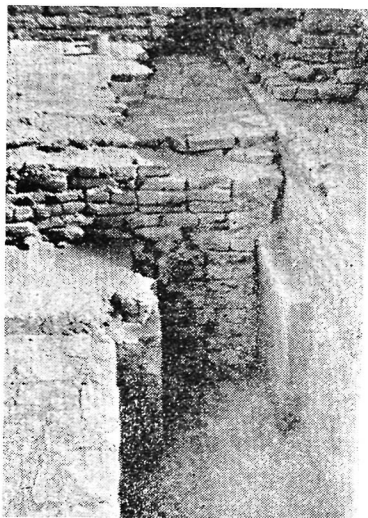
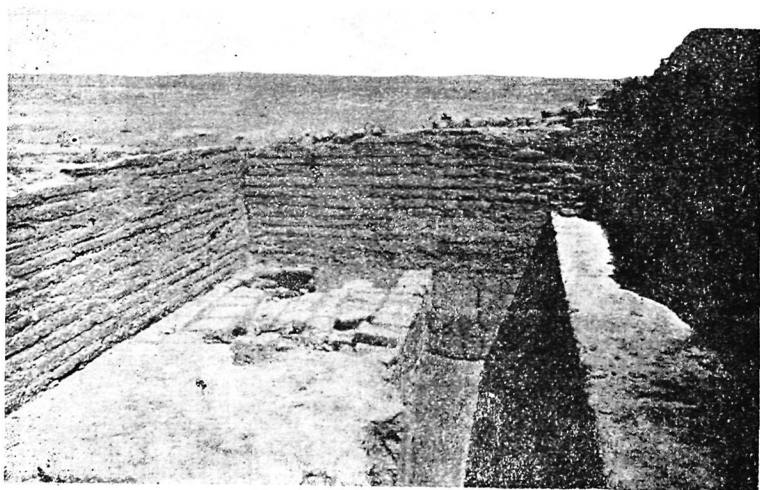

Рис. 26. Елхарас. Западное здание.
Помещение 2. Кирпичное заполнение

Рис. 27. Елхарас. Западное здание.
Помещение 2. Вид с юга

глубина 0,7 м) имели трапецевидные в плане очертания, закругленные внутренние углы, днище на высоте 60 см от пола, сильно обгорелые обмазки и кирпичи стен.

Днища ниш помещений 6 и 5, расположенные соответственно к востоку и западу от очажных, находились на одном уровне. Этим нишам приданы прямоугольные в плане очертания, глубина их та же, что и у очажных, но ширина меньше (155 см). Ближайшие к проходу ниши северной стены, шириной 1,4 м и глубиной 1 м, шли от уровня пола (рис. 18). На том же уровне находилось основание ниш и в торцовых стенах. Ниши во внешней и внутренней торцовых стенах имели ширину 2,8 и 1,2 м соответственно при глубине 1 м. В последних частично сохранились кирпичи арки, пята которой лежала на высоте 1,1 м от пола (на отметке +470 см), а замок арки — на высоте 1,8 м от пола (на отметке +540 см).

На южных стенах залов 5 и 6, помимо центральной ниши, находилось еще по две. В зале 6 по обе стороны от центральной ниши сохранились небольшие фрагменты двух «портретных» ниш, глубиной 10—15 см, шириной 60, высотой 45—50 см, с основанием на высоте 90 см от пола. Боковые и задние стенки этих ниш, вырубленных в кирпичных стенах, были наклонены к центру. В зале 5 в южной стене, по обе стороны от центральной, располагались две ниши, прямоугольные в плане очертаний, шириной 2,5 м. У восточной из них, глубиной 0,75 м, сохранились кирпичи арки, пята которой находилась на высоте 1,1 м от пола (на отметке +470 см), а замок арки — на высоте 2,35 м от пола (на отметке +595 см). Западная ниша отличается от восточной большей глубиной (1,8 м). Глубина всех ниш южной стены зала 5 постепенно увеличивается с востока на запад, при этом западная из ниш частично встроена в паховую нижнюю часть южной стены (рис. 18 и 19, разрез III—III).

Все стены залов 5 и 6 были целиком кирпичными, кроме южной, которая пристроена к стене с паховым основанием (рис. 18 и 19). Общая толщина этой стены 4,5 м, стены с паховым основанием — 3,3 м. Так как своды помещений центрального ряда (1, 4, 27) наклонены к югу, мощная северная стена их не имеет конструктивной нагрузки. Своды же северных залов 5, 6 опирались на ту ее часть, которая была целиком кирпичной. Объяснить такое явление может предположение о том, что в толще этой стены должна была проходить часть ведущей на второй этаж лестницы, возможно, продолжавшей лестницу из помещения 4 и коридор второго этажа. Шов между двумя частями южной стены помещений 5 и 6 прослеживается на высоту по крайней мере 3 м от основания стены (рис. 18; рис. 28). Это обстоятельство свидетельствует об определенной последовательности работ (сначала были возведены помещения центрального ряда со сводчатыми перекрытиями, а затем уже северные помещения и второй этаж) и в то же время о том, что как-то замыслы строителей изменились в самом процессе строительства.

К северу от помещения 5 и к западу от зала-двора 26 были расположены два помещения 28 (площадью 8,1×4,5 м) и 29 (площадью 8,1×2,6 м), возможно, имевшие хозяйственные функции. Под их стенами и полами обнаружены глиняные подбутовки, песчаные подсыпки,

каменные и частично лежащие на них кирпичные выкладки (см. рис. 18 и 28). Нижние ряды кирпичей горизонтальных кирпичных выкладок в помещении 28 были положены на песке, верхний ряд связан глиняным раствором, и кирпичи его лежат вперевязку с кирпичами южной стены помещения 28. Возможно, эти выкладки являлись частью какой-то пристенной конструкции, частично прикрывавшей водосток (см. рис. 18). Последний был обнаружен под остатками размытых глиняных обзавок пола и кирпичной выкладкой. Удалось расчистить идущую по диагонали помещения каменную выкладку шириной 60 см, которая прикрывала каменное ложе водостока.

В юго-восточном углу помещения 28 вертикально поставленный кобур, опиравшийся внизу на камень и врезанный в восточную стену помещения, сочленялся с кобуром, частично опущенным в водосток. Водосток в своем юго-восточном конце, имевший вид каменной лесенки с глиняной обмазкой, спрямляющей «ступеньки», а также сохранившиеся керамические трубы проходили по диагонали помещения 28 (рис. 18), затем ниже каменной выкладки, под его западной стеной, и, наконец, русло водостока образовывало устье и попадало в грубо обложенный камнями резервуар-отстойник неправильной формы, размером 1,2××0,8 м. К этому же резервуару с юга подходило еще одно подобное русло, возможно, из помещений 27, 35, 36. Западнее к обводной стене из проема резервуара-отстойника выходили еще три секции кобура. Всего на участке на расстоянии 9 м от резервуара-отстойника было зачищено еще семь труб хорошей сохранности (рис. 29).

При расчистке пространства к западу от помещений 32, 31, 27, 5, на месте резкого падения уровня материковой возвышенности, между обводной стеной и западными стенами упомянутых помещений, по каменным подбутовкам стен удалось частично выявить контуры еще двух помещений 35 и 36 (см. рис. 15). Южное помещение 36, с сохранившейся площадью 18×6 м, было расчищено лишь по уровню нивелирующего слоя из мелких глиняных комков, частично размытых, и каменных выкладок под стенами. Более северное, № 35, с сохранившейся площадью 12,5×7,5 м, имело, помимо подбутовки из мелкокомковатой глины, местами сохранившиеся глиняные размытые обмазки пола и лежащие над ними песчаные намывы.

У всех помещений Западного здания лишь один пол, толщина обмазок которого в среднем равна 2—10 см. Эти глиняные обмазки белозерого цвета с саманом и добавлением алебаstra покрывали или срезанную с целью нивелировки материковую поверхность возвышенности, или подбутовку из мелких комков глины (часть помещений 1, 26, 31, 33, 35, 36), песчаную подсыпку, а в ряде случаев выкладку из горизонтальных рядов крупных плоских камней (часть помещений 5, 28) или сырцовых кирпичей (помещение 28). Во всех случаях, за исключением заложённых помещений 2 и 3, там, где сохранились обмазки пола, в помещениях зафиксированы пятна горения, особенно интенсивные на нижних слоях обмазки. Наиболее крупные из них (диаметром 1,2—1,8 м) зафиксированы в центре помещений, а в шести залах — ближе к очажной нише. Остальные (не менее двух-трех пятен в каждом случае) гораздо меньшего диаметра и обычно тяготеют к продольной оси поме-

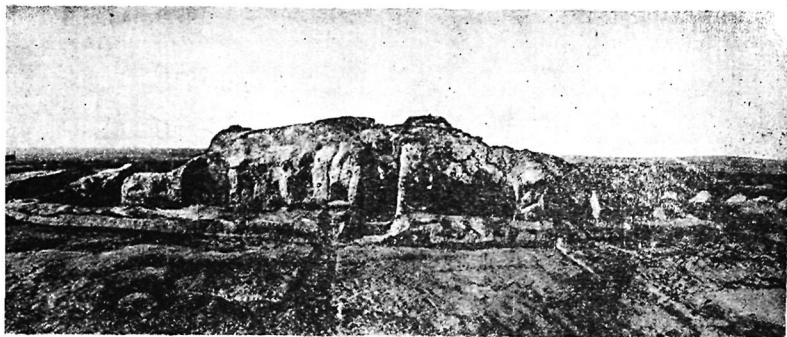

Рис. 28. Елхарас. Западное здание. Вид с севера на южную стену помещений 5 и 6

Рис. 29. Елхарас. Западное здание. Линия кобуров западнее отстойника

щения или коридора. Лишь при расчистке южного зала 32 было зафиксировано всего одно горелое пятно на полу перед очажной нишей.

Во всех помещениях Западного здания (кроме помещений 2 и 3) верхние слои обмазки полов были размыты, а непосредственно над ними лежали песчаные или песчано-глинистые намывы. В нижней части стен помещений расчищено значительное число «пещерок» глубиной до 10 см, обычно образующихся там при длительном пребывании воды. В обмазках пола и стен, иногда на значительной высоте от пола, были найдены пресноводные ракушки. Последние зафиксированы в помещениях 1, 4, 27, 5, 6, 26, 31, 32, при этом в помещениях 1, 5, 6 находки их отмечены в обмазках стен на высоте до 1,5 м от пола. Песчаные и песчано-глинистые намывы часто заполняли помещения Западного здания на всю сохранившуюся высоту (рис. 30 и 31). Лишь в восточной части

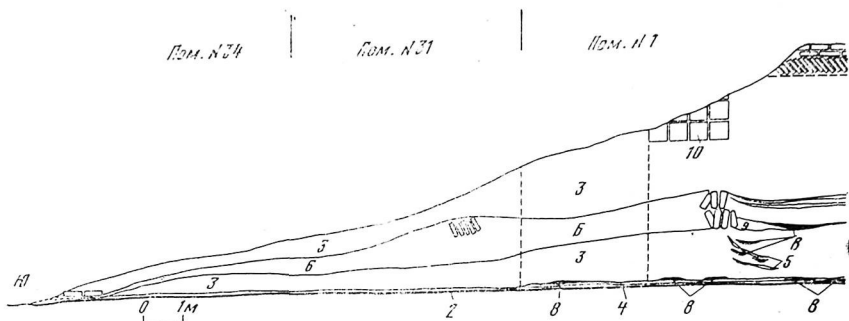

Рис. 30. Елхарас. Западное здание. Разрез заполнения коридора 34, помещения 1, коридора 30

1 — глиняная подбutoвка; 2 — глиняные обмазки пола розоватого цвета; 2а — размытые обмазки пола; 3 — песчано-глинистые намывы; 3а — песчаные намывы; 4 — прослойки песка; 5 — глиняные обмазки стен розового цвета; 6 — кирпичный завал; 7 — слой плотной утрамбованной глины; 8 — слой горения; 9 — культурный слой; 10 — кирпичные конструкции стен

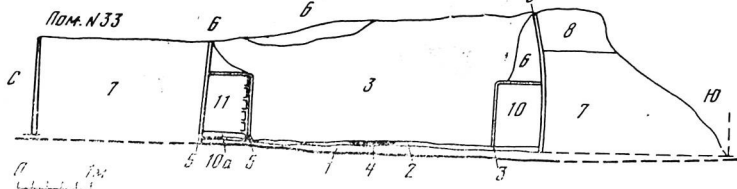
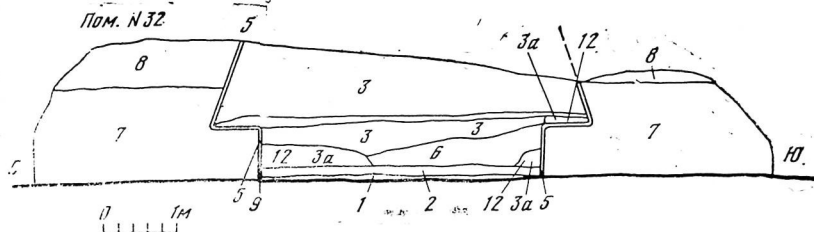
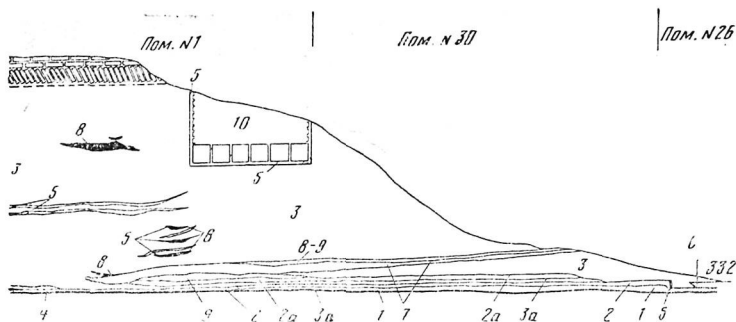

Рис. 31. Елхарас. Западное здание. Разрезы заполнения помещений 32 и 33

1 — глиняная подбutoвка; 2 — глиняные обмазки пола розоватого цвета; 3 — песчано-глинистые намывы; 3а — песчаные намывы; 4 — прокаленный песок; 5 — обмазки стен; 6 — размытая глина; 7 — паховые конструкции стен; 8 — кирпичная конструкция стен; 9 — культурный слой с органическими остатками; 10 — паховый заклад ниши; 10а — паховая подбutoвка под кирпичным закладом; 11 — кирпичный заклад ниши; 12 — фрагменты скульптуры

помещения 32 слой песчано-глинистых намывов лежал не на обмазках пола, а на плотном глиняном завале (рис. 19 и 31).

В абсолютном большинстве случаев непосредственно на размытых обмазках полов зафиксированы слои почти чистого песка, выше которого лежали прослойки песчано-глинистых намывов, где большую

часть составляли примеси того же песка. Изредка в плохо сохранившихся помещениях такие песчано-глинистые намывы лежали непосредственно на размытых обломках пола. Обычно на высоте 30—50 см от пола характер намывного заполнения помещений менялся, превращаясь в глинисто-песчаные намывы, в которых суглинистый компонент имел наибольший удельный вес (рис. 30). Если песчаные и песчано-глинистые намывы можно связывать с возможным затоплением памятника и довольно длительным пребыванием части зданий под водой, то характер вышележащих глинисто-песчаных намывов, скорее, свидетельствует об обычном долговременном постепенном разрушении построек.

В намывах над полом во всех помещениях зафиксированы прослойки упавшей «лицом вниз» глиняной обломки бело-розового цвета, большей частью со следами моно- или полихромной росписи, лежащей тонким слоем по всей площади помещения или частично около стен, «линзами» (рис. 30). В зависимости от степени сохранности помещения таких прослоек в песчано-глинистых или глинисто-песчаных намывах могло быть несколько.

В наиболее сохранившихся помещениях Западного здания (1, 4, 5, 6, 27, 31, 32, 34) поверх слоя песчано-глинистых намывов и внутри него лежали кирпичные завалы — результат разрушения стен и сводов (рис. 30).

В толще песчано-глинистых намывов в некоторых помещениях (1, 4, 6) были отмечены линзы горения (рис. 30). Лишь в северной трети помещения 1, северном осевом коридоре 30 и соседнем с ним помещении 5 зафиксировано наличие плотной глиняной поверхности, лежащей на отметке +375...+380 (напомним, что уровень основного пола в помещениях здания — на отметке +355...+360 см). Эта глиняная поверхность серовато-коричневого цвета нигде не сопрягалась с обломками стен того же бело-розового цвета, что и обломки основного пола. Она лежала на частично срезанных песчаных намывах и перекрывалась небольшим культурным слоем, поверх которого находился еще один слой песчано-глинистых намывов (рис. 30). Поверхность, зажатая песчано-глинистыми намывами, выклинивалась на юге ближе к центру помещения 1, а на севере — в пределах осевого коридора 30. Культурный слой зафиксирован лишь в северной трети помещения 1 и его северном

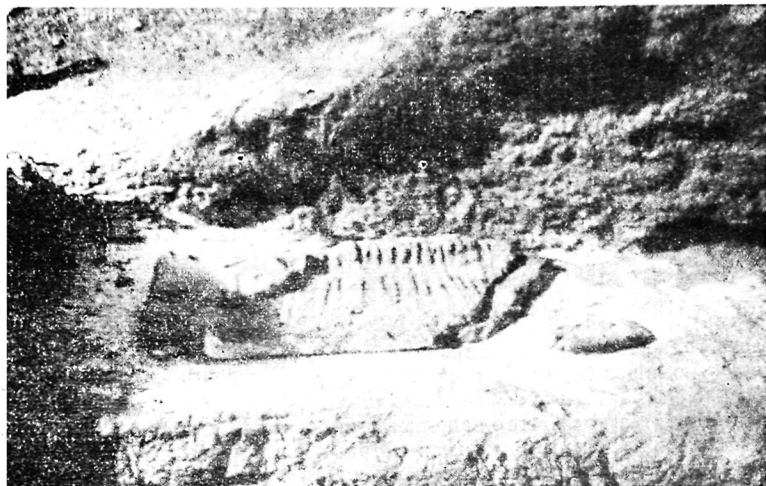

Рис. 32. Елхарас. Западное здание.
Помещение 32. Фрагмент постамен-
та и скульптуры в восточной нише
южной стены

Рис. 33. Елхарас. Западное зда-
ние. Помещение 32. Фрагмент
скульптуры

проходе. Никаких стенок или перегородок, связанных с глиняной поверхностью и культурным слоем, на ней обнаружено не было.

В той же северной трети помещения 1, в коридоре 30 и в смежной с ним западной части зала 6, был расчищен плотный глиняный слой, верхняя поверхность которого находилась на уровне отметки +390...+410 см. Таким образом, этот слой, того же серо-коричневато-го цвета, лежал над глиняным слоем с отметкой +375...+380 см, над культурным слоем на нем и перекрывающими его намывами. На юге он выклинивался, не доходя до середины помещения 1, а на севере в пределах коридора 30 становился намного тоньше. Его уровень поднимался над, вероятно, несрезанным слоем песчано-глинистых намывов, частично перекрывая южную стену зала 6, очевидно, к моменту образования этого глиняного слоя уже основательно разрушенную. В помещении 1 над этим глиняным слоем зафиксированы единичные, но довольно мощные линзы горения без культурного слоя. В западной части помещения 6 с этим слоем, вероятно, связаны: очаг, сооруженный в юго-западном углу помещения 6, внутри перевернутого вверх дном фрагментированного хума типичной для афригидской керамики Хорезма формы, тонкий (2—3 см) культурный слой с большим количеством угольков и золы, лежащий на нем близ очага, и небольшая кирпичная выкладка высотой в два кирпича (25 см), толщиной в 85 см, длиной менее 2 м, сооруженная на культурном слое на расстоянии 3,15 м севернее южной стены помещения 6. В помещении 6 этот поздний глиняный слой с культурными остатками на нем лежал на почти метровом слое песчано-глинистых намывов. В свою очередь, и в помещении 6, и в помещении 1, а также в коридоре 30 он был перекрыт мощным слоем песчано-глинистых намывов (рис. 30).

В одном из южных залов (32) над мощным слоем песчано-глинистых намывов прослеживался локальный (лишь в восточной части помещения) очень тонкий горелый культурный слой, над которым были те же намывные слои, а выше их местами лежал кирпичный завал (рис. 31).

В южной части наиболее хорошо сохранившегося помещения 1, в его полуразрушенном южном проходе, на слое песчано-глинистых намывов мощностью более 1,5 м была сооружена загородка из больших плоских камней. Очевидно, с этой загородкой, с южной стороны приключенной к кирпичному завалу, связано пятно горения (рис. 30).

Во всех остальных помещениях Западного здания заполнение было чрезвычайно однородным — это лишь намывные песчано-глинистые и глинисто-песчаные слои с прослойками упавшей обмазки и завалами кирпичей стен и сводов.

Находок в Западном здании было сравнительно немного. Так, в помещении 4 в обеих камерах-нишах кирпичной конструкции и в его юго-западном углу, непосредственно над полом, лежал сильно пропесоченный слой охры двух оттенков (см. приложение 1) толщиной 10—40 см. В северной камере и местами в коридоре в восточной стене помещения 4 он имел вишневый цвет, а в заполнении южной камеры и в углу — более красноватый оттенок. Там же вблизи выкладки у очажной ниши и в южной камере-нише обнаружены две круглые бусины диаметром 7,5 и 8,0 мм, выточенные из раковин.

В восточной части помещения 32, в завале над полом, перекрытым песчано-глинистыми намывами, в самих намывах, а также в восточных нишах помимо фрагментов обмазки с многоцветной росписью найдены обломки глиняной антропоморфной скульптуры. Скульптура была изготовлена из необожженной глины (по составу и цвету чрезвычайно близкой глине обмазок стен и сводов), на каркасе из стеблей камыша (подробнее см. приложение 1). Фрагменты скульптуры хрупки, судя по месту их находок (в нишах, на полу около ниш и между нишами), они могли подвергнуться частичному разрушению еще до подтопления здания, а затем длительное время размываться. Отдельные куски фигур настолько «сцементировались» с глиняным завалом, что очень часто их невозможно было различить.

В результате предельно кропотливой работы на полу и в восточных нишах северной и южной стен были расчищены фрагментированные панели розового цвета с черными и красными полосами (рис. 32), четыре стопы разных по размерам человеческих фигур (рис. 33), часть спины с шеей и плечом, часть торса с рукой под грудью с хорошо проработанными ногтями (рис. 34), две фрагментированные головы размером 16×14 см, на одной из которых сохранились ухо и окрашенные черные волосы на затылочной части, а на другой (помимо волос) — верхняя часть лица с носом и частью глаз. Судя по этим фрагментам, высота фигур не превышала 110 см. Все скульптуры были объемны и покрыты многокрасочной геометрической и растительной росписью. Это изображения украшений в виде бус, ожерелий, серег с черными ромбовидными перемычками и орнамент на одежде в виде кругов, лент, треугольников, ромбов (рис. 35), квадратов и т. п. (цвета: черный, коричневый, желтый, оранжевый, красный, розовый, зеленый, алый). Судя по остаткам бронзовых бляшек, скульптура украшалась и металлической инкрустацией.

В дальнейшем, анализируя историю гибели памятника, следует иметь в виду, что в помещении 32 песчано-глинистые намывы заполняли все пространство зала выше уровня основания ниш (см. рис. 31).

Говоря о находках в других помещениях, можно отметить каменную ладьевидной формы зернотерку, обнаруженную в обмазках пола около северной стены помещения 26, у ниши. В той же северной части помещения 26 была найдена мелкая золотая бляшка диаметром 3 мм, аналогичная встреченным в погребальных памятниках на Жанадарье (Бабиш-Мулла II, круглый мавзолей Чирик-рабата)¹¹, которые датируются IV—III вв. до н. э.

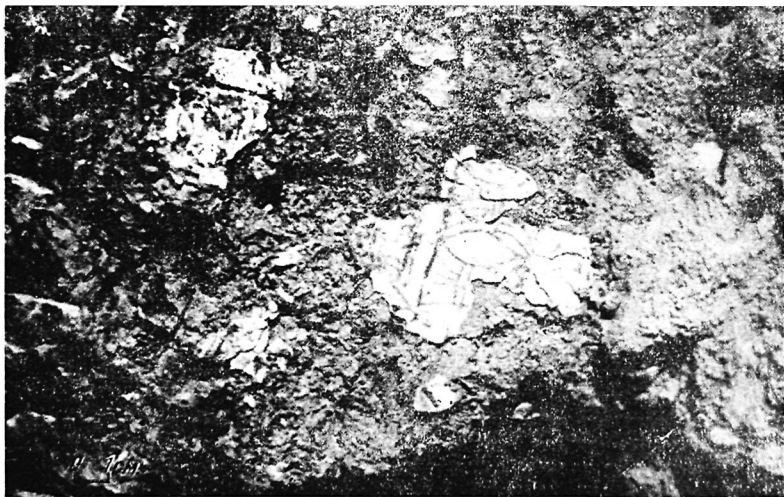
В одном из южных залов (33) над полом, в самых нижних слоях намывов, был встречен фрагмент небольшого круглого блюда из полированного серого мрамора (очевидно выточено на станке), со слегка уплощенным дном и широким горизонтальным бережком. Аналогичные блюда распространены в памятниках Хорезма времени IV—I вв. до н. э.¹²

Как и всегда при археологических работах, чаще всего встречалась керамика. Выше уже упоминались керамические водосливные трубки-обуры, обнаруженные под помещением 28. Они, так же, как и фрагменты им подобных, были красноглиняные, станковой работы, из тща-

Рис. 34. Елхарас. Западное здание. Помещение 32. Фрагмент скульптуры

Рис. 35. Елхарас. Восточное здание. Фрагменты многоцветной росписи

тельно промешанной и отмученной глины. В одном случае в глиняном тесте и на поверхности были хорошо видны гипсовые включения, подобные встреченным в хумах и хумчах архаического Хорезма. Все остальные кобуры по качеству глиняного теста и отделке аналогичны сосудам Хорезма раннекангюйского времени. Большинство кобуров снаружи покрыты жидким беловатым ангобом и имеют прорезанный до обжига знак. Их фрагменты были встречены практически во всех помещениях Западного здания в размытых обмазках пола (помещения 5, 31, 32, 34, 35), в песчано-глинистых намывах над полом (помещения 6, 26, 27, 4, 1, 30) и в более высоких слоях тех же намывов (помещения 1, 4, 6, 30, 32).

Среди найденной на полу керамики большую часть представляли собой фрагменты хумов, хумчей и крупных сосудов. В размытых обмазках пола, в намывах над полом найдены единичные фрагменты красноглиняных, станковой работы, тонкостенных чаш и мисочек. Так, в помещении 26 в размытых обмазках пола и в песчано-глинистых намывах над полом вблизи южной и восточной стен обнаружены фрагменты сосудов типа небольших чаш и мисочек с утонченным краем и перегибом стенок, красноглиняных, станковой работы, покрытых снаружи и изнутри густым красным ангобом (см. рис. 44, 2, 9, 10). По внешнему виду и качеству черепка они напоминают керамику архаического и кангюйского облика в Хорезме¹³. Вероятно, эти сосуды были вкопаны в обмазки пола у стен, подобно найденным в помещениях Восточного здания (см. ниже, с. 115).

В северной части помещения 1 находки на обмазках основного пола представлены лишь двумя керамическими фрагментами: стенкой сильно закопченного сосуда кострового обжига и «заготовкой» для пряслица из стенки крупного кругового красноглиняного сосуда типа хумчи, изготовленного из хорошо отмученной промешанной глины ровного обжига с большим количеством примесей гипсовых комочков и жидким беловатым ангобом по наружной стороне. По технологии изготовления этот фрагмент близок образцам архаической керамики Хорезма.

В центральной и южной части помещения 1 над полом найдены фрагменты кобура и крупные куски стенок красноглиняного хума хорошей выделки и обжига, покрытого снаружи темно-красной ленточной росписью и напоминающего хорезмийские кангюйские хумы. В этой же части помещения 1, где песчано-глинистые намывы лежали непосредственно на размытых обмазках основного пола, не перебиваясь никакими глиняными прослойками, в нижней части этих намывов найдены фрагменты таких же кобуров, стенок лепных сосудов кострового обжига, нескольких короткогорлых хумов с двумя горизонтальными валиками под округлым венчиком и темно-красной росписью в виде широких горизонтальных полос, а иногда и спиралей на тулове (см. рис. 44, 6). Встречен также фрагмент стенки аналогичного по качеству и выделке сосуда (хумчи или крупного горшка), орнаментированного закрашенными темно-красными треугольниками и полосами (см. рис. 44, 23). Ближайшие аналоги этим хумам и хумчам известны в материалах раннекангюйского Хорезма¹⁴.

На полу коридора 34 было лишь несколько фрагментов кобуров,

стенки и венчики красноглиняных, станковой работы хумов (см. рис. 43, 1, 2), аналогичные найденным на городище Кюзели-гыр¹⁵, фрагмент керамической красноглиняной плитки очень хорошего обжига (ширина 26,5, сохранившаяся длина 12 см), на одной из сторон которой были отпечатки грубой ткани. Такая же, но лучшей сохранности плитка найдена близ нее на полу коридора 31. На одной из сторон последней был прорезан знак (см. рис. 46). На полу коридора 31, кроме того, обнаружены фрагменты красноглиняных хумов (в том числе венчиков и горловин) с одним или двумя горизонтальными валиками под горлом и нанесенными красной краской спиралями на тулове (см. рис. 43, 5, 6). В Хорезме хумы этого типа датируются раннекангюйским временем¹⁶.

В помещении 36, где обзамок пола не сохранилось, в верхней размытой части нивелирующей подбутовки, около западной стены встречено несколько фрагментов стенок и днища кругового красноглиняного сосуда очень хорошего качества, покрытого снаружи жидким белым ангобом, поверх которого на тулове нанесены густой красной краской круги или спирали (см. рис. 44, 22, 24). В соседнем помещении 35, где местами сохранились размытые обзадки пола, в них были расчищены, помимо фрагментов кобуров, стенки хумов со следами такой же росписи, а также фрагменты небольших круговых красноглиняных сосудов, очевидно, типа чаш и мисочек с густым двусторонним красным ангобом (см. рис. 44, 5), аналогичных экземплярам, широко известным в кангюйской керамике Хорезма.

В одном из южных залов (33) в обзадках пола у северной стены, вблизи ближайшей к проходу ниши, был обнаружен фрагмент венчика кругового красноглиняного сосуда типа хумчи с жидким беловатым ангобом на поверхности. По качеству черепка, характерным примесям, форме верха сосуда с отогнутым наружу профилированным венчиком и ложбинкой для крышки по бережку эта хумча относится к типичным хорезмийским архаическим формам¹⁷. В том же зале 33 в западной нише северной стены, помимо кусков алебастра, обломков костей животных и косточек абрикосов, найдено несколько фрагментов стенок средних и мелких по величине круговых красноглиняных сосудов с очень хорошего качества глиняным тестом, густым двусторонним красным ангобом, по черепку они напоминают сосуды раннекангюйского времени. В южном зале 32 находок в западной части помещения над полом не было, в восточной же части, под слоем песчано-глинистых намывов, в глиняном завале вместе с обломками раскрашенной скульптуры обнаружены стенки кобура и кругового красноглиняного хума, близкого раннекангюйским, тщательной выделки и обжига, с беловатым жидким ангобом снаружи.

В северных залах также были лишь единичные находки. В зале 6 над полом никаких находок не было, лишь в нише восточной стены, в нижних частях намывов над полом, найдено несколько крупных фрагментов кобура. В зале 5 в размытых обзадках пола, зафиксированы фрагменты кобуров. В нижней части намывов над полом лежали также стенки круговых красноглиняных хумов великолепной выделки со следами густого красного ангоба снаружи, по качеству и отделке напоми-

нающие хорезмийские раннекангюйского времени. К западу от помещения 28, западнее «отстойника», у линии кобуров были найдены фрагменты круговой красноглиняной чаши с маленьким тяжелым дном, покрытой густым красным ангобом снаружи и внутри, также напоминающей хорезмийские кангюйского времени.

В помещении 27 на полу находки отсутствовали, а в песчано-глинистых намывах над полом встречены лишь фрагменты кобуров. В помещении 4 на дне южной ниши восточной стены расчищен фрагмент днища крупного кругового красноглиняного хума, по своему облику напоминающего древнехорезмийские кангюйские. На нем слоем лежала красная краска и каменное лощило со следами той же краски. В южной части этого помещения, в намывах над полом, помимо фрагментированных кобуров, встречены стенки хумов кангюйского облика и таких же сосудов, возможно, типа хумчей или горшков.

В средних и верхних частях песчано-глинистых намывов, толщина которых различна в разных помещениях в зависимости от степени сохранности последних, встречался немногочисленный, но смешанный материал. В помещениях 27, 28, 29, 35, 36 никаких находок в слоях намывов не было. В северной, наименее сохранившейся части зала-двора 26 в затакыренном слое намывов, помимо фрагментов круговых красноглиняных красноангобированных сосудов — чаш и мисочек раннекангюйского типа, встречены фрагменты сосудов, выполненных в иной технологии (в том числе и хумов). Последние изготовлены ручной лепкой, имеют неровный обжиг, а в глиняном тесте и на поверхности — много примесей дресвы и известковых включений. Подобная керамика может быть отнесена к концу III—IV вв. Такая же керамика встречена и в северной части помещения 1 в культурном слое и намывах над глиняной поверхностью с отметкой +375...+380 см наряду с фрагментами стенок хума, по облику характерного для архаической керамики Хорезма. Здесь же была найдена кушанская монета с хорезмийским надчеканом конца III — начала IV в.*

В помещении 4 в толще намывов перед южным проходом были встречены обломки стенок кобуров, фрагменты красноглиняных круговых сосудов (типа хумчей?) с густым темно-красным ангобом, близких кангюйской керамике Хорезма. Вместе с ними лежали фрагменты горшков, кувшинов и сосудов ручной лепки формы, характерной для более позднего времени (III—IV вв.). Среди последних было несколько экземпляров, относящихся к керамическому браку. Такое же сочетание более поздней керамики и фрагментов кобуров с более ранней, встреченной в размытых обмазках полов и в песчаных намывах над полом, наблюдалось также в обеих камерах-нишах и коридоре, идущем вдоль восточной стены помещения 4. В песчано-глинистых намывах южной камеры надо отметить находку фрагментов стенок кругового красноглиняного сосуда, покрытого снаружи густым красным ангобом и вертикальным полосчатым лощением, характерным для сосудов кушанского времени.

В помещении 33, в слое песчано-глинистых намывов, найдены также

* Определение Б. И. Вайнберг.

фрагменты венчика хума, форма и характер теста которого типичны для раннекангюйского времени, и фрагменты стенок лепных сосудов с примесью дресвы, известковых включений в глиняном тесте и на поверхности, покрытых снаружи плотным беловатым ангобом и датирующихся концом III—IV вв.

В западной половине помещения 32, в средней и верхней части песчано-глинистых намывов, на высоте 60—140 см над уровнем размытых обмазок пола, обнаружены фрагменты кобуров обычного для Елхараса типа, фрагменты стенок круговых красноглиняных сосудов тщательной выделки, в том числе хума раннекангюйского типа. В тех же слоях намывов встречены и стенки характерных афригидских кувшинов и хумов, фрагменты хумчей, горшков ручной лепки с «пятнистой» поверхностью и большим количеством примесей (в том числе на поверхности). Последнюю керамику можно отнести, вероятно, к концу III—IV вв.

В восточной половине помещения 32, в слое намывов над глиняным завалом, найдены единичные фрагменты стенок кобура и стенки лепного сосуда того же времени. В северном зале 6, в средних слоях намывов, встречены стенки круговых красноглиняных сосудов с примесями гипса в глиняном тесте, жидким беловатым ангобом снаружи, весьма напоминающих архаическую керамику Хорезма; фрагменты стенок крупных круговых красноглиняных сосудов, аналогичных по качеству и выделке типичным кангюйским. Кроме того, в западной части помещения 6, в верхних слоях намывов, были и фрагменты сосудов (возможно, типа хумчей, горшков, кувшинов) ручной лепки, частично подправленных на круге, с большим количеством характерных примесей в тесте и на поверхности. Такая же керамика вместе с несколькими фрагментами стенок кобуров встречена и в намывах выше уровня отметки +4,10 м; +440 см.

В помещении 5 в слое песчано-глинистых намывов выше уровня отметки +385 см лежали стенки кругового красноглиняного хума великолепной выделки, со следами красной раскраски на наружной стороне. Там же обнаружены высокого качества и выделки стенки сосудов средней величины и маленького тонкостенного сосуда со следами двустороннего покрытия густым красным ангобом. Как уже говорилось, подобные сосуды распространены в кангюйских памятниках Хорезма. Здесь же найдены и несколько фрагментов стенок сосудов ручной лепки (в том числе и сковороды) неровного обжига, с беловатым густым ангобом по наружной стороне, примесью дресвы и извести в глиняном тесте и на поверхности.

Со средними и верхними слоями намывов в отдельных помещениях связаны находки афригидской керамики. Датируются они второй половиной V — началом VI в. Так, в помещении 1, в северной его части, они связываются со слоями намывов, перекрывавших глиняный слой, верхняя поверхность которого имела отметку +410 см. Здесь вместе с керамикой были и фрагменты кобуров, и стенки красноглиняных станковой работы хумов со следами красной росписи горизонтальными и спиральными полосами, и фрагменты сосудов ручной лепки, иногда с частичной поправкой на круге, с большим количеством примесей дресвы и извести в тесте и на поверхности.

В южной части помещения 1, в верхнем слое намывов, обнаружены несколько целых и фрагментированных лепных и круговых средневековых сосудов (см. рис. 51, 2, 4—6), возможно, связанных с мощным горелым пятном и каменной загородкой в разрушенном южном проходе. Они аналогичны хорезмийским IX—XI вв. Здесь же вместе со средневековыми сосудами найдена крупная голубая круглая рифленая бусина, кашинная, датируемая X в. (на уровне отметки +780 см). Обломки средневековых сосудов того же времени, хотя и очень немногочисленные, сконцентрированы в самых верхних слоях намывов, в соседних частях меридионального и широтного коридора. В северном конце меридионального коридора 34, в верхней толще намывов над кирпичным завалом, вместе со средневековыми встречены фрагменты лепных сосудов конца III—IV в. и раннеафригидских. В широтном коридоре 31, также в песчано-глинистых намывах, лежащих над кирпичным завалом, вместе с отдельными фрагментами средневековых сосудов были и единичные стенки лепных сосудов конца III—IV в.

В заложённых помещениях 2 и 3 внутри кирпичных конструкций находок не было. Но в северо-восточном углу помещения 2, в самой верхней части кирпичной конструкции, была промоина, где, помимо обломков кобура, найдено несколько фрагментов сосудов как раннекангюйского облика (небольшой красноглиняный сосудик с густым красным ангобом типа мисочки или чаши), так и афригидских. В помещении 3 на высоте более 4,5 м над полом, выше кирпичной конструкции-закладки обнаружены фрагменты разновременных сосудов: вместе с обломками круговых красноглиняных, покрытых густым красным ангобом, тонкостенных чаш и мисок (см. рис. 44, 4), аналогичных кангюйским, были и фрагменты сосудов ручной лепки с большим количеством дресвы и известковых включений в тесте и на поверхности (конец III—IV вв.), а также нескольких обломков стенок и ручка кругового сероглиняного сосуда X—XI вв.

3. Восточное здание

Сохранившаяся и раскопанная западная часть Восточного здания (площадь 84×24 м) состояла из двух коридоров и шести однотипных секций по четыре помещения в каждой (см. рис. 15). Она поражает стандартизацией планировки, четкой симметрией и единообразием расположения групп секций вокруг внутренних коридоров и помещений внутри каждой секции. Даже расположение и размеры дверных проемов строго унифицированы.

Сохранившиеся шесть секций (I—IV) вытянуты к западу от меридионального коридора. Все они по своей внутренней планировке тождественны. Каждая имеет по четыре помещения, расположенные тройным рядом, при этом западные и восточные помещения значительно больше по размерам, чем два помещения среднего ряда. Ширина всех помещений внутри ряда одинакова, длина же различна. Сохранность помещений и секций в целом неодинакова. Хуже других сохранились крайняя северная и южная секции.

Самые крупные помещения каждой секции, западные, имеют шири-

ну 4,8, длину 10,8 м (помещения 9 секции V), 11,4 (помещения 10, 20, 21 секций I, II, IV) и 12,4 м (помещение 18 секции III). Западные помещения скользящими проходами с уступами (или «четвертями») соединялись с помещениями центрального ряда. Ширина южного прохода всегда 90 см, северного — 75 см.

В центральном ряду каждой секции находились два помещения: изолированное северное и проходное южное (рис. 15 и 36). Во всех сохранившихся секциях площадь северного помещения всегда равна $4 \times 2,4$ м, южное при одинаковой ширине, равной 4 м, несколько различается по длине (6,6 м — в секции V, 7,2 — в секциях I, II и IV и 8,2 м — в секции III).

Восточные помещения каждой секции при одинаковой ширине (4,2 м) имеют длину, соответствующую длине западного. Все они соединены проходами (ширина 90 см) с южными помещениями центрального ряда. Помимо этого, секции I и, вероятно, VI проходами (шириной 90 см) в восточных стенах сообщались с меридиональным коридором (помещением 46), а секции III и IV — с широтным коридором 24 (см. рис. 15). Секции II и V не имели выходов в коридоры, но из их восточных помещений были проходы (шириной 90 см) в восточные же помещения секций III и IV. Таким образом, секции II и III, а также секции IV и V образовывали двухсекционный блок с одним выходом в коридор 24.

Коридор 24, отделявший три северные секции от трех южных, в сохранившейся части имел длину 24 м и первоначальную ширину 3,6 м. В западной торцевой стене его был проход во двор 25, сначала суженный от 180 до 90 см, затем заложенный. Проход этот был расположен напротив (тоже заложеного) прохода из зала-двора Западного здания 26 в этот же двор 25 (см. рис. 15).

Сохранившийся в длину не менее чем на 84 м меридиональный коридор 46 имел ширину 2,2 м.

Стены сохранившихся помещений Восточного здания толщиной 1,8 м, как и стены Западного, поставлены непосредственно на искусственно сnivelированную материковую поверхность возвышенности. Сохранность стен от 5 см (на северном, южном и восточном участках) до 185 см (часть западной стены помещений 9 и 10). Несмотря на плохую сохранность, можно считать, что все стены были кирпичными на пахсовом основании и с уровня $+495$ см сложены из сырцового кирпича стандарта $(42-47) \times (42-47) \times 12$ см. Пахсовые части стен несколько расширялись к основанию, но за счет увеличения толщины глиняной обмазки в их верхней части в итоге приобретали строго вертикальную поверхность. Значительная часть стен Восточного здания настолько плохой сохранности, что их удавалось проследить лишь по отпечаткам пахсовой массы на материковой, искусственно сnivelированной поверхности возвышенности (рис. 37).

Внутри секций и помещений под глиняными обмазками пола была обнаружена нивелировочная подбутовка или подсыпка различного характера и толщины. Так, например, в секции III мощность подсыпки в помещении 17 и в северной части помещения 18 равна 25 см, в помещении 16 — лишь 5 см, в помещении 43 подсыпка отсутствует. Опреде-

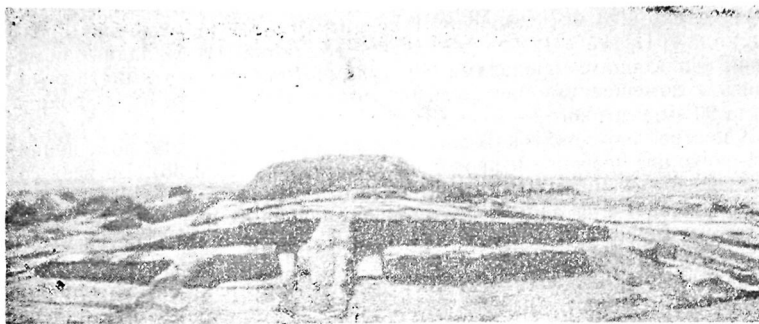

Рис. 36. Елхарас. Восточное здание. Вид с востока на проходы между помещениями 9, 12 и 10, 13 (после раскопок)

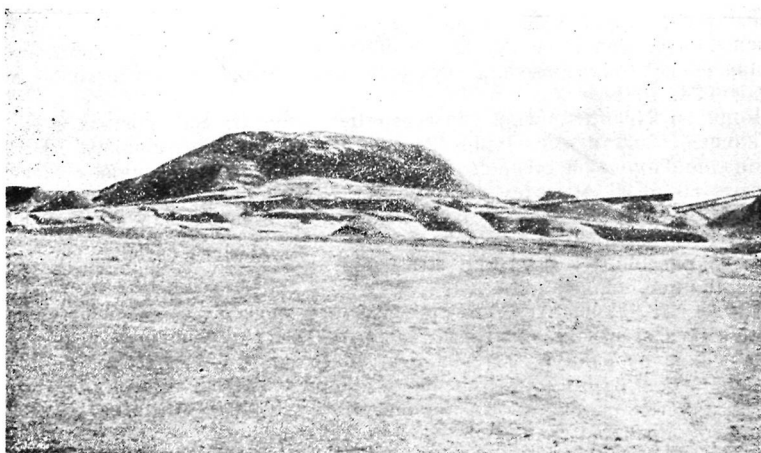

Рис. 37. Елхарас. Восточное здание. Вид с востока после раскопок

ленную нивелирующую роль играли и сами глиняные обмазки пола, толщина которых на материковой поверхности с более низкими отметками увеличивалась. Так, в южной части помещения 9 (секции V) нивелировка пола была произведена с помощью более мощного слоя плотной подбутовки из мелкокомковатой глины и значительно большего числа глиняных обмазок пола по сравнению с центральной и северной частью помещения.

Как правило, глиняные обмазки полов в помещениях Восточного здания такие же тонкие и того же розоватого цвета, что и обмазки по-

лов Западного. В Восточном здании культурный слой между отдельными тонкими прослойками обмазок пола, мощность которых в среднем не превышала 5—8 см, зафиксирован не был. Повсюду наблюдалось наличие одного пола, обмазки которого плавно переходили на обмазку стен того же цвета, но с большим количеством примесей самана. Колебания уровней полов помещений внутри секции невелики. Например, отметка полов в помещениях IV и V секций — +345...+355 см, в коридорах — +350...+355 см. В помещениях II и III секций перепад уровней полов более значителен (от +315...+335 до +345...+355 см), иногда оформлен в виде ступеньки в проходе, как, например, между помещениями 19 и 20 II секции. Уровень полов I и VI секций в среднем на 40 см ниже остальных. В ряде случаев на полях в центре помещений (и в коридорах (9, 10, 24 и др.) удалось зафиксировать большие горелые пятна. Под полами были проложены водосливные керамические трубы. Так, в меридиональном коридоре 46 удалось расчистить нижние половины девяти кобуров, вставленных друг в друга, и проследить их ложе (см. рис. 15).

Судя по завалам кирпичей свода (24—25) × (27—28) × (42—47) × × 12 см, лежащих правильными рядами по всей площади некоторых помещений Восточного здания, толщине стен и ширине пролетов, сохранившиеся помещения шести секций, очевидно, были перекрыты сводами. Завалы подтрапцевидных кирпичей свода с характерными глубокими пальцевыми вдавлениями на одной из сторон, со значительным количеством крупных галек между ними зафиксированы в наиболее сохранившихся помещениях 9 и 10 IV и V секций. Можно думать также, что в некоторых помещениях вдоль стен и по углам стояли столбы. В помещении 16 секции III было расчищено шесть столбовых ямок диаметром 18—30, глубиной 12—25 см.

Заполнение всех вскрытых помещений Восточного здания было идентичным. Там, где обмазки пола сохранились, непосредственно на них лежали песчано-глинистые намывы, при этом полы сильно заматы, а в нижних частях стен всюду зафиксированы «пещерки» — следы размыва. В нескольких помещениях (9, 10, 11, 18) в обмазках пола и стен обнаружена пресноводная фауна.

Песчано-глинистые намывы заполняли секции Восточного здания на всю сохранившуюся высоту. В некоторых случаях в толще намывов были прослойки (чаще тонкие линзы) стальных обмазок розового цвета. Иногда (помещение 10) на песчано-глинистых намывах лежали завалы из кирпичей свода и камней расклинки. Лишь в одном случае (помещение 9) на песчано-глинистых намывах был культурный слой, а рухнувший свод лежал уже поверх него (рис. 38).

Что касается находок, то в помещениях секций I—III их не было, возможно, в силу плохой сохранности последних. В некоторых случаях внутри помещений около стен обнаружены вкопанные в полу чаши (помещения 9, 10, 13, 38, 39). В помещении 10 две красноглиняные красноангобированные чаши находились около западной стены, в 3 м от юго-западного угла (рис. 44, 11, 13), в помещениях 13, 38, 39 у северной стены (рис. 44, 7, 17, 18). В наиболее сохранившихся помещениях 10, 13, 9 — сосуды оказались целыми или почти целыми, в других случаях —

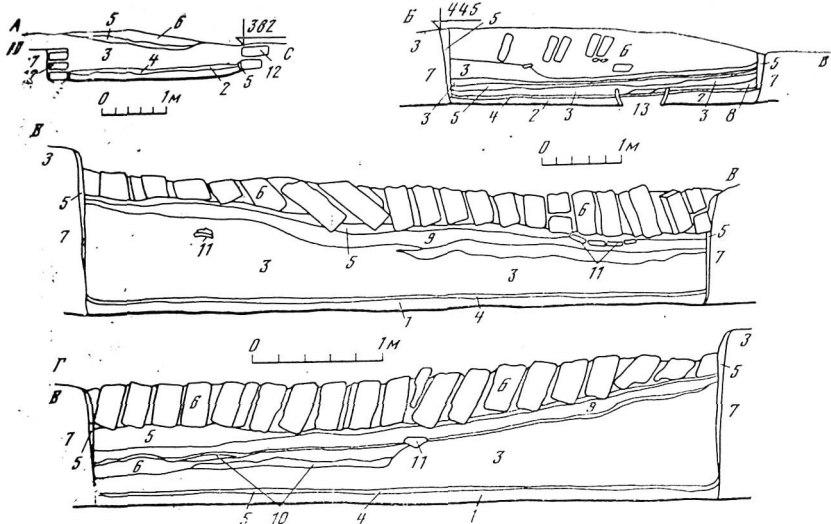

Рис. 38. Елхарас. Восточное здание

Разрезы: А — помещение 24; Б — помещение 10; В—Г — помещение 9. Вид с юга; Г — вид с севера. 1 — глиняная подбетовка; 2 — песчаная подсыпка; 3 — песчано-глинистые намывы, 4 — обмазки пола; 5 — обмазки стен розового цвета; 6 — кирпичный завал; 7 — паховые конструкции стен; 8 — слой горения; 9 — культурный слой; 10 — прокаленная глина с песком; 11 — фрагменты керамики; 12 — кирпичи зеленоватого цвета

сильно фрагментированными. Ближайшие аналогии этим сосудам можно найти в материалах позднеархаического и раннекангюйского Хорезма¹⁸.

В северной половине помещения 10 в пол, подсыпку и материк под ними были врыты верхние части двух хумов горлом вниз. Внутри на высоту 10—12 см они были заполнены своими же мелкими обломками, поверх которых лежал слой золы и угольков до 15 см толщиной. Очевидно, эти сосуды использовались в качестве очагов. По своей форме и орнаментации (в виде спиральной росписи темно-красного цвета на верхней части тулова и сплошной закраски венчика) они характерны для Хорезма раннекангюйского и более раннего времени (рис. 43, 8, 9)¹⁹. Аналогичная керамика встречается в песчаных и песчано-глинистых намывах над полом в помещениях 9, 10, 11, 13, 24 (прежде всего в нижних слоях намывов).

Как уже упоминалось, лишь в помещении 9 на слое песчано-глинистых намывов толщиной от 25—30 см (на юго-западе) до 100 см (на северо-востоке) лежал рыхлый культурный слой с большим количеством костей животных, фрагментами керамики, угольками. Прослойка упавших глиняных обмазок розоватого цвета и завал свода лежали поверх него. В юго-восточной части помещения 9 культурный слой прослеживался в виде скопления горелого тростника, обгоревших глиняных комьев и перекрывавшего все это прокаленного песка. В песчано-гли-

нистых намывах под культурным слоем встречены фрагменты керамики (рис. 44, 6, 8, 9, 16, 19, 20), но они по своему виду резко отличаются от лепной керамики, найденной в культурном слое над намывами. Последняя датируется концом III—IV в. Такая же керамика обнаружена в помещении 10 (ближе к проходу в помещении 13, у западной и южной стен, над 70-сантиметровым слоем песчано-глинистых намывов), помещении 13 (у прохода в помещение 10), в верхней части слоя намывов в помещении 12, соседнем с помещением 9 (70—80 см выше пола). В последнем помещении уже в частично разрушенной стене, в 1 м от юго-западного угла (вблизи прохода в помещение 9), в вырубке глубиной 20 см, было обнаружено скопление золы, возможно, очаг. Найденные в этом очаге фрагменты сосудов по типу близки керамике из соседнего помещения 9, лежавшей на том же уровне в культурном слое над намывами.

На полах в сохранившихся помещениях Восточного здания не было никаких сооружений, кроме небольшой кирпичной выкладки около восточной стены помещения 9 (высота 25 см, длина 1,75, ширина 75 см). Перед ней, посередине помещения 9, на самых нижних глиняных обмазках пола выявились горелые пятна диаметром до 1 м. Лишь в одном случае можно говорить о перестройках в Восточном здании. В коридоре 24 южная и северная его стены были утолщены за счет приставленного к каждой стене ряда сырцовых кирпичей. Судя по глиняной обмазке на пахсовой части южной стены, первоначально этот коридор должен был быть шире, а в западной стене предполагался проход шириной 180 см, ведущий к Западному зданию к лестнице 8 и в коридоры 7, 25 (рис. 15). Однако, вероятно, еще в процессе строительства с помощью приставленного ряда кирпичей были сужены и коридор и проход (последний до ширины 90 см). Причем с южной стороны вдоль части стены и в проходе кирпичи приставлены к глиняной обмазке, покрывавшей нижнюю пахсовую часть стены*, с северной — такой же ряд кирпичей приставлен непосредственно к пахсе, еще не покрытой обмазкой. Тонкий слой глиняных обмазок пола смыкался непосредственно с такими же розоватого цвета обмазками кирпичных стен и прохода. Позднее проход в западной стене вообще был заложен кирпичами. Вероятно, это произошло одновременно с закладкой расположенного напротив прохода из помещения 26 в тот же двор 25. В западном конце южной стены коридора 24, на расстоянии 140 см от его западной стены с проходом в ней на высоте 70 см от пола расчищена ниша (ширина 80 см, глубина 50 см), стенки которой покрыты прокаленными обмазками.

Стратиграфия заполнения помещений Восточного комплекса, единственный пол, верхняя часть обмазок которого была сильно размыта, песчаные и песчано-глинистые намывы над полом, следы длительного стояния воды в раскопанных помещениях — свидетельства того, что здание, просуществовавшее относительно недолго, погибло в результате наводнения. По-видимому, его обитатели сумели вынести из помещений

* Представляется, что в данном случае речь идет не об отделочной обмазке стен, так как нигде не удалось проследить эту обмазку до пола или же обмазки пола под приложенными кирпичами. Скорее всего, эта обмазка — какое-либо защитное сезонное покрытие.

вещи, так как иначе трудно объяснить отсутствие находок на полах во всех помещениях (за исключением сосудов, вкопанных в полы и в подбутовку под ними).

Находку единичных фрагментов сосудов в пятой и шестой секциях можно объяснить плохой сохранностью последних, вследствие чего разбито и размыло также сосуды, некогда вкопанные в полы этих помещений. Выше песчано-глинистых намывов отмечены или такырная корка или же (в наиболее сохранившихся помещениях) прослойки упавшей со стен и потолка обмазки и обвалившиеся кирпичи свода (помещения 9, 10) (рис. 38). Как неоднократно отмечалось, памятник был однослойный, во всех помещениях и коридорах зафиксирован лишь один пол. Только в помещении 9 по прошествии довольно длительного времени после гибели здания на слое песчано-глинистых намывов метровой толщины вторично поселились люди. Они не только не попытались соорудить глиняные полы, но даже не сивелировали слои намывов, лежащих в помещении с резким наклоном к юго-востоку. Прямо на них были положены, вероятно, камышовые циновки и сооружены подобия каких-то очаговых конструкций. Культурный слой, оставленный этими жителями, невелик по толщине, но чрезвычайно насыщен костями животных (лишь челюстей мелкого рогатого скота было около 300) и фрагментами сосудов. Очевидно, свод в помещении 9 в этот период еще стоял, так как завал свода лежит поверх культурного слоя (рис. 38). Керамика идентична найденной в Западном здании вместе с кушанской монетой и датируется концом III—IV вв. Слабые следы обживания Восточного здания на этом уровне зафиксированы также в соседних помещениях 10, 12, 13.

Между Восточным и Западным зданиями был вскрыт ряд помещений, которые могли служить связующим звеном между ними и свидетельствовать в пользу существования этих зданий как единого комплекса (см. рис. 15).

Вполне вероятно, что основной вход в оба здания вел с юга через помещение 37 и постепенно сужающийся коридор 7. Подобные «втянутые входы» известны в древнем Хорезме в памятниках Калалы-гыр II, раннем комплексе Ток-калы, Малый Кырк-кыз²⁰.

Помещение 37 сохранилось плохо (рис. 15). Южная его часть срезана арыком. С запада и востока оно ограничено глухими стенами Западного и Восточного зданий, а на севере относительно узким проходом соединено с коридором 7. Вероятно, помещение 37 являлось двором. Довольно плотные глиняные обмазки пола прослежены лишь в его северной части близ северной стены. На расстоянии 70 см к востоку от северо-западного угла этого двора был обнаружен вертикальный водослив в виде двух вставленных друг в друга керамических труб, слегка заглубленных в северную стену двора. Очевидно, это остатки вертикального водостока из помещений верхнего этажа Западного здания (рис. 39). Диаметр труб 38—40 см. Нижний край нижней трубы был обломан в древности, и под нее тогда же был подложен фрагмент днища хума (диаметр 62 см), по-видимому, архаического времени.

Вдоль северной и западной стен двора 37 небольшой обмазанный глиной сток вел в неглубокий резервуар (диаметр 1,5 м) в том же углу.

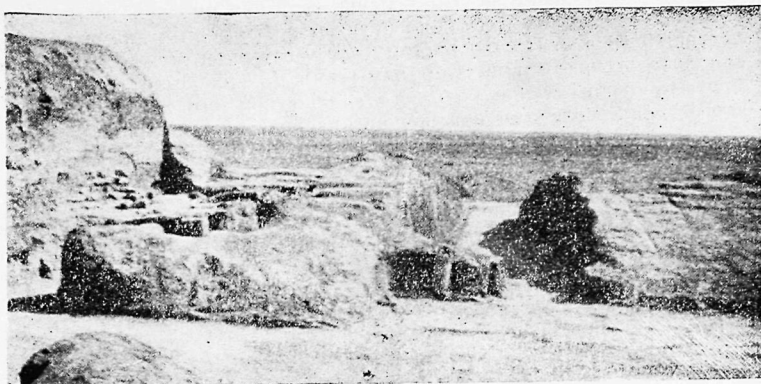

Рис. 39. Елхарас. Коридор 7 между зданиями. Вид с юга

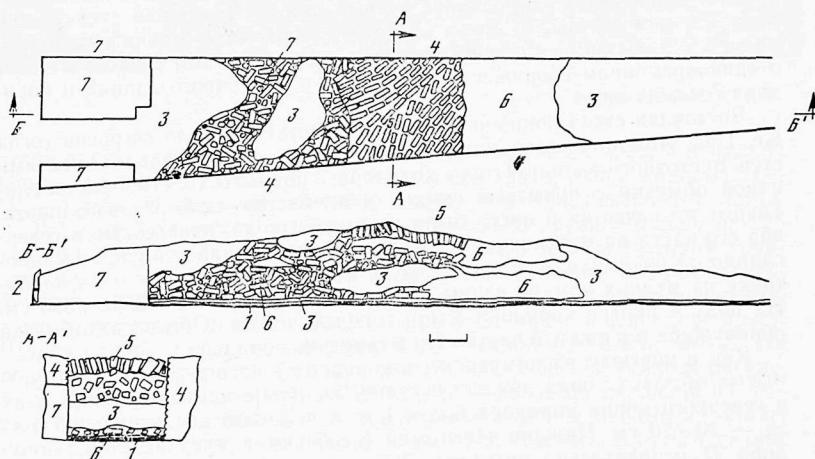

Рис. 40. Елхарас. Помещение 7

Разрезы: 1 — обломки пола; 2 — кобуры; 3 — песчано-глинистые памывы; 4 — кирпичные конструкции стен; 5 — завал рухнувшего кирпичного свода; 6 — завал кирпичных стен; 7 — паховые конструкции стен

Резервуар обложен крупными плоскими камнями и обмазан глиной, на дне видны следы красной краски. Из этого резервуара по обмазанному глиной, но плохо сохранившемуся стоку, вода сливалась в неглубокую (до 40 см глубиной) яму шириной более 5 м, расположенную в центре двора 37. От северо-восточного угла двора вдоль восточной стены были зачищены остатки кирпичной кладки, являющейся частичным продолжением цокольной кирпичной конструкции лестничных площадок (по-

мещение 8). Перекрытие этого двора, если оно имелось, возможно, было плоским. Об этом позволяют судить столбовые ямы диаметром 25 см, расчищенные в северо-восточном углу у северной стены. Двор 37 был заполнен песчано-глинистыми намывами. В них были найдены фрагменты кобуров, стенки кругового красноглиняного хума раннекангюйского типа со следами красной раскраски в виде спиралей, а также стенки хума арханчского облика.

Двор 37 на севере был соединен с коридором 7 проходом с уступами (см. рис. 15). Коридор 7 заметно сужается к северу. Длина его 18,5 м, ширина у северного конца 2, у южного — 3,3 м. Его восточная стена, общая с лестницей (помещением 8), целиком кирпичная, а западная, общая с помещениями 4 и 6, сложена из кирпича на северном участке, соседнем с залом 6, а южнее на протяжении 9 м имеет паховый цоколь на высоту до 145 см (часть стены, являющаяся одновременно внешней стеной помещения 4). Удалось проследить, что паховые цоколи западной и южной стен коридора 7 составляют одно монолитное целое. В южной стене коридора была (толщина 3 м), где сохранилась лишь ее нижняя паховая часть, был проход с уступами (ширина 1,2 м), подобный проходам в помещениях обоих зданий. Восточная стенка прохода (ее нижняя часть) была паховой. Кирпичи восточной стены коридора 7 лежат над паховой частью прохода. Все это свидетельствует о одновременном сооружении Западного и Восточного зданий и коридора 7 между ними.

Восточная стена коридора 7 вместе с лестницей была встроена тогда же. При этом она возводилась одновременно с кирпичными частями стен Восточного здания. Стены коридора 7 покрыты толстым слоем глиняной обмазки с примесью самана и алебаstra бело-розового цвета. Такого же качества и цвета были и обмазки пола, нанесенные в северной его части на материковую поверхность, на тончайший слой песчано-глинистой подсыпки, а в южной части и в южном проходе — на подбуртовку из мелких комков глины. Отметка обмазок пола +355...+360 см. На полу в центре коридора были горелые пятна. Обгорелая обмазка обнаружена и в нижней части стен в середине коридора.

Как и повсюду на памятнике, в коридоре 7 непосредственно на размытых обмазках пола лежали песчано-глинистые намывы. Толщина их у северного конца коридора более 1 м, а в южной и центральной части — 10—20 см. Нижние части стен (особенно в северном конце коридора 7) основательно размыты. Выше над песчаными и песчано-глинистыми намывами был кирпичный завал, состоящий в основном из кирпичей свода, местами лежащих правильными рядами (рис. 40). Этот завал свидетельствует о том, что в своей южной и центральной части, на протяжении, по крайней мере, 12,5 м, помещение 7 имело сводчатое перекрытие.

На полу южного прохода в коридор 7 (рис. 43, 3) был найден лишь венчик хумчи архаического типа. В южной части коридора, в завале над намывами, лежало несколько фрагментов стенок хумов арханчского и раннекангюйского облика. В северном конце коридора, в верхней части толщи намывов, помимо стенок кобуров и хумов арханчского и раннекангюйского типов, встречено несколько фрагментов со-

Рис. 41. Елхарас. Вид с севера на двор 25 и проход между зданиями

судов ручной лепки с большим количеством примесей дресвы и известковых включений в тесте и на поверхности (датируются концом III—IV вв.), а также фрагмент стенки кругового раннесредневекового сосуда.

Коридор 7 на севере открывается в довольно крупное помещение 25 (см. рис. 15; рис. 41), которое могло быть своего рода внутренним коридорообразным двором, соединяющим восточный и западный комплексы. Западная и восточная стены двора 25, являющиеся одновременно стенами Западного и Восточного зданий, не были параллельны друг другу. Ширина двора у его южного конца 6 м, северная часть его смыта. На полу его сохранившейся южной части (площадь 60 м²) удалось расчистить обычные бело-розового цвета глиняные обмазки, лежащие на песчано-глинистой подсыпке на уровне отметки +350 см. Прямо на обмазках пола двора 25 лежали песчано-глинистые намывы. Было ли данное помещение перекрыто — неизвестно, но характер обмазок пола, его заполнение обычны для всех помещений памятника, имевших сводчатое или плоское перекрытие.

В южной части двора 25, в его западной и восточной стенах, друг против друга были размещены впоследствии заложенные проходы (ширина 90 см), выводящие в коридор 24 Восточного здания и в зал-двор 26 Западного. Не исключено, что на севере двор 25 выводил к основным входам в оба здания. В южном конце двор 25 был связан проходом с коридором 7 и смыкался с соседней ему лестницей (помещение 8). Лестница шириной 2,4 м вела на второй этаж и начиналась непосредственно у прохода (заложенного) в коридор 24 Восточного здания. Было зачищено девять ступеней шириной 15—16 см каждая (рис. 42).

Рис. 42. Елхарас. Помещение 8 (лестница)

Все ступени были тщательно покрыты уже известной нам обмазкой бело-розового цвета. Площадка, на которую выходила верхняя сохранившаяся ступенька лестницы, имела отметку +575 см. На этом уровне обе стены лестницы — кирпичные. Уже с уровня отметки +495 см лестница возведена сплошным кирпичным массивом, причем кладка выполнена вперевязку, включая не только ее восточную стену (она же одновременно западная стена Восточного здания), но и западную, являющуюся одновременно восточной стеной коридора 7, и несущую часть свода коридора. Эта стена и опирающийся на нее свод конструктивно связывают Западное и Восточное здания.

Куда вели лестничные марши далее, остается гипотетичным, так как сохранность южной части лестницы плохая. Возможно, существовал какой-либо лестничный марш к западу от упомянутой площадки, проходящий поперек северной части коридора 7 и ведущий к мощной северной стене зала 4 и лестнице, выводящей на второй этаж Западного здания. Не исключено, что лестничный марш от площадки поворачивал к востоку, выводя лестницу на крышу Восточного здания. Могли существовать также и какие-то помещения на уровне полуторного этажа-площадки и над коридором 7, в пользу чего свидетельствует вертикальный водосток у южной стены коридора. Последнее предположение отнюдь не исключает возможности существования лестничного марша на крышу Восточного здания.

Таким образом, исследование сохранившихся частей обоих зданий

приводит к выводу, что они были связаны конструктивно, и, очевидно, возводились одновременно.

Как можно заметить, находок на памятнике (кроме керамики) почти нет, и единственная датирующаяся среди них упомянутая монета Васудевы, которая относится к позднему периоду вторичного обживания Елхараса, когда он стоял уже в развалинах. Тем большее значение имеет анализ керамического материала, который фактически является главным источником для выводов о датировке Елхараса.

4. Керамика

Из сорока семи расчищенных помещений Западного и Восточного зданий находки были получены в двадцати восьми, а также в шурфах у обводной стены и линии кобуров за пределами построек. В остальных, хуже сохранившихся помещениях никаких находок не было. Это относится ко всем двенадцати помещениям трех северных секций, восточным помещениям четвертой—шестой секции, южным помещениям последней южной секции Восточного здания и помещению 29 Западного здания. Указанные помещения были расчищены практически по уровню основания стен, и лишь в единичных случаях удалось зафиксировать остатки нижних обмазок пола. Во всех остальных случаях была найдена керамика хотя бы одной из следующих выделенных четырех групп.

К керамике первой группы отнесены фрагменты красноглиняных станковой работы сосудов, имеющих ближайшие аналогии среди керамики, типичной для архаического и раннекангюйского времени античного Хорезма.

К керамике второй группы относятся сосуды ручной лепки, представленные различными типами и формами и относящиеся, вероятно, к концу III — началу IV в. н. э.

Третья группа керамики представлена сосудами, характерными для раннеафригидского Хорезма, и датируется V — началом VI вв.

И, наконец, к четвертой группе отнесены несколько сосудов, типичных для Хорезма X—XI вв.

Кроме того, на Елхарасе было найдено несколько фрагментов сосудов позднекушанского времени.

Следует также упомянуть о довольно значительном числе керамических водосливных труб-кобуров, найденных в целом и фрагментированном виде (см. выше) в пятнадцати помещениях.

Керамика первой группы найдена в шурфе у обводной стены, у конца линии кобуров, и в двадцати трех помещениях из двадцати восьми, вообще имевших какие-либо находки (рис. 43). Больше всего этой керамики обнаружено в обмазках основного пола, на полу или в намывах, лежащих непосредственно над полами помещений, т. е. вся она связана с периодами постройки и гибели памятника (помещения 9, 10, 11, 13, 24, 38, 39 Восточного здания, лестница 8, коридор 7, двор 37 между Восточным и Западным зданиями, помещения 1, 4, 5, 6, 26, 31, 33, 32,

34, 35, 36 Западного здания). Кроме того, фрагменты сосудов первой группы были встречены и выше, в намывах внутри помещений на более высоких отметках (помещения 1, 4, 6, 2, 3, 5, 32, 33, 25, 7, 8, 9, 10).

Хумы. Наиболее частой находкой являются фрагменты стенок, венчиков и днищ красноглиняных хумов станковой работы. Они встречены на полу и в намывах над полом в помещениях 9, 10, 11, 13, 24 Восточного здания, в коридорах 7, 8, 25, в помещениях 1, 4, 5, 6, 33, 31, 32, 34 Западного здания.

В восьми случаях (помещения 1, 4, 6, 34, 37, 9, 8, 7) речь идет о хумах архаического облика с их характерным манжетообразным венчиком, очевидно, цилиндрической формы туловом, поверхностью, покрытой светлым беловато-желтоватым ангобом, и примесью толченого гипса в глиняном тесте. Фрагменты венчиков двух хумов были найдены и в меридиональном коридоре 34 на полу (рис. 43, 1, 2). Хумы этого типа характерны для Хорезма архаического периода²¹, хотя идентичная форма типична и для районов Бактрии, Согда, Маргианы, Парфии ахеменидского времени²². Однако в большинстве случаев аналогии хумам первой группы мы находим в комплексах раннекангюйского времени.

Стенки крупных красноглиняных хумов станковой работы, изготовленных из хорошо отмученной, тщательно промешанной глины, ровного обжига, со светлым ангобом, росписью темно-красной краской снаружи по венчику и спиральями по верхней части тулова (при этом на внутренней стороне сосуда остаются капли и потеки) были найдены на полах и в намывах над полами в помещениях 9, 10, 11, 13, 24 Восточного здания и 5, 6, 32, 33, 34 — Западного. На некоторых фрагментах хорошо заметны не только ленточная техника их формовки, но и следы обработки стенок пальцами для прочности сцепления лент. Этот прием был отмечен также на хумах с городища Калалы-гыр¹²³.

Помимо стенок в помещениях Восточного (10) и Западного (1, 31, 34, 33) зданий встречены венчики и верхние части сосудов этого типа. Для них всех характерны значительно меньший чем для архаических, диаметр устья, утолщенный валикообразный венчик, отделенный от округлого, грушевидной формы тулова короткой шейкой с одним или двумя рельефными валиками. Все они покрыты темно-красного цвета росписью в виде спиралей на верхней части тулова, венчик окрашен полностью (рис. 43, 4—12). Спирали различаются по своим размерам и ширине лент. Обычно, как можно предположить, на верхней части тулова хумов укладывалось три—пять спиралей, но встречены были хумы со значительно большим их числом. Так, в помещении 10 Восточного здания на одном из двух хумов, вкопанных в центре помещения горлом вниз и использованных в качестве очагов, прослеживается раскраска в виде четкой системы чередующихся, очень тесно поставленных, сдвоенных спиралей, раскрученных в разные стороны (рис. 43, 9).

Подобные хумы характерны для раннекангюйского Хорезма²⁴. Фрагменты их с раскраской в виде темно-красных лент и спиралей найдены в верхнем слое архаического городища Кюзели-гыр, на поселении Дингильдже и в раннем, переходном к раннекангюйскому, комплексе Хазараспа²⁵. Раскопки крепости-убежища и курганов на Тарым-кая (Северная Туркмения) позволили констатировать наличие архаических сосу-

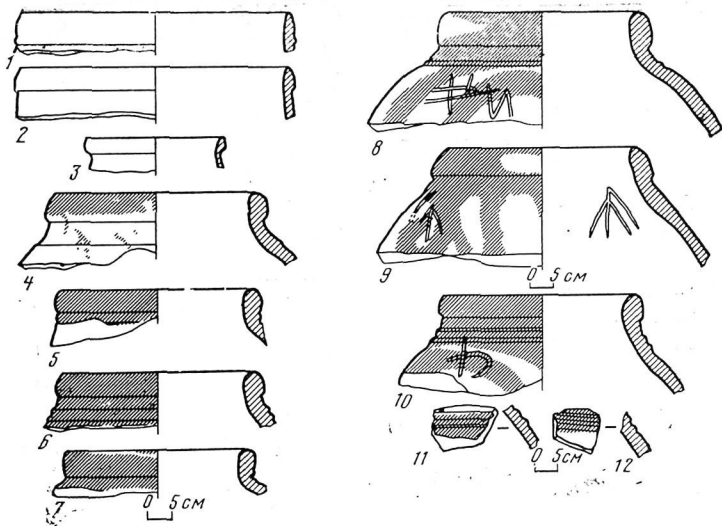

Рис. 43. Керамика первой группы из Елхараса

Западное здание: 1-2 — помещение 34; 3 — помещение 7; 4 — помещение 33; 5, 12 — помещение 1; 6, 7 — помещение 34; 10-11 — помещение 31. Восточное здание: 8-9 — помещение 10

дов совместно с хумами со спиральной раскраской в слоях рубежа V—IV вв. до н. э.²⁶

Хумчи, крупные горшки, фляги. Фрагменты их найдены в песчаных намывах над полом и на полу в помещениях 7, 11 Восточного здания, 1, 33, 36 Западного и во дворе 25; в намывах на более высоком уровне в помещениях Западного (1, 4, 5, 6, 33) и Восточного (9, 11) зданий, в коридоре 7 и дворе 25, а также в помещении 36 за западной стеной Западного здания.

В помещении 1 был найден фрагмент такого сосуда с орнаментом, вероятно, в виде закращенных прямоугольников или треугольников (рис. 44, 23). В некоторых случаях речь может идти о флягах (помещения 9, 1), в других — это, скорее всего, крупные горшки и хумчи. На днищах их видны отпечатки ткани или песчаной подсыпки. В четырех случаях эти сосуды относятся к керамике архаического типа (в помещениях 7, 6, 1, 33) и имеют характерные примеси гипса в тесте, светлый беловато-желтоватый ангоб.

В помещении 7 над полом в южном проходе был найден фрагмент хумчи с примесью гипса и типичным для кюзели-гырских хумчей удлиненно-подтреугольным манжетообразным венчиком (рис. 43, 3). Очевидно, также хумче, но значительно меньших размеров, принадлежит венчик, обнаруженный в обмазках пола зала 33 в Западном здании. Техника изготовления его та же, но венчик резко отогнут наружу, образуя широкую площадку-бережок с ложбинкой для крышки (рис. 43, 21). Сосуды с аналогичными венчиками широко представлены в материалах

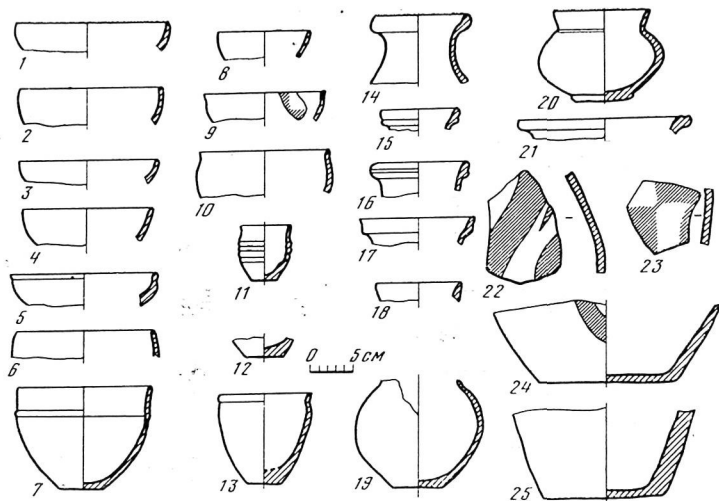

Рис. 44. Керамика первой группы из Елхараса

западное здание: 2—3 — помещение 3; 4, 18, 23 — помещение 1; 5, 24 — помещение 5; 10 — помещение 26; 12 — линия кобуров в районе стока; 6, 16, 22 — помещение 36; 21 — помещение 33; 25 — помещение 31. Восточное здание: 1, 8, 9, 15, 19, 20 — помещение 9; 7 — помещение 13; 11, 13 — помещение 10; 17 — помещение 39; 14 — шурф у обводной стены

поселений и городищ арханчского Хорезма²⁷. Что касается остальных сосудов сходного типа, то, хотя о форме их судить трудно, все же их технологические признаки и орнаментация не позволили отнести их ко времени более позднему, чем раннекангуйское.

Чаши, миски, небольшие сосуды типа горшков и кувшинов. Все они могут быть отнесены к столовой посуде. Качество их изготовления чрезвычайно высокое, тесто хорошо промешано и отмучено, обжиг ровный. Сосуды покрыты густым двусторонним красным ангобом. Миски имеют полусферическую форму, иногда они широко открыты, иногда края слегка загнуты внутрь (рис. 44, 1—6), в одном случае край чаши выделен снаружи небольшой ложбинкой (рис. 44, 5). Кроме двух мисочек (рис. 44, 2, 3), обнаруженных в помещении 3 при разборке цокольной кирпичной конструкции под второй этаж, все столовые сосуды были найдены на полах, в обмозках полов или же в нижних слоях песчаных и песчано-глинистых намывов над размытыми глиняными обмозками полов. Так, миски были зафиксированы на полах и в размытых обмозках пола в помещениях 9, 31, 35, в намывах над полом в помещении 26. В помещении 9 над полом были найдены и две небольшие, открытые, с полусферическим туловом тонкостенные мисочки, одна из которых на внутренней поверхности орнаментирована закрашенными прямоугольниками (?) (рис. 44, 9).

Полусферическую форму, чуть отогнутый наружу край, вероятно,

имела чаша, найденная в помещении 26. Представляется, что все эти миски первоначально были вкопаны где-либо вблизи стен в обмазках полов, как это было с чашами в помещениях 10 и 13, вероятно, с какими-либо ритуальными целями, но вследствие длительного пребывания воды на полах и размыва их оказались поверх этих обмазок и даже в нижних слоях намывов. Так, в обмазках пола около северной стены помещения 13 была вкопана полусферической формы чаша с простым, чуть утолщенным краем и валиком на верхней части тулова (рис. 44, 7). Упомянутые чаши характерны для керамических комплексов архаического Хорезма²⁹.

Среди тех же материалов можно встретить и аналоги найденным на Елхарасе мискам³⁰, хотя форма их столь проста, что датирующей не является. В помещении 10 Восточного здания около западной стены в обмазках пола были вкопаны две чаши (рис. 44, 11, 13). Одна из них имела чуть отогнутый наружу утонченный край, небольшие горизонтальные каннелюры на тулове, другая, также с утонченным, слегка отогнутым наружу венчиком и ложбинкой под ним с наружной стороны, имела характерное для хорезмийских чаш раннекангуйского времени массивное устойчивое дно³¹. Такое же донышко обнаружено при расчистке линии кобуров у выхода кобура в районе стока (рис. 44, 12).

В Восточном здании на полах вблизи стен в помещениях 9, 38, 39 были найдены венчики сосудов типа кувшинов, изготовленных на круге быстрого вращения из тщательно отмученной и перемешанной глины, ровного обжига, с обеих сторон они покрыты густым красным и красно-коричневым ангобом (рис. 44, 15—17). Венчики отогнуты наружу, имеют скошенный внутрь бережок, углубление для крышки. Идентичную отделку и качество имело и горло кувшина, найденное в шурфе 1 с внутренней стороны обводненной стенки на уровне каменной выкладки под ней (рис. 44, 14). Диаметр горла этих кувшинов имел значительные колебания в пределах 9—13 см. Ближайшие аналогии находим в нижних слоях Кой-Крылган-калы³², Хазараспа.

Несколько особняком стоит небольшая чаша, обнаруженная во фрагментированном виде в нижней части песчано-глинистых намывов над полом помещения 9 Восточного здания (рис. 44, 20). Она сделана из тщательно промешанной и отмученной глины на круге быстрого вращения, хорошо обожжена, снаружи покрыта густым красным ангобом.

Пожалуй, самыми распространенными из керамических находок на памятнике являются целые и фрагментированные керамические водосливные трубы — кобуры (рис. 45). Они были встречены в Восточном здании в помещениях 1, 2, 8, 7, 37, 34, 32, 5, 6, 27, 28, 35, 4, а также за пределами обоих зданий. Часть кобуров находилась *in situ* под обмазками полов в углублениях в материке или же в специально выложенных каменных ложах, тщательно обмазанных глиной и перекрытых камнями. Все кобуры — станковой работы, из тщательно промешанной и отмученной глины, ровного красного обжига. Примесей в тесте практически не заметно, кроме одного случая (фрагмент кобура из северной части помещения 1), когда хорошо видны крупные гипсовые включения, наблюдаемые в глиняном тесте хумов и хумчей архаического времени. Часть кобуров была покрыта беловатым ангобом. Размеры их различ-

ны: при высоте от 56 до 90 см диаметр узкого вставляемого края варьирует в пределах 12—18 см, а широкого верхнего — 18—27 см.

Почти все кобуры имели прорезанный до обжига знак (рис. 46, средний ряд). Большая часть этих знаков близка знакам на керамике первой группы (рис. 46, верхний ряд). По чтению В. А. Лившица, среди упомянутых знаков были хорезмийско-арамейские буквы m (верхний ряд, 2 и 3), h (x) (средний ряд, 1), t (средний ряд, 4), а также буквы, похожие на неизвестную «сакскую» письменность (верхний ряд, 1 и средний ряд, 3).

Керамика второй группы найдена в шестнадцати помещениях, как правило, выше слоев песчано-глинистых намывов над основными полами. В двух помещениях эта керамика обнаружена в значительном количестве и в культурном слое, но над этими намывами. Так, в помещении 9 Восточного здания она была связана с культурным слоем, камышовой подстилкой и очагом, лежащими над полутораметровым слоем песчано-глинистых намывов. Здесь в момент образования культурного слоя, судя по завалу, над ним еще стоял свод. Учитывая количество керамики и костей животных в этом помещении, можно предположить, что в нем в течение достаточно продолжительного времени жила небольшая группа людей. Подобная керамика найдена и в соседнем помещении той же секции, а также в проходе и у прохода, в двух сообщающихся помещениях 10 и соседней секции. Отдельные фрагменты такой посуды встречены в верхних слоях намывов в коридоре, во дворе и на лестнице между зданиями (7, 25, 8).

В Западном здании керамика второй группы обнаружена в культурном слое вторичного обживания в северной трети помещения 1, в северном проходе и коридоре (30) из помещения 1 в помещение 26. Этот культурный слой лежал в глиняной поверхности — слое, резко выклинивавшемся к югу в середине помещения 1 и по направлению к помещению 26. Ниже этого слоя лежали песчано-глинистые намывы, утолщавшиеся к северу и югу и, очевидно, несколько подчипленные у самого северного конца помещения 1 и в его северном проходе (см. рис. 18 и 30). Кроме того, она встречена преимущественно в верхних частях слоев намывов в помещениях 6, 26, 4, 32, 33, а также в коридорах 31 и 34. Вся эта керамика представлена лишь единичными фрагментами (исключение — помещение 4).

Керамический комплекс этой группы состоит главным образом из лепных сосудов (исключение составляют лишь три фрагмента круговых).

Хумы. Стенки хумов кушано-афригидского времени встречены на памятнике в большом количестве. Значительно реже встречаются венчики и крупные фрагменты, по которым можно судить о форме этих сосудов.

В помещении 9 найдена верхняя часть хума (рис. 47, 1, 7), тулово которого изготовлено ручной лепкой, а горло подправлено на круге. В глиняном тесте — известковая примесь, дресва, шамот. Хум вылеплен ленточной техникой, стенки его толстые, тесто красное, в изломе черепка серый закал. Сосуд был покрыт светлым ангобом. Горло хума короткое, без выделенного венчика, слегка наклонено внутрь. Плечики не

Рис. 45. Кобыры Елхараса
 Западное здание: 1-2 — линия кобуров; 3 —
 помещение 37; 5,6 — помещение 28; 7 — по-
 мещение 34; 9 — помещение 2; 10 — помеще-
 ние 5. Восточное здание: 4 — помеще-
 ние 46; 8 — помещение 9

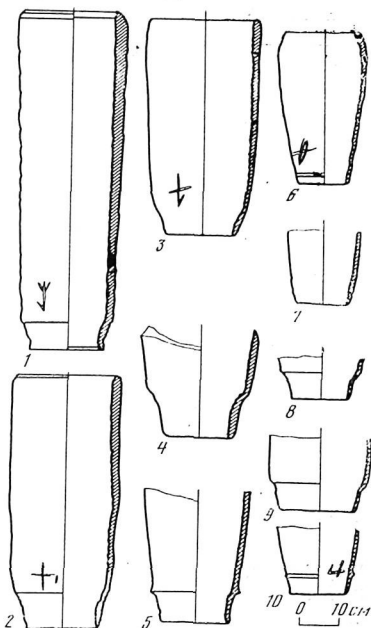
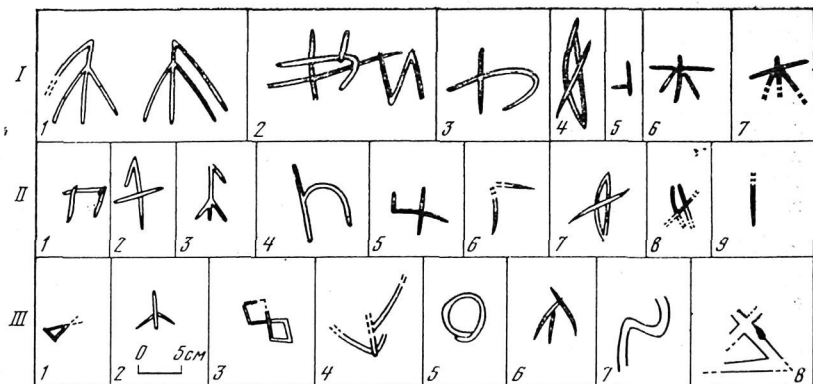

Рис. 46. Знаки на керамике и кобурах
 из Елхараса

I — знаки на керамике первой группы;
 II — знаки на кобурах; III — знаки на ке-
 рамике второй группы

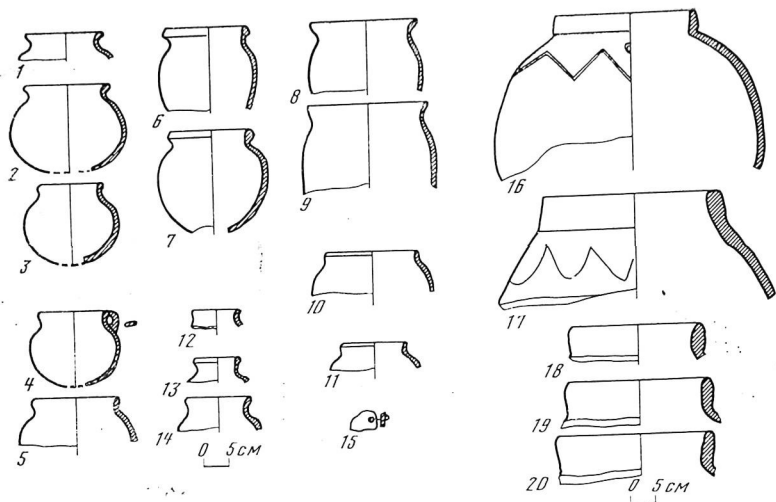

Рис. 47. Керамика второй группы из Елхараса

Западное здание: 5, 8, 9, 18—20 — помещение 4; 10, 11, 12, 14 — помещение 1; 13—15 — проход из помещения 30 в помещение 26. Восточное здание: 1—4, 6, 7, 16—17, 19 — помещение 9

выражены, стенки покаты. По широкой части сосуда идет зигзагообразный прочерченный орнамент. Найдена и нижняя часть, видимо, того же сосуда (диаметр дна 49 см), на которой сохранилась часть орнамента. Это дало возможность реконструировать высоту хума, которая оказалась равной 75 см.

В тех же слоях намывов встречена нижняя часть еще одного близкого по форме и размерам хума. Кроме того, найдены стенки хумов толщиной до 4 см. Некоторые из них имеют налеты типа фестонов со сквозными отверстиями; над ними проходит волнообразный орнамент. Подобные фрагменты встречались в кушано-афригидских слоях Куня-Уаза. Кроме того, в комплексе имеются и отдельные венчики хумов (рис. 47, 18—20). Диаметр их 27—30 см. Они имеют очень близкие аналогии в Куня-Уазе, а также в доме 9 Турпаккалинского поселения, датировемом Е. Е. Неразик концом III — началом IV в. н. э., а также в других памятниках кушано-афригидского времени³³.

Хумча. Представлена в комплексе в единственном экземпляре (рис. 47, 16). У нее короткое (4 см) горло, внутренняя поверхность которого вертикальна, а наружная наклонна и отделена от тулова ложбинкой, вследствие чего образуется подобие венчика. Верхняя поверхность венчика горизонтальна. На покато плече — несколько сквозных отверстий диаметром 4—5 мм, над ними — горизонтальная зигзагообразная линия. Отверстия в тулове сближают эту хумчу с описанной ниже группой корчагообразных сосудов.

Кувшины найдены в помещении 9 и в виде отдельных фрагментов

в других помещениях. Все они без ручек, со слабо выпуклыми или уплощенными доньями; горла короткие, венчики не выделены и образованы простым отгибом края горла наружу, в некоторых случаях край горла слабо утолщен. Различаются высокие и низкие кувшины. Из помещения 9 происходят 4 высоких кувшина (рис. 48, 1—4).

Сосуды изготовлены из красной глины (гамма тонов от оранжевого до розоватого) с примесью небольшого количества дресвы, а также известковых частиц, иногда после обжига образующих на поверхности сосудов «дутики». Наружная поверхность покрыта светлым ангобом бело-зеленого (в одном случае, беловато-розового) оттенка, более плотным в верхней части сосуда.

Горло лепилось отдельно и примазывалось, что хорошо заметно изнутри. Верхняя часть горла у всех кувшинов подправлена вертикальными пальцевыми мазками.

Некоторые сосуды несут следы ремонта: сохранились отверстия диаметром в 1 см, пробитые изнутри, с помощью которых осуществлялось скрепление разбитых частей.

Имеются кувшины иных пропорций, очевидно, более приземистые, с резко раздутым туловом (рис. 48, 8—10). Технология их изготовления та же, ангоб светлый, стенки тонкие (8 мм), дно массивное (2,5 см), плоское. В одном случае под венчиком замечены следы вертикальных пальцевых вдавлений, в другом — горло заглажено горизонтальными мазками, тулово — вертикальными. Возможно, подобному сосуду принадлежало и горло, найденное в помещении 31 (рис. 48, 7).

Малые кувшины представлены двумя экземплярами из помещения 9 и сделаны в той же технике. Один из них (рис. 48, 12) изготовлен из такого же глиняного теста, что и большие сосуды. Край его горла отогнут наружу, образуя подобие венчика, как и у высоких кувшинов. Под венчиком на горле заметны следы вертикальных пальцевых вдавлений. Ниже горло заглажено горизонтальными мазками. Дно, как и горло, изготовлено отдельно и прилеплено к тулову. Снаружи (а по горлу и изнутри) сосуд покрыт плотным беловато-зеленым ангобом. Другой малый кувшин (рис. 48, 11) сделан из плотной глины коричневого цвета с обилием известковых включений и хорошо заглаженной поверхностью, покрыт жидким полупрозрачным беловатым ангобом. Дно изготовлено отдельно и примазано к тулову.

Аналогии лепным кувшинам Елхараса имеются в слоях Куня-Уаза, датируемых III—IV вв. н. э. Кроме того, близкие по облику сосуды были найдены в доме 9 на Турпаккалинском поселении, датируемом концом III—V вв.³⁴

Миски представлены несколькими разновидностями. Три из них, найденные в помещении 9, близки по форме. У них выпуклое дно, образующее в двух случаях закраину при переходе к прямым, расширяющимся кверху стенкам (рис. 48, 20, 21). В том случае, когда закраины нет, стенка при переходе к дну резко утолщается (рис. 48, 15). Сосуды немного асимметричны. Поверхность довольно неровная. Верхний край в двух случаях округлый, в третьем образует ребро при переходе к внутренней поверхности. Тесто красное или красновато-коричневое с добавлением дресвы или известковых частиц. Поверхность покрыта

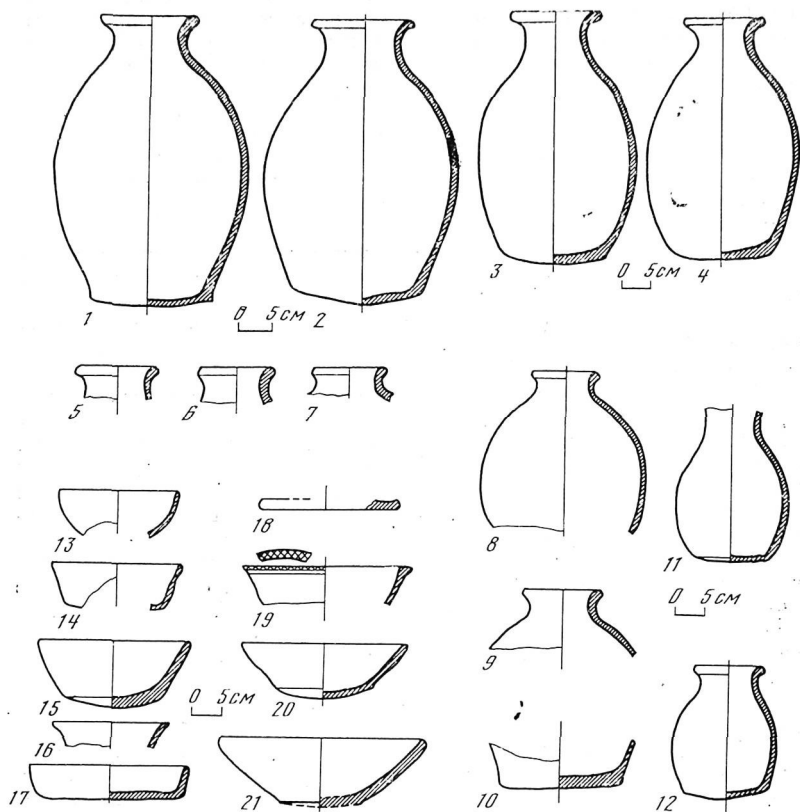

Рис. 48. Керамика второй группы из Елхараса

Западное здание: 5, 6, 18—19 — проход в помещение 1; 7 — помещение 31; 13 — помещение 4.
Восточное здание: 1—4, 8—12, 14—16, 17, 20—21 — помещение 9

светлым ангобом, беловатого с бежево-розовым или зеленоватого оттенка.

Другая разновидность мисок имеет выделенный плоский бережок, слегка скошенный наружу и украшенный глубокими насечками (составляют ромбическую сетку). Тесто, из которого изготовлены эти миски, такое же, как и у мисок из помещения 9. Сосуды покрыты беловато-зеленым ангобом. Подобные миски встречены в верхних слоях Куния-Уаза, датированных IV—V вв.; миска с подобным орнаментом встречена также в доме 9 на Турпаккалинском поселении конца III—V вв.³⁵

Тонкостенные миски представлены двумя экземплярами (рис. 48, 14, 16). У них резкий перелом при переходе к дну. Глина темно-красная

с включением дресвы и известковых частиц. Ангоб беловатый (рис. 48, 14) и светло-зеленый (рис. 48, 16). Сосуды этого типа представлены довольно широко, в частности, в верхнем и среднем горизонте Кой-Крылган-калы³⁶.

Жаровня или сковорода (рис. 48, 17). Найдена в единственном экземпляре. Следов закопченности не обнаружено, видимо, в связи с тем, что это керамический брак. Глина красная с включениями дресвы и мелких частиц извести. Ангоб бело-зеленый. Подобные сосуды в изобилии встречаются на многих памятниках Хорезма, начиная с эпохи поздней бронзы.

Чаша (рис. 48, 13). В помещении 4 в намывах на высоте более 0,5 м над полом был найден единственный экземпляр сосуда этой формы. Чаша полусферическая, тонкостенная, толщина стенки 7 мм, глиняное тесто в изломе красное, обжиг хороший. Снаружи и изнутри сосуд покрыт белым ангобом. Время бытования этих сосудов — вся первая половина I тыс. н. э.

Крышка. Единственный найденный фрагмент изготовлен из красной глины, с обилием дресвы и покрыт светлым ангобом. Крышка плоская (рис. 48, 18).

Фляги. Три фрагментированные фляги найдены в помещении 9. Две из них реставрированы, форма третьей реконструируется по фрагментам (рис. 49, 5, 6, 7). Фляги обладают одинаковыми пропорциями, несмотря на различие в размерах. У всех одна сторона корпуса плоская, другая — выпуклая.

Самая крупная из них (рис. 49, 5) изготовлена из коричневатой глины с многочисленными крупными известковыми включениями и немногочисленными частицами шамота и дресвы. Снаружи сосуд покрыт жидким беловатым ангобом. Слабо выделенный венчик образован за счет отгиба краев горла наружу. Снаружи горло, как и на кувшинах, заглажено вертикальными пальцевыми мазками.

Фляга поменьше (рис. 49, 6) также сделана из глины с известковыми примесями. Частицы извести крупные, ближе к поверхности они образуют «дутики». Ангоб жидкий, полупрозрачный, беловатый. Наружная поверхность гладкая. Внутренняя поверхность имеет коричневатосиреневый оттенок.

Самая малая фляга высотой 22 см и диаметром 19—20 см изготовлена из красноватого теста с известковой примесью и частицами дресвы. Поверхность ее шероховата, покрыта беловатым ангобом. Горло расширяется кверху, края отогнуты наружу. Его минимальный наружный диаметр (4,5 см) приходится на переход к тулову. Диаметр горла 6 см. Стенки фляги утолщаются книзу. Уплощенная сторона имеет профиль слабой дуги.

Очевидно, фляге принадлежит и горло, найденное в помещении 4 (рис. 49, 8). Близких аналогий таким флягам мы не знаем, некоторое сходство наблюдается с находками из кушано-афригидского слоя городища Куня-Уаз.

Круглодонный сосуд со сферическим туловом и узким горлом (рис. 49, 4) найден в помещении 9. Он сделан из красновато-лиловой глины с крупными известковыми включениями и покрыт светло-

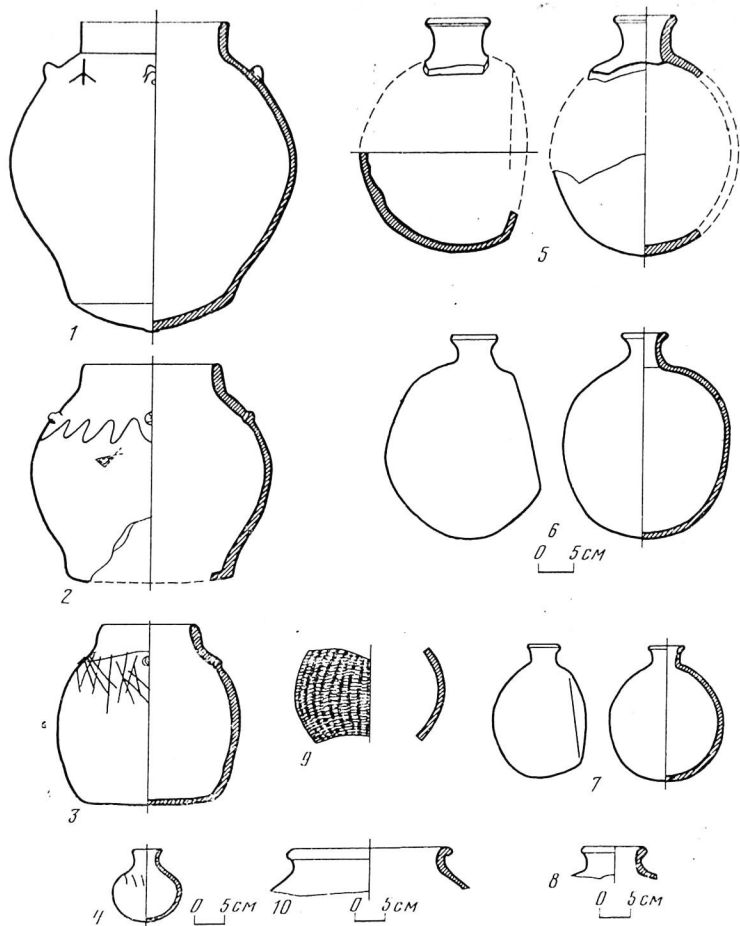

Рис. 49. Керамика второй группы из Елхараса

Западное здание: 8, 10 — помещение 4, Восточное здание: 1 — проход в помещение 10; 2—7, 9 — помещение 9

зеленым ангобом. По покатоному плечу сосуда идет ряд нерегулярных диагональных насечек.

Горшки-корчаги. Два сосуда с невысоким вертикальным горлом, широким туловом с налпами-продухами и плоским или слегка выпуклым дном происходят из помещения 9. Один из них (рис. 49, 3)

сделан из красноватой глины с включением известковых частиц и дресвы. Снаружи — беловатый ангоб, внутренняя поверхность розоватая.

На покато́м плече — четыре дисковидных налета диаметром 14—15 мм, с отверстиями диаметром 3 мм. Орнамент состоит из небрежных, в беспорядке прочерченных, пересекающихся линий.

Другой сосуд (рис. 49, 2) изготовлен из красной глины с известковыми включениями и крупными частицами шамота. Ангоб светлый, достаточно плотный, беловато-прозрачный, во многих местах плохой сохранности. Поверхность сосуда заглажена широкими мазками. Горло короткое, прямое, чуть наклонено внутрь. Плечи покатые. Средняя часть тулова сильно раздута, на плече — выпуклые налеты с отверстиями. Под ними идет прочерченный волнистый орнамент. На широкой части тулова сохранились остатки знака, прочерченного по сырой глине. Отдаленные аналогии этим сосудам можно найти в комплексах из дома 3 в Джанбаскалинском поселении и усадеб 7 и 8 в Джанбаскалинском оазисе, датирующихся I—III вв.³⁸

Большой корчагообразный сосуд с раздутым туловом, имеющим легкий перегиб в нижней части, выпуклым дном и коротким вертикальным горлом найден в намывах у прохода в помещение 10 (рис. 49, 1). Глиняное тесто темно-фиолетовое с примесью большого количества известковых частиц и незначительным количеством шамота. Внутренняя поверхность серо-лиловая, снаружи — жидкий серовато-белый ангоб. В верхней части покато́го плеча четыре плоские ручки с отверстиями диаметром до 5 мм. Там же, на плече, — прочерченный по сырой глине знак . Отдаленной аналогией этого сосуда является плоскодон-

ный горшок с коротким вертикальным горлом и четырьмя ручками с отверстиями, найденный на втором сверху полу Кой-Крылган-калы³⁹.

Горшки. Все найденные горшки изготовлены из глины с примесью дресвы, извести и, в меньшей степени, шамота. Поверхность довольно грубая. Цвет черепка варьирует от красного до темно-лилового, почти черного. Поверхность иногда покрыта светлым, беловатым или зеленоватым ангобом, но чаще — черная, без ангоба, закопченная.

Те горшки, у которых сохранился полный профиль, круглодонны. Выделяется группа с почти шаровидным туловом (рис. 47, 2—4). Горло у них невысокое, слегка отогнутое наружу. В одном случае зафиксирована плоская, вертикальная, короткая ручка. Встречаются горшки с более вытянутой формой тулова, с выделенным венчиком (рис. 47, 6, 7). У некоторых очень грубых сосудов короткое горло образует раструб, а стенки почти вертикальны (рис. 47, 8, 9). В ряде случаев край короткого вертикального горла оформлен в виде скошенной наружу площадки (рис. 47, 10, 11).

Точных аналогий таким сосудам мало. Наиболее близкие есть на Капарасе, в костерезной мастерской и западном коридоре крепости (см. с. 211). Более отдаленные аналогии — в поселениях кушано-афригидского Хорезма⁴⁰ и на городище Топрак-кала.

Круговая керамика второй группы представлена тремя фрагментами. Верхняя часть круговой хумчи из хорошо обожженной красной глины с немногочисленными известковыми включениями покрыта плот-

ным белым ангобом (рис. 49, 10). Венчик валикообразный, горло очень короткое, слабо выделенное. Два других фрагмента принадлежат к одному типу сосудов. Это круговой сосуд с шаровидным туловом из красной, хорошо отмученной и промешанной глины, покрыт красно-коричневым густым ангобом с лощением вертикальными полосами (рис. 49, 9). Такие сосуды характерны для I—V вв. н. э. Много их встречено в Куня-Уазе и на городище Топрак-кала.

Керамика второй хронологической группы может быть датирована более узко благодаря находке в комплексе с нею монеты Васудевы с δ -овидным надчеканом в культурном слое над плотной глиняной поверхностью с отметкой +375...+380 см в северной трети помещения 1 (Западное здание). Такие монеты имели обращение в конце III—IV вв. н. э.

Здесь следует еще упомянуть о трех случаях находок фрагментов позднекушанской керамики. Они могли принадлежать не более чем трем сосудам и были встречены в слоях намывов одновременно с керамикой второй группы в помещениях 1, 4, 9.

Керамика третьей группы обнаружена в слоях, лежащих над кирпичными завалами и связанными с уже довольно сильным разрушением памятника. Это слой над мощными песчано-глинистыми намывами, которые стратиграфически расположены много выше слоев, где встречалась керамика второй группы.

Керамика третьей группы в виде отдельных фрагментов обнаружена в помещении 11 Восточного здания, в верхней части слоев намывов. В Западном здании с керамикой этой группы связана локальная глиняная поверхность (отметка +410 см) в северной трети помещения 1 и северного проходного коридора 30. В коридоре 30 этот глиняный слой слегка поднимается, расширяясь в сторону соседнего с коридором участка северного зала 6, и перекрывает его северную стену, к этому времени уже не существовавшую. Помимо помещений 1 и 6, единичные фрагменты керамики третьей группы найдены в верхних слоях намывов коридора 34, поверх кирпичного цоколя в помещениях 2 и 3.

Керамика третьей группы близка раннеафригидской. По характеру ее залегания можно сделать вывод, что, как и в период, связанный со второй группой керамики, речь может идти о кратковременном обживании одного из участков уже разрушенного здания.

Кувшины. Самый массовым в этой группе является тип кувшинов, встреченный в основном в помещении 1, в намывах, лежащих выше глиняного слоя на уровне +410 см (рис. 50). Целых сосудов нет, имеющиеся фрагменты дают основание предполагать, что высота кувшинов была порядка 40 см, максимальный диаметр (30 см) был выше середины корпуса, диаметр дна — 13—14 см.

Интересной особенностью этих сосудов является то, что нижняя часть их изготовлялась без круга, ленточной техникой, а верхняя — на круге (правда, возможен и такой вариант, что верхняя часть лепилась вместе с нижней, а затем подправлялась на круге, хотя это менее вероятно, так как в таком случае можно было бы подправить весь сосуд, а на нижних частях сосудов следов подправки на круге нет). Стенки верхней, круговой, части сосуда значительно тоньше, чем нижней. Соединение его круговой и лепной частей приходится приблизительно на

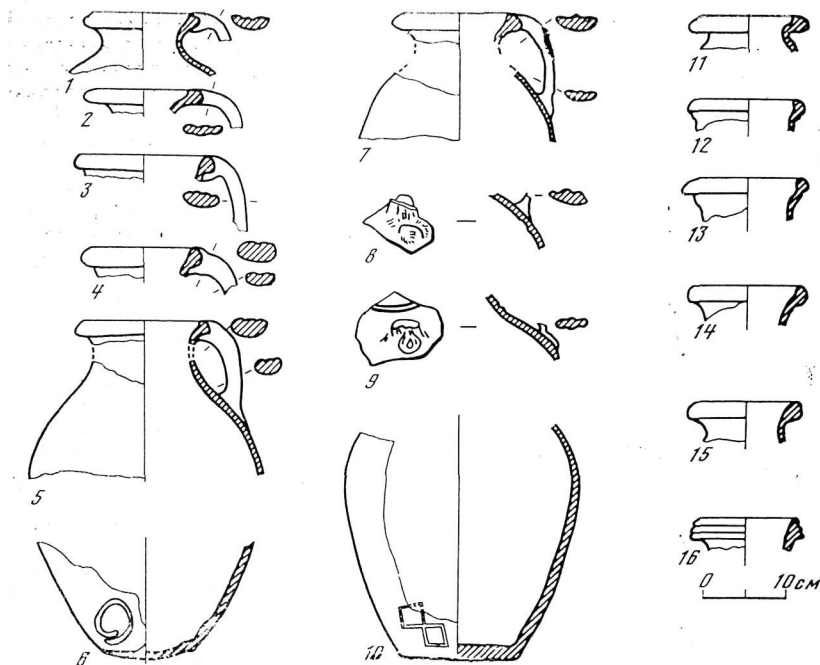

Рис. 50. Керамика третьей группы из Елхараса

Западное здание: 1, 3, 5-7, 10, 15 — помещение 1; 2 — помещение 30; 4 — помещение 6; 8-9, 11-14 — помещение 34; 16 — помещение 3

место максимального расширения корпуса, горло сосуда короткое (4,5—5,5 см). Минимальный диаметр горла колеблется от 7 до 13 см. Одни кувшины имеют венчик в виде валика с характерным «карманом», другие — венчик подтреугольной формы. Для этих сосудов характерно наличие сужающейся книзу плоской ручки, верхний, широкий край которой прилеплен к венчику, охватывая его сверху и снизу, а нижний, узкий — к средней части покатого плеча. Ручка, как правило, профилирована продольными бороздками, валиками или «ребрами». Иногда под нижним прилепом ручки имеется круглый налп с пальцевым вдавлением (рис. 50, 8, 9). Тесто красное или оранжево-красное с серым закалом, зафиксирована примесь известковых частиц, большого количества дресвы, шамота. В тесте некоторых сосудов отсутствует примесь шамота и заметно добавление песка, но наличие извести обязательно. Иногда известковые включения образуют на поверхности после обжига «дутики». Ангоб жидкий, светлый — от бело-желтого до зеленого. Цвет внутренней поверхности — от розового до сиреневого.

Общие пропорции этих сосудов и форма сужающейся книзу плоской ручки с пальцевым вдавлением внизу сближают их с хорошо известными круговыми кувшинами VII—VIII вв.⁴¹ Но наиболее близки к ним кувшины с городища Топрак-кала, где они датируются второй половиной V — началом VI в. н. э.

Другой тип сосудов, изготовленных в той же технологии, представлен несколькими фрагментами горловых частей кувшинов из верхних слоев намывов в западной части помещения 32 (рис. 50, 15). Они круговые, очевидно, не имевшие ручек, с венчиком в виде геометризованного валика. Характерной особенностью глиняного теста, из которого они изготовлены, является то, что частицы примесей после обжига проявляются на их поверхности. Такие кувшины встречаются на городище Топрак-кала в слоях второй половины V — начала VI в.

Отличен от прочих венчик кругового кувшина из верхнего слоя намывов над кирпичным закладом помещения 3 в Западном здании. Расширяющаяся кверху верхняя часть горла заканчивается «манжетообразным» венчиком с тремя рельефными валиками. Диаметр венчика 12 см, толщина стенок 8, высота венчика 2,5 см. Такие формы распространены во времени очень широко, но тесто, красновато-коричневое, с обилием крупных частиц шамота и дресвы и отсутствием известковых включений, указывает на позднюю дату.

Третью хронологическую группу керамики, вероятно, можно датировать второй половиной V — началом VI в. н. э.

Керамика четвертой группы в чрезвычайно малом количестве найдена лишь в Западном здании в коридорах 31 и 34, в помещениях 1, 3. В помещении 1, в южной и центральной его части, выше двухметрового слоя намывов отмечено горелое пятно. С этим же костром была связана небольшая стенка-загородка, сооруженная из плоских крупных камней в полуразвалившемся южном проходе помещения 1 на полутора-метровом слое намывов. Именно здесь, у этой стенки и пятна, на его уровне, найдены фрагменты и отдельные сосуды четвертой группы. Аналогичные фрагменты керамики обнаружены в верхней части помещения 3 (над заполнявшими его кирпичами — цоколе второго этажа на высоте более 3,5—4,0 м) и в коридоре 7 (также в верхнем слое намывов). Очевидно, четвертая группа керамики относится к периоду, когда здание, в значительной степени разрушенное и затянutosе намывами, использовалось в качестве укрытия средневековыми пастухами.

Керамика четвертой группы представлена семью целыми и фрагментированными сосудами, найденными в пяти помещениях, причем фрагменты одного из кувшинов встречены в двух соседних помещениях. В соединительном коридоре — помещении 7 и в коридоре 31 в верхней части намывного слоя зафиксированы фрагменты стенок средневековых сероглиняных кувшинов. Они же были в верхнем слое над кирпичной цокольной конструкцией в помещении 3. Остальная средневековая керамика встречена в коридоре 34 и соседнем с ним помещении 1. В центральной и южной части последнего, выше двухметрового слоя песчано-глинистых намывов, зафиксировано большое горелое пятно (вероятно,

от костров), с которым связано сооружение небольшой загородки и плоских крупных камней в южном проходе, соединявшем помещение 1 с помещениями 34 и 31. Сам южный проход к моменту строительства каменной стенки-загородки был частично разрушен и затянут полутораметровым слоем песчано-глинистых намывов.

На уровне пятна пожара и около каменной стенки найдены перевернутые вниз горлом два целых горшкообразных сосуда (рис. 51, 5, 6) и фрагменты двух кувшинов (рис. 51, 2, 4). По другую сторону каменной стенки-загородки в коридорах 34 и 31 находились фрагменты еще двух кувшинов (рис. 51, 2, 3). Широкогорлые приземистые горшкообразные сосуды, сероглиняные, изготовленные тщательной ручной лепкой, с растительными, известковыми, древесными примесями в тесте, имели темно-серого цвета закопченную поверхность. Днища горшков округло-уплощенные,

плечики крутые, наибольший диаметр приходится на верхнюю часть тулова (рис. 51, 5, 6). Подобные сероглиняные горшки распространены в Хорезме на поселениях IX—XI вв.⁴³

Кувшины станковой выработки, с кремовым в изломе черепком, покрыты жидким беловатым ангобом. Наибольший диаметр тулова приходится на верхнюю треть, по крутым плечикам и под горлом прочерчен линейный орнамент. Узкое высокое цилиндрическое горло в верхней части имеет своеобразный выгиб и опоясывающий снаружи уступ (рис. 51, 1—3). Найдена и сероглиняная ручка, круглая в сечении, изгиб которой чуть-чуть выше края сосуда. Подобные кувшины чрезвычайно широко распространены в Хорезме и являются характерными для поселений IX—XI вв.⁴⁴ Этим же временем⁴⁵ датируются и круглые рифленые каменные бусы, подобные найденным в помещении 1 (см. выше, с. 112).

Анализ встреченного при исследовании Елхараса керамического материала показал, что период постройки и обживания его можно связывать лишь с керамикой первой группы — арханческой и раннекангюйской. С учетом наличия лишь одного пола во всех сохранившихся помещениях памятника вероятно предположение о его относительной недолговечности. Кроме того, сочетание нескольких форм сосудов (хумов,

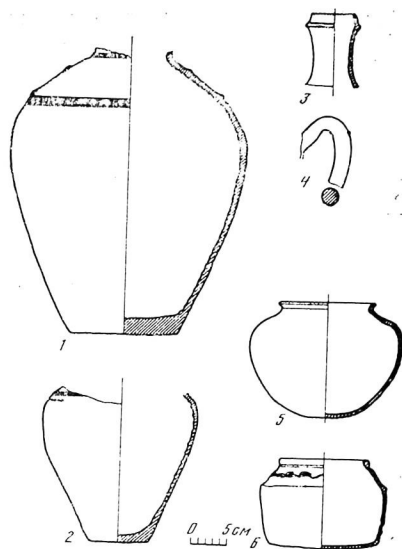

Рис. 51. Керамика четвертой группы из Елхараса

Западное здание: 1 — помещение 31; 2, 4 — 6 — помещение 1; 3 — помещение 34

хумчей) архаического типа с формами раннекангуйскими также не позволяет думать о длительном периоде его жизни. Анализ керамического материала, как представляется, свидетельствует о том, что елхарасские сооружения были воздвигнуты на рубеже V—IV вв. — IV в. до н. э. и погибли в результате наводнения* не позднее IV—III вв. до н. э.

5. История возведения, жизни и гибели памятника

* Раскопки Елхараса вскрыли остатки двух сооружений — Западного и Восточного зданий, которые стояли на возвышенности и, возможно, являлись частью функционально наиболее престижной среди несохранившейся застройки на площади низины. Хотя план обоих зданий различен, строительная техника, использованная при их возведении, отделка и элементы убранства интерьера, единая отметка полов и сохранность керамических находок свидетельствуют об одновременности сооружения Западного и Восточного зданий. Это подтверждают входной двор и сводчатый коридор в южной части памятника, видимо, объединявшие оба здания, а также связывавшая их лестница.

Сохранность памятника исключает возможность полной реконструкции его первоначального плана, однако, план Западного здания утрачен лишь частично и поддается реконструкции. По завершении раскопок он проявился в виде большого прямоугольника со сторонами 36,00×48,00 м, вытянутого в меридиональном направлении. План четко разделяется на две части — ядро и пристроенную к нему северную часть (см. рис. 17).

Основой композиции плана ядра являются два взаимопересекающихся, ориентированных по странам света коридора одинаковой ширины (по 3,60 м). Один из них (34), идущий вдоль оси симметрии плана, в северном конце перегорожен стенкой с устроенным в ней проемом. В северной стене отгороженной части имеется проход наружу. С юга коридор открывается наружу полным пролетом. Второй коридор (31) в торцах ограничен глухими стенами.

Место пересечения осей этих коридоров не попадает в геометрический центр прямоугольника плана и делит его на четыре попарно равные части. Каждая из двух южных частей представляет собой вытянутое в широтном направлении помещение с ведущим в него из коридора проходом. Каждая из двух северных состоит из трех помещений: двух смежных, почти квадратных, не связанных с коридорами и имеющих самостоятельный вход с севера, и одного вытянутого в меридиональном направлении и (так же, как и в южных) имеющего проход из коридора. Одно из последних (4), расположенное с востока, помимо южного входа из коридора, идущего в широтном направлении, имеет вход и с севера.

Попарно смежные подквадратные помещения и проходы в них зало-

* Этот вывод не представляется бесспорным, так как Елхарас расположен не в пойме, а в 4 км от реки и к тому же стоит на возвышенности. Заполнявшие развалины помещений намывы могли образоваться постепенно, на протяжении тысячелетий, после того, как Елхарас был заброшен. — *Ред.*

жены кирпичом на песке и частично на глиняном растворе. Установлено, что их закладка произошла еще в процессе строительства, после возведения пахсового цоколя, так как кирпичная стена, идущая поверх пахсового цоколя, в котором прорезаны северные проходы из помещений, покоится непосредственно на закладках этих проходов, не завершенных на полную высоту.

В том виде, в каком ядро Западного здания предстало после раскопок, не читалось завершённой планировочной схемы, однако проступала четкая планировочная идея: два одинаковой ширины, взаимопересекающихся коридора, один из которых является осью симметрии плана.

Подобный прием напоминает схему, характерную для ряда древних культовых сооружений, открытых, в частности, на периферии древнего Хорезма⁴⁶. Это так называемая «крестообразная планировка», особенность которой в том, что два взаимно перпендикулярных, одинаковой ширины помещения пересекаются в геометрическом центре плана.

Крестообразная планировка, вписанная в квадрат и ориентированная по странам света, была раскрыта, например, в мавзолее Бабишмулла 2 на Сырдарье (IV в. до н. э.), где взаимопересекающимися коридорами в углах образуются четыре части плана, равные по площади и квадратные⁴⁷. Там же, в низовьях Сырдарьи, в комплексе Тагискенского некрополя, раскопан мавзолей 1 (последние века до н. э.), где крестообразную фигуру образуют также два взаимопересекающихся и ориентированных по странам света помещения. Правда, планировочная схема последнего несколько отличается от приведенной выше, но лишь тем, что вписана в круг, а не в квадрат.

Незавершённость планировочной схемы ядра Западного здания, помимо асимметричного расположения второго коридора в прямоугольнике плана, проявляется и в непонятном раскрытии южной части осевого коридора полным пролетом наружу. Даже если допустить, что такое несуразное в функциональном отношении планировочное решение стремилось подчеркнуть доминирующее значение этого входа, а вход в северном конце коридора являлся второстепенным, то зачем было отгораживать последний стенкой с еще одним проходом, образуя тамбур (помещение 1) перед этим второстепенным проходом, в то время как главный вход был полностью, на всю ширину коридора, раскрыт? Если же допустить, что южный конец коридора был глухим, то естественно предположить, что вход в здание был с севера и проходное помещение 1 являлось вестибюлем. Но в таком случае в южной части осевого коридора образуется тупик, который затрудняет объяснение функционального назначения данного его отрезка.

Коммуникационное назначение любого коридора очевидно, и мы можем наблюдать это в данном случае на примере горизонтального коридора, в концах которого находятся проходы в помещения. Возникает предположение: не продолжался ли осевой коридор к югу и не утрачена ли вся южная часть планировки из-за проходящего непосредственно у сохранившихся остатков южной стены Западного здания современного арыка (его ширина вместе с валами около 10 м). Если это так, то становится ясным, что коридор продолжался к югу и вел в эту утраченную часть планировки. По-видимому, его ограничивала с юга

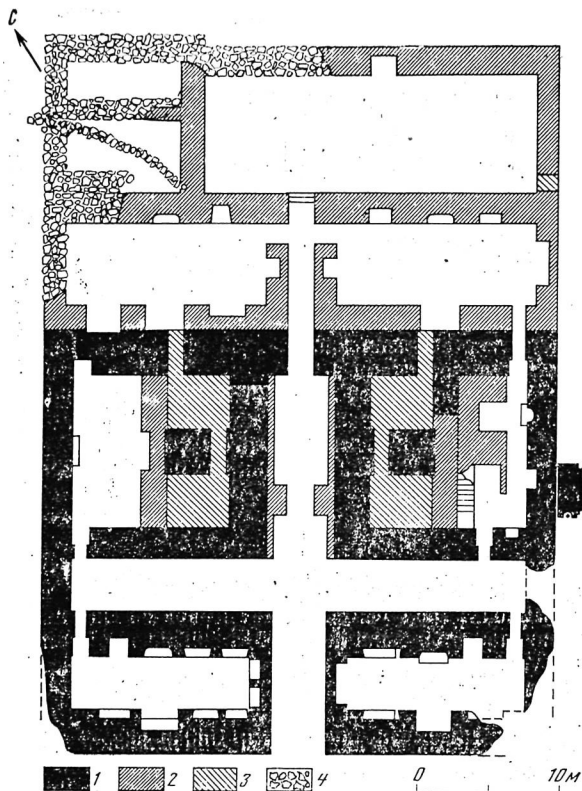

Рис. 52а. Едхарас. План Западного здания
 1 — пахсовые основания стен; 2 — кирпичные основания стен; 3 — кирпичная закладка; 4 — галечная подбutoака

внешняя стена здания, так же как это было с северной, западной и восточной сторон сооружения. В таком случае сохранившаяся южная стена, трактованная до сих пор как внешняя, является внутренней, и, определив местоположение утраченной внешней южной стены, мы получим истинный контур планировки ядра Западного здания.

При восстановлении утраченной части ядра, имеющего крестообразную планировку, возникает естественное стремление превратить его план в геометрически правильный — в квадрат, т. е. развить планировку к югу настолько, чтобы пересечение коридоров пришлось на центр этого квадрата (рис. 52а).

Для превращения контура плана в квадрат со стороной 36,00 м необходимо восстановить внешнюю южную стену на расстоянии в 6,70 м от существующей. Этот размер складывается из ширины пролета каждого

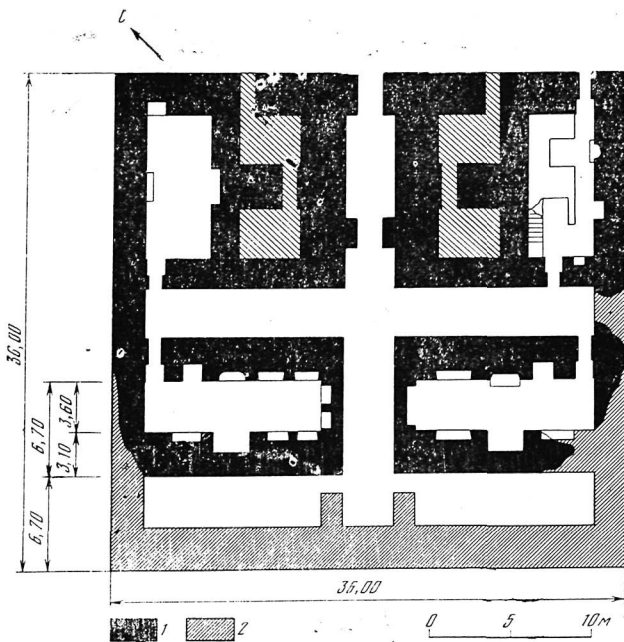

Рис. 526. Елхарас. План ядра Западного здания. Реконструкция
1 — существующие и реконструированные стены; 2 — закладка

из двух южных помещений и из толщины, ограничивающей их с юга стены ($3,60 + 3,10 = 6,70$). Другими словами, для получения планировки, заключенной в квадрат, достаточно восстановить два помещения, равных по параметрам существующим южным. Вряд ли это простое совпадение. Ведь эти восстанавливаемые помещения будут равны по пролетам не только смежным с ними южным, но и вообще всем помещениям ядра (в том числе и заложенным), включая оба коридора. Величина этого пролета (3,60 м) является стандартной для всей планировки ядра (исключение составляют лишь два помещения, расположенные в северо-западном и северо-восточном углах).

В итоге получается план, осуществленный по уже известной крестообразной схеме: квадрат ориентирован по странам света и рассечен двумя одинаковыми взаимно перпендикулярными коридорами, образующими в углах четыре квадратных, равных по площади части (рис. 526).

Предполагаемая прирезка южной части ядра оправдана и состоянием стен в раскопанной его части: смытые южные углы здания вполне допускают продолжение его боковых наружных стен к югу. Следов же

эт примыкания стен, продолжавших коридор в южном направлении, не осталось, потому что, как и повсеместно на памятнике, прорезающие их проходы в реконструируемые помещения являются скользящими, и такие следы могут быть обнаружены лишь выше перемычек проходов, а южная стена сохранилась на значительно более низком уровне, чем предполагаемая высота этих перемычек. Поэтому внешний контур южной стены ядра после раскопок предстал в виде ровной сплошной линии, принятой за фасадную, что лишало планировку ядра законченности.

В реконструируемых нами помещениях проходы располагаются в торцовых стенах, в то время как в южных залах 32 и 33 — по продольным стенам. Однако заметим, что в южных помещениях 5 и 6 кирпичной пристройки к ядру проходы расположены тоже в торцовых стенах. Если пристройка была возведена после завершения сооружения ядра (а это, видимо, так), естественно, что в некоторых ее помещениях (южных) была повторена схема планировки южных помещений ядра (рис. 53).

Далее, поскольку реконструируемые помещения по габаритам в точности соответствуют раскопанному южным (залы 32 и 33), мы вправе восстановить и основную, общую для всех помещений схему планировки: на поперечной оси разместить большую, начинающуюся с уровня пола нишу с противоположащим ей очагом. Основания всех выявленных раскопками очагов расположены выше сохранившихся участков поверхности южной стены, и, следовательно, будет правомерно восстановить в этой стене (внутренняя стена реконструированных помещений) очаги, расположенные на поперечных осях помещений, против главных больших, начинающихся с уровня пола ниш. Следуя далее все той же схеме, мы вправе в реконструированных помещениях фланкировать главные ниши и противоположащие им очаги менее глубокими нишами, а рядом с проходами в эти помещения, так же, как в южных помещениях 5 и 6 пристройки, разместить по нише, начинающейся с уровня пола.

Материал для размышлений дает анализ помещения 4. Значительную часть его площади занимает встроенная конструкция, выполненная из такого же кирпича, как и закладки центральных помещений 2 и 3. Эта конструкция образует две глубокие перекрытые сводами ниши одинаковых размеров и лестницу, от которой сохранилось лишь шесть ступеней. Лестница шла вдоль западной стены помещения. Несколькo выше раскрытых ступеней обнаружены следы их примыкания к стене. Эта, казалось бы, встроенная позже лестница вела на второй этаж, однако имеются свидетельства того, что она была предусмотрена первоначальной планировкой двухэтажного здания.

Все помещения (кроме центральных заложённых) различаются по размерам и количеству ниш, но в каждом из них большая, начинающаяся прямо с пола ниша, против которой размещался очаг, обязательно расположена на его поперечной оси (см. рис. 52а). В помещении же с лестницей ниша и противоположащий ей очаг смещены с поперечной оси, что и отличает его от других помещений. Поскольку очаг принадлежит первоначальной планировке (он не вырублен в пахсе, а сложен одновременно со стеной), то ей же по упомянутой схеме принадлежит расположенная против него и заключенная в кирпичной конструкции ниша.

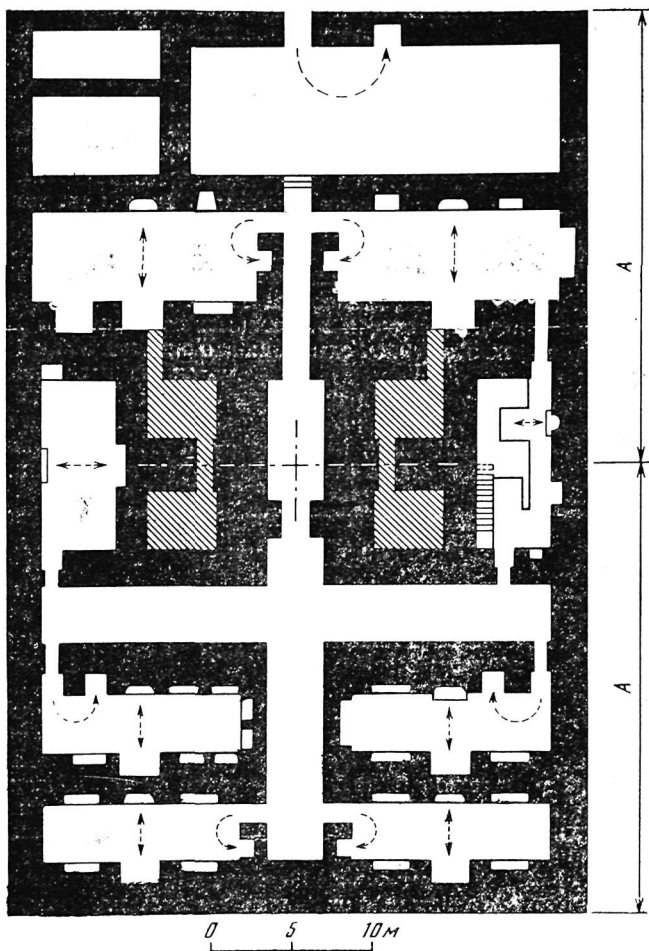

Рис. 53. Елхарас. План Западного здания. Реконструкция

Таким образом, перед нами кирпичная конструкция, как бы вставленная в габариты помещения, которая предусматривалась первоначальным планом и делала это помещение функционально отличным от других. Как было отмечено выше, проходы во все без исключения помещения были скользящими, кроме прохода из горизонтального коридора в помещение 4 (с лестницей). Он, в отличие от остальных, от-

стоит от ближайшей стены на 1,2 м, т. е. ровно настолько, чтобы там поместилась лестница, причем по отношению к последней этот проход, как и все остальные, тоже является скользящим. По-видимому, это помещение служило лестничной клеткой, а существование второго прохода, ведущего в него извне, с севера, лишь подтверждает это. Поэтому наличие заранее предусмотренной лестничной клетки безоговорочно свидетельствует в пользу того, что второй этаж был не надстроен впоследствии (или же в процессе строительства в связи с изменением в проекте), а запланирован заранее.

Что касается северной пристройки, то предположение о более позднем ее возведении, основанное на том, что докольная часть ее стен сложена не из пахсы, как в ядре, а из кирпича, кажется убедительным.

Другим свидетельством возведения северной пристройки по завершении строительства ядра служит наличие ее самостоятельной южной стены, приставленной к северной стене ядра. Именно на эту стену опирались балки перекрытий южных помещений пристройки.

Если бы пристройка воздвигалась одновременно с ядром, то даже при условии, что последнее было двухэтажным, а пристройка одноэтажной, концы балок могли быть просто заложены в северную стену ядра при достижении ею соответствующего уровня, а затем кладка была продолжена (кроме того, могли быть предусмотрены гнезда для последующей заделки балок перекрытия). Возможно, гнезда для заделки балок были вырублены в уже полностью возведенной стене ядра, хотя это и создавало бы конструкцию, подверженную вредному влиянию атмосферных осадков.

Устройство самостоятельной стены было predeterminedено, по-видимому, другим. По схеме планировки южные помещения пристройки идентичны помещениям ядра: на их поперечных осях, как уже отмечалось, расположены большие ниши той же ширины, против каждой из которых находился очаг (рис. 53). Следовательно, при условии одновременного возведения ядра и пристройки эти ниши должны быть предусмотрены в северной стене ядра, либо при их разновременном возведении вырублены, а это является операцией не только трудоемкой, но и очень нежелательной в конструктивном отношении из-за трудности перекрытия таких глубоких ниш (0,8 м) в стене, возведенной уже на полную высоту. Перекрытие по деревянным перемычкам было бы непрочным, так как пролеты ниш все же весьма значительны, а тяжесть вышележащей стены, ширина которой 3,1 м, огромна. К тому же плоское перекрытие ниш вносило бы диссонанс в решение интерьеров помещений, поскольку все остальные ниши перекрыты арками. Арочное же перекрытие ниш, вырубленных в уже существующей стене, является мероприятием, технически почти неосуществимым. Видимо, поэтому строители решили возвести самостоятельную стену, прислоненную к стене ядра, что снимало вопрос об осуществлении перекрытий в вырубленных нишах: устройство ниш предусматривалось в возводимой заново стене. Перекрытие помещений при этом значительно упрощалось.

После возведения пристройки общий вход в здание, естественно, должен был находиться в одной из ее стен. Логичной представляется реконструкция места этого входа в северной стене пристройки на про-

дольжений оси симметрии плана ядра — главной оси здания, что вполне допускает современное состояние этой стены: в этом месте она размыта до основания. К тому же существуют и некоторые косвенные признаки, подтверждающие, что вход существовал именно здесь. Следует принять во внимание, что во всех помещениях как ядра, так и пристройки (за исключением двух помещений, расположенных в северо-западном и северо-восточном углах ядра) рядом с каждым проходом сооружено по одной нише. Эти ниши, начинающиеся, так же, как и главные, с уровня пола помещений, везде сопутствуют проходам и, очевидно, в каком-то отношении связаны с ними. Во внешней стене помещения 26 пристройки также находится ниша, единственная в нем и начинающаяся с уровня пола, а поэтому можно предположить, что близости от нее находился проход. Следовательно, реконструкция местоположения этого прохода на главной оси планировки здания, к тому же по соседству с упомянутой нишей, действительно представляется вполне логичной.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что северная пристройка графически вписывается в общий план здания. Это вполне естественно, если учесть, что она продолжала функционировать вместе с его южной частью — ядром. Четыре заложенные помещения ядра, видимо, имевшие какое-то особое назначение, весьма возможно культовое, попарно симметричны не только по отношению к главной оси планировки (что характерно для всех помещений, кроме северного помещения пристройки), но имеют еще одну ось симметрии — поперечную (рис. 53). По отношению к этой оси расстояния до переднего и заднего фасадов здания равны, и, таким образом, точка пересечения вертикальной и горизонтальной осей попадает в геометрический центр прямоугольника всей планировки.

Весьма вероятно, что на первых же этапах строительства Западного здания был изменен первоначальный замысел внутренней планировки первого этажа, в результате чего четыре небольших помещения-камеры, соседние с центральным осевым помещением 1, были превращены в дополнительную цокольную конструкцию под помещения второго этажа. Замеры кирпичей закладки, равно как и в кладке стен, дали стандарт $(42-47) \times (42-47) \times (11-14)$ см. Подобные кирпичи широко известны в Двуречье еще с бронзового века, применялись в постройках Ассирии, ахеменидского Ирана⁴⁹. В Средней Азии ближайшие аналогии находим в древнем Хорезме: на поселении Дингильдже — $(43-45) \times (40-44) \times (11-12)$ см, в центральном здании Кой-Крылган-калы — $(40-45) \times (40-45) \times (12-16)$ см, в раннекангуйском слое Хазараспа — $(38-45) \times (38-45) \times (10-12)$ см⁵⁰; в памятниках древней Парфии: святилище Мансур-депе — $(42-43) \times (42-43) \times (11-12)$ см, раннепарфянском слое поселения Гарры-Кяриз — $(42-47) \times (42-47) \times (10-14)$ см, на Эрк-кале — $(42-46) \times (42-46) \times (12-16)$ см⁵¹; в южнобактрийских постройках ахеменидского времени — $(42-43) \times (42-43) \times (12-13)$ см⁵².

М. Г. Воробьева отмечает, что «кирпичи со сторонами, достигающими 45 см, чаще встречаются в памятниках, близких по времени к середине первого тысячелетия до н. э., позже... обычный размер сырца не

отклонялся от $40 \times 40 \times 10$ см более чем на 1—3 см, чаще в сторону уменьшения»⁵³.

Разборка цокольных конструкций в помещениях 2 и 3, а также закладка в помещении 5 дала возможность исследовать несколько тысяч кирпичей, из которых около 90% имело прочерченные еще по сырой глине тамги. О назначении таких тамг существует множество точек зрения. В. Л. Воронина считает, что тамги на кирпичах в какой-то степени связаны с организацией строительных работ⁵⁴. Близкого мнения придерживаются А. М. Мандельштам и С. Б. Певзнер⁵⁵, А. Н. Гертман⁵⁶, М. И. Филанович считает тамги знаками владельцев рабовладельческих мастерских⁵⁷, Г. А. Пугаченкова рассматривает их как личные знаки раба⁵⁸.

Нам, как и большинству исследователей, представляется, что подобная практика нанесения знаков на еще сырой кирпич, при их простоте и множестве вариантов небольшого числа типов, связана прежде всего с производственным процессом строительства. Тамги, вероятно, фигурировали как знаки мастерских, служили также для количественного учета. Типов тамг на елхарасских кирпичах сравнительно немного (менее 25), и большей частью они представляют собой весьма простой знак*. Подобные тамги распространены чрезвычайно широко не только территориально — в Хорезме, Парфии, Маргиане, Бактрии, Согде⁵⁹, но и хронологически — от ахеменидского периода до времени поздней античности.

При разработке кирпичных конструкций в помещениях 2 и 3 были встречены также «фигурные» кирпичи, имевшие, очевидно, декоративное значение и украшавшие зубчатые фризы.

Что касается богатой внутренней отделки западного здания, то ввиду чрезвычайной фрагментарности его многокрасочной росписи можно пока лишь констатировать ее геометрический и растительный характер. Традиция настенных росписей в Средней Азии насчитывает не менее семи тысяч лет. Так, например, красно-черной росписью на белом фоне с изображением деревьев, ромбов, треугольников украшена стена одного из помещений поселения V тыс. до н. э. Песседжик-депе в Туркмении⁶⁰.

К сожалению, нам пока неизвестны прямые аналоги объемной раскрашенной глиняной антропоморфной скульптуре Западного здания. Не только внешний вид, но и технология изготовления елхарасской скульптуры принципиально отличны, например, от топрак-калинской, сделанной при помощи внутренней глиняной болванки или же целиком из глины⁶¹. В то же время нельзя не отметить, что такая деталь елхарасской скульптуры, как металлическая инкрустация, характерна для древнегреческой скульптуры.

Судя по характеру планировки и местоположению сохранившейся части Восточного здания, весьма вероятно, что это лишь часть не дошедшего до нас значительного по площади сооружения жилого характера. Сразу же обращает на себя внимание присутствие и здесь крестообразного принципа планировки — двух пересекающихся, видимо, коридоров 24 и 46. Если предположить, что коридор 24 продолжался после его

* Подробнее о типах тамг Елхараса см. приложение 2.

пересечения с коридором 46 к востоку и длина его в восточной части была равна длине в западной, тогда в этой не сохранившейся восточной половине здания существовала планировка, по площади равная западной. О том, как эта площадь была застроена, мы можем только предполагать. Имеющиеся примеры (дворец Топрак-кала, северный комплекс Топрак-калы) свидетельствуют, что блоки с секционной планировкой сочетались в едином комплексе с застройкой другого характера. Тогда не исключено, что к востоку от сохранившихся секций и меридионального коридора 46 располагался большой внутренний зал-двор, который по периметру окаймлялся коридорообразным помещением (вспомним отсутствие проходов из срединных секций II—V в меридиональный коридор 46). Подобная планировка наиболее характерна для древневосточных дворцовых построек (например, дворец Навуходоносора в Вавилоне, где сочетается секционная планировка с центральными огромными залами-дворами⁶²; ахеменидские дворцы в Персеполе⁶³).

С другой стороны, возможно, что к востоку от сохранившейся секционной планировки западной части Восточного здания существовала такая же, но зеркально расположенная. Все это могло объединяться внутренними, перпендикулярными друг другу, крестообразно расположенными коридорами, куда открывались проходы из секций. Таким образом, этих секций могло быть не менее двенадцати.

Судя по рельефу и пахсовым останцам, сохранившиеся постройки составляют менее одной седьмой предполагаемой площади застройки возвышенности. При этом возможно и предположение, что подобная планировка из двенадцати четырехкомнатных секций, объединенных внутренними крестообразно пересекающимися коридорами, могла повторяться неоднократно. Аналогичные планировки с неоднократно повторяющимися типовыми секциями встречены при раскопках египетского города II тыс. до н. э. Кахун в оазисе Файюм, южного дворца в Тель-эль-Амарне (XV в. до н. э.), дворцово-храмового комплекса Мединет-Абу⁶⁴. В той же Тель-эль-Амарне при раскопках так называемого Рабочего города зафиксировано 72 секции (каждая из четырех комнат), которые располагались блоками по шесть секций и разделялись четкими линиями улиц⁶⁵. Еще более ясная планировка в виде повторяющихся одинаковых многокомнатных секций часто встречается при исследованиях древних городов Двуречья и Месопотамии. «Типовые» секции можно наблюдать уже в плане дворцового комплекса Ура (II тыс. до н. э.)⁶⁶. Но особенно четкая секционная планировка характерна для древнего Вавилона (VII—VI вв. до н. э.), где на его цитадели в южном дворце Навуходоносора были проведены прямые улицы-коридоры с четкими многократно повторяющимися трех-пяtkомнатными домами-секциями⁶⁷.

При всех вариантах предполагаемой реконструкции планировки характер сохранившейся части Восточного здания, его габариты и, наконец, местоположение на возвышенности, господствующей над огромной низиной, дают основание думать о его дворцовом характере.

Конструктивно соединенное с Восточным зданием, Западное, гораздо меньшее по размерам, но намного лучше сохранившееся, имело, скорее всего, другое функциональное назначение. Возможно, оно служило для

каких-либо общественных собраний, но вероятнее всего было культовым. Сама планировка Западного здания, симметричность помещений и групп помещений, регламентация интерьеров залов, очажные ниши, расположенные на центральной оси залов, напротив наибольшей ниши со скульптурой, наконец, наличие во всех залах «предвходных» ниш, видимо, связанных с обрядом очищения, особо парадный облик всех помещений и коридоров Западного здания — все это свидетельствует в пользу высказанного предположения.

Обращает на себя внимание планировка помещения 4. Очажная ниша, сдвинутая в нарушение всех канонов с центральной оси помещения к северу и располагающаяся напротив первой сводчатой камеры, оказывалась ближайшей к северному, вероятно, главному входу в помещение 4. Очевидно, через этот проход и продолжавший его относительно узкий коридор вдоль восточной стены, мимо очажной ниши и северной камеры вел основной путь к лестнице на второй этаж, где могли располагаться главные помещения, связанные с отправлением культа.

К сожалению, постройки, аналогичные Западному зданию, пока неизвестны. Хотя, как нам кажется, иная по сравнению с Восточным зданием ориентировка центральной оси Западного могла быть вызвана чисто техническими причинами, не исключено, что она была обусловлена определенными требованиями, связанными с астральным культом. Отклонение центральной оси Западного здания к востоку на 22° ($21,6^\circ$) практически совпадает с отклонением центральной оси центрального здания Кой-Крылган-калы, что, как показали исследования, проведенные М. Г. Воробьевой, М. М. Рожанской и Н. И. Веселовским, обеспечивало ориентацию на одну из самых ярких и почитаемых на древнем Востоке звезд — Фомальгаут. Культ последней в древнем Хорезме был связан с божеством водной стихии и мудрости⁶⁸.

Несколько слов о датировке. Находки на полах, а также в нижних частях намавов, лежащих непосредственно над полом, представлены прежде всего фрагментами крупных сосудов типа хумов, хумчей и т. п., а также фрагментированными и целыми столовыми сосудами, большая часть которых была вкопана около стен в обмазки пола и частично в подбутовочный слой под полом. Этот материал относится к типичным хорезмийским формам арханческого и раннекангюйского времени. Сочетание же указанных форм, о чем свидетельствуют находки последних лет в Туркмении на Тарым-кая, может быть отнесено к рубежу V—IV вв., а скорее к началу IV в. до н. э., что, вероятно, и является временем возведения и начала жизни елхарасских зданий.

Судя по наличию лишь одного пола и толщине слоя его обмазок во многих помещениях, отсутствию следов серьезных ремонтов, здания Елхараса не могли существовать длительное время. Размытость верхних обмазок пола, обязательность повсеместного залегания на них песчаных и песчано-глинистых намавов, существование размытых «пещерок» в стенах на уровне пола, многочисленные находки пресноводной фауны в обмазках пола и стен — все это свидетельства гибели памятника в результате наводнения, вызванного очередным прорывом амударьинских вод. Учитывая все находки на полах и в нижних слоях намавов, сочетание на одних полах и в одном слое арханческой и раннекангюй-

ской керамики, прежде всего сосудов крупных форм⁶⁹, можно предположить, что катастрофа, вызвавшая гибель комплексов Елхараса, произошла не позднее IV в. до н. э.

Исследование стратиграфии всех, в той или иной степени сохранившихся 47 помещений обих зданий показало, что, спустя длительное время после гибели памятника, в полуразрушенных зданиях поселились люди. На слоях песчано-глинистых намывов под еще стоявшими сводами в помещениях 1 и 30 Западного здания 1, помещения 9 Восточного, а также в соседних с ними помещениях было устроено временное жилье. Следы этого недолговременного пребывания людей датируются кушанской монетой с хорезмийским надчеканом концом III — началом IV в. Следующее обживание памятника во второй половине V — начале VI в. было еще более кратковременным и коснулось стоявшей по-прежнему под сводом северной трети помещения 1 и части соседнего с ним помещения 6 в Западном здании. Еще позже, в X—XI вв., южная часть помещения 1 Западного здания дала, вероятно, очень недолгий приют небольшой группе людей, соорудивших в южном проходе на полуторадвухметровом слое намывов каменную стенку. Под сводами помещения 1 около этой стенки люди разводили костры на двух-трехметровом слое намывов. Поскольку свод над этим помещением дожил до наших дней, именно это обстоятельство обусловило сохранение следов неоднократного обживания. В целом же, как уже говорилось, памятник однослойный.

Таким образом, комплекс Елхарас, вероятно, представляет собой остатки древнехорезмийского дворцового и связанного с ним храмового зданий, построенных в IV в. до н. э. и просуществовавших, очевидно, не более нескольких десятилетий. Относительно хорошо сохранившиеся помещения первого этажа Западного здания позволяют судить о высоком уровне мастерства древнехорезмийских строителей и архитекторов, живописцев и скульпторов. В настоящее время Елхарас является пока единственным памятником, где, хотя и в очень фрагментированном виде, найдена древнейшая в Средней Азии раскрашенная объемная антропоморфная скульптура из необожженной глины.

¹ Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма (IV в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1967. С. 107, табл. II, 36—51. ТХЭ; Т. 5).

² Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма // ТХЭ. 1952. Т. 1. С. 88; Рапопорт Ю. А., Лапуров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 143.

³ Подобный строительный прием широко известен по монументальным памятникам Средней Азии. Можно вспомнить также каменные выкладки из крупных продолговатых га-

лек, обнаруженные при раскопках Ай-Ханум (см.: Paul Bernard. La campagne des fouilles de 1970 a Ai Khanoum. P. 413. Fig. 15; *Idem*. Fouilles d'Ai Khanoum. Mémoires de la Délégation archéologique française en Afghanistan. P., 1973. Pl. 30a, 42a). Там же вскрыты и нивелировочные кирпичные выкладки.

⁴ Здесь и далее отметки относительные. За 0 был принят уровень материковой поверхности у северного подножия возвышенности.

⁵ На городище Калалы-гыр I в дворцовом комплексе рубежа V—IV вв до н. э. высота нижних пахсовых частей

- стен достигала 130 см (см.: *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С. Раскопки дворцового здания...* С. 143).
- 6 *Лапиров-Скобло М. С.* Реконструкция памятника // Кой-Крылган-кала... С. 267.
  - 7 *Воробьева М. Г.* Дингильдже: Усадьба I тыс. до н. э. в Древнем Хорезме. М., 1973. С. 96; Кой-Крылган-кала... С. 267.
  - 8 Всеобщая история архитектуры. М., 1970. Т. 1. С. 211.
  - 9 *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Раскопки дворцового здания... С. 144.
  - 10 Надо отметить, что ниши, начатые в паховой нижней части стен, зафиксированы при раскопках святилища в раннекангюйской крепости Калалы-гыр II (см.: *Вайнберг Б. И.* Работы в южной части Присарыкамьшской дельты // АО 1981 г. М., 1982. С. 474).
  - 11 *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962. Рис. 81, 94; *Трудновская С. А.* Круглое погребальное сооружение на городище Чирик-Рабат // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 211, рис. 9, 8.
  - 12 Кой-Крылган-кала... С. 143—144. С. 332. Табл. XVI.
  - 13 *Воробьева М. Г.* Дингильдже. С. 129—130, рис. 38, 35—42, 46, 49; *Она же.* Керамика Хорезма античного периода // ТХЭ. 1959. Т. 4. С. 73, рис. 4, 2.
  - 14 *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 85—86, рис. 22; *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма... С. 184. Рис. 8—10; *Она же.* Дингильдже. С. 124—125; Кой-Крылган-кала... С. 341, табл. I 1—6; *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 175, рис. 13.
  - 15 *Толстов С. П.* Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. // ТХЭ. 1958. Т. 2. С. 148; *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма... С. 69—70, рис. 2, 18, 19, рис. 3, 3; С. 171, 176—178; *Она же.* Дингильдже. Рис. 3, 39, 40, рис. 33, 3 и др.
  - 16 См. сноску 14; *Вайнберг Б. И.* Памятники кюесайской культуры // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 26, табл. XIV в, 1, 2, табл. XXVI. (ТХЭ: Т. 11).
  - 17 *Воробьева М. Г.* Керамика с городища Кюзели-гыр // ТХЭ. 1958. Т. 2. С. 71, рис. 2, 1, 19. *Она же.* Керамика Хорезма... С. 71, рис. 2, 11, 20; *Она же.* Дингильдже. С. 121, рис. 34, 1, рис. 35, 9.
  - 18 *Воробьева М. Г.* Дингильдже. С. 130, рис. 38, 35—42, 46, 49; *Она же.* Керамика Хорезма... С. 73, рис. 4, 2.
  - 19 Так, они отмечены на поселении Дингильдже (V в. до н. э.) и в раннем, переходном к раннекангюйскому слою Хазараспа. См.: *Воробьева М. Г.* Дингильдже. С. 124—125; *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Археологические работы в Хазараспе... С. 175, рис. 13.
  - 20 *Вайнберг Б. И.* Работы в южной части Присарыкамьшской дельты. С. 474; *Гудкова А. В.* Ток-кала, Ташкент, 1964. С. 10—11, рис. 2; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. С. 100, рис. 35.
  - 21 *Толстов С. П.* Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. С. 148; *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма... С. 69—70, рис. 2, 18, 19, рис. 3, 3; С. 171, 176—178; *Она же.* Дингильдже. Рис. 3, 39, 40; С. 121, рис. 33, 3; и др.
  - 22 См., например: *Дьяконов М. М.* Сложение классового общества в Северной Бактрии // СА. 1954. 19. С. 121—140; *Дурдыев Д.* Гоподие старого Кишмана // Тр. ИИАиЭ АН ТССР. 1959. № 5. С. 157, табл. VIII; *Массон В. М.* Древнеземледельческая культура Маргнаны // МИА. 1959. № 73. Табл. XL1; С. 208; *Тереножкин А. И.* Согд и Чач // КСИИМК. 1950. Вып. 33. С. 155—156; *Шикикина Г. В.* О местонахождении Мараканды // СА. 1969. № 1. С. 62—75, рис. 7, 87; *Кабанов С. К.* Изучение стратиграфии городища Афраснаб // СА. 1969. № 1. С. 183—198, рис. 3, 3.
  - 23 *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма... С. 184.
  - 24 Там же. С. 91—92, рис. 8—10; Кой-Крылган-кала... С. 314, табл. I, 1—6.
  - 25 *Толстов С. П.* Работы Хорезмской экспедиции 1949—1953 гг. С. 118; *Воробьева М. Г.* Дингильдже. С. 124—125; *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Археологические работы в Хазараспе... С. 175, рис. 13; Кой-Крылган-кала... С. 267.
  - 26 *Вайнберг Б. И.* Памятники кюесайской культуры. С. 26, табл. XIV в, 1, 2, табл. XXVI; *Юсупов Х.* Кур-

- газы могильников Тарым-кая II и III // Кочевники на границах Хорезма. С. 97, рис. 4.
- 27 *Воробьева М. Г.* Керамика с городища Кизели-гыр. С. 332—335, рис. 2, 1,9; *Она же.* Керамика Хорезма... С. 71, рис. 2,11,20; *Она же.* Дингильдже. С. 121, рис. 34,1; С. 121, рис. 35,9.
- 28 *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма... С. 93, рис. 9; С. 95; *Толстов С. П.* Древний Хорезм. С. 25—86, рис. 22.
- 29 *Воробьева М. Г.* Дингильдже. С. 129—130, рис. 38, 35—42, 46, 49; *Она же.* Керамика Хорезма... С. 73, рис. 4, 2.
- 30 *Воробьева М. Г.* Дингильдже. С. 128, рис. 37; С. 130—131.
- 31 Кой-Крылган-кала... С. 108, табл. III, 66—68.
- 32 Там же. С. 107, табл. II, 36—51.
- 33 *Неразик Е. Е.* Керамика Хорезма афригидского периода // Керамика Хорезма. М., 1959. С. 227, рис. 1, 1. (ТХЭ; Т. 4); *Она же.* Сельское жилище Хорезма в I—XIV вв. // ТХЭ. 1976. Т. 9. С. 53, рис. 26, 20; *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Археологические работы в Хазараспе... С. 163, рис. 5, 5.
- 34 *Неразик Е. Е.* Керамика афригидского периода. С. 327—328; *Она же.* Сельское жилище Хорезма... С. 53, рис. 26.
- 35 *Неразик Е. Е.* Керамика Хорезма афригидского периода. С. 227—231, рис. 1, 19—20; *Она же.* Сельское жилище Хорезма... С. 52—53, рис. 26, 21.
- 36 Кой-Крылган-кала... С. 128.
- 37 *Неразик Е. Е.* Керамика Хорезма афригидского периода. С. 230.
- 38 *Неразик Е. Е.* Сельское жилище Хорезма... С. 27—28, 35, рис. 9, 1, 2, рис. 14, 6, 7.
- 39 Кой-Крылган-кала... С. 124, табл. X, 42.
- 40 *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1969. С. 39—40, рис. 20, 10—30; *Она же.* Раскопки Якке-парсана. Полевые исследования Хорезмской экспедиции в 1958—1961 гг. // МХЭ. 1963. Вып. 7. С. 35, рис. 16, 1, 2, 7—9, 28.
- 41 *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. Рис. 19, 1—9, 13; С. 38, рис. 21; *Она же.* Керамика Хорезма афригидского периода. С. 242, рис. 6, 7, 9.
- 42 *Неразик Е. Е.* Керамика Хорезма афригидского периода. С. 228. рис. 1, 19.
- 43 *Вактурская Н. Н.* Классификация средневековой керамики Хорезма (IX—XI вв.) // ТХЭ. 1959. Т. 4. С. 279, рис. 8, 26, 27.
- 44 Там же. С. 276—277, рис. 2; рис. 8, 8, 9, 15; *Неразик Е. Е.* Сельское жилище Хорезма... С. 138—139, рис. 85.
- 45 *Рапопорт Ю. А.* Раскопки городища Шах-сенем в 1952 г. // ТХЭ. 1958. Т. 2. С. 415.
- 46 *Толстов С. П.* По древним дельтам Икса и Яксарта. С. 165—168.
- 47 Там же. С. 202—203.
- 48 Там же.
- 49 *Шиши О.* История архитектуры. М., 1935. Т. 1. С. 80, 141; Всеобщая история архитектуры. Т. 1. С. 297; *Пиотровский Б. Б., Флитнер Н. Д.* История техники древнего Двуречья // Очерки по истории техники древнего Востока. М.; Л., 1940. С. 44.
- 50 *Воробьева М. Г.* Дингильдже. С. 89—91 (см. там же сводку находок тапчи кирпичей); Кой-Крылган-кала... С. 27, 266—267; *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Археологические работы в Хазараспе... С. 184.
- 51 *Кощеленко Г. А., Пилипко В. Н.* Исследование парфянского святилища в окрестностях Нисы // Каракумские древности. Ашхабад. 1968. Вып. 2. С. 31; *Пилипко В. Н.* Раскопки парфянского сельского поселения в местности Гарры-Кяриз (Парфияна) // Там же. Ашхабад, 1970. Вып. 3. С. 74, 77; *Усмачова З. И.* Эрк-кала: (По материалам ЮТАКЭ 1955—1959 гг.) // ЮТАКЭ. 1963. Т. 12. С. 49.
- 52 *Сарианиди В. И.* Древние земледельцы Афганистана. М., 1977. С. 126.
- 53 *Воробьева М. Г.* Дингильдже. С. 90.
- 54 *Воронина В. Л.* Строительная техника древнего Хорезма. С. 89.
- 55 *Мондальштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1959—1953 гг. // МИА. 1958. № 66. С. 294—295.
- 56 *Герман А. Н.* Некоторые особенности маркировки сыровых кирпичей Средней Азии // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 70—73.

- ⁵⁷ *Филанович М. И.* Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1961. № 1. С. 43.
- ⁵⁸ *Пузаченкова Г. А.* К истории античной строительной техники Бактрии—Тохаристана // СА. 1963. № 4. С. 76.
- ⁵⁹ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. С. 95, рис. 30; С. 112, рис. 48; С. 116, рис. 55; С. 124, рис. 66; *Он же.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 172, рис. 42, 2; *Он же.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР (1945—1948) // ТХЭ. 1952. Т. 1. С. 42, рис. 29; *Воронина В. Л.* Строительная техника... С. 90, рис. 1; *Рапопорт Ю. А., Трудноязыкая С. А.* Городище Гяур-кала // Там же. 1958. Т. 2. С. 354; рис. 4; *Топрак-кала. Дворец // Там же.* 1984. Т. 14. С. 23, рис. 7; *Гудкова В. В.* Токкала. С. 34, рис. 8; *Пилипко В. Н.* Парфянское сельское поселение Гары-Кяриз. Ашхабад, 1975. Рис. 23; *Усманова З. И.* Эрк-кала. С. 50, рис. 24 и 25; *Таиходжаев Ш. С.* Разрез городской стены Гяуркалы // ТИТАКЭ. 1963. Т. 12. С. 104, рис. 6; *Усманова З. И.* Раскопки мастерской ремесленника парфянского времени на городище Гяур-кала // Там же. С. 176, рис. 8; *Она же.* Новые данные в археологической стратиграфии Эрк-калы // Там же. 1969. Т. 14. С. 44, рис. 28; *Филанович М. И.* Сырцовые кирпичи с клеймами... С. 40, рис. 1; *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда... С. 295, рис. 3; С. 296, рис. 4; С. 308, рис. 15; *Пузаченкова Г. А.* К истории античной строительной техники... С. 76—77, рис. 2 и 3 (см там же библиографию вопроса); *Она же.* К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 127; рис. 64; *Кабанов С. К.* Стратиграфический раскоп в северной части городища Афрасиаб // Афрасиаб. Ташкент 1973. Вып. 2. С. 354, рис. 4; *Dérens B., Le Barre M., Schlumberger D.* Monuments préislamiques d'Afghanistan // MDAFA. 1969. Vol. XIX fig. 19; *Le Barre M., Schlumberger D.* Observation sur les remparts de Bactres // MDAFA. Paris, 1969. T. XIX, pl. 98.
- Забегая вперед, заметим, что вывод Гертмана об одновременности кирпичных закладов центральных помещений Западного здания Елхараса и восстановительно-ремонтных работ на Капарасе, который он сделал в результате анализа тамг на кирпичах с обоих памятников (см. приложение 2), на; не убеждает. Дело в том, что заклады Елхараса относятся ко времени возведения памятника, т. е. к IV в. до н. э., восстановительно-ремонтные работы на Капарасе датируются уже кушанским временем (см. гл. 4).
- ⁶⁰ *Бердыев О. К.* Некоторые результаты изучения древнеземледельческих поселений // Каракумские древности. Вып. 3. С. 13, рис. 2.
- ⁶¹ *Воробьева М. Г.* Техника внутренней отделки дворца Топрак-кала // ТХЭ. 1952. Т. 1. С. 82.
- ⁶² *Брунов Н. И.* Очерки по истории архитектуры. М.: Л., 1937. Т. 1. С. 167—168, рис. 134; *Lampl P.* Planning and Cities // Cities and Planning in the Ancient Near East. N. Y., 1968. Fig. 35.
- ⁶³ *Lampl P.* Planning and Cities. Fig. 162, 165; *Zander G.* Travaux de restaurations de monuments historiques en Iran // MEO. Rome. 1968. P. 45; P. 59, fig. 20; *Tillia A. R.* Studies and restorations at Persepolis and other cities of Fars // Report and memoirs director of the series O. Tucci. 1972. Vol. XVI.
- ⁶⁴ Всеобщая история архитектуры. Т. 1. С. 69, рис. 44; С. 70: С. 100—101, рис. 89; С. 116, рис. 105.
- ⁶⁵ *Lampl P.* Planning and Cities. P. 31, fig. 66, 85, 86.
- ⁶⁶ *Ibid.* P. 14, 58, fig. 20.
- ⁶⁷ *Ibid.* P. 18, fig. 35. Всеобщая история архитектуры. Т. 1. С. 218, рис. 31; *Брунов Н. И.* Очерки по истории архитектуры. С. 167, рис. 134.
- ⁶⁸ Кой-Крылган-кала... С. 253 и сл.
- ⁶⁹ Исследования среднеазиатских керамических комплексов античного времени в последние годы позволяют утверждать, что определенные формы, подобные архаическим хумам, хумчам и т. п., перестали употребляться не позднее первой трети IV в. до н. э. См.: *Вайнберг Б. И., Левина Л. М.* Чиркратская культура // Археология СССР.

Глава 4

КРЕПОСТЬ КАПАРАС

Следующим объектом раскопок Хорезмской экспедиции в зоне затопления Тюямуюнского гидроузла стала античная крепость Капарас, стоявшая, как уже говорилось, неподалеку от Елхараса.

Крепость Капарас расположена юго-восточнее теснины Тюямуюн, в конце небольшой ложбины, представляющей собой, как полагают Я. Г. Гулямов, остатки небольшого древнего канала, существовавшего еще в X—XIII вв.¹ Как мы уже знаем, укрепление стояло вблизи древней караванной дороги, связывающей Хорезм с Хорасаном, Мервским оазисом и Бактрией.

1. Архитектура и стратиграфия

Капарас в плане представлял собой вытянутый с севера на юг прямоугольник (128×110 м), образованный двойными стенами общей мощностью 7,5 м, с заключенным между ними коридором. Ориентирована крепость сторонами почти по странам света (магнитный азимут длинных стен 11°). Вдоль стен и по углам располагались башни. После расчистки периметра крепости башен оказалось не двенадцать, как предполагалось вначале, а десять — четыре, близкие к каплевидным, по углам и по две полукруглые — на каждой из сторон, кроме северной, в средней части которой находились ворота и размещалось защищавшее их предвратное сооружение².

Все стены поставлены на материке (отметка от 36 до 108 см)³, уровень которого понижался с севера на юг. Поверхность материка, или древняя дневная поверхность, представляла собой плотный красноватый крупный песок с мелкими камешками; его подстилал плотный желтый песок с отдельными глинистыми включениями.

Раскопы были заложены (рис. 54) на всех четырех стенах крепости, семи башнях, в предвратном сооружении и нескольких местах внутри крепостного двора (значительная часть территории последнего пострадала уже в наши дни). Всего на памятнике заложено тринадцать раскопов и пять шурфов общей площадью более 2700 м², не считая поверхностных зачисток.

В результате раскопок выяснилось, что крепость пережила два основных этапа существования, разделенных продолжительным периодом запустения. Постройка и начало жизни в крепости относятся к IV в. до н. э., время восстановления — первые века новой эры.

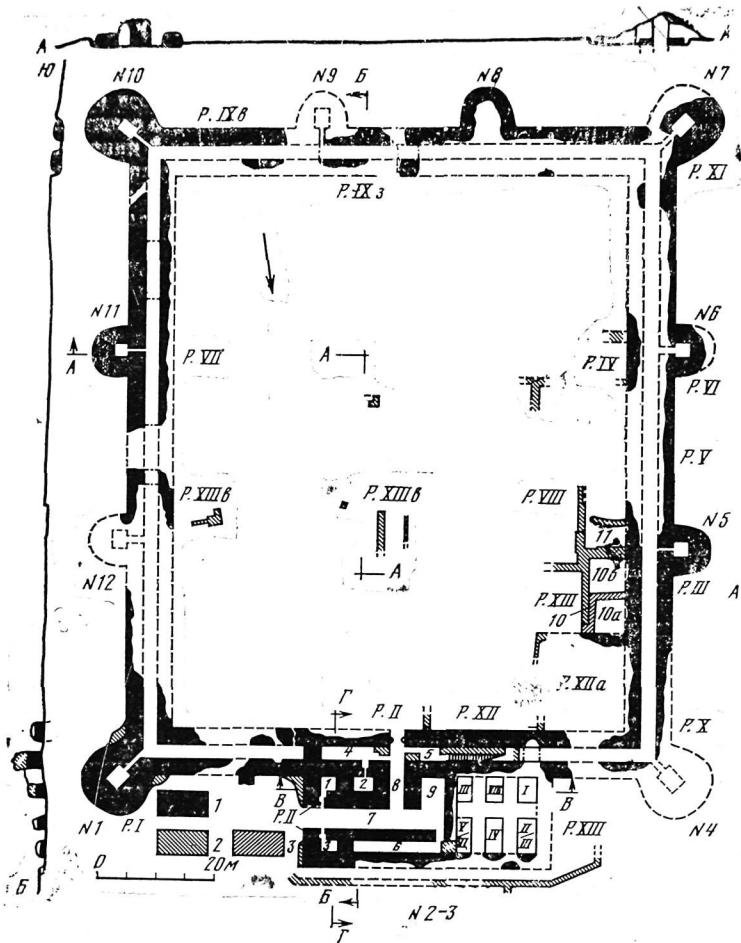

Рис. 54. Капарас. План

1 — пахса; 2 — сыровая кладка; 3 — более ранняя сыровая кладка (помещение 10); № 1 — номер башни; P1 — номер раскопа; 1, 2, 3 — номера вскрытых помещений; I, II, III — номера заложённых помещений

От первого этапа уцелело лишь пахсовое основание крепостных стен, башен и помещений предвратного сооружения. Сохранилось оно на различную высоту — от 0,26 до 1,8 м, у подошвы во многих местах размыто, однако нигде не уничтожено полностью и послужило основой для возведения стен из сырового кирпича при восстановлении крепости.

По остаткам пахсового основания установлено, что оно было скоше-

но с двух сторон и ширина межстенного коридора по подошве составляла не более 1,75 м. Углы при сопряжении перпендикулярных коридоров были скруглены.

Башни Капараса, округлые в плане, имели прямоугольную внутреннюю камеру. Форма и величина угловых и пристенных башен различны: пристенные — в плане полуэллипсоидные, угловые — каплевидные, первые меньше вторых.

По устройству все башни относятся к закрытому типу; они сообщались с межстенным коридором через арочный проход шириной 0,80—0,85 м. Ширина пристенных башен 8, вынос 5,5 м; толщина стен 2,4—2,6 м; ширина угловых башен у крепостных стен 8 м, на линии стены внутренней камеры, против входа в нее, — 11 м; вынос 11 м; толщина передней стены по основанию достигала 5, боковых — от 3 до 4 м. Размер внутренних камер пристенных башен 3×3, угловых, вытянутых в сторону выноса, — 3×4 м. Башни возводились вместе со стенами, а не пристраивались позднее⁴. В угловых башнях 1 и 7 оси проходов совпадали с диагональю крепости, во второй паре (4 и 10) это совпадение нарушено.

Расстояние между башнями по западной стене колеблется от 24,5 до 27,0 м, по восточной — от 23,0 до 28,5 м, причем пролеты между двумя пристенными башнями наименьшие, между северными угловыми и первыми пристенными к югу от них — наибольшие. Расстояние между башнями по короткой южной стороне меньше: между пристенными — всего 19 м, два остальных пролета — по 22 м.

Округлая в плане форма башен Капараса находит себе многочисленные аналогии среди других памятников античного времени Средней Азии. В Хорезме наиболее ранние обнаружены на Кюзели-Гыре⁵. В раннеантичное время они распространяются довольно широко, причем на таком раннем городище, как Калалы-гыр I, оси угловых башен расположены на линиях продолжения диагоналей крепости и диагоналей предвратных укреплений, что раньше считалось для Хорезма признаком позднеантичного, а в основном — афригидского времени⁶. В античное время полукруглые башни существовали наряду с прямоугольными. Вопросу о происхождении и распространении этой формы башен в архитектуре Средней Азии уже уделялось внимание в археологической литературе⁷.

В крепости, как и в большинстве аналогичных памятников античного периода, были одни сильно укрепленные ворота, что согласовывалось с требованиями древней фортификации⁸. Они располагались посередине северной стены и защищались прямоугольным предвратным сооружением — усложненным вариантом так называемых «лабиринтов», широко распространенных не только в Хорезме, но и в других областях Средней Азии в исследуемое время.

Предвратное сооружение (40×15 м), с широким въездом в его восточной стене, размещалось асимметрично по отношению к внутренним крепостным воротам и было сдвинуто к западу. Такое расположение для раннеантичных памятников Хорезма не исключение. Например, так же асимметрично, но со сдвигом к востоку расположено предвратное укрепление Джанбас-калы⁹.

Кроме того, не исключено, что въезд в крепость Капарас был дополнительно защищен и широкой стеной, остатки которой зачищены у северной стены крепости, в 9 м к востоку от предвратного укрепления.

Внутри предвратного сооружения, по обе стороны от ворот находились небольшие, видимо, караульные помещения 1 и 3, в которые вели проходы с паховыми в основании выступами у входов и разгрузочными нишами в восточных стенах. Проезд шириной 3,4 м с западной стороны выходил в помещение 9, сообщавшееся через проход в северной стене с помещением 6, в восточном конце отделенным от помещения 3 монументальной перегородкой. К югу от проезда 7 отходил более узкий коридор 8, прорезавший северный межстенный коридор и выведивший на территорию двора крепости через проход в его южной стене. При пересечении с проездом 8 северный межстенный коридор с двух сторон заканчивался поперечными стенами, в которых были дверные проемы. Восточный проем вел в помещение 4, отсеченное от восточной части северного коридора монументальной перегородкой, поставленной на паховое основание. Судя по тому, что пакса не отличалась по качеству от положенной в основание продольных стен коридора, эта перегородка была возведена при первоначальном строительстве.

Помещение 4, а также комната 2, сообщавшаяся только с ним через проход в его северной стене, очевидно, предназначались для защиты внутреннего входа в крепость.

Дверной проем в западной стене прохода 8 вел в западную половину северного коридора. Была ли там, как в помещении 4, перегородка, отделявшая эту часть коридора от более западной, — сказать трудно, так как эта часть коридора позднее перестраивалась. Практика отделения предвратной части обводного межстенного коридора до сих пор была известна в Хорезме на примере Джанбас-калы, где по обе стороны от входа коридор перегораживали поперечные стены, отсекавшие его от системы предвратного сооружения.

Какова была первоначальная конструкция стен крепостных сооружений выше их пахового основания, а также перекрытий — не устанавливается. Судя по тому, что в позднейших закладках употреблялись связанные раствором куски сырцовых блоков, можно заключить, что стены в верхней части были из сырцового кирпича.

Полы в помещениях не сохранились. Лишь в южном крепостном межстенном коридоре и в восточной части помещения 4 уцелели остатки размытого конструктивного пола, намазанного вместе с основанием стен, составляя с ним единое целое. Кроме того, на отдельных участках в коридорах и в башне 6 под нижним полом второго этапа существования крепости сохранились незначительные остатки размытых более ранних обмазок, отличавшихся по цвету и структуре от позднейших.

От культурного слоя первого периода жизни крепости в коридорах и башнях ничего не осталось, так как перед новым строительством они были очищены до конструктивного пола и материка. Обнаружены лишь фрагменты раннеантичной керамики, служившие для укрепления обмазок новых полов.

Во дворе крепости вскрытая площадь занимала более 540 м², но следы первоначального ее обживания зафиксированы лишь на отдельных

участках. Один из них, расположенный примерно посередине западной крепостной стены (раскоп IV), тянулся вдоль нее узкой полосой (ширина 3 м) на протяжении 5 м. Здесь находились остатки незастроенного древнего участка двора с плотной глинобитной поверхностью, лежавшей непосредственно на материковом песке (отметка от 70 до 82 см). С севера и юга двор срезан стенами кушанского времени, с востока уничтожен недавно.

В культурном слое толщиной до 12 см, покрывавшем глинобитную поверхность, найдено несколько фрагментов небольших красно-ангобированных сосудов раннекангюйского периода. Слой перекрыт сырцовый вымосткой кушанского времени и оказался изолированным от более поздних наслоений.

Второй участок, датирующийся кангюйским временем, выявлен севернее (раскоп XIII). Он также был застроен в более позднее время, но от кангюйского периода все же сохранились днища хумов и ямы без находок, возможно, оставшиеся от некогда вкопанных в них сосудов. С запада этот участок древнейшей поверхности ограничивался паховым основанием крепостной стены, а с севера — примыкавшей к крепостной и перпендикулярной ей, также паховой понизу, стеной, тянувшейся к востоку на 9,5 м. Эта стена, видимо, продолжалась на протяжении 2 м в южном конце раскопа XIIIА, где был выявлен угол ее пересечения с паховой стеной, идущей к северу. В углу, у пересечения пахового основания стен, под зеленоватой обмазкой с керамикой позднекушанского времени, сохранилась лежавшая на материке более ранняя обмазка с впущенным в нее днищем хума кангюйского периода. Ограниченный паховыми в основании стенами участок составлял, вероятно, остатки довольно большого помещения или даже здания, расположенного в северо-западном углу крепости.

Посередине двора крепости, в 30 см от ворот к югу, также сохранился участок (длина 6 м, ширина 3 м), представлявший собой намазанную на материк неровную глинистую поверхность с типичным для двора плотным мусорным культурным слоем толщиной до 10 см, с большим количеством фрагментов раннеантичных сосудов разной формы и величины.

В инвентаре от кангюйского периода сохранились лишь фрагменты керамики, за редким исключением переотложенной и использованной вторично в виде подкрепляющей более поздние полы подбутовки или по прямому назначению, после примитивной реставрации. Не исключено, что к раннему времени относится находка бронзового шила или пробойника, а также обломки зернотерок, использованные в кушанское время вторично, в основном как абразивы.

Кроме того, найдено три бронзовых втульчатых трехперых наконечника стрел из которых один (переотложен) лежал в южном коридоре в нижней части завала (отметка 10 см) над верхним полом нижнего горизонта кушанского времени (рис. 55, 1). Обломки других найдены с внешней стороны предвратного комплекса, к северу от помещения 6. Один из них был найден у основания стены (рис. 55, 2), второй, с обломанной втулкой, засел в пахсе, изогнувшись при ударе о стену острием (рис. 55, 3).

Керамика и наконечники стрел относятся к одному периоду и могут датировать ранний этап существования крепости в пределах IV—III вв. до н. э.

Таким образом, по остаткам пахсового основания стен и характеру инвентаря можно заключить, что в кангюйское время Капарас представлял собой крепость, внутренняя территория которой не была сколько-нибудь значительно застроена.

Время окончания первоначального этапа существования крепости установить трудно. Судя по керамике, это произошло еще в кангюйский период, вероятно, не позже конца III — начала II в. до н. э. Какой-то отрезок времени крепость, видимо, была затоплена, что устанавливается по глубоким промоинам в пахсовом основании стен и остаткам размытого конструктивного пола в коридорах, особенно в южном, основание в

котором залегало на 0,5—0,7 м ниже, чем в северном. Кроме того, под полами в помещениях и во дворе поверхность материкового песчаного слоя имела красноватый цвет и плотность, характерные для песка, пропитанного сильно размытой глиной.

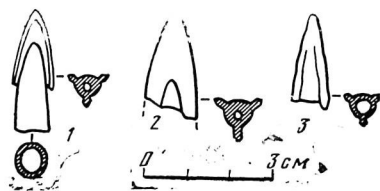

Рис. 55. Бронзовые наконечники стрел из Капараса

В первых веках нашей эры крепость была заново отстроена.

По керамике и другим найденным предметам это произошло не раньше II в. н. э. и не позже начала III в. Основой для строительства послужило сохранившееся пахсовое основание крепостных стен и башен, так что планировка сооружения не изменилась.

В восстановленном виде крепость пережила два периода, между которыми, видимо, не было длительного перерыва. Первый период при описании обозначен нижним горизонтом, второй — верхним. Горизонты в помещениях разделялись мусорными слоями различной мощности с включением ремонтных отбросов.

Нижний горизонт. В этот период крепость была полностью восстановлена. Все ее коридоры, башни, помещения предвратного комплекса предварительно были вычищены до материка и лишь в некоторых местах до остатков раннего конструктивного пола (например, в башне 6 или в восточной части южного коридора). Пахсовое основание стен, сохранившееся на разную высоту, не было снивелировано, и, таким образом, сырцовая кладка новых стен начиналась с разных уровней.

Новые сырцовые стены возводились до пяты свода, находившейся на высоте в среднем около 3,5 м от подошвы, а в северном коридоре, в западную половину которого была встроена лестница на второй этаж, уцелевшая на северной стене пята лежала на высоте около 4 м.

Внешние стены на многих участках сохранились с момента их восстановления полностью, внутренние были в худшем состоянии, но и они нередко достигали высоты 3 м, а иногда, в частности в западном коридоре и в юго-восточном углу, также доходили до пяты уцелевшего там свода.

Так как пахсовое основание стен из-за двустороннего уклона суживалось кверху, а сохранившийся уровень его в разных местах был не одинаков, толщина стен была различной. По низу пахсового основания она была равна 2,8—2,4 м, на уровне кирпичной кладки — 2,2—2,0 м, но в тех местах, где пахса сохранилась на меньшую высоту, толщина их увеличивалась. Некоторые стены, например в предвратном комплексе, напротив, были тоньше, что связано было с обтеской обветшавшей поверхности их пахсового основания во время восстановления крепости.

В этот же период подмытые ниши у подошвы пахсового основания стен («пещерки») в некоторых местах, в частности в южном коридоре, были замазаны пахсой другого качества. Подмытые снаружи основания башен 1 и 10 были отремонтированы сырцовым кирпичом. Вставленный в пахсу сырец обнаружен с внутренней стороны северной стены помещения 6 предвратного комплекса, с наружной стороны восточной стены башен 1 и 2; основание башни 7 было понизу обведено сырцом, врубленным в подмытый низ пахсы.

Вероятно, в это же время вокруг крепости с внешней стороны была положена вымостка из сырцового кирпича. Остатки ее обнаружены у подножия башни 1 и вдоль западной крепостной стены. В предвратном комплексе на всех вскрытых участках в коридорах и башнях, а также в проходах в заложенные позднее башни на нижних полах был обнаружен материал кушанского времени. Это позволяет заключить, что в нижнем горизонте функционировали все узлы крепости, в том числе и перестроенное предвратное сооружение.

Крепостные коридоры и башни. Межстенный крепостной коридор (ширина 1,75—2,2 м по основанию стен и около 2,6 м на уровне пят свода) начинался от входа в него со стороны крепостного двора посередине внутренней южной стены и заканчивался в северном коридоре глухими стенами, отсекавшими по обе стороны от крепостных ворот помещения 4 и 5. Перекрытие коридоров было сводчатым, свод местами сохранился на значительную высоту, а в юго-восточном углу крепости и частично над западным коридором уцелел полностью (рис. 56); верх его отстоял от подножия стен на высоту около 5 м. В растворе между кирпичами свода над юго-восточным углом обнаружена расклинка черепками кушанского времени. Над сводом находилась стрелковая галерея второго этажа; она не сохранилась, но еще в 1939 г. на западной галерее возвышались ее остатки со стреловидными бойницами¹⁰.

Своды, перекрывавшие коридоры, помещения в башнях и предвратном комплексе, представляли собой вариант коробовых. Ширина пролетов в коридорах и башнях была различной: в помещениях 1 и 2 предвратного комплекса они по ширине равны пролетам в башнях, в помещениях 3 и 6 — коридорным.

Своды над коридорами возводились в один пережат поперечными отрезками наклонными кольцами. Наклон по отношению к вертикали составляет угол в 30°, что считается для сырцовых бескружальных сводов за редким исключением наибольшим, гарантирующим прочность¹¹. Пяты свода не выступали из поверхности стен. Помещения были высокими, и пяты сводов в большинстве случаев находились на высоте 3,5—3,9 м от подошвы стены. Высота от подошвы до шельги свода в юго-

Рис. 56. Капарас. Свод над южным коридором. Вид с запада

восточном углу около 5,2 м, от поверхности нижнего пола около 5 м. Высота подъема свода над линией пят 1,6, ширина пролета 2,6 м.

Анализ кривой свода в юго-восточном углу показывает, что при заданных величине пролета и высоте подъема отношение этой высоты к пролету можно свести к отношению 5 : 8, из чего видно, что в основе кривой свода лежат расположенные по обе стороны его вертикальной оси (высоты) два треугольника, производные от египетского, с отношением катетов, равным 4 : 5. Применение египетского треугольника при построении кривой трехцентрового свода в Хорезме известно¹². Определив по методу М. С. Лапирова-Скобло¹³ коэффициент формы капарасского свода (отношение высоты подъема к пролету), равный 0,6 (1,6 м : 2,6 м = 0,6), можно сравнить капарасский свод с некоторыми другими в Хорезме и в соседних регионах. Так, например, по обмерам на крепости Бурлы-кала, возникшей в раннеантичный период и функционировавшей еще в III в. н. э., известна высота свода (1,25 м) и пролета (1,9 м)¹⁴. Из этих данных находим коэффициент формы (выраженный тем же числом 0,6), по которому можно судить об идентичности сводов над коридорами Капараса и Бурлы-калы.

В юго-восточном углу свод плавно переходил от одного направления к другому, причем угол перекрывается по диагонали. Для такого перехода оба угла внутри коридора делались скругленными. В поясе сырцовой кладки это достигалось веерообразной расстановкой кирпичей с клинчатыми швами между ними.

При переходе от кольца свода меньшего диаметра к следующему за ним большему применялись неполные ряды, расклинка раствором, положенные перпендикулярно направлению дуг кирпичи, на которые можно опереть два неполных кольца; применялся и половинник. При кладке каждой следующей дуги соблюдалась перевязка, нарушавшаяся лишь на коротких отрезках.

Над сводом западного коридора прослежена кладка высотой в 7 рядов сырца, из которых 6 клалось с разрывом над замком свода; ширина разрыва 15—20 см, от него в обе стороны кирпичи укладывались с горизонтальной и вертикальной перевязкой. Кирпичи последнего ряда перекрывали просвет, и поверхность кладки служила полом верхнего этажа. Пазухи свода заполнены комковатой глиной. Ширина швов в надсводовой кладке достигала 13—15 см.

Кирпичи свода делались клинчатыми, размером 27—29 см поверху, 23—25 понизу, 40 см в стороне при толщине 9—10 см, что в основном соответствует размерам клинчатых кирпичей в других античных памятниках Хорезма за исключением Топрак-калы, где они уже. Кирпичи свода и раствор между ними, как правило, приготовлены из хорошей глиняной массы с добавлением самана, видимо, для облегчения веса свода; с этой же целью, возможно, увеличивалась ширина швов, в которых самана было больше, чем в кирпичах.

На одной из постелей нанесены знаки или пальцевые вдавления, иногда и те и другие. Пальцевые вдавления были глубокими и шли сверху вниз, как это уже наблюдалось на Топрак-кале¹⁵.

В перекрытых параллельными сводами смежных помещениях капарасского предвратного комплекса (по одну сторону стены — 1 и 2, по другую — 4) пять сводов оказались на разной высоте (отметка соответственно +350 и +320 см). Такой прием обычно применяется для выведения шельги сводов на одну высоту, для нивелирования пола верхнего этажа при смежных сводах с разными пролетами¹⁶ (пролет свода в помещениях 1 и 2 — 3,1 м, помещении 4 — 2,6 м).

Помещение 4 составляет часть коридора внутри крепостной стены, и свод над ним должен быть таким же, как над юго-восточным углом крепости и в западном коридоре, следовательно, высота его подъема должна приближаться к 1,6 м. Поскольку своды в смежных помещениях должны находиться сверху на одном уровне, а пята широкого свода (помещения 1 и 2) на 0,3 м выше, чем соседнего, более узкого (помещение 4), высота свода большого пролета меньше на величину разницы в уровнях пят и будет равна 1,3 м ($1,6 \text{ м} - 0,3 \text{ м} = 1,3 \text{ м}$).

По коэффициентам формы каждого из сводов, выраженным числами 0,6 меньшего и 0,4 большего ($1,6 \text{ м} : 2,6 \text{ м} = 0,6$; $1,3 : 3,1 \text{ м} = 0,4$), видно, что контур их различен. Форма кривой в помещении 4 известна по своду в юго-восточном углу крепости. Определить форму кривой над помещениями 1 и 2 можно путем аналогий с уже известными сводами, пользуясь коэффициентом формы 0,4. Свод с таким коэффициентом известен на Кой-Крылган-кале ($1,8 \text{ м} : 4,5 \text{ м} = 0,4$)¹⁷. Следовательно, оба свода подобны, отсюда капарасский должен строиться аналогично крылганскому — по трем центрам, лежащим на взаимно перпендикулярных осях.

Касаясь сводов в помещениях 1 и 2, следует отметить, что они опирались на одну разгораживавшую их стену, поэтому наклон колец в помещении 1 был к западу, помещении 2 — к востоку; углы их наклона с вертикалью одинаковы и равны 30°.

Своды в башнях располагались перпендикулярно коридорным, что установлено по сохранившемуся отрезку щеки в башне 11. Щековой служила часть стены, ограничивавшей свод коридора. Пяты сводов башни и коридора лежали на одном уровне. Пролет был широким — 3,0—3,1 м. Высота подъема не выяснена.

Своды над проходами из башен в коридоры клинчатые, выложенные в два переката кирпичом обычного стандарта. Пяты лежали на поверхности пахсового основания стен на высоте около 1,5 м от уровня нижнего пола. Пролет свода 0,80—0,85 м, высота подъема в хорошо сохранившейся арке башни 5 около 0,43 м. Визуально свод полуциркульный, что подтверждается и коэффициентом формы (0,43 м : 0,85 м = 0,5).

К нижнему горизонту в коридорах (рис. 57) и башнях относился только один пол. Почти везде он покрывал поверхность плотного красноватого материкового песка, а в отдельных местах был намазан и поверх нижележащего желтого материкового песка, до уровня которого были удалены остатки ранних наслоений и верхнего красноватого песка. Благодаря этой чистке в некоторых местах подножия стен находились на более высоком уровне, чем полы. Особенно глубоко залегал пол в башне 10, где посередине он был ниже подошвы стен на 0,3 м. В восточной половине южного коридора, у выхода во двор, пол лежал на желтом материковом песке, а еще восточнее — на остатках первоначального глинобитного конструктивного пола, связанного с подножием пахсового основания стен, уцелевшего на высоту 1,4—1,5 м и резко контрастировавшего по сохранности с сырцовой кладкой. Пахса обветшала и на высоту до 0,5 м вместе с конструктивным полом была размыта; промоины заходили в толщу пахсы до 0,25 м. Обмазки нового пола, относившегося к нижнему горизонту кушанского времени, покрывали размытый глинобитный и заходили в промоины стен (рис. 58). Размытые участки обнаружены в основании стен и в западной половине северного коридора.

Кроме керамики кушанского и кангюйского времени, на нижних полах коридоров найдены свинцовый стержень (южный коридор), ажурная бронзовая накладка, каменные и необожженное глиняное ядра для пращи, каменный терочник и двенадцать астрагалов, из которых один служил терочником.

Из коридоров вели проходы в башни, из которых полностью распаны три пристенных (5, 6, 11-я) и одна угловая (10-я). Ширина всех проходов 0,8 м. Как и в коридорах, к нижнему горизонту в башнях относился один пол. Перекрытие не сохранилось, но по остаткам кирпичей на западной стене башни 11 установлено, что оно было сводчатым. Стены уцелели на разную высоту, так же, как и их пахсовое основание.

Башня 5 (3×3 м)* хорошо сохранилась с юго-восточной стороны,

* Здесь и далее даны размеры камер.

Рис. 57. Капарас. Восточный коридор у башни 11. Вид с севера. Нижний пол

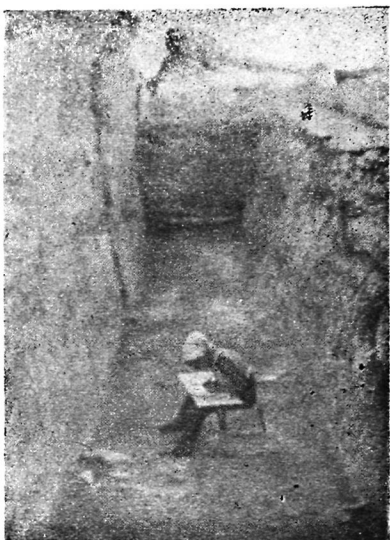

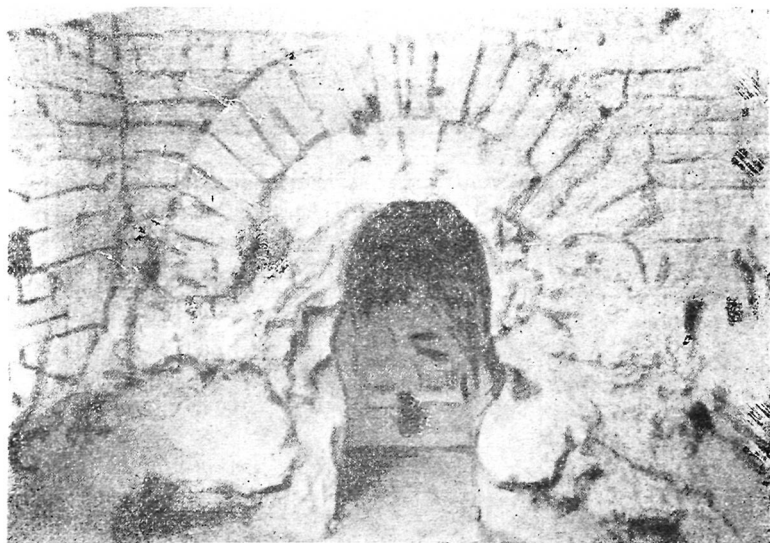
Рис. 58. Капарас. Южный коридор. Вид с востока. Вверху слева — стена периода обживания

Рис. 59. Капарас. Башня 5
1 — общий вид;

2 — проход в западный коридор

западная уцелела на высоту 1,5 м (рис. 59). В восточной стене был арочный проход в западный коридор; свод арки в два переката, высота потолка над подножием стены около 2 м. Пята арки (отметка +115 см) лежала на пахсовом основании, сохранившемся на высоту около 1,6 м. Стены в кирпичной части сложены вперевязку между собой и со стеной западного коридора; на них местами сохранилась розоватая обмазка.

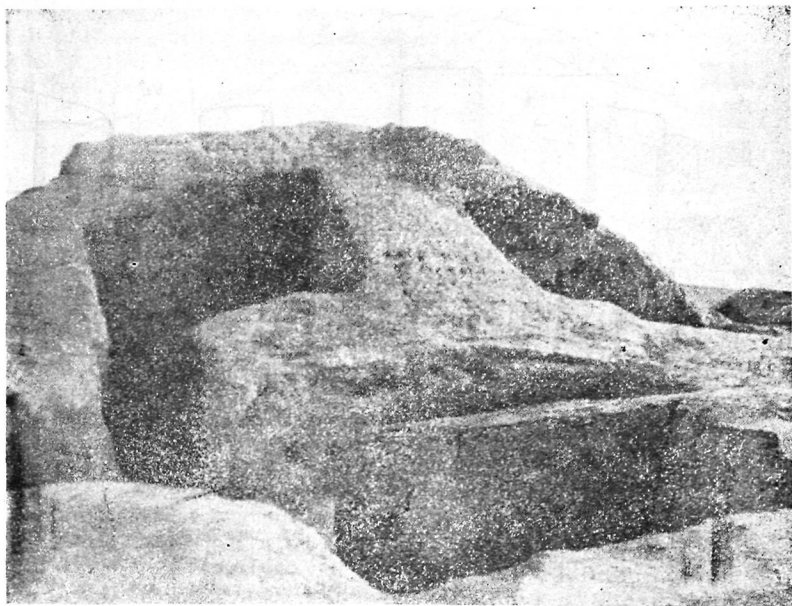

Рис. 60. Капарас. Предвратный комплекс, восточная часть. Вид с севера

Обмазки пола покрывали его глинобитное основание, в отдельных местах сохранились дополнительные подмазки. Вдоль западной стены тянулась суфа ($2,7 \times 0,8 \times 0,18$ м), сложенная из сырцовых кирпичей, в центре пола было очажное пятно. В толще культурного слоя (до 10 см) найдено два поврежденных ядра для пращи из необожженной глины, обломки залощенной кости, керамика.

Башня 6 ($3 \times 2,85$ м) сохранилась лишь в нижней части; стены ее были подрублены по вертикали, частично вырублен и проход. Перекрывался он, как и во всех башнях, аркой в два переката, верх которой был разрушен еще в древности и позднее заложен. Пол нижнего горизонта (отметка — 50 см) подстилался выравнивающей подбутовкой из глины и желтого песка, которая в юго-западном углу подходила к остаткам более ранней обмазки с гленом камыша и соломы, покрытой намывами и относившейся, видимо, к кангюйскому времени. В углах вдоль северной и южной стен в полу остались ямки от столбов диаметром до 13 см. В юго-западном углу находился очаг из перевернутой горлом вниз верхней части хума кушанского времени; около него найдены фрагменты керамики и залощенная галька.

Стены башни 11 (3×3 м) сохранились до пяты свода в западной части и несколько ниже в восточной (отметка подошвы—65 см). На западной стене (с проходом в коридор) уцелели остатки кирпичей свода,

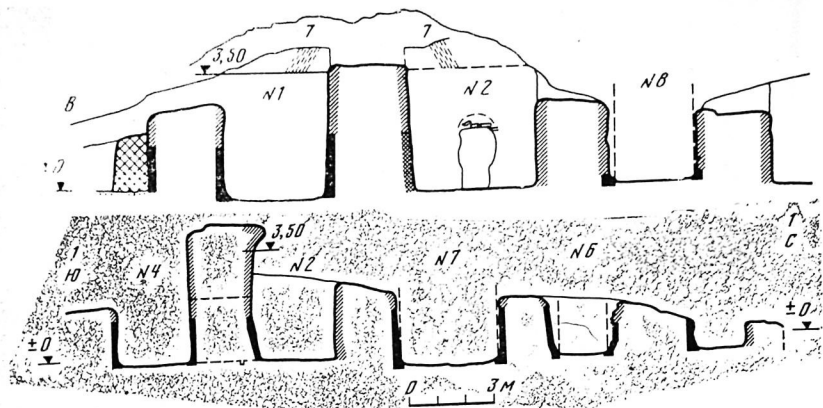

Рис. 61. *Капарас. Предвратный комплекс. Разрезы*

I — по линии В-В; II — по линии Г-Г. 1 — пахса; 2 — сырцовый кирпич; 3 — закладки сырцовым кирпичом (точками показан верх культурного слоя); 4 — пилястр; 5 — верхний пол; 6 — нижний пол; 7 — кладка свода

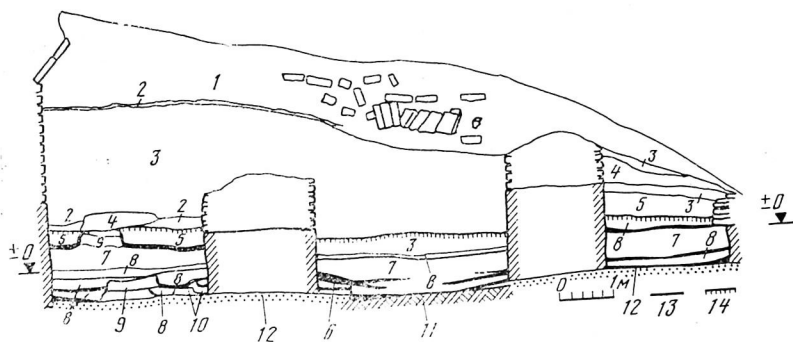
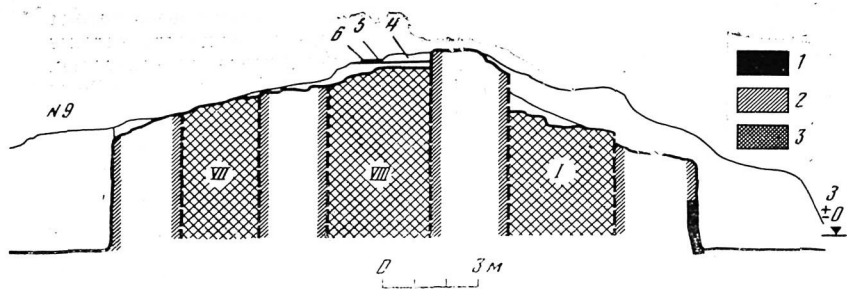

Рис. 62. *Капарас. Предвратный комплекс. Разрез через помещения 1, 7, 3 (юг — север)*

1 — песчано-глинистые намывы и сырцовый завал; 2 — навоз; 3 — слоистые намывы; 4 — сырцовый завал; 5 — золистый слой; 6 — порог; 7 — забутовка; 8 — культурный слой; 9 — очаги; 10 — суфа; 11 — красный материковый песок; 12 — желтый материковый песок; 13 — обмазки полов; 14 — утопанные поверхности

опиравшегося на северную и южную стены, причем пята его (отметка +269 см) была на уровне пяты в коридоре и отстояла от подошвы на высоту около 3,3 м. Над пахсовым поясом высотой 1,16 м шла сырцовая кладка; стены башни сложены вперевязку со стенами восточного коридора. Очаг посередине пола (отметка —54 см) имел вид опаленного пятна с золой и гарью, под которыми находились две ямки диаметром 0,3 и 0,35 см, видимо, от сосудов; недалеко лежал тлен камышовой цинов-

ки. В слое над полом (толщина 0,2 м) встречались фрагменты керамики и кости животных.

Башня 10 (3,8×3,1 м) сильно разрушена, но стена с арочным проходом, выведшим в юго-восточный угол коридора, сохранилась на высоту до 1,9 м. Арка, как и в остальных башнях, в два переката; она опиралась на паховое основание стены, уцелевшее на высоту около 1,5 м от подошвы. Глинобитная основа пола залегала глубже подножия стен на 0,3 м и посередине помещения покрывала желтый материковый песок, поднимаясь к стенам, стоявшим на плотном красноватом песке. Поверх глинобитной основы лежала саманная обмазка пола. В тонком культурном слое найдены остатки истлевшего дерева, возможно, от каких-то деревянных конструкций, и немногочисленные фрагменты керамики кангюйского и кушанского времени. Очага не было. Судя по тому, что на всех остальных участках коридоров и башен в нижнем горизонте был только один пол, продолжительность их использования была недолгой.

Фрагменты керамики встречались повсюду, но она была разновременной — кангюйского и кушанского периодов. Многие черепки служили для укрепления обмазки полов. Очаги и суфа в пристенных башнях предназначались, вероятно, для караула, ведущего наблюдение с верхнего яруса башен и стрелковой галереи, так как в нижнем этаже ни в камерах, ни в коридорах следов бойниц не оказалось. Коридоры оставались свободными и использовались, очевидно, по прямому назначению — для перемещения защитников крепости в разные узлы обороны.

Предвратный комплекс (рис. 54; рис. 60, 61). Планировка этого важного узла обороны крепостных ворот в восточной части осталась прежней. Она включала Г-образный в плане проезд, состоявший из широкого (7) и более узкого (8) колен и прилегающих к нему семи помещений. Помещения 1, 3, 6, 9 предназначались для обороны подходов к воротам крепости, остальные (2, 4, 5) защищали проезд 8 и ворота в северной крепостной стене, ведущие на территорию крепости, а также, вероятно, лестницу на второй этаж из тамбурного помещения 5.

На остатках пахового основания были возведены новые сырцовые стены и сводчатые перекрытия (рис. 62). В помещениях 1, 2, 4 и 5 сохранились пять сводов и частично нижний ряд сводовых кирпичей, в помещениях 4, 7 и 8 — лишь завалы сводов. Очевидно, сводчатым было пере-

крытые смежных помещений 3 и 6, так как в последнем поверх завала лежали клинчатые кирпичи. Помещение 9, судя по мощности натеков над единственной замусоренной, плохо сохранившейся поверхностью, могло служить внутренним двориком. Помещение 6 в это время было отделено от перестроенной западной половины предвратного комплекса стеной из сырцового кирпича, поставленной прямо на материке и частично загородившей проход во дворик 9, сузившийся с 1,35 до 1 м. Сырцовая кладка новой западной стены помещения 6 подходила впритык к паховому основанию северной, сохранившемуся здесь на высоту 1,7 м, причем начиная с уровня кирпичной кладки последней обе стены сложены вперевязку.

Западная часть предвратного комплекса была полностью заложена и представляла собой мощный стилобат под помещения второго этажа. Он образован вытянутыми в меридиональном направлении и расположенными в два ряда заложеными камерами (I, II/III, IV, V/VI VII, VIII; см. рис. 54 и 62), которые перекрывались полом второго этажа, лежащим на высоте около 6,2 м от подножия стен; от него сохранился участок площадью не более 1,5 м². Обмазка пола состояла из двух слоев, покрывала закладку субструкционной камеры VII и с западной стороны примыкала к остаткам конструкции из целых и битых сырцовых кирпичей (сохранившаяся высота 0,25 м).

Из шести заложённых камер закладка разбиралась в одной (II/III). Сырцовые кирпичи закладки лежали на песке. Кроме целых, часто со знаками, встречался кирпичный бой и блоки из кирпичей, скрепленных раствором, — остатки разрушенных или разобранных стен. Внутри субструкционных камер остатки пахового основания первоначальных стен были забраны в сырцовый футляр начиная от их подошвы, а снаружи, где паха сохранилась на разную высоту, сырцовые кирпичи лежали поверх ее остатков, иногда перекрывая накопившиеся к моменту перестройки наслоения.

Центральным во внешней части предвратного комплекса был проезд 7 (18,7×3,4 м). Стены его сохранились на высоту от 0,7 до 2,5 м от материка; к нижнему горизонту относилось три уровня обмазок полов. Глинобитный нижний пол толщиной у стен до 10 см (отметка — 70 см) повышался от ворот к западу (до отметки — 48 см); посередине он был истерт, а у ворот выбит до желтого материкового песка (отметка до — 85 см), так что залегал ниже подошв стен, ограничивавших проезд (отметка — 65 до — 75 см), и полов соседних помещений 1 и 3 (отметка — 52 и — 56 см соответственно). В тонком культурном слое над полом залегало немного керамики. На полу около ворот найдены два обломка крупных железных гвоздей с широкой плоской шляпкой, видимо, скреплявших доски полотнища ворот, фрагмент женского изображения (терракота), два астрагала и костяная поделка.

Два верхних пола настилались на комковатую глиняную забутовку, их обмазки закреплялись толстостенными черепками. В западной части второй пол был намазан непосредственно на нижний, а третий к середине проезда выклинивался на уровень второго.

По обе стороны от ворот располагались помещения 1 (3,1×2,85 м) и 3 (3,0×2,2 м) одинаковой планировки, не измененной со времени перво-

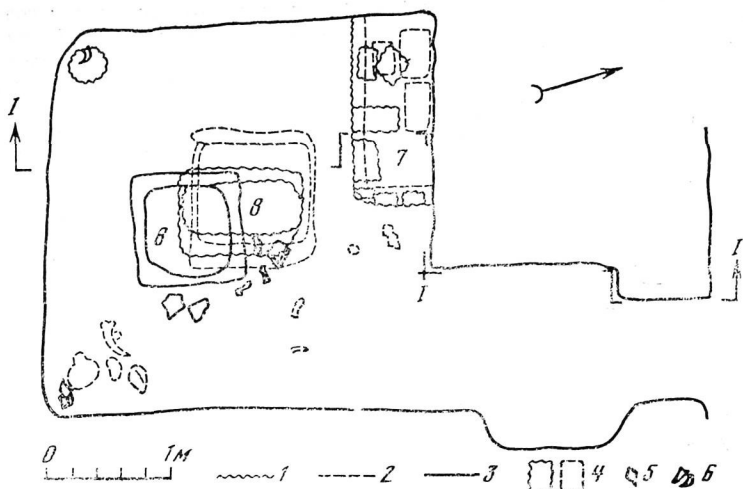

Рис. 63. Капарис. Предвратный комплекс. Помещение 1 (план)

Конструкции и находки, относящиеся: 1 — к нижнему полу нижнего горизонта; 2 — ко второму полу нижнего горизонта; 3 — к нижнему полу верхнего горизонта; 4 — сырцовые кирпичи; 5 — керамика; 6 — кости; 7 — суфа; 8 — очаги; I-I — часть линии разреза юг — север

начального строительства. Из-за разницы в уровнях полов этих помещений и проезда 7 в восточной части последнего у входа в помещение 1 из обломков сырцового кирпича была выложена и покрыта обмазкой ступенька. Помещение, видимо, закрывалось дверью, так как у выхода из него, перед суживающим проход западным выступом, лежал каменный подпятник. В помещении 3, где разница в уровнях была меньше, пол в проходе просто понижался в сторону проезда.

В помещении 1 южная стена сохранилась до нижних кирпичей свода, верх которых находился на высоте около 4,7 м от нижнего пола, намазанного поверх тонкой глинобитной основы. Всего было три уровня полов (рис. 63). К нижнему полу (отметка около 50 см) относилась выложенная в северо-западном углу на красноватом плотном песке суфа ($1,47 \times 0,65 \times 0,3$ м), сложенная из кусков сырцового кирпича, в юго-западном углу осталась ямка от сосуда. Из находок в слое над полом (толщина 20 см) кроме немногочисленной керамики и костей животных следует отметить фигурку обезьяны (терракота).

Второй пол частично перекрывал суфу, которая стала меньше ($1,15 \times 0,35 \times 0,1$ м); с пола обмазка переходила на подправленный верх суфы и далее на стены. Очаг ($0,95 \times 0,45 \times 0,15$ м) стоял поверх ниже лежащего и был сложен из комков глины с вмазанными обломками плоских каменных плиток. Подпятник в проходе сохранился на прежнем месте. В мусорном культурном слое найдено каменное ядро для пращи, два рога и два астрагала, третий лежал на суфе.

Верхний пол (отметка —8 см) был ровным и плотным, на нем почти в центре располагался очаг в виде сырцового кирпича с углублением посередине, вокруг которого было скопление золы. Устойчивое положение очагов на всех трех полах позволяет предположить наличие в своде дымовыводящего отверстия.

В помещении 3 западная стена сохранилась на высоту до 2,6 м, северная сильно разрушена. К нижнему горизонту относилось два пола (отметка нижнего от —64 до —56 см). Ни суфы, ни очагов не было, лишь вдоль западной стены на нижнем полу сохранился тлен камышовой подстилки. Находок кроме фрагментов керамики и костей животных нет.

По-видимому, помещения 1 и 3 были караульными.

В западном конце проезда 7 располагался внутренний дворик 9 (8,5×4,4 м). Стены его сохранились на высоту до 3,6 м, пахсовое основание их даже в углах уцелело на разную высоту. Так, верх пахсы южной стены лежал на уровне 1,5 м от подошвы, а примыкающей к ней восточной — всего на 0,5 м, выше же шла сырцовая кладка, подходившая вплотную к пахсе южной стены до начала ее кирпичной части, с которой соблюдалась уже угловая перевязка.

В помещении 6 (15,0×1,75—2,05 м) самой высокой была заново поставленная на материке сырцовая западная стена (до 2,95 м). К наслоениям нижнего горизонта относилось четыре пола, разделенных культурным слоем.

На нижнем полу (отметка от —57 до —42 см), лежавшем частично на красноватом песке, частично на выравнивающей забутовке, у середины южной стены находились сильно прокаленный глинобитный очаг (0,64×0,6 м) и два углубления, видимо, от сосудов. В мусорном культурном слое кроме керамики и костей найден только точильный камень.

Второй пол (отметка от —36 до —22 см) несколько раз подмазывался, а в восточной части помещения на нем сохранились остатки вымостки из черепков посуды. У середины южной стены располагалась суфа (1,1×0,6×0,1 м), к северо-западу от которой находился подковообразный глинобитный очаг, около которого лежал фрагмент зернотерки.

В 3 м от западной стены по всей ширине помещения залегал мощный слой золы и угля (толща до 0,25 м), под которым обмазка пола была прокалена; скопления прокаленной глины обнаружены у южной и северной стен. Возможно, это следы сгоревшей деревянной перегородки. В культурном слое, темном от примеси золы и гари, кроме керамики кангюйского и кушанского времени и костей животных находились обломки камня, в том числе прокаленные; на полу около суфы лежало пряслице, а недалеко от очага — фрагмент миски кушанского времени и большое рыболовное грузило.

Третий пол (отметка от —27 до —2 см) связан с ремонтом помещения, видимо, после пожара. Возвышавшееся над полом наклонное пахсовое основание северной и южной стен было вертикально подтесано, и помещение расширилось до 2,15—2,3 м. Обмазки пола подходили к подтесанным стенам; местами пол несколько раз подмазывался. У середины южной стены, почти под суфой нижележавшего пола, была сооружена большая суфа, сложенная из обломков кирпичей и кусков камня (1,65×1,0×0,2 м). На полу, к востоку от суфы и около нее, оказалось

много проса, рассыпанного тонким слоем. Очаги находились в западной и восточной частях помещения. Представляет интерес очаг в виде сырцового кирпича, ориентированный сторонами по странам света, с чашеобразным углублением (диаметром 20 см) в центре и отходящим от него желобом. В очаговой ямке сохранились зола и фрагмент лепного сосуда, под кирпичом находилось неглубокое круглое углубление, заполненное спекшейся золой.

Кроме керамики и костей животных найдены обломки камня с заглаженной поверхностью, астрагал, два обломка железного изделия и фрагмент горловины стеклянного сосуда.

Четвертый пол (отметка от -9 до $+13$ см) был последним. У середины южной стены обмазка пола подходила к суфе, для сооружения которой была использована суфа, стоявшая на предыдущем полу.

Судя по количеству полов и их износу посередине и у входа в западном конце, а также по наличию суф и очагов, помещение использовалось интенсивно и, возможно, представляло собой подобие казармы, чему соответствует и длина его, равная 15 м.

В западном конце южной стены проезда 7 открывался проем внутреннего проезда 8 ($12,4 \times 2,5$ м), выходящего через ворота на территорию крепостного двора. Ширина проема ворот (2,2 м) была меньше ширины коридора благодаря выступам у восточной и западной его стен. На месте ворот сохранились прямоугольные ямки от столбов, помещавшиеся перед выступами, в одной из которых был тлен дерева.

В проезде были три плохо сохранившиеся поверхности полов, из которых нижняя (отметка от -28 см в южном конце до -47 см в северном) полого опускалась в сторону проезда 7. Поверхность второго пола посередине была подкреплена намошкой из фрагментов керамики (отметка ее -20 см), поверхность третьего (отметка $+14$ см) была сильно размыта.

Из проезда 8 дверные проемы вели в помещения 4 и 5.

Помещение 4 ($9,5 \times 2,2$ м) с северной стороны сохранилось на высоте до 4,05 м от нижнего пола (пята свода — отметка $+320$ см), а кладка между сводами в помещениях 4 и 1 — до 5,5 м (отметка $+520$ см). В восточной части северной стены на пяте осталось несколько кирпичей свода. Пахсовое основание стен уцелело на разную высоту; наиболее низкий уровень верха пахсы у западной стены (высота от основания 0,15—0,3 м), наиболее высокий — у восточной (1,7 м). Сохранившиеся на большую высоту в восточном конце помещения северная и южная стены в кирпичной части сложены с угловой перевязкой с высокой восточной стеной и вертикальной и горизонтальной перевязкой с облицовкой восточного фасада восточной стены. Верхняя кирпичная часть стен и кирпичная облицовка фасада восточной стены выкладывались вперевязку, т. е. одновременно при восстановлении крепости после ее временного запустения.

Помещение 4 сообщалось с проездом 8 и комнатой 2. Ширина прохода в проезд 8 по нижнему полу равнялась 1,1 м с внешней стороны и 1,4 м — с внутренней благодаря разгрузочной нише в его южной стене. У выхода в проезд был выложенный из сырцовых кирпичей порог, за которым могла находиться дверь, поскольку у внешних углов прохода в

выкружках (четвертях) лежали обломки зернотерок, возможно, служившие опорой для дверной коробки. Из помещения 4 в помещение 2 вел проход шириной 1,04 м; на расстоянии 1,16 м от начала он суживался до 0,56 м двумя выступами шириной по 0,24 м, шедшими до конца прохода. Перед выступами пол в проходе повышался и упирался в поставленную на ребро в глиняную обмазку доску, за которой обрывался ступенькой около 0,3 м в узкую часть прохода. Покатая часть пола до доски была глинобитной и подкреплялась черепками, костями животных и камышом.

В помещении было четыре пола, разделенных однородными навозно-мусорными наслоениями. Единый пол (отметка —30 см) был намазан поверх глинобитных субструкций. В культурном слое над полом сохранились навозные прослойки, прелая солома и ветки. Не исключено, что в помещении содержался скот. Кроме керамики в слое найдены часть жернова во вторичном использовании в качестве абразива, обломки зернотерок, деревянное изделие в форме небольшого ножа, куски обструганного дерева, два рога и два астрагала.

На втором полу (отметка от ± 0 до —11 см) у южной стены уцелели остатки суфы (1,8×0,8 м) и очага (1,1×0,9 м). В мусорных наслоениях было много керамики, веток, обломков палок, некоторые из них обожжены. На верхней подмазке пола найдены бронзовые серьги, костяная трубка, бронзовое украшение, каменная миниатюрная крышка, обрывок ткани.

На третьем полу (отметка от +11 до +22 см) вдоль южной стены полосой 0,4—0,55 м лежал тонкий слой соломы. Кроме керамики и костей животных здесь найдено каменное лощило, а в проходе в помещение 2 — фрагмент бронзового проволочного браслета.

Четвертый пол (отметка около +34 см), с хорошей обмазкой у стен, посередине помещения был вытопан, а у проходов выклинивался на нижележащий пол. На полу было два очага; один из них, некогда сложенный из обломков сырцового кирпича и кусков камня, находился посередине помещения (разрушен), второй, (в виде округлого зольного пятна с прокаленными обмазками и кусками сырца на нем), возможно, был тандыром. Он больше первого и находился восточнее от него, ближе к северной стене.

Помещение 2 (3,7×2,74 м) сообщалось с помещением 4 через арочный проход в южной стене, наиболее высокой, уцелевшей до пяты свода (отметка +350 см), на которой осталось несколько кирпичей свода с наклоном к востоку. Стены, кроме южной, начиная от подошвы, заново облицованы одним рядом сырцового кирпича. Облицовка западной и восточной стен подходила к пахсовой части южной впритык, а с уровня ее сырцовой кладки связывалась с ней вперевязку. С внешней стороны облицовки не было, там сырцовая кладка начиналась с разной высоты в зависимости от состояния пахсового основания.

В помещении насчитывалось три пола. Нижний (отметка от —25 до —34 см) намазан поверх глинобитной основы. На полу очажное пятно, а в юго-восточном углу — круглая ямка, видимо, от сосуда. Кроме многочисленной керамики найдено пряслице, фрагмент женской терракотовой фигурки, бронзовое пластинчатое кольцо и два астрагала.

Второй пол (отметка до ± 0 см) покрывал культурный слой над нижним. Ни очага, ни суфы на нем не было. В слое найдены обломок бронзовой пластинки и голова терракотовой фигурки животного, может быть, ежа.

Третий пол был испорчен завалом и намывами и перекрывался натечно-надувными наслоениями; завал пробил и нижележавший пол.

Судя по отсутствию постоянных очагов и характеру находок, помещение 2 вряд ли было хозяйственным, эту функцию, вероятно, выполняло помещение 4.

По другую сторону проезда 8 находилось помещение (или, скорее, тамбур) 5 с лестницей, ведущей на второй этаж (рис. 64).

Помещение 5 — предлестничная площадка ($2,0 \times 1,1$ м); от западной части северного коридора отделялась лестницей, встроенной в коридор и состоявшей из 25 ступеней. Ширина лестницы сверху 1,25 м, внизу — 1,1 м из-за уклона пахового основания северной стены; она поставлена на глинобитный конструктивный пол, верхняя ступень отстояла от нижнего пола на высоту 4,5 м (отметка +473 см).

По ширине лестница занимала только половину отсеченного от коридора помещения и с юга ограничивалась сложенной целиком из сырца встроенной стеной, выступавшей на 2 м за пределы нижней ступени. В тесте одного из сырцовых кирпичей этой стены был замешан черепок сосуда кушанского времени.

Лестница перекрывалась сводом, опиравшимся на северную стену коридора, а с юга — на восточную; пролет свода коридора был шире и должен был включать свод лестницы, пяты их находились на разной высоте (отметки +354 и +336 см соответственно). Ступени шириной 37—40 см и высотой 10—12 см первоначально были обшиты толстыми досками. В некоторых случаях вертикальные доски были удвоенны, чем достигалось увеличение ширины обуженных при строительстве ступеней.

Стены сохранились хорошо, кроме восточной, от которой достоверно уцелел паховый низ на 0,4 м, выше она ремонтировалась позднее. В этой стене был проход в проезд 8, сдвинутый относительно прохода в противоположное помещение 4 к югу. С южной стороны прохода — разгрузочная ниша (длина 1,4 м, глубина 0,3 м). Помещение, вероятно,

Рис. 64. Капарас. Предвратный комплекс. Помещение 5 с лестницей

закрывалось дверью, так как в конце прохода в проезд 8 по обеим сторонам остались столбовые ямки; обнаруженная посередине вторая пара ямок, из которых одна была в разгрузочной нише, могла остаться от уничтоженного позднее порога (они перекрыты вторым полом).

В помещении было два пола, оба испорченные в проходе ямами. Нижний пол (отметка —23 см) намазан поверх глинобитного конструктивного. Второй пол (отметка от —6 до +4 см) подкреплялся глиняной и песчаной подбутовкой. При настилке этого пола ремонтировалась, видимо, и лестница, вытершаяся деревянная облицовка ступеней которой была покрыта плотной глиняной обмазкой. Между деревом и новым покрытием кое-где остался пылевидный культурный слой и даже отдельные черепки кушанского времени. Обмазка ступеней и стен лестничного пролета местами розоватого цвета.

В помещении найдены интересные предметы. В юго-западном углу ниши в южной стене прохода, за ямой 6, в верхней части культурного слоя над нижним полом, на уровне разрушенной обмазки второго пола (отметка — 6 см), найдена усеченно-коническая печать из слабообожженной глины с выгравированным изображением конного лучника на охоте. В культурном слое над полом и на полу, кроме костей животных и керамики оказались фрагмент терракотовой фигурки музыканта, носик-слив в виде головы обезьяны, часть деревянной поделки, каменное лощило, кость со следами обработки, два астрагала. Не исключено, что вещи попадали в помещение-тамбур 5 со второго этажа, где на небольшом участке сохранились две обмазки пола.

Интенсивное использование помещений предвратного комплекса показывает, что в нем постоянно находились люди.

Застройка крепостного двора. После реставрации крепости в кушанское время ее территория, видимо, была более застроенной, чем в кангюйский период. На вскрытой площади (более 540 м²) удалось в некоторых местах выявить остатки сырцовых стен, но были и обширные незастроенные участки. Следы застройки обнаружены у стен и в середине двора. Так, на средней продольной оси его, в 30 м к югу от ворот, на плотной глинистой поверхности (отметка —28 см), перекрывавшей остатки спрессованных отложений с керамикой кангюйского времени, обнаружены ориентированные по линии С—Ю отрезки сырцовых стен, разделенных трехметровой полосой типичного для двора утоптанного мусорного грунта (раскоп XIII б). Западная стена почти уничтожена, восточная, шириной 1,1 м, сохранилась в длину на 6 м, в высоту — до 0,18 м. С южной стороны она заканчивалась проходом на восток, от которого уцелела только северная сторона (см. рис. 54). Проход вел, видимо, во внутренний дворик, в котором была лишь одна глинобитная поверхность без обмазки. На ней сохранился культурный слой с керамикой кушанского и кангюйского времени и костями животных. На поверхности были остатки кострища, а недалеко от него — зернотерка с лежащим на ней курантом.

В 17 м к югу от прохода во дворик, по той же средней линии, выявлены остатки уничтоженного, видимо, в древности, помещения, перекрытые слоем навоза и намывами. Собранная керамика относится к кушанскому времени.

От ворот в сторону входа в южный коридор, возможно, по середине двора, шла узкая улица или проход между отдельными строениями (раскоп IX з). У южной стены следов застройки не обнаружено. Недалеко от входа в коридор находилась небольшая свалка с керамикой кангюйского и кушанского времени, может быть, выгребавшаяся из коридора, а западнее вскрыт незастроенный участок двора.

У западной и восточной стен (расколы IV и XIII в) обнаружены вымощенные сырцовым кирпичом площадки хозяйственного назначения — с открытыми очагами, обломками зернотерок, керамикой. Площадка у восточной стены (длина 7 м, ширина 4 м) заканчивалась глинобитной поверхностью, в которую были врыты два дна хумов кушанского времени. У восточной крепостной стены, видимо, под навесом (остались столбовые ямки), находился очаг, около которого лежали обломки обработанных камней, почти целый жернов, керамика.

От помещений, пристроенных в это время к северной стене, сохранились только остатки двух сырцовых стен без пахового основания, срубленных с южной стороны. Обе находились к западу от ворот. Одна из них перекрывала часть ямы кангюйского времени и, в свою очередь, срезана ямой, относящейся к верхнему горизонту.

Наиболее сохранившимся оказался участок двора у западной стены в районе башни 5. Там выявлены помещения 10^а, 10^б и 11, примыкавшие к крепостной стене.

К нижнему горизонту кушанского времени относились изолированное помещение 10^а с выходом на восток, расположенный за его южной глухой стеной и открытый с восточной стороны внутренний айван 10^б который сообщался с находившимся к югу от него помещением 11, проход из последнего к южной стене выводил в огороженный с севера, запада и востока отсек двора, где мог содержаться скот.

Помещение 10^а (рис. 65) ограничивалось с запада паховым основанием крепостной стены. Северная стена, от которой также сохранилось лишь паховое основание, примыкала к крепостной. Сооруженные в кушанский период, южная и восточная стены полностью сложены из сырцового кирпича. Скользящим проходом в восточной стене помещение было связано с двором крепости. Пол прохода и прилегающей части помещения вымощен сырцовыми кирпичами, причем некоторые из них впущены в паховое основание северной стены. Днище хума кангюйского времени в северо-восточной части помещения и две одновременные ему большие хозяйственные ямы у западной стены перекрывала нивелирующая подсыпка, в которой содержался материал, датирующий ее кушанским временем. На ней и частично на поверхности красноватого материкового песка сохранились участки тонкой глиняной обкладки (отметка от —56 до —40 см). С этой поверхностью связаны и остатки хума (X-14 на плане) и яма рядом с ним.

Помещение 10^б (рис. 65) располагалось к югу от помещения 10^а. С севера оно ограничено южной стеной этого помещения, с запада — крепостной стеной. Южная стена шириной 1,1—1,2 м сложена из кирпича и поставлена на красноватый песок. Ее остеец перекрыт более поздней кладкой. С востока помещение, очевидно, было открытым и, возможно, являлось айваном. Протяженность его с севера на юг около 4,5 м, с

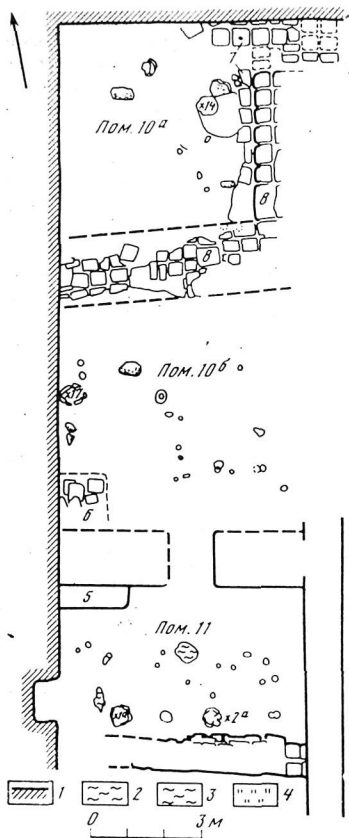

Рис. 65. Капарас. Помещение 10^а, 10^б и 11. План нижнего горизонта

1 — пахсовые стены; 2 — камни; 3 — зольные пятна и прокалы; 4 — растительный тлеи; 5 — суфы; 6 — останцы кирпичных тумб; 7 — кирпичная вымостка прохода; 8 — срубленные кирпичные стены помещения 10^а x 17 — хумы

востока на запад — не менее 6 м. Поверхность пола покрыта тонким слоем обмазки. На ней прослежены небольшие ямки. У западной стены был установлен хум (X-17 на плане), а в юго-западном углу сооружена кирпичная «тумба» (1,5 × 0,8 м). В средней части южной стены был проход шириной 1,2 м, соединявший помещение 10^б с соседним помещением 11.

Помещение 11 (рис. 65) вытянуто с востока на запад. С запада оно ограничено пахсовым основанием крепостной стены, с севера — кирпичной южной стеной помещения 10^б, примыкавшей к восточной стене (ширина 0,95 м), тоже кирпичной, сильно разрушенной, но тянущейся к югу значительно дальше границ помещения 11. Южная стена сохранилась в восточной части в виде останца высотой в три кирпича. Судя по расположению завала, с западной стороны в ней мог быть проход к югу.

Все стены помещения поставлены на красноватый материковый песок. Пол (отметка от —55 до

—60 см) был покрыт плотной светлой обмазкой. В центре — округлой формы очажное пятно прокала с золой.

В средней части помещения с востока на запад тянутся ряды столбовых ямок. Северо-западный угол занимала суфа, вытянутая вдоль северной стены. В пахсовом основании западной стены была вырублена ниша высотой 1 м, шириной 0,85 и глубиной 0,65 м.

В южной части помещения на полу сохранились донья двух хумов, изготовленных из хорошо отмученной и промешанной глины на круге быстрого вращения. Под остатками стенки одного из них найдена голова статуэтки из искусственного алебаstra, возможно, попавшая туда при последующем ремонте.

Пространство к югу от помещения 11 с утоптанной поверхностью и навозным слоем на ней было открытым с юга. Отсутствие обмазанных полов позволяет предположить, что там располагался закрытый с трех сторон участок двора.

Верхний горизонт. С верхним горизонтом кушанского времени связаны ремонт крепостных сооружений, особенно предвратного комплекса, и перестройки, а частично, видимо, и новые постройки во дворе крепости. Строительные работы сводились к ремонту поврежденных узлов и укреплению наиболее уязвимых участков, причем качество их было ниже, чем при восстановлении крепости. В стенах крепостных коридоров следов ремонта не обнаружено, но три угловые башни 1, 4 и 7 были заложены, первые две — сырцовым кирпичом, третья — забутована пахсой. Была ли заложена четвертая, юго-восточная башня 10, определить трудно. Единственный пол ее перекрывался плотным кирпичным завалом. Не исключено, что башня перестала существовать из-за обвала ее свода. Заложённые башни могли превратить в монолитные площадки, на которые был выход из стрелковой галереи второго этажа.

Пристенные башни 5, 6 и 11 продолжали функционировать, однако в башне 6 проход в западный коридор был завален, а верх вместе с частично разрушенной аркой заложён несколькими рядами сырцовых кирпичей.

Заметные следы ремонта остались в помещениях предвратного комплекса. В восточной половине северная стена частично была переложена, восточная с наружной стороны утолщена поставленной на культурный слой закладкой из сырцового кирпича, укрепившей также угол стыка с северной крепостной стеной.

В это же, видимо, время предвратное сооружение было обведено дополнительной стенкой, сложенной из сырца и поставленной на материке (рис. 54). Ширина ее 1,1 м. Окружала ли она всю крепость — данных нет. Между стенами предвратного комплекса и этой обводной сохранилась местами размытая глинобитная поверхность, перекрывавшая плотный красноватый песок. Пространство между стенами могло использоваться в хозяйственных целях, о чем свидетельствует заглубленный до материка очаг с обмазанными стенками, а также керамика кушанского времени и кости в культурном слое.

Глинобитная вымостка с черепком кушанского времени на поверхности сохранилась и у подножия башни 10. Вымостка везде лежала на древнем материковом слое красноватого песка, но относилась она к верхнему горизонту, поскольку незначительный культурный слой на ней был кроющим, а поверх него шли песчано-глинистые натёки.

В помещениях предвратного комплекса между полами разных горизонтов, как правило, залегал плотный комковатый мусорный слой с включениями ремонтных отходов в виде комков глины и обломков сырцового кирпича. Исключение составляют помещения 5 и 8, где над верхними полами нижнего горизонта лежали слоистые намывы и рыхлый глинистый завал, перекрытые плотной глинистой забивкой. Вероятно, в месте встречи сводов над помещениями 4 и 5 и перпендикулярного им над проездом 8 было повреждение.

В коридорах между полами нижнего и верхнего горизонтов не было

единообразного заполнения. Новые полы перекрывали завалы и намывы, забутовку аморфной и комковатой глиной, мусорный грунт с продуктами горения, иногда мягкий культурный слой, сменявшийся в другой части коридора забутовкой аморфной глиной или строительно-ремонтными отходами (например, в северной части восточного и в восточной половине южного коридоров).

В башнях наслоения, разделявшие горизонты, также были различны. В башне 5 были разрушены суфа и очаг нижнего горизонта, над полом были намывы. В башне 6 оставшийся на полу культурный слой перекрывался заходившим и в проход глинистым рыхлым слоем с песком, содержащим шелуху проса. Возможно, в какое-то время, до настилки пола верхнего горизонта, в камере хранилось зерно. В башне 11, как и в средней части восточного коридора, пол нижнего горизонта перекрывался мусорным горелым слоем мощностью от 0,45 до 0,75 м.

Крепостные коридоры и башни. В использовании крепостных помещений в верхнем горизонте произошли, видимо, некоторые изменения. В предвратном сооружении обмазок полов стало меньше, чем ранее, возможно, из-за того, что его пришлось довольно основательно ремонтировать, в период ремонта могли в качестве помещений использовать коридоры, в которых к верхнему горизонту относилось уже не по одному, а по два (северный, восточный и западная половина южного коридора) и даже три пола (средняя часть западного). Полы в коридорах приобрели более жилой вид, на некоторых появились очаги. Так, в восточной части северного коридора на нижнем полу был устроен очаг из двух сырцовых кирпичей с подложенными под них фрагментами толстостенных сосудов. В южной стене был прорублен проход на территорию двора крепости, возможно, для того, чтобы приблизить к воротам выход из межстенного пространства. Проход, как и все первоначальные, был шириной 0,8 м, но вырублен наискось и небрежно. Всего к этому периоду здесь относилось два пола с плотными обмазками; их разделял золотисто-мусорный слой мощностью 0,15—0,23 м. На втором полу очага не было, однако над ним залегали слои гари, перемежавшиеся утопанными поверхностями (одна даже с обмазкой), которые относились уже к периоду запустения (такой же грунт лежал на остатках разрушенной северной стены против этой части коридора).

Остатки очага с керамикой и рыбьими костями в золе зафиксированы на нижнем полу в западной половине южного коридора, где культурный слой (0,4 м) перекрывался вторым полом, состоящим из нескольких слоев обмазки общей толщиной 0,25—0,35 м. Над ним залегал завал свода.

Особая картина была в восточной части южного коридора. Нижний пол верхнего горизонта (отметка низа его около —72 см) состоял из нескольких обмазок без культурного слоя между ними. Самая нижняя из них, лежавшая на глиняной забутовке, была покрыта гарью с угольками и мелкими кальцинированными костями. Ее перекрывали слои обмазки желтого, черного и серого цветов. На фоне этих слоев последовательно проявлялось желтое пятно шириной 0,62 м (отметка верха —54 см); длина его прослежена на протяжении 1,6 м. В верхнем слое черной обмазки, восточнее желтого пятна, найдена обгоревшая головка человеческого бедра. Выше, также без промежуточного слоя, лежала

желтая обмазка с большим количеством известковой примеси в тесте. Верх ее был поверхностью пола, спускавшегося к востоку от входа в коридор. На полу сохранился культурный слой (1—2 см), он был утоптан и замыт, выше залегал завал сырцового кирпича.

Характер обмазок, обгоревшие кости и желтое пятно на фоне обожженных и прозоленных слоев заставляют предположить, что в какой-то момент на уровне нижней обмазки была совершена кремация; желтое пятно могло остаться благодаря стоявшему на полу погребальному ложу. Необходимые условия изоляции от остатков кремации для возможности в дальнейшем пользоваться коридором были соблюдены добавлением большого количества очищающей известковой примеси в обмазку вышележащего слоя.

В этой связи интересен проход, прорубленный в восточной части северного коридора. Не исключено, что восточная половина южного коридора какое-то время не функционировала и доступ в северный и восточный коридоры осуществлялся через этот проход.

В северной части восточного коридора нижний пол верхнего горизонта состоял из нескольких слоев обмазки с большим количеством навоза, соломы, мелких веток, местами с горелыми пятнами и углем. Этот пол переходил в сильно унавоженную и утопанную, но не обмазанную поверхность в средней части коридора, куда открывался проход из башни 11, пол которого, как и в камере, был лишен навозных прослоек. В башне посередине был очаг, а вдоль стен в относительном порядке лежали сломанные сырцовые кирпичи, возможно, остатки суфы; вокруг валялись кости животных, фрагменты керамики и куски камня.

Второй пол, отделенный от нижнего унавоженным мягким глинистым слоем с овечьим пометом и горелыми линзами, в коридоре и башне состоял из нескольких слоев обмазок, перемежавшихся навозными горелыми слоями (толщина слоя от 0,3 до 0,48 м). Над полом был мягкий мусорный слой с керамикой и костями, а в северной части коридора по-прежнему лежал навоз. Характер наслоений в восточном коридоре позволяет предположить, что в нем какое-то время содержался скот. Горелые пятна и углистые включения в обмазках без следов горения на стенах, возможно, свидетельствуют о выжигании накопившегося навоза¹⁸, остатки которого время от времени покрывались глиняной обмазкой. Пол в коридоре и башне был перекрыт намывами и завалом сырца.

В западном коридоре, на участке к северу от башни 5, было три пола (рис. 66), разделенных мусорным грунтом с большим количеством разрозненных фрагментов керамики, в том числе толстостенных черепков кангюйского времени. Керамикой, видимо, подкреплялись обмазки полов, и бралась она с какой-то свалки. Между нижним и вторым полами залегала промежуточная утопанная поверхность, покрытая рыхлым мусорным слоем, в котором кроме керамики, костей животных, косточек персиков и урюка найдена игральная гипсовая фишка.

Коридор сообщался с башней 5, в которой было два пола, поднимавшихся в проходе к ступенькам в его конце, грубо выложенным из обломков сырцового кирпича (рис. 66). Основание этой примитивной лестницы было заглублено в наслоения над полом нижнего горизонта, а последняя ступенька выводила на третий пол в коридоре (отметка +34 см), лежав-

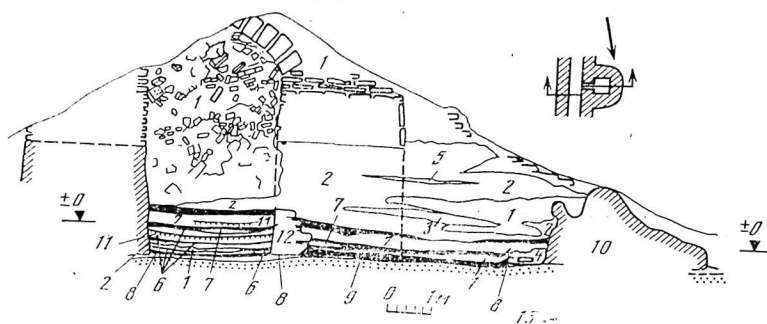

Рис. 66. Капарас. Разрез восток — запад через западный коридор и башню 5
 1 — сырцовый завал; 2 — намывы; 3 — слой с мелухой проса; 4 — суфа; 5 — навоз; 6 — навозно-мусорный слой с керамикой; 7 — мягкий культурный слой; 8 — плотный глинобитный слой; 9 — материк; 10 — паховый останец западной стены башни; 11 — утоптанная унавоженная поверхность; 12 — ступени из обломков сырца; 13 — обмазки полов

ший на 0,3—0,4 м выше, чем второй пол в камере башни (отметка от —7 до —3 см). В башне на нижнем полу верхнего горизонта, на развалинах суфы нижнего горизонта, была сложена новая из обломков сырцового кирпича с глиняной забивкой между ними; в забивке попадались керамика и кости. На втором полу суфы уже не было, поверхность его сильно размыта, в местах с разрушенной обмазкой зафиксированы солома и мелкие ветки. В коридоре верхний пол перекрывался завалом, в башне — намывами.

Башня 6, как упоминалось, в верхнем горизонте была изолирована от западного коридора. Выход из камеры перегораживался большим прямоугольным очагом (1×1×0,1 м), сложенным на нижнем полу верхнего горизонта из обломков кирпича и глины; верхняя обмазка пола переходила на его стенки. Очаг интенсивно использовался, и слой гари на нем достигал 8 см толщины. На втором полу, состоявшем из двух обмазок, очажная выкладка была надстроена слоем глины, перекрывшим нагар; размер ее несколько уменьшился (0,9×0,9×0,1 м). У очага пол несколько раз подмазывался, — очагом пользовались постоянно. Суфы не было, но вдоль стены тянулась полоса истлевшего камыша, возможно, остатки циновки. Второй пол покрыт намывами и завалом.

Из приведенных материалов можно заключить, что в верхнем горизонте коридоры и башни в какой-то мере были приспособлены для жилья. В них, очевидно, готовили пищу, а в северной части восточного коридора и в восточной части северного, вероятно, содержался скот, о чем свидетельствуют не только навозные включения в обмазки пола, но и обнаруженный там овечьих помет в слое над полом, а также характерная вытертость стен в углу.

Предвратный комплекс. В верхнем горизонте планировка комплекса не изменилась; производился только ремонт стен в нескольких помещениях и настилались новые полы, причем к этому времени везде относил-

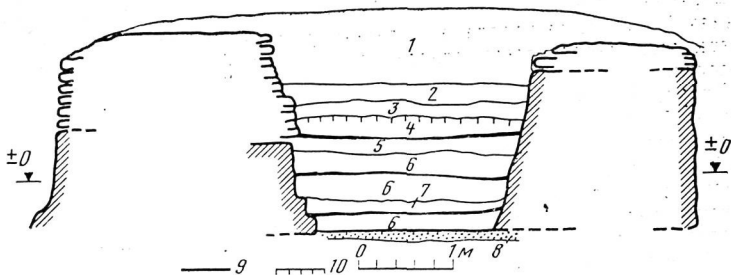

Рис. 67. Капарас. Предвратный комплекс. Помещение 6. Разрез север—юг в 1 м к западу от восточной стены

1 — завал с намывами; 2 — намывы с шелухой прося; 3 — сырцовый завал; 4 — навозно-мусорный слой; 5 — забутовка; 6 — культурный слой; 7 — культурный слой с золой и гарью; 8 — материк; 9 — полы; 10 — утоптанная поверхность

ся только один пол, над которым лежали слои запустения и разрушения. Уровни полов были не одинаковыми. Глубже других залегал пол в проезде 7 (отметка около -6 см у стен). У въезда он несколько раз подкреплялся черепками и подмазывался. Въезд, очевидно, закрывался воротами — около проема найден подпятник из песчаника и фрагмент железного гвоздя. На полу был культурный слой, перекрывавшийся слоистыми намывами и завалом с кирпичами свода.

Назначение помещений 1 и 3, видимо, не изменилось. В первом из них поверх ремонтных отходов был намазан пол (отметка в среднем $+30$ см, в юго-восточной части до $+55$ см), из комков глины, укрепленных кусками камня, сложен очаг. Очагом пользовались долго, так как поверх золистого слоя на нем снова лежали комки глины и каменные плитки, отчего очаг достиг $0,35$ м в высоту (см. рис. 63). Пол понижался к проходу, по которому шел наклонно к выходу, заканчиваясь ступенькой. Над полом залегал навозно-мусорный слой мощностью до $0,3$ м, сверху утоптаный.

В помещениях 3 и 6 была переложена северная стена. Кирпичная кладка лежала на остатках пахового основания, но с напуском внутрь помещений, который лег на наслоения, покрывавшие верхний пол нижнего горизонта и перекрытие строительно-ремонтными отходами (рис. 67). Стена была разрушена не полностью. Выпуск сырцовых кирпичей от помещения 3, где они выступали на $0,25$ м, к западу постепенно уменьшался, и в помещении 6, на расстоянии $3,3$ м от его западной стены, кирпичи новой кладки по вертикальному шву сомкнулись с сохранившейся западной частью северной стены.

В помещении 3 единственный пол, как и раньше, был без очага и суфы, но в культурном слое содержалась примесь золы или керамика (возможно, пользовались жаровней).

В помещении 6 пол верхнего горизонта состоял из нескольких обмазок с примесью навоза. Посередине помещения залегали остатки хума позднекушанского времени. Назначение помещения, видимо, не изменилось.

Верхняя часть культурного слоя (мощность до 0,3 м), как и в помещениях 1 и 3, была утоптана и перекрывалась завалом. Утоптанные поверхности, скорее всего, относились ко времени начала запустения крепости.

Проход 8, выведший из проезда 7 на территорию крепости, сильно пострадал от завалов и намывов, так что пол верхнего горизонта там не сохранился. Сообщавшиеся с ним помещения 4 и 5 уцелели. В помещении 4 слой над верхним полом (до 0,5 м) содержал строительный мусор. Ремонтировался южный простенок перед выходом в проезд 8, заложена разгрузочная ниша с южной стороны прохода, причем кладка включала и обломанные сырцовые кирпичи. Пол залегал высоко (отметка от +51 до +70 см), на нем было два очага — один у входа в помещение 2, сложенный из комков глины вмазанным фрагментом хума, второй, пристенный, из сырцового кирпича — в юго-западном углу, у прохода в проезд 8. К востоку от прохода в помещение 2 по всей ширине пола лежал толстый слой прелой соломы. У северной стены находилась сырцовая суфа (1,85×1×0,1 м) с остатками плетеной корзины на поверхности. У южной стены в углублении, видимо, от сосуда находились остатки проса. В слое над полом найдены керамика, кости, клочки стриженной шерсти, обломок стеклянного сосуда, оселок. Оборудование помещения и находки в нем свидетельствуют о том, что оно было жилым.

Существовало ли помещение 2 в верхнем горизонте — судить трудно. Верхний пол в нем по уровню (отметка +62 см) подходил к полу верхнего горизонта помещения 4, но лежал поверх намывов, которые, однако, могли накопиться в случае разрушения перекрытия в конце существования нижнего горизонта. Поэтому верхний пол помещения 2 условно отнесен к верхнему горизонту, а не к периоду запустения. На полу был очаг в виде отстоявшей на 0,4 м к северу от южной стены выкладки из обломков сырца (0,77×0,7×0,3 м), около него — черепки кухонной посуды, кости животных, два рога, плоский обработанный камень, в натеках на полу — каменное пряслице. Над этим полом лежали слоистые намывы с двумя слоями навоза, которые разделены утоптанной поверхностью, относящейся уже к периоду позднего обживания.

В помещении 5 культурный слой над верхним полом нижнего горизонта перекрывался слоистыми намывами и рыхлым глинистым слоем в восточной части прохода в проезд 8. Вероятно, в этой части сооружения было повреждение, благодаря которому накопились намывы в помещениях 5 и 8, а также, возможно, и в помещении 2, о чем упоминалось выше. В помещении 5 стена северной стороны прохода была отремонтирована, в самом помещении поверх намывов положена плотная глиняная забутовка. Перед лестницей она лежала наклонно и перекрывала ступени. Лестница превращена в пандус, предварительно были срублены ее верхние ступени, что уменьшило наклон и удлинило марш. Поверх забутовки в помещении и по пандусу была нанесена обмазка нижнего пола, который подмазывался дополнительно. Второй пол и обмазка пандуса, содержавшие прослойки навоза, солом и песок, легли на тонкий пылевидный слой над нижним полом и пандусом; в нижней части последнего предварительно были подложе-

ны куски сырца, а в толщу глиняного слоя — фрагменты керамики кангюйского и кушанского времени. Обмазок было несколько: очевидно, пандусом пользовались интенсивно и, может быть, дольше, чем существовали другие помещения, хотя по материалу это не улавливается. Как и везде, над верхним культурным слоем залежали намывы и завал сырца.

Застройка крепостного двора. Остатки его сохранились лишь в отдельных местах (рис. 54). По сравнению с застройкой нижнего горизонта произошли некоторые изменения. У северной стены крепости конструкции нижнего горизонта, видимо, разрушились. У средней части западной стены (раскоп IV) остались примыкавшие перпендикулярно к ней две параллельные кладки, находившиеся на расстоянии 6 м друг от друга и уцелевшие в длину на 0,8 и 1,38 м. Обе были поставлены на культурный слой с керамикой кушанского времени.

Северной кладке соответствовала стена помещения, часть которой была обнаружена в шурфе 3. Остатки восточной и южной сырцовых стен этого помещения прослежены на 2,4 и 0,7 м соответственно. Эти стены стояли на перекрывавшем материк глинобитном слое, на котором в виде зеленоватой обмазки, разделенной золистыми прослойками, лежал пол помещения. В восточной части фасада южной стены была устроена ниша (0,8×0,25 м). У западной ее стенки в пол вмазан обломок стенки хума с протертым углублением посередине, использованный в качестве подпятника, у восточного угла выкопана ямка. В шурфе наметились два помещения; одно из них, с нишей, имело, видимо, проход к западу шириной 0,8 м, от второго, более западного, прослежен юго-восточный угол и внутренняя часть кладки восточной стены. Пола к югу от стены с нишей в помещении не оказалось, и культурный слой лежал прямо на красноватом песке. Как и в нижнем горизонте, довольно хорошо сохранились остатки строения около западной стены, на участке, расположенном за башней 5 (раскопы VIII и XIII). Там на месте помещений 10^а и 10^б располагалось одно — 10. Помещение II осталось на месте, но четырежды ремонтировалось.

Помещение 10 (рис. 68) образовалось после того, как были вырублены две сырцовые стены помещения 10^а. С каждым из трех полов нового мощения связаны некоторые перестройки.

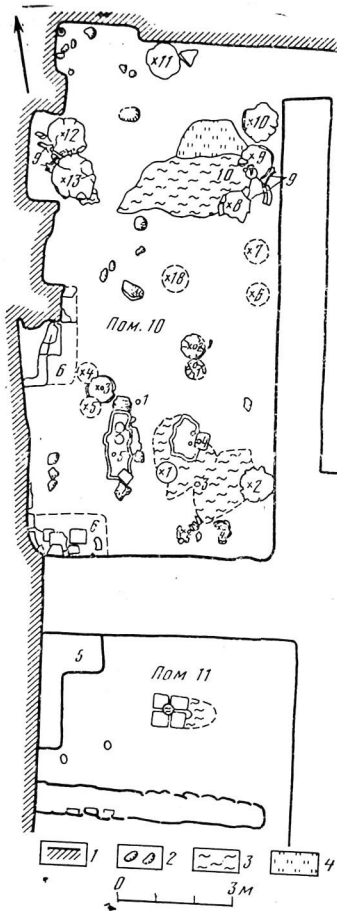
На уровне нижнего (первого) пола (отметки его нижней конструктивной обмазки — 44, — 43 см, верхней — от — 42 до — 38 см) паховое основание западной стены подрублено. В северной части этой стены и в северо-западном углу помещения вырублены две ниши. Поверхность стен и ниш покрывала обмазка из глины с саманом. Продолжал существовать и скользящий проход вдоль северной стены, так как в северо-восточном углу обмазки пола сильно вытоптаны. Южной стеной помещения служила сохранившаяся южная стена предполагаемого айвана нижнего горизонта с проходом в помещение 11. Где проходила новая восточная стена (и была ли она), точно установить не удалось из-за позднейших перестроек.

Западный фасад срубленной восточной стены помещения 10^а перекрывался обмазками пола, восточный — более поздней стеной; в южной части помещения обмазки уходили под эту стену, с наружной

Рис. 68. Капарас. Помещения 10 и 11.

Верхний горизонт. План

1 — пахсовые стены; 2 — камни; 3 — зольные пятна и прокалы; 4 — растительный тлен; 5 — суфы; 6 — останцы кирпичных тумб; 9 — оленьи рога; 10 — кувшины; х 1 — х 18 — хумы; х0-1 — х0-5 — хумы-очаги; 0-5 — очаги

стороны стоявшую на намывах. Таким образом, помещение 10 либо стало шире предыдущего, либо в его южной половине была ниша; возможно также, что южная часть помещения с востока была открытой. Наиболее вероятным является предположение, что восточная стена помещения 10 в это время проходила восточнее предшествующей ей стены помещения 10^а и самой поздней стены помещения 10. В пользу этого говорит то, что восточная стена помещения 11 стояла еще восточнее и остатки кладки, продолжающей ее к северу, прослежены против юго-восточного угла помещения 10.

Перекрытие было плоским, кровля опиралась на стены и столбы. Некоторые столбы были вкопаны, а другие опирались на камни, среди которых были массивные, со следами потертости (от столбов) посередине.

При подрубке западной стены в средней ее части образовался выступ, укрепленный кирпичом. К югу от него находилась ямка, обложенная поставленными на ребро кирпичами и заполненная намыва-

ми, она явно служила умывальником-ташной. Еще южнее — другая яма, заполненная батрабным слоем, по обеим сторонам которой стояли два кирпича.

Обмазки пола перекрыли засыпанные забутовкой остатки хума в северо-восточной части помещения (X-14). У середины северной стены был вкопан новый хум (X-11). Остатки хума (X-17) в юго-западной части помещения послужили обкладкой ямы. В это время было устроено несколько очагов, особенно в южной части помещения. Один из них (0-3 на плане) имел вид обширного кострища, другие представляли собой углубления неправильной формы с круглыми и

квадратными ямками изнутри (0-4, 0-5). Интересен очаг 0-1 — заполненная золой яма правильной цилиндрической формы, типа жаровни.

Многочисленные рабочие камни, найденные на полу и в его обмазках, дают основание предполагать производственное назначение помещения. Помимо камней, на полу обнаружены обломок железного наконечника стрелы (рис. 69, 12), два фрагмента женской алебастровой статуэтки (рис. 69, 8), железный нож с роговой ручкой (рис. 69, 28), бронзовая пуговица (рис. 69, 25), монета (рис. 69, 22), керамика, бусы, кости.

Второй пол (отметка от —37 до —30 см) отделен от нижнего культурной прослойкой незначительной толщины; местами обмазки второго пола выклинивались на нижний пол. Второй пол перекрыл яму в юго-восточной части помещения и многие мелкие столбовые ямки. Наряду с этим возникают новые ямки, т. е. происходит перестановка опор перекрытия. Перестраивается южная стена: проход к ней закладывается, новая кирпичная стена толщиной 1,8 м включает останец прежней (см. рис. 68). Выступ пахсы западной стены докладывается кирпичом и превращается в тумбу-полку; достраивается ранее существовавшая тумба в юго-западном углу. Восточная часть помещения, видимо, изменений не претерпела, проход во двор крепости остается в северо-восточном углу. Возможно, в это время в пол у южной стены вкапываются две перевернутые горловины хумов, служившие очагами (ХО-4 и ХО-5).

На полу и в слое над полом найдены плакетка из серого мраморовидного известняка (рис. 69, 5), медная монета, голова терракотовой статуэтки ребенка (рис. 69, 7), фрагмент глиняного колеса от модели повозки (рис. 69, 48), керамика, кости животных.

Третий (верхний) пол с отметкой от —30 до —21 см связан с существованием мастерской по обработке рога и кости. В этот период сооружается новая кирпичная восточная стена толщиной в 1,2 м. В северной части ее основание (отметка —42 см) поставлено на остатки стены нижнего горизонта, а в южной (отметка —23 см) — на культурный слой над вторым полом. Проход находился по-прежнему в северо-восточном углу. На третьем полу устанавливаются полтора десятка хумов вдоль стен, а также в южной и центральной части помещения. Два хума установлены в нише западной стены (рис. 68) и примазаны к ней; основания их обложены обломками кирпичей и обмазаны глиной. Оба хума были обмазаны сырой глиной и опечатаны по сырцу печатями. Сохранился фрагмент обмазки с отпечатками овальных печатей (рис. 69, 23, 24). Другие хумы вставлены в специально для них сделанные углубления в полу. Несколько хумов установлены на хумы-очаги в средней части помещения (ХО-1, ХО-2, ХО-3) и на продолжавшие функционировать хумы-очаги у южной стены (ХО-4, ХО-5). В хумах кипятили раствор, в котором распаривали кости и рога с целью их размягчения, а также варили клей (найденно много рыбьих костей, внутри одного из хумов — присохшие остатки рыбьего хвоста). Кирпичные тумбы, очевидно, заменяли рабочие столы, а в нишах-полочках хранились полуфабрикаты, готовые изделия и утварь.

Изделия мастерской — роговые накладки на лук, орнаментированные

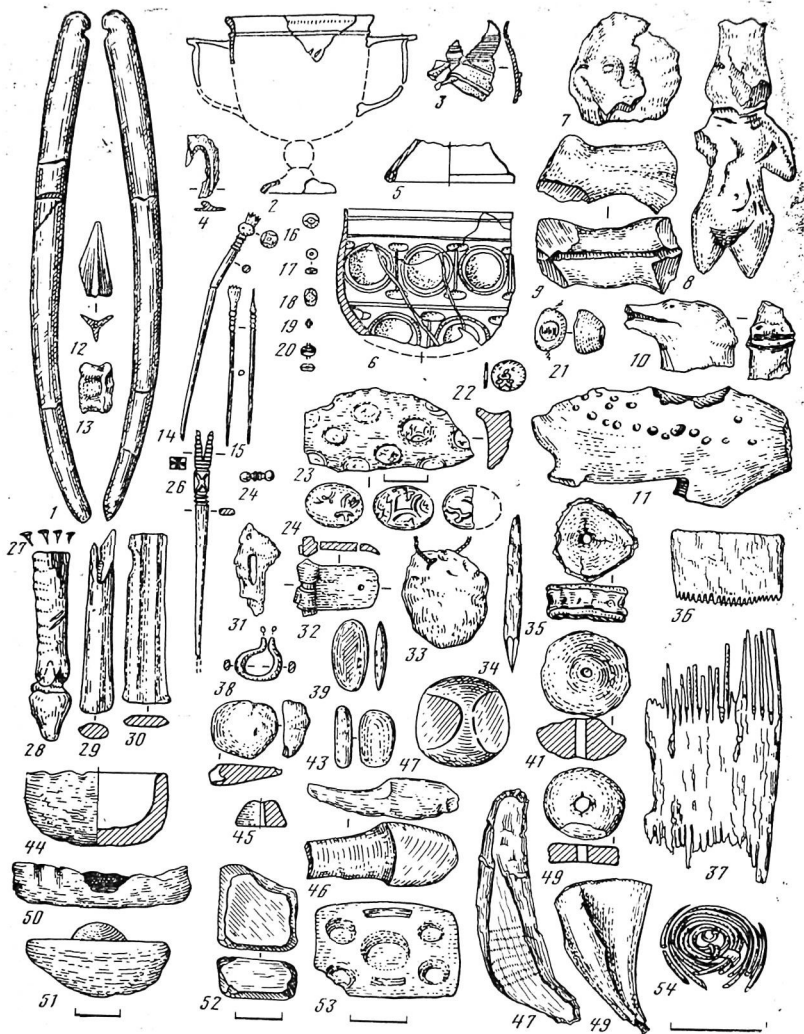

Рис. 69. Қанарас. Помещения 10 и 11. Находки

1 — олений рог; 2—6, 16—20 — стекло; 7, 9 — 11 — терракота; 8, 44, 50 — ганч; 12 — железо; 13, 22, 26, 29, 30, 35, 49 — кость; 14, 15, 25, 27, 31, 32, 38 — бронза; 21, 23, 24, 33, 43 — сырцовая глина; 28, 34, 36, 37, 47, 54 — дерево; 40, 41, 45, 48 — керамика; 42, 46, 51—53 — ка-
мень

заостренные предметы (заколки для волос или стили для письма) и ко-
стяные рукоятки ножей, а также процесс их изготовления уже описа-
ны¹⁹. Большая часть находок, связанных с костерезным производством,
найдена в завале стен над третьим (верхним) полом. Это в первую оче-
редь рога благородного оленя и спилы с них, которые в большом коли-
честве найдены в южной части помещения, а также у восточной стены
(возле хумов X-8 и X-9) и в нише западной стены (рис. 70). Очевидно,
эти предметы лежали в нишах-полочках, откуда и свалились во время
разрушения стен помещения. Роговые накладки на лук обнаружены на
поверхности пола в двух местах: в развале стенок хумов в юго-восточ-
ной части помещения и между хумами X-8 и X-9. Стили для письма
(или заколки для волос) найдены в нише западной стены в завале.

В слое над третьим полом были и изделия из дерева: части неболь-
шой корзинки из прутьев (рис. 69, 54) с фрагментами стеклянных изде-
лий, найденные у тумбы в юго-западном углу, три деревянных гребня
разной величины (рис. 69, 36, 37), несколько поделок неопределенного
назначения. Между хумами X-8 и X-9 оказались остатки деревянного
ларца с медными оковками и гвоздями (рис. 69, 27, 31—32).

Интересны предметы из бронзы и стекла. В мусорном слое южной
части помещения найдены две бронзовые булавки — одна с навершием
в виде гранатового яблока, вторая заканчивается изображением кисти
руки (рис. 69, 14, 15). У восточной стены обнаружена серьга (рис. 69,
38), а в юго-западном углу — медная монета (изображение и надпись
не читаются). У западной стены, между нишами, и у восточной стены,
в завале стенок хумов X-8 и X-9, найдены обломки стеклянного сосуда
с орнаментом в виде круглых шлифованных фасеток и гравировкой
(рис. 69, 6). В слое над верхним полом и на его поверхности обнаружено
большое количество рабочих камней различной формы. Больше всего
их было в юго-западном углу и северо-западной угловой нише. В нише
найден круглый пяточный камень диаметром 16 см с полусферическим
выступом в центре (рис. 69, 51). Следы вращения замечены по всей ра-
бочей поверхности камня, можно считать, что это подпятник не двери,
а круга. Так как следов гончарного производства в мастерской нет,
остаётся предположить наличие какого-то обтачивающего устройства.
Следует отметить, что в помещении в обломках полов и между ними бы-
ло много керамики и костей животных.

Помещение 11 в верхнем горизонте осталось в прежних границах. В
нем обнаружено четыре уровня полов, с которыми связан ремонт стен
и интерьера (см. рис. 68).

Нижний пол (отметка от —47 до —43 см) представлял собой плот-
ную белую обмазку, которая перекрывала днища хумов, обнаруженных
на полу нижнего горизонта, и переходила в поверхность суфы, возвы-
шавшуюся над полом на высоту одного кирпича.

На нижнем полу в центральной части помещения 11 обнаружен очаг,
окруженный четырьмя столбовыми ямками, что заставляет думать о на-
личии в кровле дымового отверстия над ним. Столбовые ямы предшест-
вующего периода были забиты и перекрыты обмазкой пола (уровень его
верхних обмазок —36... —43 см). На полу в юго-восточной части поме-
щения найден железный нож с роговой ручкой на двух заклепках.

Второй пол состоял из двух слоев обмазки (отметка от —30 до —25 см). По всей вероятности, он соответствовал второму полу помещения 10. К тому времени относится изоляция помещения 11 от помещения 10. Ниша в западной паховой стене уже не существовала. Поверх конструктивной обмазки пола намазан еще один слой глины с большим количеством уложенных в нем черепков. На этой обмазке в северо-западном углу сложена новая суфа, вдоль западной стены помещения. Она представляла собой возвышение из двух рядов сырцовых кирпичей шириной 0,6 м, длиной 2,7 м и вместе с поверхностью пола была покрыта глиняной обмазкой.

Третий пол (отметка от —20 до —10 см) соответствовал, очевидно, третьему полу помещения 10 (пол мастерской). Как и в помещении 10, в этот период отремонтирована разрушившаяся восточная стена. На ее останец положена кладка новой кирпичной стены шириной 1,2 м. Суфа в помещении 11 удлиняется до 2,9 м и повышается еще на один кирпич. В северо-западном углу к суфе приставляется прямоугольное возвышение, которое покрывается единым слоем обмазок с полом и суфой. Таким образом, суфа приобретает Г-образную форму. На полу обнаружены следы трех ям от столбов, подпиравших перекрытие.

Четвертый пол относился к позднему периоду существования помещения и включал суфу третьего пола. Ее поверхность была снивелирована с полом остальной части помещения, а у северной стены возникло новое пристенное возвышение, образованное из обломков сырцовых кирпичей, которые подкрепляли толстый сплошной слой обмазки. Оно возвышалось над уровнем пола на 20—30 см. Посередине помещения был устроен очаг из четырех плоскоположенных сырцовых кирпичей, в месте стыка которых сделана ямка диаметром 25 см. С востока вплотную к очагу примыкала еще одна ямка, также со следами горения, укрепленная с севера и востока обломками сырцовых кирпичей. В мастерской соответствующий пол не обнаружен.

В это же время была сооружена поздняя южная стена помещения на развале старой. Ее толщина около 1 м. Характер кладки тот же, что и у поздней северной стены. Пространство к югу по-прежнему, очевидно, было открытым. Судя по многочисленным прослойкам навоза и полному отсутствию обмазанных полов, оно периодически использовалось как стойло для скота.

В позднейший период существования мастерской и помещения 11 к ним с востока была приложена кирпичная стена шириной 1,2 м, идущая в направлении восток—запад и прослеженная на протяжении 3,8 м. Дальше она терялась. Ее основание находилось на глубине —10... —13 см на слое намывов, лежавших на красном песке. Верхняя сохранившаяся точка этой стены — на отметке +17 см. С какими помещениями она была связана, выяснить не удалось, они не сохранились. У южного фаса останца этой стены были найдены обломки позднекушанского хума с прочерченной по сырой глине пятиконечной звездой.

Период позднего обживания. Регулярная жизнь в крепости прекратилась, видимо, в конце позднекушанского времени. В следующие века запустения и медленного разрушения ее мощные стены служили прибежищем пастухам и случайным путникам, оставившим

следы своего пребывания в виде заключенных между натечно-надувными наслоениями кострищ с остатками пищи (кости животных, косточки урюка и персика, дынные семена) и прослоек козьего и овечьего помета. В некоторых местах обнаружены следы кратковременного обживания в раннесредневековое афригидское время.

В коридорах наслоения этого периода различны. Ближайшая ко входу в крепость часть северного коридора была, видимо, приспособлена для выброса горелого мусора из какой-то производственной печи, причем горелый слой разделялся утопанными поверхностями, из которых одна была с обмазкой. Этот слой заполнял прорубленный проход и лежал на разрушенной части северной стены. В восточном коридоре, в герелом слое над верхним полом, найдено несколько фрагментов бракованных сосудов позднекушанского времени.

Южный коридор в западной части также был обжит. Там обнаружено несколько полов с очагами, сложенными из сырцовых кирпичей. Среди находок — медная монета плохой сохранности, невыразительная керамика, которая, видимо, может датироваться кушано-афригидским или афригидским временем.

В предвратном комплексе к периоду обживания относятся утопанные поверхности поверх завалов, обнаруженные в помещениях 1, 3, 6. Там отметки этих поверхностей колебались между +48 и +78 см, в проезде 7 соответствующая поверхность лежала на уровне от +20 до +30 см. В помещениях 2, 4 и 5 следы обживания зафиксированы на более высоком уровне (отметка от +94 до +125 см в помещениях 2 и 4 и до +212 см в помещении 5). Датировочный материал найден в помещениях 4 и 5 в виде фрагментов керамики афригидского времени. В помещении 4 была одна поверхность обживания, в тамбуре 5 их было три, причем вторая (отметка +186 см) с очагом. Керамика афригидского времени обнаружена в слое над верхней поверхностью с отметкой +212 см.

Руины крепости обживались еще раз в средневековье. Поверх более чем метровой толщи натечно-надувных наслоений и завала сырцовых кирпичей в некоторых местах межстенного коридора и камерах башен найдены жилые помещения с керамикой X—XI вв. К этому времени относятся несколько зернохранилищ, выявленных в восточном коридоре, в камере башни 5 и предвратных помещениях 2 и 6. Остатки истлевшего зерна (просо, ячмень) сохранились поверх слоев запустения. Видимо, с зернохранилищами были связаны устроенные поверх слоев запустения средневековые помещения, но следы капитальной средневековой застройки здесь отсутствуют.

В средневековье были обжиты башни 10 и 11, средняя часть восточного коридора и северная часть западного. На развалинах башни 10 поверх намывов залегала золистая утопанная поверхность. В северо-восточном углу выявлена заглубленная в грунт подквадратная выкладка печи (0,7×0,65×0,48 м) с вмазанным в нее хумом, на котором стоял еще один хум, датировющийся временем около X в. В слое золы у печи найдена сломанная бронзовая ложка. Как удалось установить, башня обживалась дважды. В восточном коридоре в средневековье была обжита средняя часть и башня 11. Как и башня 10, обживались они дважды,

жилые слои разделены мощными слоистыми намывами. В коридоре поверх завала и намывов над наслоениями кушанского времени был намазан пол, а на расстоянии 1,5 м к югу от прохода в башню сохранились остатки поперечной стенки толщиной 0,75 м, превратившей эту часть коридора в помещение. Оно сообщалось с башней 11 через проход, расширенный подружкой его стен. Перед проходом пол в помещении укреплялся кусками камня и керамикой, в проходе был порог из обломков сырцового кирпича, обмазанных глиной. Остатки очага находились в башне. Керамика из слоя датируется приблизительно X в.

Верхний средневековый пол в коридоре отделялся от нижнего намывами (до 0,9 м) и состоял из несколько сильно унавоженных обмазок. Башня уже не функционировала и была, как и проход в нее, завалена.

Помещение в коридоре на этом уровне расширилось к югу. Оно, видимо, погребло от пожара, следы которого остались на полу, стенках и в слое над ним. Вся керамика датируется концом X — началом XI в.*

В северной части западного коридора поверх завала также было два пола с материалом X—XI вв., разделенных натеchno-надувными и навозными наслоениями мощностью 0,5—0,75 м. Из находок можно отметить фрагменты поливной керамики X—начала XI в., дно стеклянного сосуда, двусторонний костяной гребень и два астрагала.

Таким образом, можно заключить, что в средневековье покинутая крепость обживалась дважды, причем в перерыве между двумя периодами успели накопиться довольно мощные натеchno-надувные наслоения. По материалу разрыв был небольшим, так как дата находок укладывается в рамки X—XI вв. Следует отметить, что оба раза обжились одни и те же участки крепости.

2. Керамика

Керамический комплекс Капараса, представленный 25 тыс. фрагментов различных сосудов, охватывает период с IV в. до н. э. по IV в. н. э. Как уже говорилось, незначительная часть материала относится к эпизодическому обживанию развалин в VII—VIII и X—XI вв. Из-за неоднократно проводившихся в древности работ по очистке помещений от накопившегося культурного слоя сохранились лишь наслоения, относящиеся ко времени не ранее первых веков нашей эры. Более ранняя керамика была обнаружена в остатках культурного слоя на материке внутри крепости и главным образом в переотложенном виде во всех слоях памятника.

Керамика кангюйского периода представлена хумами (рис. 71, 12—14, 17, 24, 25), хумчами (рис. 71, 1, 2, 15, 18, 19), горшками (рис. 71, 7—9), кувшинами (рис. 71, 11) и некоторыми другими формами (рис. 71, 5, 6, 10, 26). Особый интерес представляет хумча с надписью, прочерченной до обжига (рис. 71, 15). Раннекушанские формы** представлены хумами (рис. 71, 20—23) и крупными горшковидными сосудами (рис. 71,

* Пользуясь случаем, хочу поблагодарить Н. Н. Вактурскую, определившую этот материал.

** Поскольку многие более мелкие формы сосудов продолжали жить и в позднекушанский период, они описаны вместе с керамикой из сохранившихся слоев.

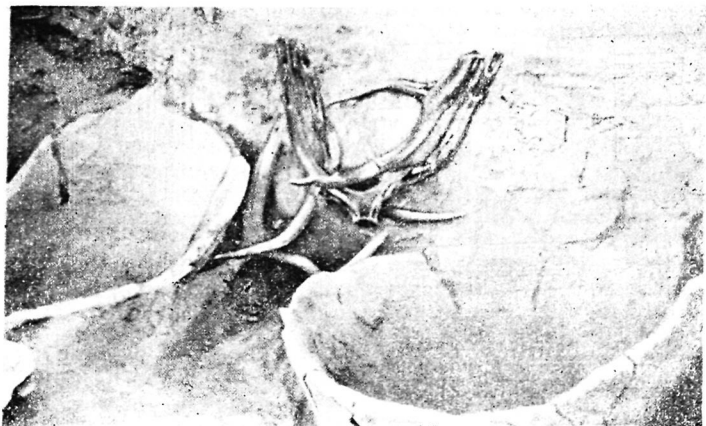

Рис. 70. *Капарас. Мастерская (помещение 10). Оленьи рога и хумы в нише западной стены*

3, 4). Крупные раннекушанские сосуды не столь многочисленны, как кангюйские, но очень характерны: их черепок, более светлый в изломе, часто имеет сиреневатый оттенок и легко различимые включения мелких комочков хорошо размолотого гипса. Обращает на себя внимание верхняя часть крупной хумчи, которая сделана из плотной, хорошо отмученной глины с розово-сиреневым в изломе черепком с включениями довольно крупных комочков гипса. Хумча имеет массивный подчетыреугольный в сечении венчик с плоским бережком (рис. 71, 16) и следами красной краски. Является подражанием более ранним образцам.

В период жизни городища помещения неоднократно очищались от накопившегося культурного слоя. При «генеральной чистке», совпадающей, очевидно, с общим ремонтом оборонительных сооружений, слои нижнего горизонта больше пострадали внутри городища, чем в помещениях укреплений. Внутри крепостного двора слои нижнего горизонта сохранились в виде нивелировочной засыпки заполнившей ямы от кангюйских хумов в северо-западной части крепостного двора, и значительных линз в разных местах на материке. В пределах укреплений к этому периоду могут быть отнесены слои, связанные с несколькими полами. Материалы, относящиеся к верхнему горизонту, сохранились и в укреплении и на площади крепостного двора.

НИЖНИЙ ГОРИЗОНТ

Керамика, изготовленная на гончарном круге

Хумы. Среди хумов удалось выделить следующие типы.

1. Хумы с округлым или уплощенным массивным венчиком, лежащим непосредственно на плечиках и отделенным от тулова слабовыраженным желобком, прочерченным пальцем (рис. 72, 1). Черепок в

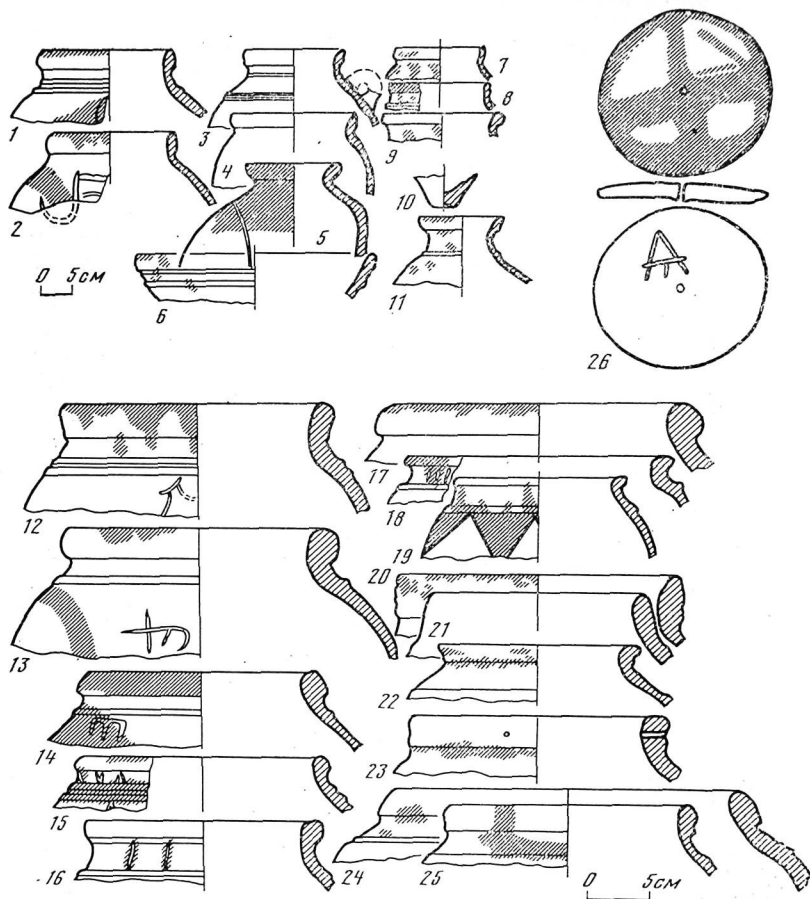

Рис. 71. Переотложенная гончарная керамика из Капараса

1, 2, 7—15, 17—19, 24—27 — кангюйский период; 3—5, 16, 20—23 — раннекушанский период; 3, 4, 10, 11 — красноангобированная, остальные фрагменты светлоангобированные с росписью красной краской

изломе темно-серый или коричнево-бурый, в тесте отмечены примеси песка и светлые гипсовые (?) включения. Поверхность покрыта тонким слоем ангоба, который в результате обжига приобрел лиловато-розовый или серо-зеленоватый оттенок.

Фрагменты хумов этого типа встречены на Капарасе во всех сохранившихся слоях, начиная с самых нижних. Близкие, но не идентичные

формы обнаружены среди материалов позднекушанских комплексов Хорезма, в том числе на Куня-Уазе²⁰ и в городище Топрак-кала, где они встречены в слоях первого и второго горизонтов²¹.

2. Хумы с удлиненным горлом, невыделенным венчиком и скругленным бережком (рис. 72, 5, 6). Имеют красно-кирпичный в изломе черепок, тесто комковатое, с большим количеством примесей дресвы и извести, в результате выгорания которых на поверхностях образовались раковины. Покрываются грубым светлым ангобом. Встречены в малых количествах на верхних полах нижнего горизонта. Находят аналогии среди материалов второго и начала третьего периодов городища Топрак-кала²².

Все упомянутые образцы найдены в слоях укреплений. На внутренней площадке городища хумов первого и второго типа не обнаружено, то же самое можно сказать и о хумчах.

Хумчи являются уменьшенными вариантами хумов первого и второго типов. «Удлиненность» или «округлость» венчика у хумчей выражена не столь четко (рис. 72, 3, 4).

Горшки в укреплениях представлены единичными экземплярами.

1. Красноангобированный горшок с воронковидным горлом и следами полосчатого лощения (рис. 72, 31).

2. Крупный красноангобированный сосуд с коротким вертикальным горлом, отделенным от расширенного, вероятно, приземистого тулова уступом. Венчик не выделен, скруглен (рис. 72, 7). В глине крупные светлые примеси.

3. Небольшой красноангобированный горшочек со слегка расширенным горлом и округлым корпусом (рис. 72, 42).

4. Светлоангобированные (серые) горшки с невысоким вертикальным или стянутым горлом без выделенного венчика (рис. 72, 33). Сосуды такого типа, покрытые красным или светлым ангобом, известны в Хорезме с начала нашей эры²³.

В слоях внутри крепости встречены следующие типы горшков.

5. Красноангобированные сосуды с подтреугольным или подчетыреугольным венчиком с плоским бережком, вероятно, приземистой формы, по плечикам или горлу — отверстия-продухи (рис. 73, 2, 4). Подобная форма, появившись в кангуйский период, продолжает бытовать и в более позднее время²⁴.

6. Красноангобированный горшковидный сосуд с коротким горлом и уплощенным венчиком (рис. 73, 5). Он относится к одному из типов керамики, широко распространенных по всей Средней Азии в античное время²⁵.

7. Красноангобированный сосуд с округлым корпусом, профилированным толстостенным горлом и утолщенным венчиком, лежащим непосредственно на плечиках (рис. 73, 14). Общий абрис верхней части несколько сближает его с формами, широко представленными на сельских поселениях Хорезма в I—IV века нашей эры²⁶.

8. Светлоангобированный широкогорлый горшок с плоским бережком и венчиком подтреугольной в сечении формы. По бережку пуансонный орнамент, нанесенный полой тростинкой (рис. 73, 11). Повер-

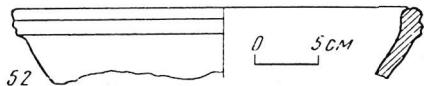
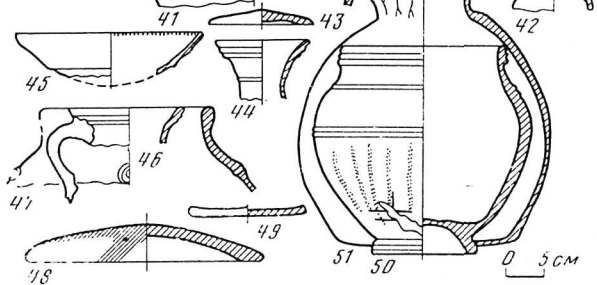
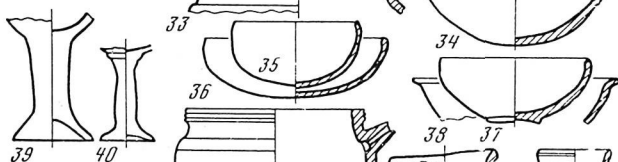
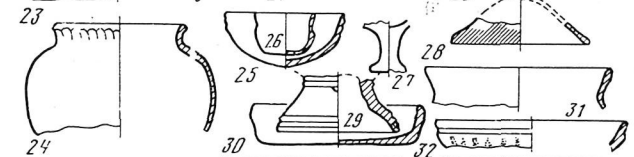
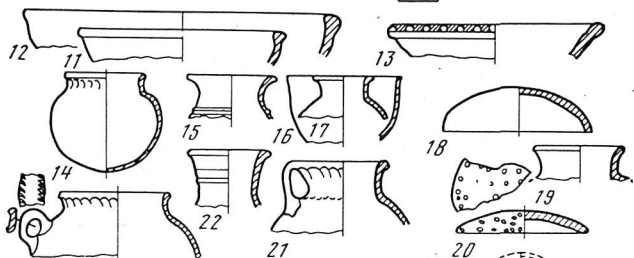
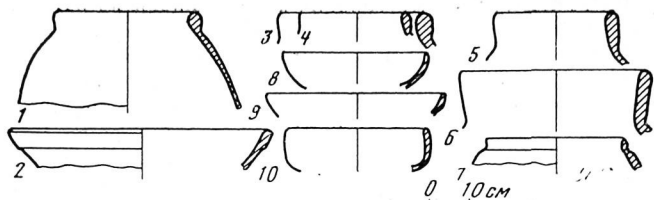
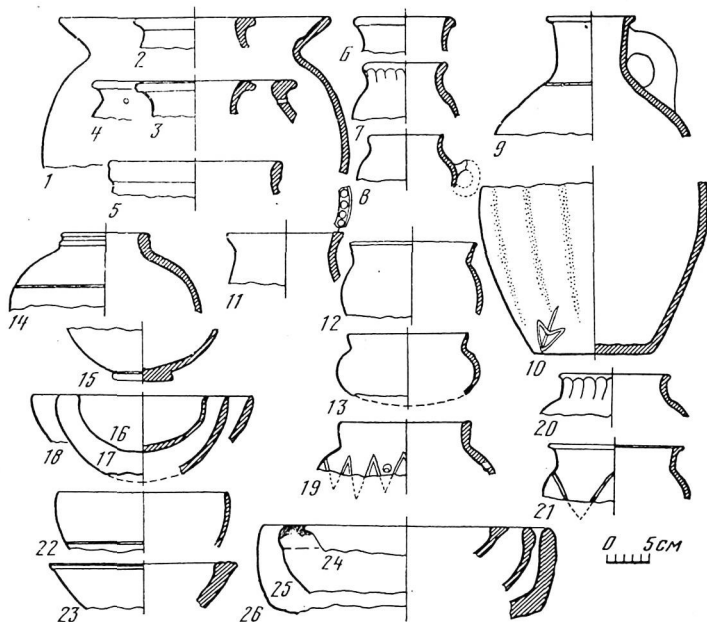

Рис. 72. *Керамика из укреплений нижнего горизонта Капараса*

1-7, 9-13, 15, 16, 22, 25, 28, 29, 31-33, 37, 41, 42, 44, 46, 48, 50, 52, — круговая; 8, 14, 20, 21, 23, 24, 26, 27, 30, 39, 40, 43, 45, 47, 49, 51 — лепная; 17-19, 34-36 — лепная ремесленная; 1, 3-6, 8-11, 13, 14, 17-21, 23, 24, 26, 27, 30, 33-40, 43, 45, 47, 49, 51 — светлоангобированная; 7, 11, 12, 15, 16, 22, 25, 29, 31, 32, 37, 41, 44, 46, 50 — красноангобированная; 2, 28, 42, 48, 52 — светлоангобированная с росписью красной краской. 1, 4, 13, 32, 39, 45, 47, 50 — помещение 4, нижний пол; 6 — помещение 4, 3-й пол; 2, 19, 26, 27, 30, 31, 33, 34, 52 — помещение 5, нижний пол; 3, 48 — восточный коридор, нижний пол; 5, 9, 20, 21 — помещение 6, верхний пол; 10 — помещение 6, второй пол; 14, 29, 42 — помещение 6, нижний пол; 15, 41 — помещение 3, нижний пол; 7, 8, 51 — помещение 2, нижний пол; 16-18, 22, 35, 36 — помещение 1, нижний пол; 23 — помещение 9, обмазка по матерiku; 11, 44, 46 — южный коридор, выброс; 12 — западный коридор, 2-й пол; 24, 25, 28, 37, 38, 40, 43, 49 — западный коридор, нижний пол

Рис. 73. *Керамика с площади городища нижнего горизонта Капараса*

2-6, 9-11, 14-16, 22-26 — круговая; 1, 7, 8, 17, 19, 20 — лепная; 12, 13, 18, 21 — лепная ремесленная; 2-5, 9, 10, 14, 15, 22-24 — красноангобированная; 6-8, 11-13, 17-21, 26 — светлоангобированная; 16, 25 — с красной краской по светлому ангобу; 3, 11, 13, 15-23 — из слоя на материке в центре городища; все остальные из слоя под нижним полом мастерской

хность покрыта серовато-белым ангобом грубого качества. Пуансонный орнамент на круговой керамике распространяется в Хорезме с первых веков нашей эры²⁷, в это время он известен и в Бактрии²⁸.

Сосуды на высоких кольцевых поддонах. Встречены только в слоях укреплений. На нижнем полу помещения 4 и в переотложенном состоянии на полах помещения 2 найдены части красноангобированного сосуда на высоком кольцевом поддоне. Он имеет горшковидную форму, округлое тулово с выделенными плечиками. На короткой

шейке уплощенный венчик, украшенный горизонтальными бороздками. Так же украшена наружная часть поддона. Можно предполагать наличие ручки, об этом говорит резкое утолщение края у одного из фрагментов стенок. Сосуд покрыт красным ангобом снаружи и изнутри, снаружи по ангобу полосчатое лощение. На сосуде имеется знак, нанесенный до обжига (рис. 72, 50). Сосуды на высоких кольцевых поддонах для Хорезма не типичны, хотя отдельные экземпляры зафиксированы уже в нижнем горизонте Кой-Крылган-калы²⁹.

Кольцевые поддоны характерны для керамики южных районов Средней Азии³⁰. Уплющенные венчики с горизонтальными бороздками распространены в первых веках нашей эры повсеместно³¹. В Хорезме они зафиксированы в первом горизонте городища Топрак-кала³², в доме 9 Джанбаскалинского поселения³³ и других местах. Сочетание уплощенного венчика, украшенного горизонтальными бороздками, с полосчатым лощением по красному ангобу, которое появляется в конце II в. н. э.³⁴, позволяет датировать капарасский сосуд на поддоне концом II в., а вернее III в. н. э.

К сосудам на высоком кольцевом поддоне по форме венчика близок красноангобированный сосуд с носиком. Он имеет округлое, приземистое тулово с короткой шейкой, уплощенный венчик с горизонтальными бороздками и плоским бережком. Похожий сосуд найден среди материалов третьего периода в Большом доме на Дильберджине (Бактрия), который датируется IV в. н. э.³⁵ К тому же времени относится и аналогичный сосуд на Одей-десе в Чарджоуской области³⁶.

Кувшины. Выявлены следующие типы кувшинов, среди которых имеются красно- и светлоангобированные.

Красноангобированные кувшины представлены следующими видами.

1. Кувшины с высоким прямым или слегка расширяющимся горлом, с выступающим венчиком (рис. 72, 22; рис. 73, 9). Подобные кувшины, отнесенные к кушанскому комплексу, найдены на Куля-Уазе и Большой Айбугир-кале³⁷, известны они и в соответствующих слоях Ток-калы³⁸ и доме 2 Джанбаскалинского поселения³⁹, близкие формы встречены и за пределами Хорезма, например, в Бактрии⁴⁰. Кроме того, в нивелировочной засыпке на материке, в пределах помещения мастерской, отмечены придонные части красноангобированных кувшинов, принадлежащих, вероятнее всего, разным типам (рис. 73, 10).

Если кувшины первого типа встречены как в укреплениях, так и внутри городища, то следующие два типа — только в укреплениях.

2. Кувшины с плавно расширяющимся горлом, которое отделено от корпуса рельефным пояском (рис. 72, 15). Венчики красноангобированных кувшинов близкой формы найдены в слоях среднего и верхнего горизонта Кой-Крылган-калы.

3. Кувшины с горлом-раструбом и уплощенным венчиком подтреугольной в сечении формы. На наружной грани венчика нанесены горизонтальные бороздки (рис. 72, 44, 46). Фрагменты кувшинов третьего типа непосредственно в слоях нижнего горизонта укреплений не встречены, но были найдены в верхнем слое мусорной кучи у выхода из внутрискладового коридора на площадь городища, т. е. в культурном слое, вычищенном из коридора.

Кувшины с таким же оформлением венчика найдены в среднем горизонте Кой-Крылган-калы⁴¹. Близкие венчики, но принадлежащие горшковидным сосудам встречены в первом горизонте городища Топрак-кала⁴².

По-видимому, многие кувшины были с ручками — на памятнике найдено более 20 фрагментированных ручек от красноангобированных кувшинов разных типов.

Светлоангобированные кувшины делались из довольно грубой глины с большим количеством примесей извести и крупного песка. Поверхность покрывалась светлым (бело-желтым или желтовато-розовым, иногда серым) ангобом. Часты случаи нарушения режима обжига, которые приводили к легкой ошлакованности наружной поверхности и серому (вместо розовато-желтого или кирпично-красного) в изломе черепку.

4. Кувшины с невысоким горлом, слегка расширенным к венчику, более или менее четко выделенному (рис. 72, 19). Встречены в укреплениях и на площади городища. Кувшины близкого типа были найдены в усадьбах Джанбаскалинского поселения, датируемого первыми веками н. э., но там они лепные⁴³.

На площади городища встречены следующие типы кувшинов, которые не встречались в соответствующих слоях укреплений.

5. Красноангобированные кувшины с высоким горлом и венчиком «округло-ступенчатой» формы (рис. 73, 3). Кувшины с венчиком подобной формы отмечены начиная со слоев первого горизонта городища Топрак-кала⁴⁴.

6. Светлоангобированные кувшины с довольно высоким горлом и отогнутым наружу венчиком с округлым бережком (рис. 73, 6). Черепок плотный, красно-коричневый в изломе, с примесями довольно крупного песка и комочков извести, частично выгоревших при обжиге. Ангоб бело-желтый, грубый.

Т а з ы. В слоях укреплений встречены следующие типы.

1. Крупный таз или чан с массивным подчетыреугольным венчиком и плавно сужающимися стенками (рис. 72, 2). На поверхности, покрытой светлым ангобом, след росписи красной краской.

2. Таз с венчиком, на котором имеется несколько горизонтальных кольцевых бороздок. На поверхности следы красной краски (рис. 72, 52).

Такие тазы находят аналогии среди материалов среднего горизонта Кой-Крылган-калы и первого горизонта городища Топрак-кала⁴⁵.

3. Тазы с толстыми, вертикальными стенками и округленным дном, бережок округлый (рис. 72, 10). Встречены и на городище (рис. 73, 26).

К р у п н ы е м и с к и - т а г а р а. Покрты светлым (белым, желтовато-серым или желтовато-розовым) ангобом. Имеют красно-коричневый в изломе черепок с примесями извести (?) и крупного песка. Встречены только в слоях укреплений, на территории городища не обнаружены.

1. Тагара со стенками, плавно сужающимися к дну (рис. 72, 9).

2. Тагара «воронкообразной» формы с округлым венчиком и ромбическими насечками по бережку (рис. 72, 13).

Близкие тагара обнаружены в слоях Топрак-калы начиная со второго горизонта⁴⁶, но широкое распространение они получают в третьем горизонте. Довольно типичны для кушано-афригидского периода Хорезма.

Чаши и миски. В подавляющем большинстве случаев покрыты слоем красного ангоба. Они, как правило, сильно фрагментированы, и поэтому формы восстанавливаются с трудом. Имеют розовый или желтоваторозовый в изломе черепок с примесями хорошо размолотого гипса и очень мелкого песка. В некоторых случаях ангоб из-за неравномерного обжига приобретает оттенки от розово-красного до коричнево-бурого.

Чаши. В слоях укреплений обнаружены следующие типы чаш.

1. Глубокие чаши с вертикальными стенками, высота которых по величине близка к диаметру (рис. 72, 16).

2. Более мелкие чаши с высотой, близкой по размеру половине диаметра (рис. 72, 25, 37).

Чаши первого и второго типов могли быть как круглодонными, так и иметь дисковидный поддон. Преобладали чаши на поддонах, о чем говорит большое количество фрагментов последних. Внутри городища встречены те же или близкие формы чаш второго типа (рис. 73, 15, 16, 22).

Миски. 1. Миски с Т- или Г-образным венчиком и стенками, скругленными к плоскому (?) дну. Бережок уплощенный. Разные варианты этого типа встречены в слоях укреплений (рис. 72, 11, 12) и на внутренней площади городища (рис. 73, 23, 24).

В слое укреплений найдена толстостенная миска второго типа с утончающимися к округлому бережку стенками. Верхняя часть стенок выделена горизонтальной бороздкой. Покрыта буро-красным ангобом (рис. 72, 32). Появление этой формы следует относить ко времени не ранее начала нашей эры (средний горизонт Кой-Крылган-калы).

2. Неглубокая, плоская миска с толстыми стенками, которые довольно резко утончаются к округлому бережку. Верхняя часть стенок выделена горизонтальной бороздкой. Поверхность покрыта буро-красным ангобом (рис. 72, 32). Встречена в помещении 4 на нижнем полу.

3. Миска с округло-уплощенным венчиком и скругленным бережком. Стенки округлые, дно, скорее всего, плоское. Внутренняя поверхность покрыта буро-красным ангобом (рис. 73, 25). Встречена внутри городища. Миски подобной формы с аналогичным покрытием известны в слоях среднего и верхнего горизонта Кой-Крылган-калы⁴⁷, есть они и в первом горизонте городища Топрак-кала⁴⁸.

Крышки найдены в слоях укреплений, сделаны на гончарном круге и украшены красной краской.

1. Сегментовидная крышечка с отогнутым наружу краем, расписана краской (крест через центр и полоса по краю) (рис. 72, 28). Подобные крышки отмечены в среднем горизонте Кой-Крылган-калы, но возможна и более ранняя датировка⁴⁹.

2. Крышка (блюдо?) слабозогнутой сферической формы с утолщенным краем, на поверхности следы красной краски (рис. 72, 48). Близкие экземпляры найдены в слоях среднего горизонта Кой-Крылган-калы⁵⁰.

Лепная керамика

Горшки. 1. Горшки с коротким вертикальным горлом и скругленным, несколько отогнутым наружу венчиком. Корпус—округлый, дно—

округлое или округло-уплощенное. Экземпляры весьма различаются в размерах (диаметры горла от 7—8 до 28—30 см), преобладающий диаметр горла 12—15 см. Характерной особенностью является технологический прием, с помощью которого сформована закраина венчика — она подчеркнута вертикальными или наклонными бороздками, следами пальцев, оставшихся от заглаживания горла (рис. 72, 14, 23, 24; рис. 73, 7, 8, 20). Следы нагара и копоти, встреченные на большинстве горшков, указывают на их использование в качестве сосудов для приготовления пищи.

подавляющее большинство горшков первого типа имеют в изломе красно-кирпичный или красно-коричневый черепок, но встречены и горшки с темным (черным, темно-серым в изломе) черепком. В тесте отмечены примеси мелкой дресвы и извести, от большого количества которой глина становится как бы пятнистой, с раковинками от выгоревшей извести.

При обжиге многих горшков этого типа часто нарушался температурный режим, что приводило к ошлакованности и стекловидности поверхности, а иногда и к деформации сосуда. Признаки перекала в той или иной степени присущи всем горшкам с темным в изломе черепком (цвет, вероятно, также связан с перекалом). На горшках, обожженных без нарушения режима, отмечается наличие серого грубого ангоба.

Лепные горшки первого типа являются самой распространенной керамической формой Капараса (более 30% всех сосудов) и находят аналоги среди позднекушанских керамических материалов. На городище Топрак-кала подобные горшки встречались начиная со слоев первого горизонта, известны они там и в более поздних слоях⁵¹.

2. Горшки с прямым, слегка утолщенным к березку горлом. В верхней части корпуса имеются продухи, часто в дисковидных налетах. Варианты горшков второго типа встречены и в слоях укреплений (рис. 72, 47), и в слоях внутри городища (рис. 73, 19). Внутри городища представлены менее крупные варианты.

3. Небольшой горшочек, сделанный из грубого, темного теста со скругленными плечиками, плоским дном и слегка расширенной горловиной с утонченным березком (рис. 72, 26). Встречен на нижнем полу помещения 5.

На внутренней площади городища кроме горшков первого и второго типов встречены следующие.

4. Крупный тонкостенный лепной горшок с воронкообразным горлом и округлым корпусом (рис. 73, 1). Черепок в изломе темный, рыхлый, отмечены крупные примеси шамота и дресвы.

5. Горшок с невысокой шейкой и отогнутым наружу венчиком, березок плоский. По корпусу и верхней части — орнамент в виде пропеченного зигзага (рис. 73, 21). У некоторых экземпляров прослежен не резной, а пуансонный орнамент. Черепок в изломе красновато-сиреневый с мелкими примесями гипса и песка. Поверхность покрыта светлым ангобом.

6. Небольшие горшочки с округлым корпусом, слабозавернутым или вертикальным горлом, венчик не выделен, березок приотстранный (рис. 73, 12, 13).

Горшки пятого и шестого типов появляются в период среднего гори-

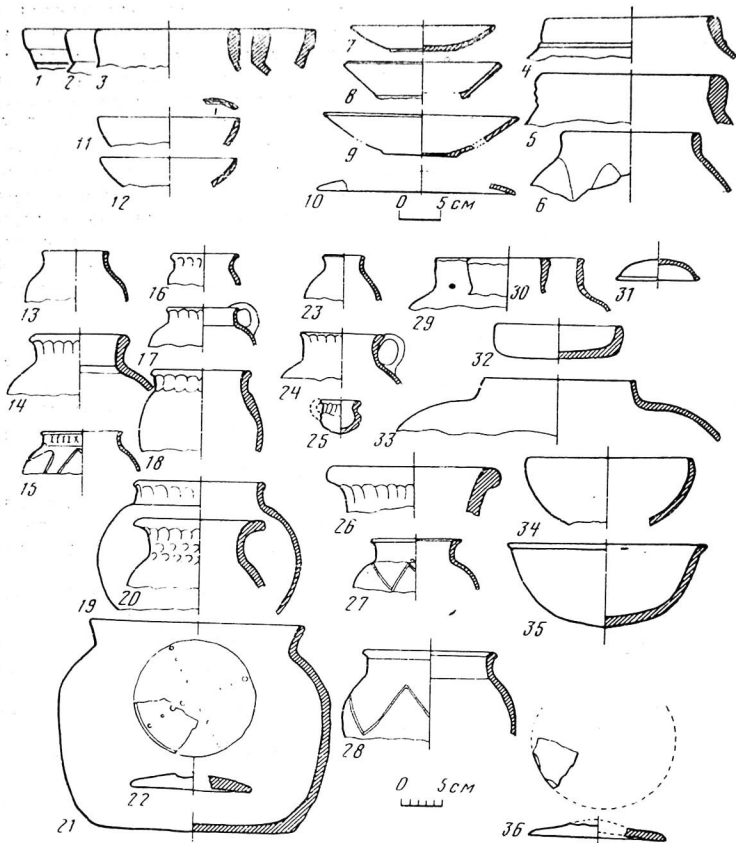
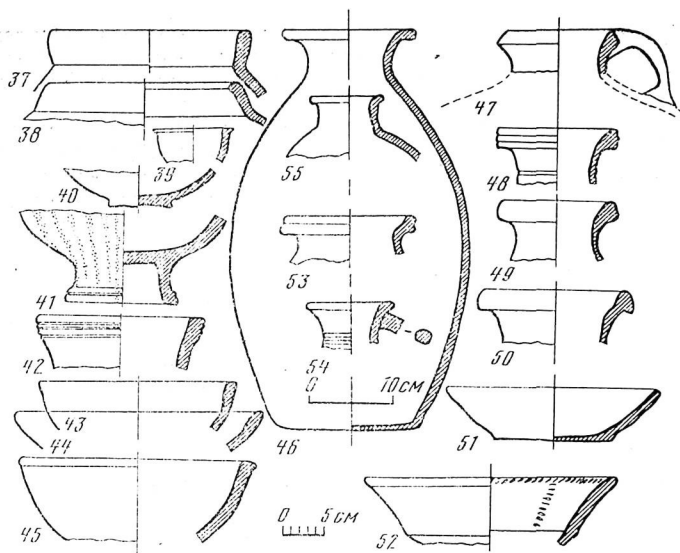

Рис. 74. Керамика из укреплений верхнего горизонта Канараса

1—9, 11, 12, 37—45, 46—55 — круговая; 10, 14, 16—22, 24—26, 32—36 — лепная; 13, 15, 23, 27—31 — лепная ремесленная; 5, 40—42, 45, 53, 54 — красноангобрированная; 1—4, 6—38, 43, 44, 46—52, 55 — светлоангобрированная; 39 — красная краска по светлому ангобу; 1—6, 45, 48, 52 — помещение 5, над обмазкой пандуса; 14, 17, 22, 25, 33, 36, 38, 41, 51 — помещение 5, обмазка пандуса; 3, 4 — восточный коридор, пол; 2, 5, 37 — помещение 6, завал; 7—9, 9a, 10, 12, 43, 44, 47, 49, 50 — помещение 4, пол; 11, 21, 26, 53 — помещение 4, смешанные слои нижнего и верхнего горизонтов; 23, 24, 30, 39, 40, 54 — западный коридор, нижний пол; 13, 15, 16, 19, 27, 28, 31, 32, 34, 35, 55 — западный коридор, третий пол; 18, 20, 29, 42 — западный коридор, верхний пол; 46 — западный коридор, второй этаж

зонта Кой-Крылган-калы⁵² и относятся к началу нашей эры⁵³. Их происхождение связывается с нехорезмийской этнокультурной средой⁵⁴. Согласно другой точке зрения, эта керамика характерна для сельского, а не городского населения Хорезма⁵⁵.

Кувшины представлены следующими типами.

1. Сосуды, оформлением венчика и горла похожие на лепные горшки первого типа, но отличающиеся от них более вытянутыми пропорциями горла и корпуса (рис. 72, 21, 51). Как и лепные горшки первого типа, некоторые экземпляры имеют ручки (рис. 72, 21). Сходство с горшками столь велико, что далеко не всегда по фрагменту горла удастся сказать, к какому типу относится сосуд. Найдены в укреплениях и, по-видимому, существовали и на площади городища.

2. Сосуды с прямым, слегка расширяющимся кверху горлом с выступающим наружу венчиком, бережок уплощенный (рис. 72, 17). Они имеют в изломе лиловато-розовый черепок, поверхность покрыта светлым ангобом. Встречены только в укреплениях. Формы, близкие второму типу лепных кувшинов, появляются в период среднего горизонта Кой-Крылган-калы⁵⁶.

Миски. 1. Миски сегментовидной формы с округло-уточенным бережком, стенки вертикальные, развернутые наружу или слегка загнутые внутрь. Черепок в изломе лиловато- или желтовато-розовый, плотный, с большим количеством мелких известковых включений, равномерно распределенных по всей толще черепка. Поверхность хорошо заглажена внутри и в верхней части стенок снаружи, в результате обжига она приобрела розовато-лиловатый оттенок. На Капарасе миски распространены практически во всех слоях, начиная с самых нижних (рис. 72, 35, 36;

рис. 73, 17, 18). Известны со времени среднего горизонта Кой-Крылган-калы⁵⁷.

Остальные типы мисок встречены только в помещениях укреплений.

2. Миски с отогнутым наружу краем и уплощенным дном (рис. 72, 38). Находят аналоги среди материалов среднего горизонта Кой-Крылган-калы⁵⁸. По глине близки предыдущему типу.

3. Крупная миска с уплощенным дном, округлым, загнутым внутрь краем (рис. 72, 8). Черепок в изломе красный, плотный, с включениями дресвы и извести. Поверхность покрыта серым ангобом с включениями большого количества песка. Довольно сильно напоминает миски первого типа, но отличается от них значительно большими размерами и грубостью изготовления.

4. Миски с развернутыми тонкими стенками и скругленным тонким дном, оттиснутым в форме. Стенки отделены от дна ребром. В верхней части бортиков с внутренней стороны орнамент в виде насечек (рис. 72, 45).

Миски-сковороды. По форме близки тазам третьего типа, но отличаются пропорционально меньшей высотой бортиков. Слеплены от руки, но наиболее крупные экземпляры несут на себе следы поправки на гончарном круге или вращающейся подставке. Встречены как в слоях укреплений (рис. 72, 30), так и внутри городища (во втором случае сильно фрагментированы). Миски-сковороды являются довольно частой находкой в позднеантичных слоях Хорезма⁵⁹.

Крышки. Все найдены в укреплениях.

1. Плоские или слабовыгнутые диски (рис. 72, 43). У некоторых из них край загнут вверх (рис. 72, 49). Сделаны из грубой, довольно рыхлой глины со значительным количеством примесей шамота, дресвы, иногда извести или гипса. Судя по следам нагара и копоти, использовались вместе с сосудами для приготовления пищи.

2. Сегментовидные крышки с отверстием в центре. Покрыты светлым ангобом, имеют красный в изломе черепок с примесями шамота, дресвы и большого количества гипса (рис. 72, 18, 20). Некоторые экземпляры украшены пуансонным орнаментом, нанесенным полой тростинкой (рис. 72, 20). Крышки с подобной орнаментацией, но другой формы найдены в слоях третьего горизонта городища Топрак-кала⁶⁰. Подобный орнамент известен на крышках из Дальверзин-тепе (Бактрия)⁶¹.

Светильники. В укреплениях встречены фрагменты светильников, представлявших собой грубые «рюмковидные» сосуды на ножке с уплощенным (рис. 72, 27) или полым (рис. 72, 39, 40) основанием. Светильники делались из глины, близкой глине лепных горшков и кувшинов первого типа. Светильники подобной формы появились довольно рано⁶² и бытовали весьма продолжительное время⁶³.

Жаровни. Представлены маловыразительными фрагментами. Если судить по жаровням, найденным в верхнем горизонте, они представляли собой тонкие глиняные лепешки с невысоким бортиком и были слеплены из глины со значительной примесью органики (мелкорубленая солома, шелуха от зерна и т. д.) на подсыпке из песка или зерна (просо?). Жаровни подобного типа распространены в среднем горизонте Кой-Крылган-калы⁶⁴.

Если в нижнем горизонте основная часть материалов происходила из слоев, связанных с крепостными сооружениями, то в верхнем они обнаружены в северо-западной части городища — мастерской костереза и соседнем с ним помещении (помещения 10 и 11).

Керамика, изготовленная на гончарном круге

Хумы. Бытуют те же типы, что и в нижнем горизонте. Если в помещениях укреплений представлены единичные экземпляры (рис. 74, 2—5), то на внутренней площади городища картина несколько иная.

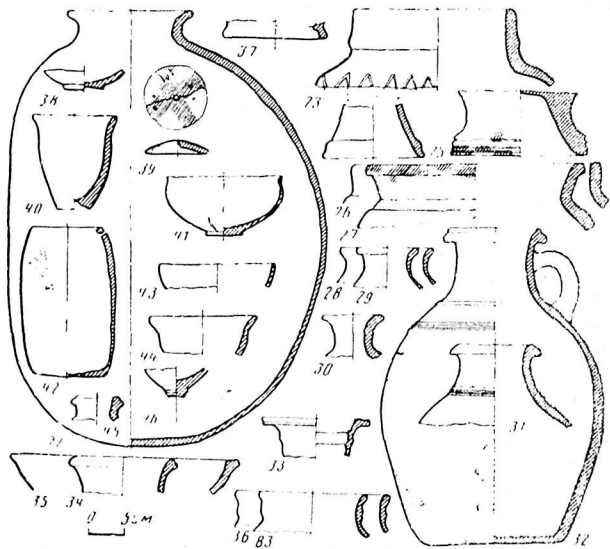
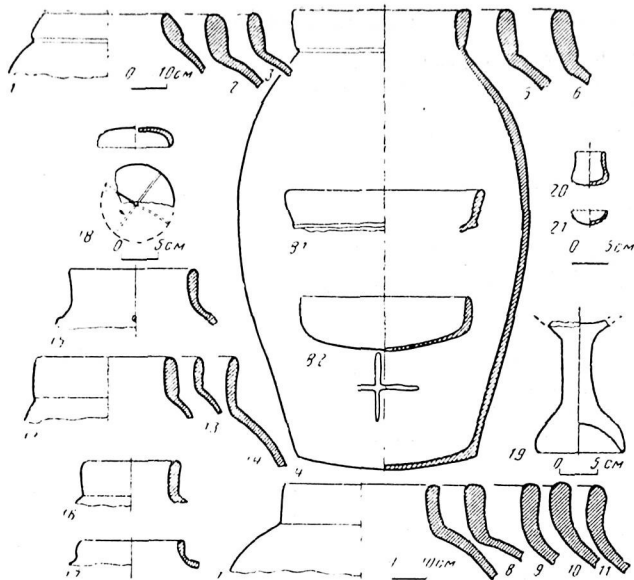
В помещении мастерской найдено значительное количество хумов, часть которых была хранилищами для жидкостей, а часть служила варочными чанами. Хумы-чаны были установлены на очагах, сделанных из верхних частей аналогичных хумов (см. выше).

В мастерской обнаружены хумы первого и второго типов, представленные значительно большим разнообразием вариантов, чем где бы то ни было на памятнике (рис. 75, 1—14). Если среди хумов-чанов и хумов-хранилищ есть оба типа, при некотором преобладании первого, то хумы-очаги относятся ко второму типу (рис. 75, 7, 12).

Хумчи. Немногочисленные экземпляры являются уменьшенными вариантами первого (рис. 75, 17) и второго (рис. 75, 16) типов. Особое место занимают хумчи, которые по форме венчика близки хумам второго типа, но имеют в верхней части корпуса продухи, чем несколько напоминают лепные горшки второго типа (рис. 75, 15). К хумчам следует отнести и сосуд с коротким прямым горлом и сильно уплощенным, практически не выделенным венчиком. Сосуд украшен по корпусу прорезной зигзагообразной линией (рис. 75, 23).

В смешанных слоях нижнего и верхнего горизонтов помещения 4 найдено горло крупного сосуда типа хумчи. Он имеет отогнутый наружу венчик, на котором прослеживается горизонтальный желобок. На внутренней стороне горла, в верхней его части, намечается нечто вроде уступа (рис. 74, 53). Черепок в изломе красно-кирпичный, пористый, с раковинами от выгоревшей извести. Поверхность покрыта розовым ангобом. Верхние части сосудов близкого типа известны на Аязкалинском поселении, которое датируется III—IV вв. н. э.⁶⁵

Горшки. Встречены отдельные экземпляры круговых горшков четвертого типа (см. выше), различающиеся углом наклона короткого горла без выделенного венчика (рис. 74, 37, 38). Один из вариантов этого типа представлен в помещении мастерской. Он имеет приземистый корпус значительного диаметра, по плечикам — продухи в дисковидных выступах (рис. 75, 52). Один из продухов замазан глиной. Черепок красно-кирпичный в изломе с примесями крупного песка и извести, от которой при выгорании остались раковины. Поверхность покрыта толстым слоем грубого бело-желтого ангоба. Качество глины и обработка поверхности сближают указанный горшок с хумами второго типа и тазами третьего типа. Горшковидные сосуды со стяннутым горлом и отверстиями в дисковидных налетах происходят из дома Джанбаскалинского поселения, который датируется I—III вв. н. э.⁶⁶

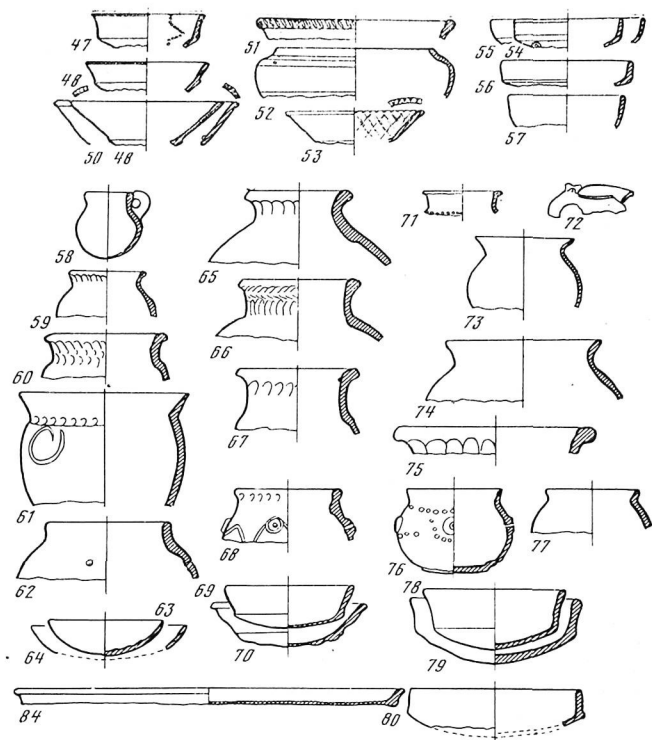

Рис. 75. Керамика с площади городища верхнего горизонта Капараса

1—17, 22—57, 80—83 — круговая; 18—21, 58—79 — лепная ремесленная;
 24—27—38, 40, 41, 43—46, 83 — красноангобирванная; 1—23, 26, 47—83 — светлоангобирванная;
 25, 29, 39, 42 — светлоангобирванная с росписью красной краской; 1—14, 16—21, 23—26, 28—34,
 36—53, 55, 56, 60—79, 81, 83, 84 — мастерская, верхний пол; 27, 54, 57, 59, 80 — мастерская, нижний
 пол; 15, 22, 82 — крепостной двор; 35 — помещение 2, слой разрушения

На площади внутри городища найдены единичные экземпляры красноангобирванных горшковидных сосудов разных типов.

9. Горшки с сильно уплощенным, почти не выделенным венчиком, который имеет в средней части горла-венчика мягкую горизонтальную ложбинку. Найдены фрагменты венчиков таких горшков, различающихся диаметром (рис. 75, 36, 83).

10. Довольно крупный горшок с несколько расширенным горлом и округлым венчиком. При переходе от плечиков к тулову — уступ (рис. 75, 27). Черепок в изломе желтоватый, пористый, с примесями песка и довольно хорошо размолотого гипса.

Вместе с горшками следует упомянуть «бочонковидный» сосуд. Его

высота 19,5 см при наибольшем диаметре 13,5 см, причем тулово равномерно сужается к горловине и дну. Бережок скошен внутрь и несет на себе следы подрезки по сырой глине. В верхней части обнаружены отверстия, проделанные при изготовлении сосуда (продухи?). На поверхности следы росписи в виде вертикальных полос бурой краски (рис. 75, 42). Черепок в изломе серовато-желтый с примесью мелкого песка и хорошо размолотого гипса.

Сосуды на кольцевых поддонах. Эти сосуды далеко не всегда можно связывать с теми слоями, в которых они обнаружены. Так, в обмазке пандуса помещения 5 найдена нижняя часть красноангобирванного сосуда на высоком поддоне (рис. 74, 41). Он сделан из глины хорошего качества, черепок желтовато-розоватый в изломе, с мелкими примесями хорошо размолотого гипса, по красному ангобу — лощение полосами. Довольно близкие по форме фрагменты красноангобирванных сосудов встречены на полах среднего и верхнего горизонтов Кой-Крылган-калы⁶⁷.

В помещении мастерской также найдены фрагменты высоких кольцевых поддонов. Один из них, вероятно, принадлежал довольно грубому сосуду значительного размера (рис. 75, 25), другой — более изящному и тонкостенному (рис. 75, 24).

Кувшины. Встречены красноангобирванные кувшины первого (рис. 74, 54), второго (рис. 75, 28) и пятого типов. Благодаря находке в помещении мастерской удалось полностью восстановить внешний вид кувшина пятого типа. Он имеет округлый корпус, довольно высокое горло с «округло-ступенчатым» венчиком и одной ручкой, «почковидной» в сечении. По плечикам горизонтальные пояски — бороздки, поверх красного ангоба — следы сетчатого лощения (рис. 75, 32). Получены также немногочисленные находки светлоангобирванных кувшинов четвертого типа (рис. 74, 55; рис. 75, 34).

Кроме перечисленных круговых кувшинов обнаружены кувшины новых типов, не зафиксированные в наслоениях нижнего горизонта. Интересно отметить, что в укреплениях встречены светлоангобирванные, а внутри городища — красноангобирванные кувшины.

Кувшины из укрепений представлены следующими типами.

7. Светлоангобирванные кувшины с выступающим скругленным, иногда подтреугольным в сечении венчиком (рис. 74, 47, 49, 50). Черепок в изломе кирпично-красный, в тесте примеси извести, шамота, дресвы. Кувшины покрыты толстым слоем грубого ангоба с хорошо заглаженной поверхностью, на которой видны раковины от выгоревшей извести. Встречены на верхних полах всех помещений предвратного комплекса. Для помещения 4 это преобладающая форма: там найдены фрагменты по меньшей мере 40 таких сосудов. Кувшины, близкие по форме, но покрытые красным ангобом, зафиксированы начиная с верхних полов второго горизонта городища Топрак-кала⁶⁸.

8. Светлоангобирванные кувшины с подтреугольными в сечении венчиками. Внешняя грань вертикальна и украшена прорезными горизонтальными бороздками. Бережок скошен внутрь, что делает горло воронкообразным (рис. 74, 48).

Светлоангобирванные кувшины с рифлеными венчиками появляются

ся в верхних полах второго горизонта городища Топрак-кала и получают широкое распространение в слоях третьего горизонта⁶⁹.

9. Кувшины с отогнутым наружу венчиком. Горло плавно переходит в яйцевидное тулово, ручки нет (рис. 74, 46). Поверхность покрыта желтово-розоватым ангобом. Обработкой поверхности и качеством глины близки кувшинам седьмого и восьмого типов. Выполнены в сходной с ними «комбинированной» технике — на гончарном круге делались донная часть и горло с венчиком, корпус лепился вручную, без гончарного круга. Целый сосуд собран из фрагментов в завале стены второго этажа стрелковой галереи крепостной стены.

Красноангобированные кувшины внутренней площади городища:

10. Красноангобированные кувшины с подчетыреугольным сильно выступающим венчиком, с плоским, в некоторых случаях с ложбинкой, бережком и ребристым горлом (рис. 74, 33). Находят аналогии среди материалов дома 9 Джанбаскалинского поселения, датируемого первыми веками нашей эры⁷⁰.

11. Небольшой красноангобированный (красный ангоб наложен поверх светлого) кувшинчик с покатыми плечиками и горлом, которое плавно расширяется к округлому слабовыделенному выступающему венчику (рис. 75, 29). По ангобу — следы полосчатого лощения. По форме несколько напоминает светлоангобированные кувшины седьмого типа (см., например, рис. 74, 49), но отличаются лучшим качеством глины, обработкой поверхности и размерами.

12. Красноангобированные кувшины без ручки с сильно отогнутым «клювовидным» венчиком и покатыми плечиками с прочерченными до обжига горизонтальными бороздками. По красному ангобу — лощение вертикальными полосами (рис. 75, 31).

Тазы. Основная форма — светлоангобированные тазы третьего типа (рис. 75, 82), которые в укреплениях представлены маловыразительными фрагментами. В помещении мастерской встречена разновидность таза третьего типа с «угловатым» переходом от стенок к дну (рис. 75, 81).

Миски-тагара. Покрыты светлым ангобом и различаются углом наклона бортика и орнаментацией. В помещении мастерской кострера отмечены варианты тагара второго типа, у которых орнаментирован не только бережок, но и вся внутренняя поверхность. Орнамент на внутренней поверхности — ромбические насечки, пересекающиеся полосы, пуансонный (рис. 75, 49, 50, 53). Так же орнаментированы и тагара третьего типа, которые отличаются почти вертикальным направлением бортиков и углом-переломом при переходе от бортиков к дну (рис. 75, 47, 48). Такая орнаментация характерна для кушано-афригидского времени, в том числе и для слоев третьего горизонта городища Топрак-кала⁷¹.

Тагара из мастерской, отнесенная к четвертому типу, имеет выступающий подчетыреугольный венчик, украшенный косыми защипами по наружному краю и сеткой из насечек по бережку (рис. 75, 51), что характерно уже для афригидского времени, хотя появляется такая орнаментация еще в кушано-афригидский период⁷².

Большинство тагара из укреплений отличается сильной отлогостью стенок, наличием поддонов и слабой орнаментацией (тип 5; см. рис. 74,

8, 9). Встречены и округлые бортики (тип 6) с защитным орнаментом по бережку (рис. 74, 11). Тагара с близкой орнаментацией известны в слоях третьего горизонта городища Топрак-кала⁷³.

Ч а ш и. Представлены теми же типами красноангобирванных чаш, что и в слоях нижнего горизонта. Преобладающей формой являются чаши на дисковидном поддоне (рис. 74, 40; рис. 75, 38, 41, 43).

Особое место занимает небольшая чашечка с отогнутым наружу и уплощенным сверху бортиком (рис. 74, 39). Она имеет желтоватый и изломе черепок с большим количеством включений мелкоразмолотого гипса. Покрыта красно-бурой краской поверх светлого ангоба.

К у б к и и б о к а л ы. Все представленные экземпляры сильно фрагментированы. В помещении мастерской найдены части нескольких кубков и бокалов (рис. 75, 40, 44, 46). Особый интерес представляет кубок, части которого найдены в помещении мастерской и в верхнем слое помещения 4 предвратного комплекса. Он отличается довольно вытянутыми пропорциями, имеет массивную нижнюю часть и корпус скругленных очертаний с развернутой, слегка утолщенной горловиной (рис. 75, 40). Поверхность его покрыта буро-красным ангобом с лощением полосами. В мастерской встречены части, по крайней мере, еще двух подобных кубков.

Красноангобирванные кубки с отогнутой горловиной характерны для кушанского периода Хорезма, чему не противоречит и полосчатое лощение. Найденная в мастерской нижняя часть кубка (бокала) на рельефной ножке (рис. 75, 46) отличается массивностью, сделана из глины хорошего качества с примесью мелкоразмолотого гипса и покрыта толстым слоем буро-красного ангоба. В слоях укреплений, кроме частей упомянутого выше кубка, сколько-нибудь выразительных фрагментов кубков и бокалов не встречено.

М и с к и. Представлены сильно фрагментированными вариантами красноангобирванных мисок первого типа (рис. 74, 45; рис. 75, 35), но преобладающей формой были светлоангобирванные миски, встреченные как в слоях укреплений (рис. 74, 43, 44), так и на внутренней площади городища. В слоях укреплений отмечены миски пятого типа, которые похожи на тагара, но уступают им по размеру (рис. 74, 51). На внутренней площади городища найдены светлоангобирванные миски шестого типа, отдаленно напоминающие тазы третьего типа (рис. 75, 55, 57).

Отдельные экземпляры круговых мисок похожи на лепные миски нижнего горизонта. Такова, например, миска из укреплений, внешнесходная с лепными мисками четвертого типа (рис. 74, 52; ср. с рис. 72, 45).

Особое место занимает толстостенная круговая миска седьмого типа с вертикальными стенками и скругленным дном (рис. 75, 54), покрытая светлым ангобом и происходящая из помещения мастерской костереза. Она занимает как бы промежуточное положение между лепными мисками-сковородами и светлоангобирванными тазами третьего типа.

Ф л я г и. В помещении мастерской найдены горловины двух небольших фляг, одна из которых по общему облику несколько напоминает горловину кувшина пятого типа (рис. 75, 45). Она имеет в изломе желто-

розоватый черепок, отмечены примеси гипса и мелкого песка. Поверхность покрыта буро-красным ангобом. Другая горловина светлоангобированная (рис. 75, 30).

Почти целая фляга с венчиком близкой формы найдена у западной стены городища (раскоп IV). Она имеет довольно значительные размеры (диаметр корпуса более 50 см) и узкую горловину, оформленную отогнутым наружу венчиком (рис. 75, 22). Стенки отличаются весьма значительной неравномерностью толщины — на уплощенной стороне она составляет 2,5 см, а на выпуклой — местами менее 0,5 см. Черепок в изломе темно-серый. При обжиге был нарушен температурный режим, вследствие чего стенки стали хрупкими, местами ошлаковывались и растрескались. Трещины замазаны гипсом. В глине отмечены примеси извести и песка. Фляга из раскопа IV имеет значительное сходство с флягой, найденной на Куня-Уазе⁷⁴.

Крышки. В помещении мастерской найдена небольшая сегментовидная крышечка, она сделана из хорошо отмученной глины и украшена крестом, нанесенным красной краской на выпуклую сторону (рис. 75, 39).

Курильницы. В слоях укреплений встречены фрагменты крупных красноангобированных сосудов воронкообразной (или биконической) формы, которые обычно относят к курильницам (рис. 74, 42). Нельзя исключать, что найденные фрагменты (все или их часть) могут принадлежать сосудам, бытовавшим в нижнем горизонте.

Лепная керамика

Горшки. По-прежнему распространены лепные горшки первого типа, представленные, как и везде, большим количеством экземпляров, различающихся размерами (рис. 74, 16—19, 26; рис. 75, 58—60, 75). Некоторые экземпляры горшков из укреплений отличаются массивностью венчиков (рис. 75, 75). Вместе с горшками первого типа следует упомянуть миниатюрный горшочек, найденный в обмозке пандуса (рис. 74, 25). В слоях укреплений и на внутренней площади городища встречены отдельные экземпляры горшков четвертого типа (рис. 74, 21; рис. 75, 73, 74, 77). Внутри укреплений найдены также отдельные экземпляры лепных горшков второго типа (рис. 75, 62), варианты горшков пятого типа (рис. 74, 15, 27, 28). Появляются новые типы лепных горшков, ранее не встречавшиеся.

7. Горшок с коротким вертикальным горлом и сильно раздутым туловом (рис. 74, 33). Черепок красновато-серый в изломе, поверхность серая, слегка ошлакованная. Близкие формы известны на Джанбаскалинском поселении⁷⁵.

8. Сосуд с довольно высоким горлом и покатыми плечиками, с отверстиями-продухами в месте перехода от горла к плечикам (рис. 74, 29). Черепок в изломе красновато-лиловый, поверхность покрыта толстым слоем светлого ангоба. Находит аналогии среди материалов первого горизонта городища Топрак-кала⁷⁶.

9. Лепные горшочки со слегка расширенным горлом. На корпусе отверстия-продухи, оформленные дисковидными налепами. Горшочки орнаментированы вдавленными кружочками, оттиснутыми полой тро-

стинкой (рис. 75, 76), или прочерченной зигзагообразной линией (рис. 75, 68). Черепок в изломе желтоватый или серый, видны значительные примеси дресвы, шамота, извести.

10. Лепной горшок вытянутых пропорций с воронкообразным горлом, венчика нет, бережок приростен. Переход от горла к тулову подчеркнут рядом неглубоких вмятин, оставленных пальцами при формовке сосуда (рис. 75, 61). На плечике сосуда спиралевидный знак, прочерченный по сырой глине. Черепок в изломе темный, довольно рыхлый, отмечены примеси извести и крупного песка. На поверхности красновато-желтый ангоб со следами копоти.

Здесь же следует упомянуть и миниатюрный лепной горшочек «станковидной» формы (рис. 75, 20).

К у в ш и н ы. По-прежнему достаточно широко распространены лепные кувшины первого типа (рис. 74, 14, 20, 24; рис. 75, 65—67), встречаются (внутри городища) отдельные экземпляры второго типа (рис. 75, 71). Последние имеют малые размеры, узкое, несколько расширяющееся к устью горло, округлый бережок и покатые плечики (рис. 74, 13, 23). Черепок их в изломе красный, плотный, с примесями гипса. Поверхность покрыта светлым (бело-желтым) ангобом хорошего качества. Эти сосуды находят аналоги среди керамики среднего и верхнего горизонтов Кой-Крылган-калы⁷⁷.

Особое место занимает кувшинчик с ручкой в виде животного, найденный в мастерской костереца. Он имеет воронкообразное горло с незначительным утолщением по верху горловины (рис. 75, 72). Черепок в изломе плотный, красно-кирпичный, в глиняном тесте отмечены примеси песка и мелких комочков гипса. Поверхность покрыта толстым слоем бело-желтого ангоба. Лепные сосуды с зооморфными ручками встречены в слоях первых веков нашей эры повсеместно⁷⁸.

М и с к и. Подавляющее большинство лепных мисок относится к первому типу (рис. 74, 34; рис. 75, 63, 64). Внутри городища встречены миски четвертого типа (рис. 75, 69, 70, 78, 79).

В укреплениях (помещение 4) найдена круглодонная миска с толстыми стенками и отогнутым наружу краем бортика (рис. 74, 35). Она имеет темный в изломе черепок, много примесей песка и комочков гипса. Поверхность покрыта толстым слоем желто-коричневого ангоба, залощенного до зеркального блеска. Миска отнесена к пятому типу.

Следует упомянуть и миниатюрную мисочку, повторяющую форму лепных мисок первого типа (рис. 75, 21).

М и с к и-с к о в о р о д ы. Встречены миски-сковороды разного размера (рис. 74, 32; рис. 75, 56), как правило, сильно фрагментированные.

К р ы ш к и. Фрагменты лепных крышек представляют уже известные типы: тип первый — плоские или слегка выгнутые (рис. 74, 10, 22, 36), некоторые из них при этом достигают весьма значительных размеров (рис. 74, 10); иные украшены пуансонным орнаментом (рис. 74, 22). К новому, не встреченному ранее типу (тип 3) следует отнести крышку сегментовидной формы с отверстием в центре и отогнутым наружу краем (рис. 74, 31). Она имеет лиловато-розоватый в изломе черепок и покрыта светлым ангобом. Находит аналоги среди материалов среднего и верхнего горизонтов Кой-Крылган-калы⁷⁹. Крышки, близкие крышкам

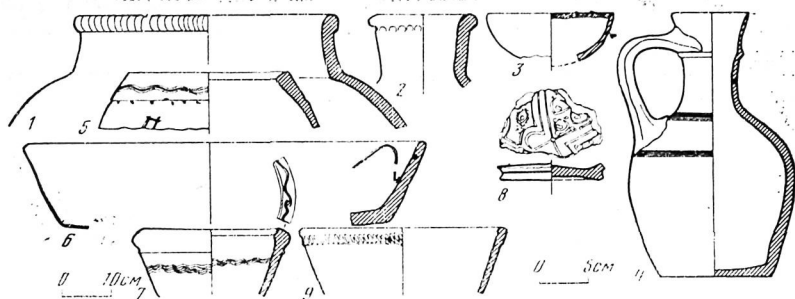

Рис. 76. Гончарная керамика из поздних слоев обживания Капараса
 1, 2, 4—7, 9 — светлолигбирированная; 3, 8 — поливная. 1, 2, 9 — помещение 4, завал; 3—8 — восточный коридор

первого типа, найдены и в помещении мастерской. Там же встречена уплощенно-сферическая крышечка с отверстием в центре, сделанная из красновато-лиловой глины и украшенная на поверхности прорезным крестом (рис. 75, 18).

Светильники. В мастерской костереза встречены части по меньшей мере от пяти светильников обычного для памятника типа (рис. 75, 19).

Жаровни. Значительное количество фрагментов жаровен, сформованных из слабообожженной глины, найдено в мастерской костереза. Форму и размеры одной из жаровен удалось восстановить (рис. 75, 84).

ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ОБЖИВАНИЯ

Найденная в этих слоях керамика немногочисленна, но дает очень характерные материалы афригидского времени, обнаруженные главным образом в завалах предвратного комплекса (рис. 76, 1, 2, 9). Встречены также формы, характерные для керамики IX—XI вв. (преимущественно в слое обживания восточного коридора крепостной стены). Среди этой керамики имеются хумы (рис. 76, 5), тазы и чаны (рис. 76, 6, 7), светлоглиняный кувшин (рис. 76, 4) и фрагменты поливных чаш, последние с черной полосой по бортику чаши, покрытой бело-желтой поливой (рис. 76, 3), и с черно-коричневым узором по светлому фону (рис. 76, 8).

* * *

Среди керамики, происходящей из сохранившихся культурных наслоений Капараса, преобладают сосуды, вылепленные от руки, без применения гончарного круга. Это главным образом лепные кухонные горшки первого типа (рис. 72, 14, 23, 24; рис. 73, 7, 8, 20; рис. 74, 16—19, 26; рис. 75, 58—60, 75), кувшины первого типа (рис. 72, 21, 51; рис. 73, 14, 20, 24; рис. 75, 65—67), лепные миски (рис. 72, 35, 36; рис. 73, 17, 18; рис. 74, 34; рис. 75, 63, 64). Они встречены практически на всех полах всех помещений. Если отбросить формы сосудов, представленных одним-двумя экземплярами каждый, а такие сосуды есть практически в каж-

дом помещения, то выявляется весьма малое различие между керамикой нижнего и верхнего горизонтов, что может, с одной стороны, служить свидетельством длительного бытования основных форм посуды, с другой — кратковременности интервала между периодами. Вместе с тем верхние полы верхнего горизонта в некоторых случаях характеризуются присутствием ряда новых, до этого неизвестных форм. Новые формы сосудов распределяются по памятнику неравномерно. Внутри городища это, например, красноангобированные кувшины десятого (рис. 75, 33), одиннадцатого (рис. 75, 29) и двенадцатого (рис. 75, 31) типов, а в укреплениях, особенно в предвратном комплексе, светлоангобированные кувшины седьмого (рис. 74, 47, 49, 50), восьмого (рис. 74, 20) и девятого (рис. 74, 46) типов, а также некоторые из типов тагара (рис. 74, 8, 9, 11). Если при этом учесть, что светлоангобированные круговые кувшины седьмого и восьмого типов относятся к наиболее поздним формам памятника и встречены только в помещениях предвратного комплекса, то получает дополнительное подтверждение вывод о сокращении площади обживания на последнем этапе жизни крепости (см. выше).

Характерной особенностью керамики Капараса является зависимость технологии изготовления некоторых форм от величины сосудов — крупные делались на гончарном круге, а мелкие лепились от руки.

Светлоангобированная лепная керамика ремесленного производства представлена довольно значительным количеством типов, но каждый из них — тремя-четырьмя, а то и одним сосудом, и все они сильно фрагментированы. Это горшки пятого (рис. 73, 21; рис. 74, 15, 27, 28), шестого (рис. 73, 12, 13), восьмого (рис. 74, 29) типов, кувшины второго типа (рис. 72, 17), крышки (рис. 72, 18, 20; рис. 74, 31; рис. 75, 18) и некоторые другие виды сосудов. Генетическая связь основной массы лепных сосудов (за исключением грубой керамики с темным рыхлым черепком) со светлоангобированной лепной ремесленной керамикой несомненна.

Анализ керамики Капараса показывает, что жизнь на территории крепости началась в IV—III вв. до н. э. и продолжалась до III—IV вв. н. э. После этого крепость была заброшена и обживались только развалины. Культурные слои, из которых происходят керамические материалы, могут быть датированы III—IV вв. н. э., хотя нельзя исключать и возможность их более дробной датировки — второй половиной II—III в. н. э. (нижний горизонт) и концом III—IV в. н. э. (верхний горизонт).

3. Предметы вооружения, бытового и производственного назначения, украшения

Вещей, найденных при раскопках крепости Капарас, не так много, но они довольно разнообразны по материалу и назначению.

В соответствии с описанием памятника инвентарь распределен по горизонтам, а внутри них — по назначению вещей. При таком делении в группы по назначению включены предметы из разного материала. Терракотовые статуэтки, печати и их оттиски, буллы рассматриваются в целом по всему памятнику, с указанием места их находки в каждом случае.

На немногочисленных участках с остатками культурного слоя раннеантичного времени вещей почти не было; найдено два бронзовых втуль-

чатых трехперых наконечника стрел и шесть поделок из черепков сосудов. Два предмета (бронзовый втульчатый трехперый наконечник стрелы и бронзовый пробойник) оказались в переотложенном состоянии в наслоениях периода позднего обживания уже покинутой крепости.

Как уже говорилось, два сломанных наконечника (рис. 55, 2, 3) найдены с внешней стороны северной стены предвратного сооружения. Один из них был воткнут острием в паховое основание стены (рис. 55, 3). Третий наконечник сохранился полностью (рис. 55, 1), найден в завале в южном коридоре. Это трехперый наконечник с массивной выступающей втулкой и узким пером с жальцами. Лопасты выступают слабо, жальца асимметричны. Все стрелы могут относиться к типу VI, по классификации К. Ф. Смирнова, и датироваться IV в. до н. э. Аналогии им есть в комплексах из Хорезма, а также в савроматских памятниках Уральской группы. Сходство между савроматскими наконечниками VI типа и некоторыми хорезмийскими отмечалось К. Ф. Смирновым⁸⁰.

Из стенок и днищ сосудов раннеантичного времени сделано бочонковидное грузило (найденно в обломках), из профилированной части ножки красноангобированного бокала — терочки или лошила. Кроме того, найдено три керамических кружка диаметром 5,6, 5,7 и 7 см и овал размером 9,3×7,8 см. Все находки сделаны на территории, занятой позже костерезной мастерской (помещение 10).

В наслоениях кушанского времени кроме фрагментов керамики обнаружено 419 предметов: в нижнем горизонте — 174, в верхнем — 245. По месту залегания в нижнем горизонте вещи распределились более или менее равномерно, с некоторым превышением в предвратном комплексе, здесь найдено 64 предмета; в коридорах и башнях их было 56, в различных местах внутри крепости — 53, в том числе в помещениях 10³ и 11—14. В верхнем горизонте картина изменилась. На коридоры и башни пришлось всего 16 предметов, в помещениях предвратного комплекса найдено 47, внутри крепости — 164, причем в помещении 10, в котором в верхнем горизонте располагалась мастерская, сосредоточилось 130 предметов, из них 71 относится к производственной деятельности.

По материалу они распределяются следующим образом: предметов из железа в нижнем горизонте встречено 2, в верхнем — 8; из меди и бронзы — 7 и 21 соответственно; из кости и рога — 47 и 59 (из них астрагалов 30 и 24); из камня — 25 и 47 (среди последних 22 абразива из обломков зернотерок, найденных в костерезной мастерской); из стекла — 1 и 12 (7 бусин); из искусственного алебаstra — 6 (верхний горизонт); из дерева — 5 и 9; из глины (кроме посуды) — 86 и 80 (из них поделок из черепков сосудов 59 и 56); из свинца — 1 (нижний горизонт); 3 обрывка ткани (верхний). Следует отметить, что предметов вооружения найдено немного: ядра для пращи, железный наконечник стрелы и роговые накладки для сложного лука.

НИЖНИЙ ГОРИЗОНТ

Предметы вооружения

Ядра для пращи. Всего их шесть — 3 каменных и 3 из необожженной глины. Одно глиняное ядро лежало в восточном коридоре на

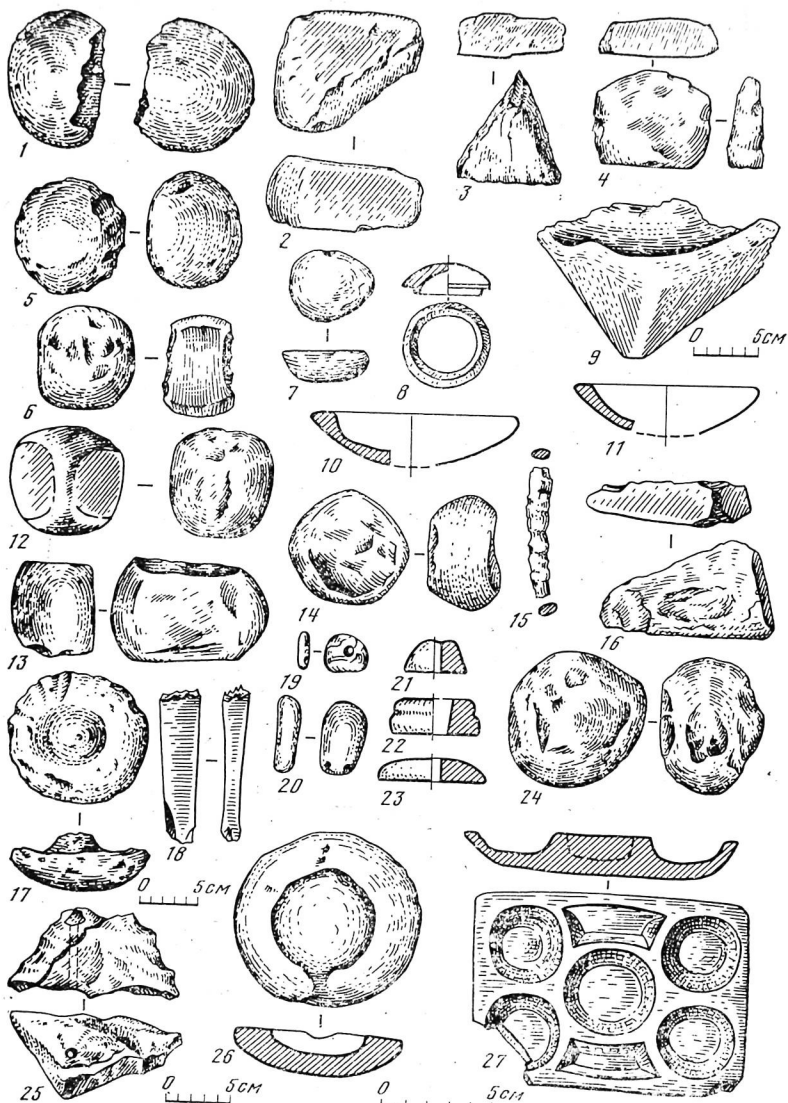

Рис. 77. Каменные изделия из Кипараса
 1-11 — нижний горизонт; 12-27 — верхний горизонт

нижнем полу, два — на нижнем полу башни 5. Все глиняные ядра шарообразны, диаметр их 5,0 и 5,5 см. Сохранность плохая. Из трех каменных ядер два (из песчаника) найдены в восточном коридоре, в слое над нижним полом. Одно из них — в виде правильного шара — хорошо обработано (рис. 77, 1). Другое (из завала северной стены) сделано из известняка, имеет правильную шаровидную форму (рис. 77, 5).

В Средней Азии ядра для пращи из различного материала известны на многих памятниках начиная с эпохи бронзы. Много глиняных ядер найдено в нижнем горизонте Кой-Крылган-калы, относящемся к IV—III вв. до н. э.⁸¹ Относительно употребления пращных ядер в кушанский период существования этого памятника определенных данных нет. Однако в Средней Азии в это время глиняные и каменные ядра продолжали применяться, свидетельством чему служат глиняные ядра диаметром от 5 до 10 см, обнаруженные при раскопках Зар-Тепе и Дильберджина в Бактрии⁸², и неоднократные находки ядер из гончарного шлака и камня в подъемном материале из Хорезма, в том числе на памятниках с кроющим слоем кушанского времени⁸³.

Предметы бытового и производственного назначения

Точило из песчаника в виде треугольной плитки (рис. 77, 3). Рабочей плоскостью служило основание. Найдено во дворе крепости над нижней поверхностью.

Терочки и ки немногочисленны, по материалу различны.

А. Каменные (2 экз.). Дисковидный (рис. 77, 6) из султануиздагского амфиболита; рабочая поверхность на боковой стороне. Найден на нижнем полу восточного коридора. Терочник в виде утюжка (рис. 77, 4) из черного султануиздагского камня. Рабочей плоскостью служило основание. Найден на втором полу помещения 4.

Б. Костяные (4 экз.). Один — из трубчатой кости крупного животного. Головка, плотный слой с которой был удален до губчатой ткани, служила, видимо, распилом или терочником. Края головки затерты до блеска; нижний конец кости срезан полукругом и залощен по краю. Орудие могло служить для очистки и выглаживания кожи. Найдено в слое над нижним полом в башне 5.

Три терочника сделаны из астрагалов овцы. У одного из них плотный слой кости срезан до губчатой ткани с гладкой широкой стороны и с одного из торцов. Губчатая поверхность могла служить для тонкой зачистки неровностей материала. Два других (рис. 78, 1, 2) сильно залощены со всех сторон, особенно боковой, на которой остались следы работы, образовавшиеся, вероятно, от растирания твердых мелких комочков в порошок. Найдены на нижнем полу восточного коридора и на втором полу помещения 5.

Пестик из гальки. Тупой и острый концы сильно залощены; на заостренном видны мелкие выбоины; на одной из длинных сторон остались поперечные царапины. Найден во дворе крепости над нижней поверхностью. Размер 6,2×2×1,8 см.

Лошिला (6 экз.) из разных материалов.

А. Каменные (4 экз.). Два сделаны из крупных галек и сильно залощены. Найдены на нижнем полу помещения 4 и над третьим полом по-

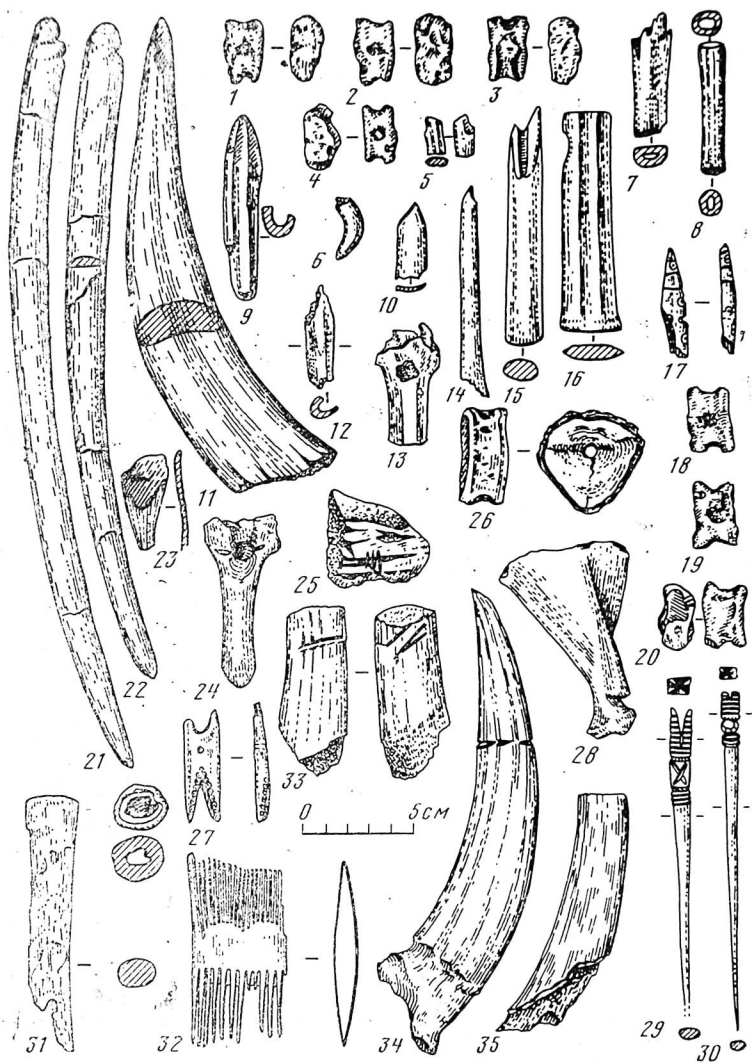

Рис. 78. Костяные и роговые изделия из Капараса

1—14 — нижний горизонт; 15, 30 — верхний горизонт; 31—34 — период позднего обживания

мещения 1 (рис. 77, 2). Одно выполнено из небольшой расколотой гальки (рис. 77, 7); рабочая поверхность на сколе. Обнаружено в помещении 5, под обмазкой пандуса. Еще одно, из черного султануиздагского камня, заполировано на четырех плоскостях. Найдено в помещении 5, над вторым полом.

Б. Костяные (2 экз.). Сделаны из астрагалов овцы, сильно залощены, особенно с плоской подрезанной боковой стороны. На блестящей поверхности остались следы работы (рис. 78, 3, 4). Одно найдено на нижнем полу восточного коридора, второе, с просверленным отверстием, — в свалке у входа в южный коридор. Астрагалы-лощила известны по материалам из жилых кварталов на городище Топрак-кала⁸⁴.

Зернотерки и жернова в нижнем горизонте почти не встречались. Одна зернотерка вместе с курантом найдена во внутреннем дворе, расположенном в 30 м к югу от ворот. Обломки зернотерок и половина плоского нижнего жернова встречены на нижнем полу помещения 4, один кусок зернотерки — на втором полу помещения 6.

Угол тарапана (?) из песчаника со сливом для выдавленного сока (рис. 77, 9). Обнаружен на нижнем полу южного коридора. Размер 14×17 см; высота 8 см. Фрагмент похож на угол переносного тарапана, найденного на Боспоре у поселка Ильичевка и датированного первыми веками нашей эры⁸⁵.

Пряслица. В наслоениях нижнего горизонта найдено 6 готовых пряслиц и 3 незаконченных. Они сделаны из стенок (4 экз.) и донышек (5 экз.) гончарных сосудов и по форме делятся на дисковидные и сегментовидные. Дисковидных пряслиц, включая неоконченные, 8 экземпляров, из них 3 выточены из красноангобированных стенок, 3 — из донышек чаш на дисковидном поддоне (рис. 79, 1, 2) и 2 — из стенки толсто-стенного сосуда. Судя по весу, пряжа вырабатывалась разной толщины. У всех пряслиц диаметр отверстия внизу на 1 мм больше, чем сверху, где он колеблется от 0,5 до 1,1 см; очевидно, веретено книзу утолщалось. Одно прясло из стенки сосуда украшено высверленными углублениями (рис. 79, 3).

Сегментовидные пряслица (2 экз.) изготовлены: одно — из дна красноангобированного сосуда (рис. 79, 5), второе — из поддона бокала на высокой ножке (рис. 79, 6).

Четыре пряслица найдены в слое над нижним полом помещения 10, позже перекрытого костерезной мастерской, два — в южном коридоре, остальные — по одному в разных местах. По незаконченным экземплярам видно, что отверстие сверлилось с двух сторон на конус и позже растачивалось (рис. 79, 4).

Кочедык (?) из рога (рис. 78, 11). Тонкий конец верха рога неровно срезан и залощен. Длина 22 см, толщина конца 1,1—0,3 см. Менее залощенный толстый конец по окружности пропилен; по залощенному пропилу — облом. Найден во дворе крепости на нижней поверхности.

Проколки сделаны из расщепленных трубчатых костей толщиной 0,2—0,4 см (5 экз.), одна — на корневом конце зуба животного, срезанном фасетками, которые выделяют острие длиной 0,2, толщиной 0,1 см (рис. 78, 6). Последняя найдена на нижнем полу западного коридора.

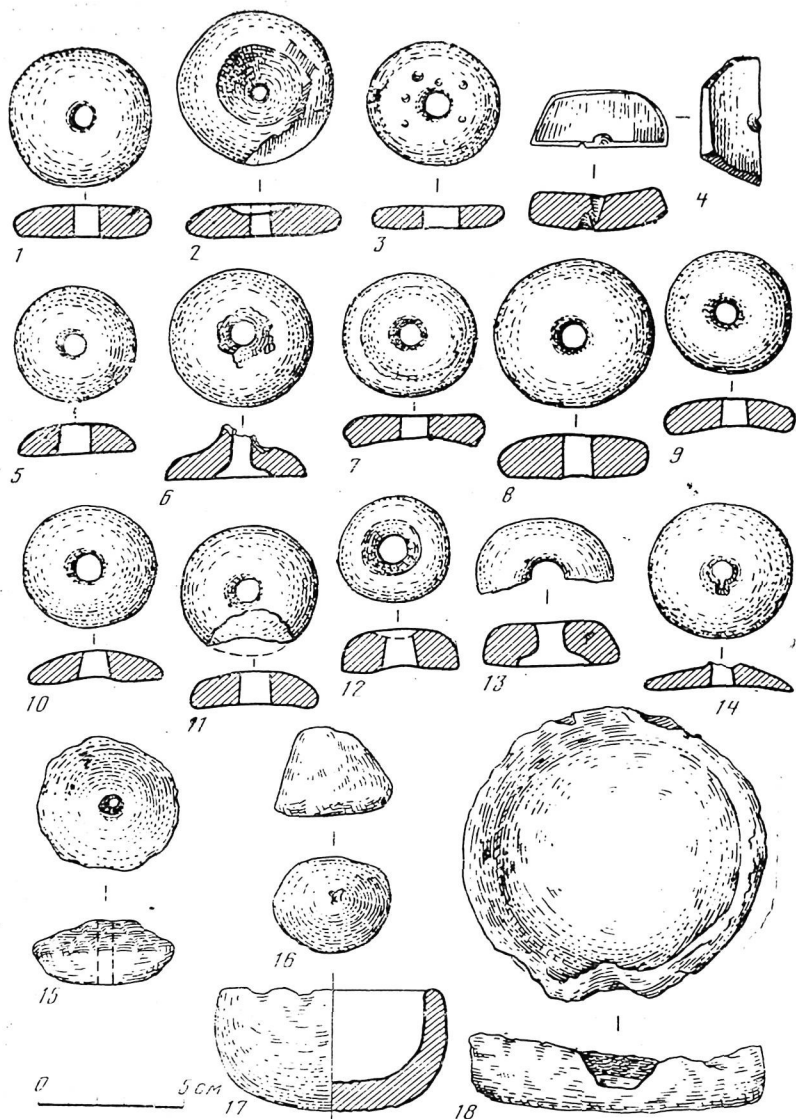

Рис. 79. Подделки из черепков сосудов и гипса из Капараса
 1-6 — нижний горизонт; 7-18 — верхний горизонт; 1-14 — керамика; 15-18 — гипс

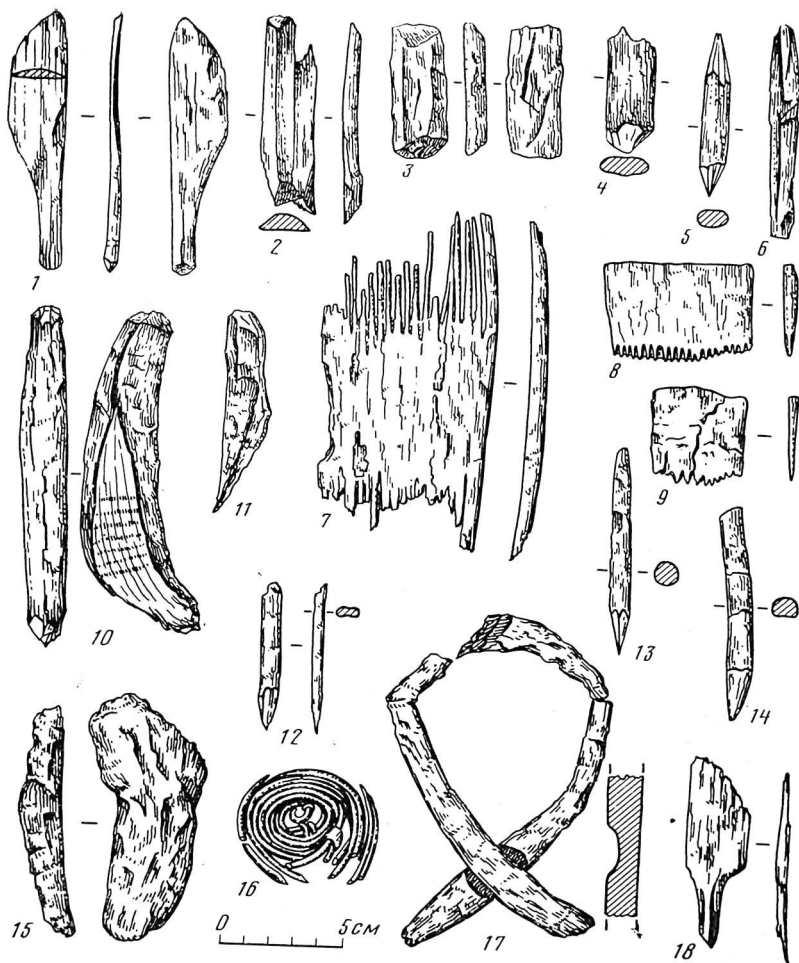

Рис. 80. Деревянные предметы из Капараса
 1-6 — нижний горизонт; 7-17 — верхний горизонт; 18 — поздний период обживания

дора севернее башни 5. Все проколки из трубчатых костей имеют довольно широкое в основании короткое, сильно залощенное острие (ширина от 0,2 до 1,2 см; длина 0,5 и 0,9 см). Три проколки найдены на нижнем полу башни 5 (рис. 78, 5, 12, 14), две — на нижнем полу помещения 5 (рис. 78, 9, 10).

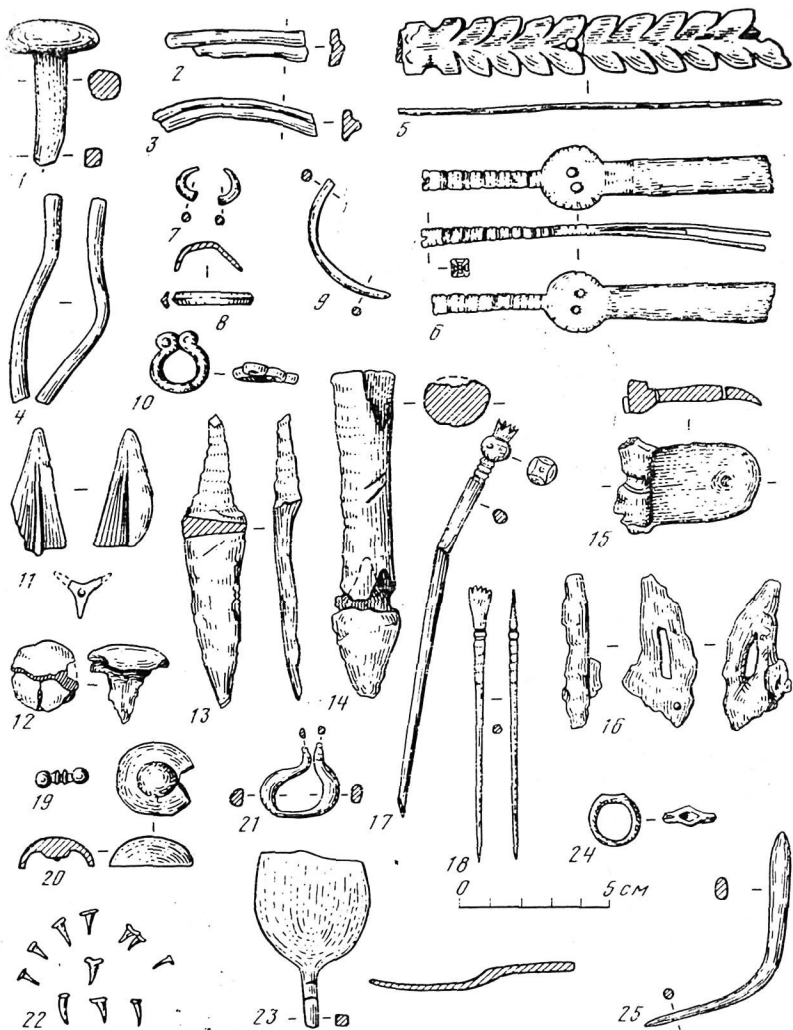

Рис. 81. Металлические предметы из Канараса

1—10 — нижний горизонт; 11—22 — верхний горизонт; 23—25 — поздний период обживания

Костяные трубки (2 экз.). Одна из них тщательно сделана и залощена со всех сторон (рис. 78, 8). Торцы аккуратно обрезаны, скруглены и сильно залощены; оба отверстия овальные, причем овалы вытянуты перпендикулярно друг другу и образованы расширением на концах узкого канала в средней части трубки. Найдена в втором полу помещения 4. Вторая трубка с обломанными концами (рис. 78, 7) также с овальным отверстием. Поверхность сильно залощена; на выпуклой стороне трубки — неглубокие насечки. Найдена в помещении 6 на четвертом (верхнем) полу. Подобные костяные предметы часто встречаются при раскопках и определяются как игольники с вставным дном (Топрак-кала)⁸⁶ или как рукоятки ножей и шильев⁸⁷.

Изделие из трубчатой кости с головкой, на противоположном конце срез, под головкой пробито подквадратное отверстие (рис. 78, 13). Найдено в южном коридоре на нижнем полу. Аналогичное изделие длиной 16,3 см обнаружено в кургане 6 Кенкольского могильника. А. Н. Бернштам считал его сунаком⁸⁸.

Астрагалы. В наслоениях нижнего горизонта собрано 25 овечьих астрагалов и 5 более крупных. Они найдены по 1—2 экземпляра на разных полах почти во всех помещениях и коридорах — восточном (7 овечьих и 5 крупных) и южном (2 экз.), а также в свалке у входа в южный коридор (3 экз.). Лишь четыре овечьих астрагала не имеют следов лощения, поверхность остальных в той или иной степени залощена со всех сторон или только с боковых; один просверлен (рис. 78, 4). Пять астрагалов использовались в качестве орудий труда (лощила и терочки), остальные могли служить костями для игры или амулетами⁸⁹.

Поделки из дерева. Среди многочисленных обломков палок выявлено три в виде бирок из расщепленных вдоль кусков, торцы которых с выпуклой стороны срезаны наискось. Одна обстругана и с длинных сторон (рис. 80, 2). На одной из двух плоско-выпуклых (рис. 80, 3) на плоской стороне нанесен знак, вторая обломана, конец ее обструган (рис. 80, 4). Найдены над вторым полом помещения 4. Один кусок палки с двух сторон заструган на конус; поверхность его, особенно на концах, залощена (рис. 80, 5). Встречен в западном коридоре, севернее башни 5, под обмазкой нижнего пола. Кусок обтесанной палки с зарубкой найден на нижнем полу восточного коридора (рис. 80, 6).

Деревянный предмет в форме короткого широкого ножа (рис. 80, 1). Ручка короткая, со сквозным отверстием на конце. Общая длина 10,6 см, наибольшая ширина обоюдоострого лезвия 2,2 см, ширина плоско-выпуклой ручки 0,8, толщина 0,45 см. Выпуклая сторона лезвия подходит к плоской стороне ручки, плоская — к выпуклой. Ручка залощена сплошь, лезвие — на выпуклой стороне и по краям. Найден в помещении 4, над вторым полом. Назначение предмета не ясно; по свидетельству местных жителей, деревянные ножи разных размеров применяются в домашнем ткачестве и в наши дни.

Гвозди железные (2 фрагмента). Верхняя часть гвоздя с овальной в плане округло-уплощенной шляпкой и толстым штырем. Сохранившаяся длина 5,5 см, целый мог достигать 8,0—8,3 см (рис. 81, 1). От второго экземпляра сохранился обломок штыря, почти круглого в сечении (0,7×0,6 см) с одной стороны и квадратного — с другой (0,6×

×0,6 см). Оба фрагмента найдены на нижнем полу проезда 7, близ въезда, и служили, видимо, для скрепления досок ворот. Подобные, но медные есть во втором кургане Пазырыка.

Утварь

Каменные сосуды. Представлены обломками небольших блюдец из серого мраморовидного известняка и маленькой крышкой. Они круглые, с широким массивным немного скругленным краем, почти плоским по бережку, и округло-уплощенным дном (рис. 77, 10, 11). Поверхность прекрасно обточена. Меньший найден в яме, заглубленной в материк, у середины западной стены, во дворе крепости (раскоп IV), совместно с керамикой кангюйского и кушанского времени, второй — на нижнем полу южного коридора.

Подобные блюда — частная находка в Хорезме на памятниках античного периода. Встречены они и при раскопках Кой-Крылган-калы; два фрагмента обнаружены на городище Топрак-кала, С. А. Трудновская допускает возможность их длительного существования⁹⁰.

Крышка сегментовидная, миниатюрная, с выступающей по внутренней стороне невысокой закраиной, тщательно выточена из пестрого желто-серого камня (рис. 77, 8). Найдена в помещении 4, на втором полу. Каменные миниатюрные сосуды разной формы встречались в Хорезме в наслоениях античного времени⁹¹.

Украшения и предметы туалета

В наслоениях нижнего горизонта украшения представлены пятью изделиями, предметы туалета — тремя. Даже такие обычно распространенные украшения, как бусы, в слое полностью отсутствовали, что объясняется, видимо, характером памятника.

Бронзовая накладка, ажурная (рис. 81, 5). Концы обломаны. Сохранившаяся длина 12,8 см, ширина 1,8, толщина 0,2 см. Диаметр отверстий для крепления к основе 0,35 см. Выполнена в виде гирлянды с тесно посаженными листьями. Найдена над нижним полом восточного коридора.

Свинцовый стержень — круглый в сечении, утолщающийся к тупым концам, слегка вдавленным посередине (рис. 81, 4). Длина 7,7 см. Диаметр сечения средней части 4 см, концов — 6 см. Найден на нижнем полу южного коридора.

Свинцовые стержни довольно часто встречаются на памятниках Хорезма античного периода, они бывают с тупыми и заостренными концами. Утолщающийся к концам стержень обнаружен на Кой-Крылган-кале, в помещении среднего горизонта (I—III вв. н. э.). Более ранний найден при раскопках здания IV в. н. э. на Кала-гыре⁹². Назначение стержней не выяснено; иногда их считают разновидностью сурьматашей.

Серьги бронзовые, парные, в виде полуколец, круглого сечения с утолщенным верхним концом и заостренным нижним (рис. 81, 7). Диаметры 1,3 и 1,25 см, диаметр сечения утолщенной части 0,35×3 и 0,3×0,3 см. Найдены вместе на втором полу у прохода из помещения 4 в проезд 8.

Аналогичные серьги в Хорезме встречались неоднократно, в частно-

сти в верхнем горизонте Кой-Крылган-калы⁹³ (III—IV вв. н. э.), в кургане Дордуля на Верхнем Узбое, входящем в группу курганов последних веков до нашей эры — II—IV вв. н. э.⁹⁴, на поверхности Базар-калы и Базар-калы II с керамикой кушанского времени, на других памятниках того же периода.

Кольцо на перстное, пластинчатое. Фрагмент (рис. 81, 8). Наружная сторона слегка выпуклая, с невысоким выступом по средней линии, внутренняя — вогнутая, гладкая. Ширина шинки 0,55 см, толщина по краям 0,1—0,15, по выступу 0,2 см. Найдено в помещении 2, на нижнем полу.

Браслет с разомкнутыми скругленными концами из толстой проволоки; сохранилась неполная половина (рис. 81, 9). Длина дуги 6 см, сечение 0,3×0,25 см. Найдено в углу прохода между помещениями 2 и 4, на третьем полу. Подобные браслеты, как и кольца, были широко распространены в разные периоды.

Пряжка типа сюльгамы размером 2,1×1,9 см (рис. 81, 10). Разомкнутые концы уплощены и завернуты в сближенные спирали шириной 0,6 и 0,4 см; сечение шинки круглое (0,4×0,4 см); язычок утрачен. Найдена в свалке у входа в южный коридор.

Сюльгамы аналогичной формы относятся к наиболее ранним и были распространены довольно широко. Они появляются в первых веках нашей эры, но наиболее часто встречаются в III—IV вв. н. э.⁹⁵ В Абхазии пряжки-сюльгамы относятся к характерному инвентарю II в. н. э.⁹⁶ Наиболее близкая аналогия капарасской — сюльгама из среднего горизонта Кой-Крылган-калы⁹⁷.

Пинцет (?) бронзовый, с массивной орнаментированной ручкой и широкими щипчиками (концы обломаны). Длина 11,4 см; ширина щипчиков у облома 1,3 см; сечение рукоятки сверху 0,65×0,6 см (рис. 81, 6). Найдено в помещении 4, на втором полу. Прямыми аналогий найти не удалось. Отдаленно напоминает пинцет из могильника Большие Елбаны (II—IV вв. н. э.)⁹⁸. В римское время на территории римских провинций и в Северном Причерноморье пинцеты известны среди косметических и медицинских инструментов, причем для извлечения посторонних предметов из раны и удаления волос употреблялись пинцеты с широкими, слабо загнутыми или прямыми концами⁹⁹.

Фрагмент стеклянного сосуда*. В наслоениях кушанского времени обнаружено двадцать фрагментов от шести сосудов, из которых один найден на полу нижнего горизонта, остальные — в наслоениях верхнего горизонта.

В нижнем горизонте встречен фрагмент венчика сосуда из бледно-голубого прозрачного стекла без иризации (рис. 82, 1). Венчик выступающий, с плоским, чуть скошенным наружу бортиком; горло цилиндрическое. Наружный диаметр венчика 3,7 см, горла — 2,7; толщина стенки 0,3 см. Найдено в помещении 6, на третьем полу. Фрагмент датирован Н. П. Сорокиной III в. н. э. По форме сосуд мог приближаться к колбообразным флаконам или бальзамариям, неоднократно встречавшимся

* Пользуюсь случаем поблагодарить Н. П. Сорокину, помогавшую мне в работе с изделиями из стекла и сделавшую графическую реконструкцию чаши и кафара, охарактеризованных ниже, а также указавшую ряд аналогий.

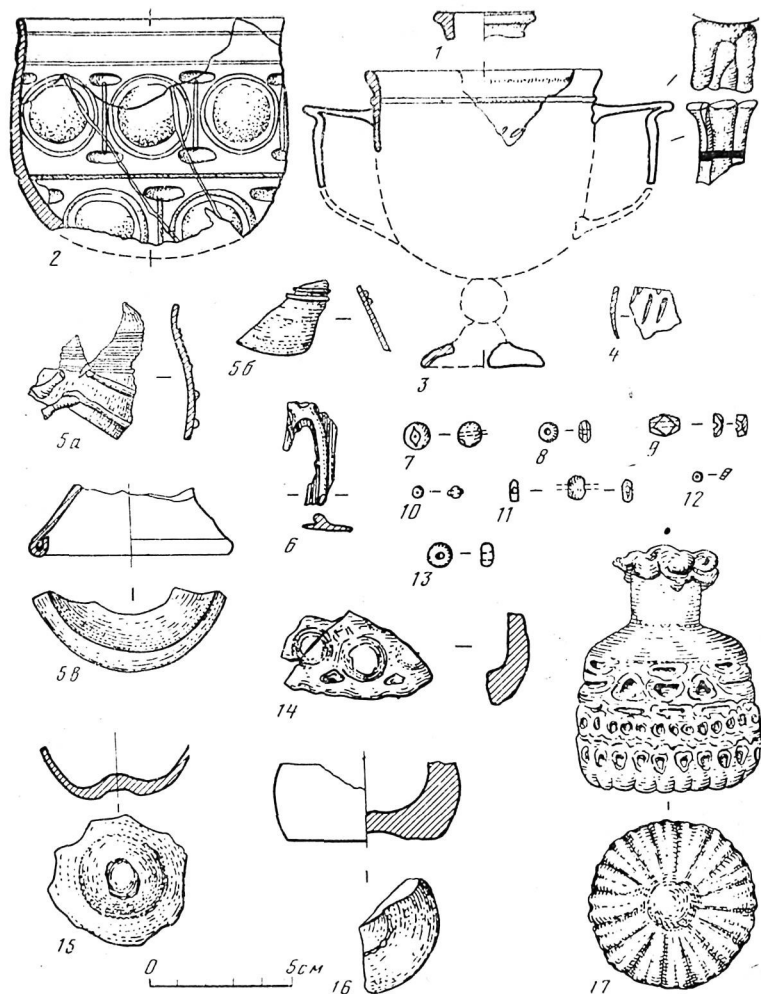

Рис. 82. Стекланные изделия из Капараса

1 — нижний горизонт; 2—13 — верхний горизонт; 14—17 — период позднего обживания (2,3 — реконструкция Н. П. Сорокиной)

на Кавказе и среди стеклянных изделий Танаиса. Такие сосуды изготавливались и в сирийских мастерских. Распространены они были в первых веках нашей эры, как правило не позже III в.¹⁰⁰

Среди находок из нижнего горизонта следует также упомянуть многочисленные (59 экз.) поделки из стенок сосудов ранне- и позднеантичного времени, как правило, кружки, иногда с отверстием. Этот тип находок широко распространен во времени (в памятниках эпохи бронзы различных регионов) и датирующим не является.

ВЕРХНИЙ ГОРИЗОНТ

В наслоениях верхнего горизонта набор вещей изменился мало. Прибавилось несколько орудий труда и появились отходы производства, что связано с работой костерезной мастерской. Украшений и домашней утвари по-прежнему немного. Большая часть находок оказалась на верхнем полу мастерской.

Предметы вооружения

Железный наконечник стрелы, трехлопастной черешковой с треугольной головкой (основание лопастей перпендикулярно оси стрелы), сохранилась фрагментированная боевая головка длиной 4,3, шириной в основании около 2 см. Найден над нижним полом мастерской (рис. 81, 11). Этот тип наконечников, появившись на рубеже IV—III вв. до н. э., был широко распространен в первых веках нашей эры¹⁰¹. Подобные наконечники известны у сарматов Поволжья и Приуралья, на Кавказе, в Средней Азии, на территории Афганистана¹⁰² и в Дура-Европос (в погребениях I—III вв. н. э.)¹⁰³. В Хорезме похожий наконечник, но меньшего размера найден в среднем горизонте Кой-Крылган-калы, в могильниках Туз-гыр и Тумек-кичиджик¹⁰⁴.

Накладки на концы лука (см. рис. 78, 21—23). В мастерской, в слое над верхним (третьим) полом и на полу, найден 21 фрагмент накладок из рога оленя (некоторые состоят из более мелких обломков). С. М. Колякову удалось собрать и выделить две полные пары¹⁰⁵, одну без нижней части у обеих накладок и одну дефектную из мелких обломков; более широкие фрагменты, видимо, принадлежат средним частям.

Предметы бытового и производственного назначения

Ножи. Железные черенковые (4 экз.). Наиболее сохранившийся нож (рис. 81, 13) небольшой, с прямым лезвием и слегка горбатой спинкой. Длина рабочей части 7 см, ширина у черенка 2, общая длина 10 см. Черенок треугольный, плоский, с сохранившимися волокнами от роговой рукоятки. Переход от черенка к рабочей части плавный с обеих сторон, но несколько асимметричный. Найден на нижнем полу помещения II.

В костерезной мастерской встречено три фрагмента сильно сработанных ножей того же типа. Один из них (рис. 81, 14) с роговой рукояткой, от рабочей части осталось всего 2,9 см; рукоятка в сечении овальная (2,0×1,65 см), длина ее 8,1 см, верх плоский, край его скруглен. Был втопан в обмазку нижнего пола мастерской. Два других фрагмента найдены над верхним полом и в его обмазке.

Небольшие железные однолезвийные ножи с деревянной, костяной или роговой рукояткой были широко распространены в последних веках до нашей эры и особенно в первых веках нашей эры. Из многочисленных ножей, найденных на обширной территории, близки капарасским ножи

из кургана 2 могильника Туз-гыр (I—III вв. н. э.)¹⁰⁶ и из курганов в урочище Дордуль на Верхнем Узбое (первые века нашей эры)¹⁰⁷. Однотипный, но более крупный нож найден на Куня-Уазе, в левобережном Хорезме (слой III—IV вв. н. э.)¹⁰⁸.

Рукоятки ножей (5 экз. — 3 костяные и 2 из рога). Рукоятки из рога длиной 8,1 и 9,0 см. В более узком конце выдолблено коническое углубление для черенка. На одной из рукояток две параллельные косые насечки (рис. 78, 14). Поверхность хорошо заглажена. Найдена на нижнем полу мастерской вместе с ножом. Вторая рукоятка обнаружена на нижнем полу помещения 11. Ножи с роговыми рукоятками находят и в других местах. Как пример можно привести нож из могилы XXIII в кургане 8 могильника Кокэль в Туве (первые века нашей эры)¹⁰⁹.

Среди рукояток из кости одна (рис. 78, 15) узкая, почти ромбическая в сечении, но с округленными ребрами. Поверхность залощена. Вторая — плоская, пятиугольная в сечении; ребра скруглены (рис. 78, 16). Поверхность прекрасно отполирована. В узких концах рукоятей прорезаны отверстия для черенка. Обе рукоятки найдены в мастерской на верхнем полу и, по мнению С. М. Колякова, в употреблении не были¹¹⁰. Любопытно, что аналогичная пара рукояток встречена также в костерезной мастерской, но на другой территории, относится к другому времени (Бельское городище, конец VI — начало V в. до н. э.)¹¹¹.

От третьей рукоятки сохранился небольшой фрагмент с отверстием для заклепки, украшен циркульным орнаментом и врезанными полосами (рис. 78, 17). Найден в культурном слое, сползшем со второго этажа предвратного комплекса.

О с е л о к из серого сланца, продолговатый, суживающийся к концу; поперечное сечение прямоугольное (рис. 77, 18). Средняя часть сточена сильнее, концы обломаны. Найден в помещении 4, на нижнем полу.

Т о ч и л ь н а я п л и т к а из песчаника. Длина 8,5 см, ширина 5,8, толщина 2,8 см. Рабочая поверхность наиболее широкая, залощена до слабого блеска; оборотная сторона и боковые грани оббиты. Найдена в помещении 6, на нижнем полу.

П л и т к а для заточки и правки металлических предметов из песчаника неправильно трапецевидной формы. Длина 13 см, ширина 8,1—5,1, толщина 2,7 см. Рабочая поверхность (посредине широкой плоскости) залощена до блеска; есть мелкие продольные царапины. Обратная сторона и боковые грани оббиты. Найдена в помещении 6 на нижнем полу.

Т е р о ч н и к и (5 экз.). Три экземпляра сделаны из амфиболита (рис. 77, 12, 13, 24) и два — из песчаника. Они неправильно шарообразной или приплюснутой формы, один (из песчаника) полушарный. Диаметры от 7,2 до 5,0 см; высота от 4,5 до 3,5 см. У шаровидных терочников рабочие поверхности плоские. Два шаровидных орудия из амфиболита найдены над верхним полом мастерской; один, приплюснутый, из того же материала — во дворе крепости, на западном участке, у северной стены. Терочники из песчаника найдены: приплюснутый — в яме 2 во дворе крепости (рис. 77, 14), полушарный — в западном коридоре, севернее башни 5, на верхнем полу.

П е с т и к и (2 экз.). Один — из небольшой гальки. На более тонком конце мелкие выбоины (рис. 77, 20). Найден на нижнем полу мастер-

ской. Второй пестик сделан из конкреции. Концы срублены и сильно затерты. Найден в помещении 1, на нижнем полу (рис. 77, 15).

Лошिला выполнены из камня и кости.

А. Каменные лошिला. Два сделаны из галек. Одна галька расщеплена; лошилом служила более толстая боковая сторона. Найдена в мастерской на втором полу. Вторая галька тонкая, овальная. Одна широкая сторона плоская, вторая — выпуклая. На плоской рабочей стороне мелкие царапины. Найдена над нижним полом мастерской. Третье лошило сделано из разбитой пополам, полой внутри, округлой песчаниковой конкреции. Рабочей служила выпуклая сторона (рис. 77, 26). Диаметр 7,9 см, толщина 1,5—2,0 см. Найдена на верхнем полу мастерской.

Б. Костяные лошила (3 экз.) из бараньих астрагалов. Сильно заложена более плоская боковая сторона, видимо, предварительно обрезанная, на остальных — лощение слабое, вероятно, от рук работающих. На залощенных боках остались царапины (рис. 78, 20). Два лошила найдены на нижнем полу помещения 1, одно — в яме 1 у северной стены на западном участке (раскоп XII А).

Зернотерки и жернова, как и в нижнем горизонте, почти не встречались. Большая ладьевидная зернотерка с обломанным концом найдена на втором полу мастерской, служила теркой; обломки остальных — абразивы.

Жернова из песчаника. Два обломка залежали на верхнем полу мастерской. Один, с плоской рабочей поверхностью, — от нижнего диска, второй — от верхнего, со слегка вогнутой рабочей поверхностью и округлой верхней. Центральное отверстие верхнего диска — воронкообразное, расширяющееся кверху для засыпки зерна (диаметр от 6 до 4 см); через центр крест-накрест проходят неглубокие желобки. Толщина верхнего диска 5 см, нижнего — около 3 см. Еще один фрагмент верхнего диска найден в хозяйственном дворе у восточной стены крепости. Диаметр диска 48 см, центрального отверстия вверху — около 6 см; рабочая поверхность слегка вогнута.

Подобные жернова встречаются на разных памятниках Средней Азии в слоях первых веков нашей эры. Много жерновов найдено в квартале мукомолов античного Мерва, в слое II—III вв. н. э.¹¹²

Мельничная установка из двух жерновов обнаружена при раскопках поселения Коша-Хаудан в Северной Парфии (I—II вв. н. э.)¹¹³. Жернова того же типа существовали в первых веках нашей эры и на более широкой территории. В Прикубанье по величине и устройству они близки среднеазиатским¹¹⁴.

Абразивный инструмент из песчаника для шлифовки предметов с округлым краем. Форма высокая, в виде утюжка; рабочими поверхностями служили основание, торец и одна из широких плоскостей с продолговатым овальным углублением. Длина 7,3 см, высота 4,4, толщина 2,3 см. Обнаружен во дворе, в яме 2 (рис. 77, 16). Другие абразивы найдены в мастерской. На втором полу их шестнадцать, на верхнем — шесть.

Каменное грузило в виде трехгранной усеченной пирамиды (рис. 77, 25) из обломка зернотерки. Ширина основания 13,4 см, высота 6,2, диаметр отверстия 1 см. Найдено на поверхности хозяйственного двора у западной стены.

Подпятники каменные (2 экз.). Один из светлого песчаника, сильно сработанный, найден около проема для ворот в проседе 7 на полу верхнего горизонта: мог служить подпятником для створки ворот. Диаметр 12,5 см, высота 4,8 см; диаметр выступа 4,7, высота 1,6 см (рис. 77, 17). Второй встречен в мастерской на верхнем полу. Диаметр 16 см, общая высота 8 см. Диаметр выступа 6, высота 2 см. Поверхность вокруг выступа залощена до зеркального блеска. Предполагается, что это шарнир обтачивающей установки.

Пряслица (17 экз.). Сделаны из разных материалов. По форме подразделяются на дисковидные, сегментовидные, усеченно-конические и чечевицеобразные. Вне зависимости от формы и размера центральные отверстия их, как и у найденных в нижнем горизонте, на 1—2 мм расширяются к основанию.

Пряслица, выточенные из черепков (12 экз.), чаще дисковидные (их семь). Качество выработки различное; у некоторых на краю центрального отверстия заметны мелкие выбоины и царапины, часто затертые.

Дисковидные пряслица сделаны из донышек (6 экз.), днищ чаш на дисковидном поддоне (4 экз.) и стенок (1 экз.), в основном красноангобированных сосудов (рис. 79, 7—9). Два из них найдены на территории хозяйственного дворика у западной стены крепости, остальные по одному — в верхнем слое у восточной стены, на нижнем полу западного коридора, на нижнем полу в башне 6, в мастерской на втором полу и в помещении 11 на нижнем полу.

Сегментовидные пряслица (4 экз.) из донышек красноангобированных сосудов тщательно обточены. Они имеют правильную круглую форму (рис. 79, 10—12). Два пряслица встречены на верхнем полу помещения 6, по одному — в намывах у мастерской и в восточном коридоре.

Усеченно-коническое пряслице (рис. 79, 13) сделано из днища красноангобированного бокала. Найдено в мастерской над верхним полом.

Керамическое лепное пряслице низкой усеченно-конической формы (рис. 79, 14), покрытое светлым ангобом. Отверстие (0,8 см) сделано круглым стержнем в сырой глине в два приема — первое пришлось не на центр. Найдено во дворе у западной стены.

Пряслица усеченно-конической формы из черепков и лепные встречались в Кой-Крылган-кале и в жилом квартале городища Топрак-кала, где они характерны для позднего этапа¹¹⁵.

Гипсовое пряслице двояковыпуклое. Найдено в мастерской, над верхним полом. Форма его аналогична некоторым лепным глиняным из Кой-Крылган-калы (средний горизонт) и Топрак-калы¹¹⁶.

Каменные пряслица (3 экз.) все различны. Одно сделано из серого мраморовидного известняка низкой сегментовидной формы. Обработка тщательная. Найдено в помещении 2, над верхним полом (рис. 77, 23). Второе — из алебаstra, полусферическое (рис. 77, 21). Обнаружено в мастерской, над верхним полом.

Пряслица близкой формы найдены на Топрак-кале и в могильнике Тумек-кичиджик¹¹⁷, подобное (из белого камня) — в слое периода

III а в Халчаяне (конец I—III в. н. э.)¹¹⁸, более высокое — в кургане 30 Кенкольского могильника¹¹⁹.

Пряслице из известняка дисковидной формы, с перехватом посередине (рис. 77, 22). Одна сторона плоская и большего диаметра, вторая слегка округлена. Диаметр отверстия с плоской стороны 1,4 см, с противоположной — 1,8 см. Найдено в помещении 5, на втором полу. Эта форма необычна для Хорезма, но встречается в древней Бактрии. Близкие найдены в Большом доме на городище Дильберджин и Емши-тепе в Северном Афганистане, в помещениях кушанского времени¹²⁰ и среди пряслиц на городище Зар-Тепе¹²¹. Каменные пряслица распространяются в первых веках нашей эры наряду с керамическими. Практически они входят в состав всех комплексов кушанского времени и повсюду встречаются в могильниках и на городищах. Как заметила С. А. Трудновская по материалам жилых кварталов городища Топрак-кала, позже число каменных пряслиц возрастает¹²². Форма их чаще усеченно-коническая или почти полусферическая.

Пряслице из рыбьего позвонка (рис. 78, 26) неправильной формы; размер 4×4,1 см, высота 1,7 см, вес 16,8 г. Поверхность и края отверстия залощены. Найдено в мастерской, над верхним полом.

Гребни деревянные (3 экз.). Один из них двусторонний, с длинными плоскими зубьями, два других — односторонние, с короткими зубчиками.

Двусторонний прямоугольный гребень сделан из широкой целой доски; зубья с обеих сторон одинаковой частоты, на концах с двух сторон обточены. Длина зубьев около 5 см, ширина 0,2—0,3; ширина пропилов 0,2 см. Гребень довольно грубой работы, без украшений, зубья не везде одинаковой длины. По типу он близок найденным в погребениях III—IV вв. Кара-Булакского могильника¹²³, но шире их в два раза. Крупные двусторонние гребни существовали и позже. Их считают предназначенными для расчесывания шерсти при прядении¹²⁴. Этой же цели мог служить и капарасский, но не исключено его употребление и для расчесывания волос. В Греции и в античных поселениях Северного Причерноморья подобные крупные гребни употреблялись женщинами при совершении туалета, что запечатлено в росписи краснофигурной вазы V в. до н. э.; такие же гребни известны и во II—IV вв. н. э.¹²⁵

Односторонние прямоугольные гребни с короткими зубчиками (рис. 80, 8—9). Длина зубчиков не превышает с одной стороны 0,5 см, с другой — 0,3 см; концы приострены с двух сторон. Все гребни найдены над верхним полом мастерской.

Кочедыки (?) деревянные (2 экз.). Небольшой кочедык с тонким концом (рис. 80, 11). Длина 8,7 см, ширина сверху 1,7, у нижнего конца 1,2 см. Поверхность обстругана и залощена, видимо, при употреблении, особенно на концах. Найден в западном коридоре, севернее башни 5 на третьем полу. Крупный кочедык (рис. 80, 10) с одной стороны ровно срезан, края среза залощены. На плоскости лощение расположено параллельными поперечными полосами. Сверху на одной стороне нанесены небольшие насечки. Найден в мастерской, над верхним полом.

Гвозди — фрагмент крупного железного и мелкие бронзовые или медные. От железного гвоздя сохранилась шляпка с началом шляря (рис. 80, 12), подобная найденной в нижнем горизонте. Найден в проезде 7 у проема для ворот в слое над полом.

Медные гвозди (12 экз.) длиной 0,65—1,0 см; ширина шляпки от 0,7×0,5 до 0,4×0,3 см; толщина под шляпкой 0,2—0,3 см; острия имеют вид четырехгранной пирамидки, шляпки неправильной формы, уплощенные сверху, с острыми неровными краями. На остриях есть следы дерева; один был вбит, видимо, во фрагмент шкатулки. Найденны в мастерской на верхнем полу (рис. 81, 22).

Мелкие бронзовые или медные гвозди встречаются главным образом в курганах уже в эпоху поздней бронзы. Известны гвозди из могильников последних веков до нашей эры и первых веков нашей эры¹²⁶, но по типу все они отличаются от капарасских, так как сделаны с полусферической или конической шляпкой.

Неопределенные поделки из кости, рога, дерева, заготовки и отходы производства. Кроме различных примитивных орудий, найдены заготовки и поделки неопределенного назначения.

Неопределенный костяной предмет из распиленной вдоль массивной кости (рис. 78, 27) с вырезами на концах и отверстием посередине. Один вырез полукруглый, второй — треугольный, украшенный с лицевой стороны врезанными кружками. Лицевая сторона выпуклая, поверхность ее и полукруглого выреза тщательно залощена. Обратная сторона плоская, со следами распила. Найден во дворе крепости в яме 2. Назначение предмета не выяснено. Несколько похожий, но деревянный предмет найден в могиле XV кургана 26 могильника Кокэль, где он лежал в области поясничных позвонков¹²⁷.

К заготовкам относятся рога оленя и домашних животных, найденные главным образом над верхним полом костерезной мастерской. На многих следы обработки в виде срезов (рис. 78, 35). Встречены также кости со срезанными концами и зарубками (рис. 78, 24, 25).

К отходам производства относятся стержни из губчатой ткани вываренных длинных кусков оленьих рогов, с которых срезаны плотные пластины.

К деревянным поделкам относятся заостренные палки, найденные над верхним полом (рис. 80, 12—14), и поделка из коры дерева (рис. 80, 15) с обточенным краем, встречена в западном коридоре, севернее башни 5, на третьем полу.

Утварь

Стеклянные сосуды. В наслоениях верхнего горизонта найдено 19 фрагментов от пяти стеклянных сосудов, причем все они, за исключением одного, происходят из костерезной мастерской. Интересно, что в Пантикапее, в слоях III в. н.э., обломки стеклянных сосудов также встречались в различных мастерских, даже в металлургических¹²⁸.

1. Фрагментированная полусферическая чаша, выдутая в форму с последующей шлифовкой фасеток и гравировкой (рис. 82, 2, 3). Стекло прозрачное, бесцветное, с чуть желтоватым оттенком. Снару-

жи молочно-белая иризация, внутри и на изломах — радужная. Орнамент в виде размещенных в двух ярусах оконтуренных желобками круглых фасеток, разделенных фигурой в форме римской единицы. Ярусы отделяет бороздка шириной 1 мм. Круги размещены в шахматном порядке. Над верхним ярусом проходит тонкая гравированная бороздка, такая же опоясывает слегка отогнутый край чаши. Диаметр по краю 9,3 см, наибольший диаметр тулова 9,7 см. Сохранившаяся высота 7,5 см, толщина края 0,2, стенки внизу 0,4 см. Обломки найдены в слое над верхним полом костерезной мастерской (реконструкция Н. П. Сорокиной).

Полусферические чаши с шлифованными круглыми или овальными фасетками, широко распространенные в западноримских провинциях и за их пределами, вырабатывались в западноевропейских мастерских и привозились с Востока, в городах Северного Причерноморья они почти отсутствуют. Исключение составляют район Бахчисарая, где на городище Алма-Кермен обнаружена мастерская, выпускавшая во II—III вв. н. э. подобные сосуды, и мастерские Танаиса¹²⁹.

Чаши аналогичной формы с шлифованным орнаментом и гравировкой неоднократно встречались в памятниках черняховской культуры¹³⁰. Известны они и на Кавказе¹³¹, где были распространены в основном со II до середины IV в. н. э. В Казахстане обломок чаши с шлифованными круглыми розетками оказался в верхнем горизонте Большого дома Джеты-Асар³¹³². В Хорезме аналогичный сосуд найден на городище Топрак-кала¹³³. Однако все указанные чаши по орнаменту отличаются от капарасской, полная аналогия которой была обнаружена среди стеклянных изделий из Кельна¹³⁴ и Дура-Европос¹³⁵. Кельнская чаша датируется в пределах II — раннего IV в. н. э., изделия из Дура-Европос содержались в слоях II—III вв. н. э. (до завоевания его в 256 г. н. э. войсками Шалуря I). На территории Советского Союза близкий орнамент украшает плечики графина из Гарни. Б. Н. Аракелян допускает местное изготовление сосуда, но отмечает в стекле из Гарни черты, общие со стеклом Сирии и других соседних областей. Графин найден в погребении 36, относящемся к типу, распространенному в I—III вв. н. э.¹³⁶

Сходство орнамента чаши из Капараса и узора на плечиках графина из Гарни с орнаментом на чашах из Дура-Европос, вероятно, позволяет предположить, что капарасский и гарнийский сосуды в той или иной степени связаны с продукцией сирийско-месопотамских мастерских. Не исключено, что и кельнская чаша может относиться к восточному импорту, поодававшему в Западную Европу вследствие превращения спроса над выпуском продукции местных мастерских¹³⁷. В пользу этого свидетельствует и отсутствие подобного орнамента на стекле из Северного Причерноморья, а также в мастерских Алма-Кермена и Танаиса, в которых вырабатывались чаши кельнского типа¹³⁸.

2. Фрагменты сосуда, реконструированного Н. П. Сорокиной как канфар (рис. 82, 3). Венчик утолщен и слегка отогнут наружу; шейку опоясывает рельефный валик, ниже которого тулово украшено рядом мелких косых насечек; косые и вертикальные насечки украшали

и обломки стенок (рис. 82, 4). Ручка продольно-дольчатая, сварена из нескольких стеклянных жгутов; при переходе от вертикальной части к горизонтальной — характерный изгиб. Стекло прозрачное, бесцветное; наружная поверхность покрыта молочно-белой иризацией, внутренняя — радужной. Диаметр венчика 8,2 см, низа ножки 4,3 см. Ширина ручки тулова 2,1 см, толщина 0,2—0,3, толщина венчика 0,35, стенки — 0,2 см. Фрагменты найдены над верхним полом, а также втопаны в его обмазку в костерезной мастерской. Канфар относится к типу сосудов, известных по находкам в Танаисе, где они датируются III в. н. э.¹³⁹

3. Фрагменты сосуда из тонкого голубого прозрачного стекла с белой иризацией на поверхности и изломах (рис. 82, 5а, б, в). На одном из фрагментов стенки нанесен узор, выполненный тонкими накладными нитями, ниже которых расположен в два ряда волнистый орнамент из довольно широких жгутов; на втором — две параллельные горизонтальные накладные нити средней толщины. Третий фрагмент — часть усеченно-конической ножки, нижний край которого завернут внутрь (рис. 82, 5в). Толщина стенки 0,15—0,2 см, диаметр ножки 7, высота ее 2,5 см. Найдены над верхним полом мастерской, два из них — между остатками плетеной корзины. По обломкам можно предположить, что это был кубковидный сосуд на ножке. По данным, собранным Н. П. Сорокиной, ножки в виде конуса с закраиной, заканчивающиеся столбиком или шарообразным утолщением, характерны для III в. н. э. и существовали в IV в. Они могли принадлежать только канфару или сосуду с полусферическим туловом без ручек. Преимущественное распространение их — Средиземноморье или восточно-римские провинции, а также Египет; для европейского стекла они не характерны¹⁴⁰. Орнаментация накладными нитями (серпантинная техника) во II—III вв. н. э. широко распространилась в Западной Европе¹⁴¹ и продолжала существовать на Востоке. При раскопках Дур-Европос найдены фрагменты стеклянных изделий с серпантинным узором, близким украшавшему капарасский сосуд. Предполагается, что эта техника возникла в Сирии и Александрии, причем сосуды с монохромной нитью характерны для Сирии¹⁴².

4. Фрагмент иризированной стенки сосуда с рельефным орнаментом. Толщина стенки 0,1—0,2 см, ширина жгута до 0,3 при толщине 0,15 см. Найден в обмазке верхнего пола мастерской.

5. Фрагмент стенки сосуда из бесцветного прозрачного стекла с рельефным ячеистым орнаментом. Иризация молочно-белая, местами стекло чистое. Толщина стенки 0,1 см, ширина рельефных полос 0,3 см. Найден в обмазке ниши в западной стене помещения 11; ниша относилась к верхнему полу, соответствующему верхнему полу мастерской (рис. 82, б).

Сосуды из искусственного алебаstra встречены в мастерской над верхним полом. Их два. Один имеет вид чаши (диаметр по краю 7,5, высота 4,3 см) с округло-уплощенным дном, вертикальными стенками и скругленным краем. Толщина дна 1, стенки 0,7—0,8 см (рис. 79, 17). Второй представляет собой блюдо с толстым дном и стенками разной

высоты (рис. 79, 18). Диаметр по краю 9,7 см, по дну 8,7 см; толщина дна 1,3 см. Стенки отклонены наружу и утончаются к краю.

Предметы туалета, украшения

Каменная туалетная палетка из серого мраморовидного известняка в форме низкой перевернутой усеченной четырехгранной пирамиды (рис. 77, 27). Размер верхней плоскости 12,2×9,0 см, дна 9,8×6,5 см; высота 2 см. Сверху в толще предмета вырезано пять полусферических лунок — в центре (диаметр 4 см, глубина 1,3 см) и по углам (диаметр 3,3—3,6 см, глубина 1,2—1,3 см); вдоль длинных сторон располагается по одной лунке, трапецевидной в плане и поперечном сечении. Найдена в мастерской, на втором полу. Палетки разной величины встречаются на памятниках Хорезма, содержащих слои кушанского времени. На Кой-Крылган-кале фрагменты их были в среднем горизонте, на Топрак-кале палетка отнесена к II—III вв. н. э., на Кангакале — к IV в., находили их и на других памятниках¹⁴³.

Бусы. Всего найдено 7 стеклянных бусин. В обматке нижнего пола мастерской — три бусины. Округлая из желтоватого стекла (рис. 82, 7) с плотной грязно-белой иризацией; вокруг отверстий лунки; размер — вдоль канала (диаметр 1 мм) 7 мм, поперек — 8 мм. Округлая бусина из глухого голубого стекла (рис. 82, 8). Поверхность иризирована; края отверстий слегка загибаются внутрь. Длина вдоль канала (диаметр 1,5 мм) 4 мм, поперек — 6 мм. Четырнадцатигранная бусина из светло-синего стекла (рис. 82, 9); длина вдоль канала (диаметр 1,5 мм) 10 мм, поперек — 8 мм. Стеклянные бусы этого типа в Хорезме встречались неоднократно, в том числе на Топрак-кале и Куня-Уазе¹⁴⁴. Найдены они и в других районах Средней Азии, например в Ворухском могильнике, в кургане 6 Шахсенем-Кыра, в могильнике Туп-Хона¹⁴⁵. В первых веках нашей эры были распространены у сарматов; их находят в памятниках черняховской культуры и на Кавказе.

Две бусины относятся к верхнему полу мастерской. Одна — округлая, с закраинами вокруг отверстий (рис. 82, 10), покрыта плотным слоем иризации. Длина вдоль канала (диаметр 1 мм) 2,5 мм, поперек — 3,5 мм. Вторая — плоская коротко-цилиндрическая бусина из полупрозрачного светло-коричневого стекла (рис. 82, 11). Канал (диаметр отверстий 1,5 и 1,0 мм) тянется вдоль широких сторон; длина вдоль канала 6 мм, поперек — 7, ширина 3 мм; на поверхности видны разводы той же массы стекла. Край одного из отверстий округлый, мягко загибающийся внутрь канала, перед ним с двух сторон узкие треугольные лунки; второе отверстие не отмечено. Во дворе крепости найдена бусина-бисер из зеленого полупрозрачного стекла, рубленая наискось (рис. 82, 12). Форма по продольному сечению канала — параллелограмм со скругленными углами. На поверхности — слабые, параллельные каналу полосы. Длина вдоль канала (диаметр 1 мм) 1,5 мм, поперек — 2,5 мм; отверстия не отмечены. Вторая бусина (рис. 82, 13) — из синего прозрачного стекла. Она округлая, длина вдоль канала (диаметр 2 мм) 5,5 мм, поперек — 7,5 мм. Местами заметны

слабые, параллельные каналу полосы. Найдена у западной стены на верхней поверхности (раскоп IV).

Подвески (2 экз.). Одна из них из светло-серой гальки с белыми, чуть желтоватыми прожилками (рис. 77, 19). Форма неправильная, сверлина смещена к одной стороне. Размер $1,9 \times 1,8 \times 0,4$ см; диаметр отверстия 0,3 см; края его хорошо обточены и сильно затерты. Найдена во дворе крепости у западной стены. Вторая подвеска — из просверленного в центре рыбьего позвонка, у которого сохранены отростки. Диаметр позвонка 1,5 см, толщина 0,4 по краям и 0,2 см у отверстия диаметром 0,3 см. Найдена в помещении 11, на нижнем полу.

Серьга или височная подвеска, близкая по форме калачиковидным серьгам, но с массивными концами, видимо, запроляющимися в обойму (рис. 81, 21). Одна сторона концов выпуклая, вторая уплощена; сечение их $0,3 \times 0,2$ и $0,25 \times 0,2$ см. Боковые стороны серьги расширены, средняя часть суживается. Общая высота 2,4 см, ширина 2,5 см. Найдена над верхним полом мастерской. Подобная серьга, но без сужения в средней части найдена на городище Топрак-кала¹⁴⁶.

Игловидные стержни с фигурным навершием (4 экз.). Найдены в мастерской над верхним полом.

Костяные стержни (2 экз.). Один целый (рис. 78, 30) длиной 15,5 см при наибольшем сечении иглы под головкой $0,65 \times 0,6$ см. У второго обломан конец (рис. 78, 29), длина 13 см, наибольшее сечение иглы $0,8 \times 0,6$ см. Сечения башневидных наверший прямоугольные, иглы — вверху овальные, ниже — круглые¹⁴⁷.

Бронзовые стержни (2 экз.). Один из них с навершием в виде плода граната (рис. 81, 17). Длина 14 см, игла в сечении круглая, диаметром под навершием — 0,55 см. Над гранатом — четырехлепестковая розетка, под плодом — три рельефных пояса. Второй стержень (рис. 81, 18) с плоским навершием в форме ладони с короткими пальцами; между ладонью и иглой — шарик, выделенный углубленными поясами. Длина стержня 9,6 см; диаметр иглы 0,25 см; конец заострен.

Аналогичные предметы, наиболее близкие капарасским, происходят из Топрак-калы и Джанбаскалинского поселения в Хорезме. Подобные костяные, роговые, бронзовые, реже — железные изделия в последних веках до нашей эры были широко распространены в Средней Азии и сопредельных областях¹⁴⁸. В литературе им неоднократно уделялось внимание; подробно на назначении этих стержней остановилась Г. А. Пугаченкова, считающая все подобные предметы стилями для письма¹⁴⁹. В настоящее время количество их значительно увеличилось; только на Зар-Тепе они исчисляются десятками¹⁵⁰. Вряд ли все зартепинские стержни могли быть стилями для письма. В могильниках эти предметы чаще всего находят у черепа, иногда в других местах скелета и обычно считают шпильками для волос или заколками для головных повязок и плащей. Много раньше, в частности у скифов, игловидные стержни с навершием встречались в погребениях среди украшений головного убора¹⁵¹. В раннесредневековых могилах Дагестана они обычно лежат по две под черепом женских погребений и считаются головными булавками¹⁵². Вероятно, правы исследователи, до-

пускающие различное их назначение, в том числе и употребление в качестве стилей для письма¹⁵³. Капарасские находки, скорее, относятся к украшениям.

Пуговица в виде стержня с шаровидными концами и дисковидными утолщениями, ограничивающими тонкую (диаметр 0,3 см) часть (рис. 81, 19). Длина 1,7 см; диаметр шариков и дисков 0,5 см. Вплетана в нижний пол мастерской.

Подобные пуговицы во II—IV вв. н. э. были довольно широко распространены в разных районах, в том числе и в Северной Азии¹⁵⁴. По форме ближе других к капарасской более крупная костяная застежка из могильника Близние Елбаны¹⁵⁵.

Бронзовая бляшка или крупная сегментовидная пуговица с гладкой наружной поверхностью (рис. 81, 20). Посредине полый внутренней стороны — выступ, оставшийся от петли или стержня для крепления к одежде или ремню. Диаметр 2,7 см, высота 0,95, толщина стенки до выступа 0,2 см. Найдена в помещении 7, на полу. Аналогичные пуговицы и бляшки были распространены в первых веках нашей эры. Например, пуговица со скобой найдена при раскопках городища Куна-Уаз вместе с хорезмийскими монетами III—IV вв. н. э. Бляшки со стержнем были в кургане 3 могильника¹⁵⁷ Кую-Мазар.

Пряжки и железные, фрагменты. Половальная обойма с прорезью для подвижного язычка, охватывающая остатки дужки и закрепленной на ней петли обломанного язычка (рис. 81, 15). Длина обоймы 3,3 см, ширина 2,7 см; на конце ее сохранилась часть заклепки. Найдена в мастерской, в слое над нижним полом. Пряжки с обоймой и подвижным язычком встречаются на многих памятниках Средней Азии. Они широко распространились в III—IV вв., хотя появляются в начале нашей эры¹⁵⁸. Аналогичные пряжки были в употреблении и в других областях. Их находят в Сибири, в погребениях Южного Приуралья, на Кавказе. У сарматов и их соседей такие пряжки существовали начиная с рубежа эр¹⁵⁹.

Железный предмет подтреугольной формы с овальным отверстием посередине; сильно заржавел. Длина 5,1 см, наибольшая ширина 2,6 см (рис. 81, 16). Найден над верхним полом мастерской. По форме напоминает железную одночленную фибулу из могильника Скалистое III¹⁶⁰, а также железную фибулу из катакомбных погребений I—VII вв. на территории Мингечаура¹⁶¹.

Поделки из фрагментов глиняных сосудов. В верхнем горизонте, как и в нижнем, среди найденных 56 поделок были сделанные из черепков сосудов ранне- и позднеантичного времени (14 и 42 экз.), причем среди последних преобладали (31 экз.) кружки из фрагментов толстостенных сосудов, наиболее поздних по времени. Поделки в основном дисковидные. Среди них 7 можно отнести к крышкам диаметром от 9 до 21 см. Края их обточены, на плоскостях заметна потертость. Найдены в помещениях 5, 10, 11 и во дворе у западной стены. Как уже говорилось, поделки из черепков сосудов известны во многих разновременных поселениях на широкой территории. Найденные на памятниках эпохи палеометалла (Алтын-депе и Теккем-депе) исследовались, и многие отнесены к орудиям труда¹⁶². Встречаются

глиняные кружки и позже. В Хорезме они обычная находка на памятниках эпохи бронзы и кюзелигырского и дингильджинского типов, а также на поселениях ранне- и позднеантичного времени. Однако назначение их пока не установлено.

Керамические диски встречаются и вне пределов Средней Азии. Много их на поселениях римского времени нашего юга. Найденные при раскопках памятников черняховского типа небольшие кружки предложено считать игральными-счетными жетонами¹⁶³. Поделки из Капараса, как указывалось, различны по величине и способу обработки. Они могли служить фишками для игры, с которыми, возможно, связаны похожие на игральные кубики поделки с насечками, найденные по одной в каждом горизонте. Угловатые обточенные черепки со следами работы и часть дисковидных, особенно с односторонними (реже — двусторонними) сколами по краю, залощенными в употреблении, могли служить орудиями труда.

Предметы для игр. К ним относится фишка из искусственного алебастра усеченно-конической формы, с округленным верхом (рис. 79, 16). Верхняя часть затерта, видимо, в употреблении. Найдена в западном коридоре севернее башни 5, над вторым полом. Для игры могли служить и некоторые астрагалы. Всего найдено 27, из них 3 служили орудиями (лощила). Из оставшихся 24 залощено 10, из них 2 просверлено (рис. 78, 18, 19), остальные без сколько-нибудь длительных следов употребления. Астрагалы, включая использованные как лощила, найдены на разных полах помещений 1, 4—7, в мастерской, во дворе, от одного до четырех экземпляров в каждом случае. Обычно их находят на городищах и могильниках по одному или нескольким экземплярам, относят к игральным костям, но считают и оберегами¹⁶⁴.

Среди остальных находок следует упомянуть следующие.

Плетеные корзинки (2 фрагмента). Найдены днища двух корзин: одно — в помещении 4, на суфе верхнего пола, второе — в мастерской, на верхнем полу. Вместе с дном в мастерской встречен петлеобразный предмет с пазом в месте перекрестия концов, возможно, ручка корзинки (рис. 80, 16, 17).

Разные деревянные поделки включают неопределенные фрагменты со следами обработки. Среди них обломки деревянной шкапулки с остатками прибитой гвоздями медной пластинки (найдена над верхним полом мастерской) и обломки деревянного сосуда из западного коридора, севернее башни 5 (над третьим полом).

Остатки ткани и стриженной шерсти найдены в помещении 4, в слое над верхним полом; в мастерской, над вторым полом; в помещении 11, в слое над верхним полом. Все ткани хлопчатобумажные и за исключением одного обрывка неокрашенные. Они различаются между собой по толщине и способу выработки: 1) одинаковой толщины тонкие нити основы и утка; нити расставлены равномерно, переплетение полотняное; 2) широко расставленные двойные толстые нити основы переплетаются с той же толщины нитями утка; 3) широко расставленные двойные тонкие нити основы переплетаются с той же толщины одиночными нитями утка; 4) одиночные толстые нити основы переплетаются с двойными тонкими нитями утка; 5) тонкие широко рас-

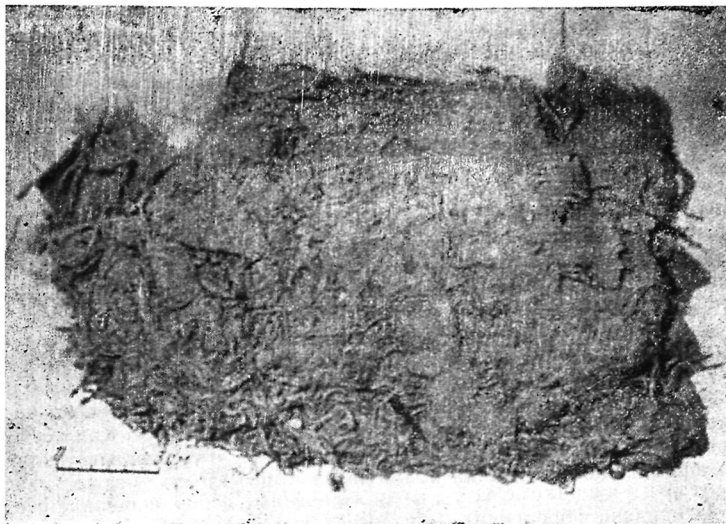

Рис. 83. *Фрагмент ткани из Капараса*

ставленные одиночные нити основы переплетаются с толстыми двойными нитями утка. Во всех случаях нити утка плотно прибиты друг к другу (рис. 83).

Кроме обрывков ткани в помещении 4 на верхнем полу найдены клочки стриженной белой шерсти.

Остатки пищи. В разных местах собраны косточки персиков и абрикосов (всего 216 штук). Залегли они и в нижнем, и в верхнем горизонтах. В наслоениях последнего обнаружены позвонки рыб, а к стенке одного из хумов в мастерской присохли остатки хвостового плавника довольно крупной рыбы. На верхних полах помещений 6 и 10 найдены куски тыквенной корки и края сосудов из нее.

ПЕРИОД ПОЗДНЕГО ОБЖИВАНИЯ

В слоях периода обживания покинутой крепости найдено несколько предметов различного времени. Два из них (фрагмент бронзовой ложки и шило или пробойник), возможно, попали в наслоения средневекового периода из более ранних горизонтов.

Ложка бронзовая (рис. 81, 23). Ручка и конец плоского черпака обломаны. Сохранившаяся часть ручки уплощена и украшена поперечными насечками. Найдена у очага в помещении средневекового времени, устроенном поверх завала в башне 10. По форме и принципу ornamentации ручки ложка близка бронзовым и серебряным, обычно считающимся туалетными. Ложки с насечками на ручке в виде косой решетки встречены на городище Топрак-кала в наслоениях II

горизонта¹⁶⁵, нижняя дата которого отнесена к началу IV в. н. э. Подобные ложки известны в Таксиле, в Мингечауре, на территории Северного Причерноморья и в других местах. В Причерноморье и на территории римских провинций они применялись не только в быту, но и в качестве медицинского инструмента¹⁶⁶. Многие аналогии заставляют отнести ложку к позднекушанскому времени, однако в средние века металлические ложки также известны.

Шило или пробойник из бронзы (рис. 81, 25). Один конец тоньше и острее второго. Длина 9,4 см, наибольшее сечение 0,6×0,5 см. Найдено в южном коридоре в золе поверх завала. Судя по материалу и форме, могло быть переотложенным из наслоений докушанского времени, так как начиная с первых веков нашей эры и в раннем средневековье шилья и пробойники обычно делались из железа и с расширением или уступом в средней части¹⁶⁷.

Кольцо наперстное, с небольшим овальным щитком, углубленным посередине (рис. 81, 24). Ободок округлый снаружи, плоский с внутренней стороны. Размер кольца 1,9×1,8 см, щитка 0,8×0,6 см. Найдено у башни 5 под завалом стен. Фрагмент аналогичного перстня встречен в афригидском замке 28¹⁶⁸. Вероятно, кольцо из Капараса можно отнести к афригидскому периоду, тем более что небольшое количество афригидской керамики обнаружено в нескольких местах крепости.

Стекл я н н ы е с о с у д ы. В наслоениях периода обживания и завале найдено 4 фрагмента средневековых стеклянных сосудов, из них один почти целый. Это флакон из темно-зеленого прозрачного стекла без иризации. Венчик сверху сбит, сохранилось только украшение его в виде оборки (рис. 82, 17). Высота 8,2 см, диаметр дна 6; наибольший диаметр тулова 6,5, горла 2,4; толщина стенки 0,5 см. Флакон выдут в форме, орнамент рельефный, состоящий из поясов вдавленных овалов, полумесяцев и треугольников, двух широких бороздок, между которыми заключен пояс из мелких вдавненных кружков, а под ними — из крупных. Дно в виде шестнадцатилепестковой рельефной розетки; в центре ее — след от присоединения к понтии, на которой удерживался сосуд при обработке горловины. Найден в восточной части помещения 5, в завале. Фрагмент аналогичного флакона с орнаментом рельефными кругами и треугольниками (толщина стенки 0,5 см, в месте перехода ко дну 1,2 см) найден между подмазками пола периода обживания в проезде 7 (рис. 82, 14). Фрагменты подобных флаконов в Средней Азии встречаются в памятниках IX—XII вв. и приблизительно однотипны. Дно с розеткой, такой же, как на дне капарасского флакона, найдено на Ток-кале в слое IX—XI вв.¹⁶⁹ Рельефная розетка на дне сосудов отмечена Ю. А. Заднепровским среди стекла с Афрасиаба¹⁷⁰. Фрагменты аналогичных стенки и дна с городища Узген датируются XI—XII вв.

Вогнутое посередине дно тонкостенного сосуда из голубого стекла. Поверхность покрыта плотной беловатой иризацией (рис. 82, 15). Диаметр дна 3,5 см; толщина стенки вверху 0,1 см, у дна 0,25, согнутой части дна 0,5 см. Найдено на уровне средневекового расселения, в северной части западного коридора.

Фрагмент дна и части стенки толстостенного сосуда из тяжелого зе-

леновато-голубоватого полупрозрачного стекла. Поверхность иризирована. В толще стекла много мелких пузырьков. Диаметр дна 6 см, толщина стенки 0,9—1,5 см. Найден в помещении 4 на нижнем полу периода обживания (рис. 82, 16). Фрагменты сосудов с вогнутым дном определены Н. П. Сорокиной как средневековые. Форма сосудов не установлена.

Предметы из кости, рога, дерева

Гребень костяной, двусторонний. С одной стороны зубья редкие (пропилы 1,5—2,0 мм) и широкие, с другой — узкие (пропилы менее 1 мм), частые (рис. 78, 32). Зубья у основания прорезаны наискось, и длина их различна с разных сторон каждого ряда. Редкие зубья расположены на одной прямой, частые образуют полукруглые фестоны. Найден на верхнем полу средневекового времени в северной части западного коридора с керамикой X—начала XI в. Подобные костяные гребни средневековья были распространены в разных районах Средней Азии. Близкий гребень встречен в слое IX—XI вв. на Ток-кале¹⁷¹.

Рукоятка ножа из рога (рис. 78, 31) с выдолбленным коническим отверстием для черенка. Найдена на втором сверху средневековом полу в северном конце западного коридора.

Лощило из кости животного. Найдено на верхнем средневековом полу в северном конце западного коридора.

Заготовки из рогов, иногда с насечками, обнаружены в разных местах слоя, относящегося к средневековью (рис. 78, 33, 34).

Астрагалы (2 экз.). Подняты с верхнего средневекового пола в северном отрезке западного коридора. Слабая залощенность только на одном, второй побывал в огне.

Ножевидное деревянное изделие — поделка в форме короткого широкого ножа, близкого найденному в наслоениях нижнего горизонта (рис. 80, 18; см. рис. 80, 1), но однолезвийного, с тупой спинкой. Найден в помещении 5, на втором полу периода обживания.

Изделия из камня

К ним относятся обломки зернотерок вторичного использования, найденные на всех полах средневекового времени в коридорах, и два оселка — один небольшой, употребленный для правки и заточки металлических инструментов, второй — из серого сланца, сильно сточен и обломан с одной стороны. Меньший найден в завале стен помещения 6, больший — в помещении 2, в золистом слое поверх завала. В слое над верхним полом средневекового времени, в северной части западного коридора найден терочник из песчаника.

Поделки из фрагментов глиняных сосудов кангуйского (2 экз.) и кушанского (4 экз.) времени. Встречены: в северной части западного коридора на средневековой поверхности (2 экз.), у западной стены (1 экз.), в слое с тленом проса в помещении 6 (3 экз.).

Терракоты и алебастровые фигурки

Терракотовые художественные изделия найдены в нижнем и верхнем горизонтах. Это антропоморфные и зооморфные статуэтки, головы и фигурка животных, оформлявшие различную утварь, и другие

предметы. Терракоты оттискивались в односторонней форме или лепились от руки и покрывались красным или светлым ангобом; цвет покрытия не зависел от техники изготовления.

В наслоениях нижнего горизонта встречено 17 фрагментов терракотовых изделий, из которых две ручки кувшинов с изображениями львиных голов (рис. 84, 1, 2) и одна фигурка лошади (рис. 84, 3) сделаны в раннекангуйском периоде; ручки были переотложены в свалке среди разновременной керамики. Не исключено, что фигурка лошади была в употреблении и в кушанское время. Остальные терракоты относятся к поздней античности.

1. Женская фигура, правой рукой оттягивает верхний виток складчатого шарфа, окутывающего плечи, грудь и бедра. Левая рука под покрывалом опущена вниз, на шею несколько низко ожерелья. Голова и ноги отбиты (рис. 84, 7). Высота фрагмента 6,9 см, ширина 5,4, толщина 0,9 см (в дальнейшем размеры указываются только цифрами в том же порядке). Фигура оттиснута в форме на тонкой пластинке, служившей фоном, или на стенке сосуда. Наружная поверхность покрыта коричневым ангобом. Глина в изломе коричневая, отмученная; фрагмент перекален. Найдена на нижнем полу перед проходом из проезда 7 в помещении 3. Судя по распространенности типа на территории Хорезма, изображение можно отнести к древнехорезмийским божествам. Прямая аналогия известна среди терракот, найденных близ замка 36 Беркуткалинского оазиса¹⁷². Этот тип женского божества («богиня с шарфом») появился в Хорезме в раннеантичном периоде и существовал, несколько изменяясь, вплоть до конца кушанского времени¹⁷³. При неизменном положении рук и атрибуте в виде шарфа существовали разновидности этого образа¹⁷⁴. Детали одежды постепенно приобретали орнаментальность, характер пластики изменялся в сторону большей условности и плоскостности. По стратиграфии, составу теста и характеру изображения данный фрагмент относится к кушанскому периоду.

2. Женская фигура, сидящая на подставке (рис. 84, 10). Платье покрывает ноги (видны носки), справа спускается покрывало. Фигура оттиснута в форме, обратная сторона и подставка подструганы. Рельеф слабый, вероятно, рассчитан на роспись поверх гипсовой обмазки, заметной в углублениях. Глина розовато-палевая. Найдена на нижнем полу помещения 2. Размер 9,7×14×3,5 см. Терракота относится к типу сидящих с одной подогнутой ногой, вторая согнута в колене и поставлена на всю ступню. Подобные женские и мужские статуэтки были широко распространены в первых веках нашей эры в Хорезме; найдены они и в среднем горизонте на Кой-Крылган-кале¹⁷⁵.

3. Мужская сидящая фигура, нижняя часть (рис. 84, 8). Обе ноги подогнуты; кисть левой руки, отделенной от туловища в верхней части, лежит на левом колене. Фигурка одета в отороченный по полю и подолу кафтан, складчатые шаровары и узкие высокие сапоги; носки ног отбиты. Основание плоское, без подставки. Выполнена в форме с последующей доработкой. Черепок в изломе красновато-палевый, поверхность покрыта шелушащимся красным ангобом. Найдена в свалке у входа в южный коридор. Размер 3,7×6×3,5 см. Мужские фигурки в той же позе встречены на городище Емши-Тепе¹⁷⁶ в Северном Афганистане на

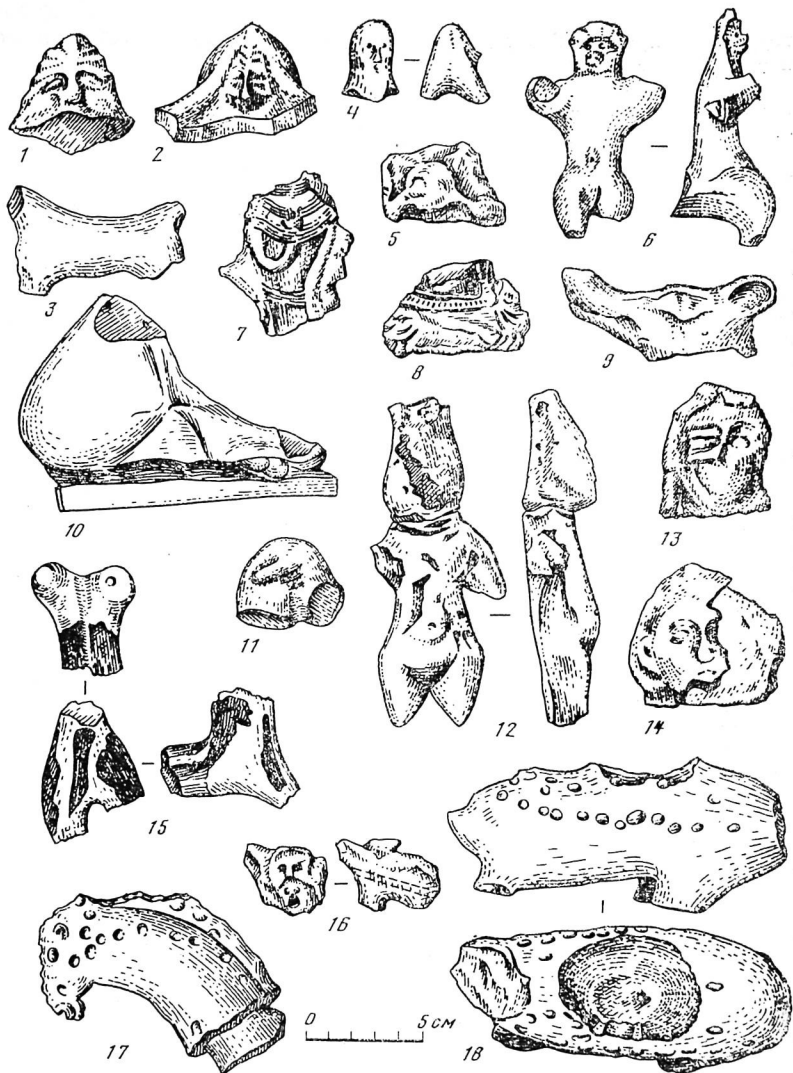

Рис. 84. Находки из Канараса

1, 2, 16—18 — фрагменты зооморфно оформленных предметов; 3—11, 14, 15 — терракоты; 12, 13 — фрагменты гипсовых фигурок; 1, 2 — раннеантичный (кангуйский) период; 3—10, 15—16 — нижний горизонт кушанского времени; 11—14, 17—18 — верхний горизонт

территории древней Бактрии, в помещениях кушанского времени; близкое изображение происходит из Таксилы¹⁷⁷.

4. Фигурка сидящего музыканта, средняя часть (рис. 84, 5). Фигура, видимо, мужская, с тонкой талией; оттиснута в форме, на оборотной стороне — остатки прочерченного до обжига знака. Складки одежды обозначены углубленными линиями. На правой руке, ниже подмышки, узкий рельефный пояс, запястья охватывают манжеты или браслеты. Тесто в изломе красновато-палевое; поверхность покрыта шелушащимся красным ангобом. Найдена в помещении 5, над вторым полом. Размер $3,9 \times 4,8 \times 2,5$ см. Музыкальный инструмент относится к лютиевидным с круглым резонатором и довольно длинным грифом; положение его наклонное, резонатором вверх. Прямую аналогию представляет изображение музыканта, найденное на городище Куя-Уаз¹⁷⁸. По форме инструмент приближается к изображенным в руках статуэток из Афрасиаба; отличие в длине грифа — афрасиабские имеют короткую шейку¹⁷⁹.

5. Мужская бородатая голова (рис. 84, 4) ручной лепки. Черепок в изломе красно-оранжевый, поверхность покрыта шелушащимся красным ангобом. Детали лица не проработаны, глаза и рот — в виде круглых углублений. Найдена во дворе, у западной стены (раскоп IV), в нижнем культурном слое. Размер $3,1 \times 2 \times 2,6$ см.

6. Сидящая обезьяна, с хвостом-упором (рис. 84, 6). Лепка ручная. Передние лапы раскинуты в стороны, задние — в полусогнутом положении (концы передних и левой задней отбиты). Шерсть на голове в виде кокошника, глаза выполнены гуансоном, ноздри продолговатые, вертикальные; рот прочерчен и углублен в углах концом тонкого круглого инструмента. Туловище уплощено, голова плоская, на лицевой части выдается нос, лоб покатый. Черепок в изломе оранжево-красный, поверхность покрыта шелушащимся красным ангобом. Найдена на нижнем полу в проходе из помещения 1 в проезд 7. Размер $9,0 \times 5,6 \times (1,5—2,0)$ см. Аналогичная фигурка обезьяны с хвостом-упором, с двусторонним барабаном в руках, встречена в Гиссарской долине близ поселения с керамикой кушанского времени, к которому и отнесена¹⁸⁰. Близкая фигурка происходит из Хатын-рабата. По Г. А. Пугаченковой, это зооморфная ручка сосуда¹⁸¹, однако по рисунку она похожа на статуэтки с упором. Лепные терракотовые фигурки обезьян в Хорезме найдены на Джанбас-кале¹⁸² и в окрестностях Ангка-калы с керамикой кушанского времени. По позе и характеру изображения капарасская терракота близка найденным на территории Северной Бактрии.

7. Носик-слив светлоангобированного сосуда в виде головы обезьяны (рис. 84, 16). Длина морды-слива 2,5 см, толщина 2 см. В изломе черепок серовато-красноватый, поверхность покрыта беловатым ангобом. Изображение примитивно, но передает характерные для обезьяньей морды черты. Найден в помещении 5, над вторым полом.

Изображений обезьян на памятниках кушанского времени в Средней Азии довольно много. Кроме указанных выше лепных статуэток они украшают ручки сосудов, известных по материалам из Термеза, Зар-Тепе, Шор-Тепе, Хайрабада¹⁸³ и др. В Хорезме они найдены на Базар-кале и в окрестностях Кой-Крылган-калы. Есть и выполненные в односторон-

ней форме статуэтки обезьян, например, фигурка раннекушанского времени из Мирзакул-Тепе¹⁸⁴ или из среднего горизонта Кой-Крылган-калы. По глине и трактовке образа последняя не местного производства и могла быть привезена из Индии¹⁸⁵. Г. А. Пугаченкова также отмечала, что мотив этот распространен из индо-кушанских областей¹⁸⁶.

8. Фрагмент головы животного (ежа?) с загнутым вверх носом (рис. 84, 9). Рельеф морды проработан слабо. Нос заканчивается плоской площадкой без ноздрей, под ним бугорком показана нижняя челюсть, округлое ухо оттянуто назад. Лепка ручная. На поверхности местами сохранился шелушащийся светлый ангоб. Черепок в изломе коричневатый, палево-серый и серый. Найден над вторым полом помещения 2. Размер 6,4×3,5×3,4 см. Фрагмент напоминает головы животных на ручках сосудов из Шор-Тепе и окрестностей Балха. По Г. А. Пугаченковой, там изображены ежи¹⁸⁷. По Авесте, еж от полуночи до восхода солнца поражает тысячи творений зла и считается одним из лучших среди творений добра¹⁸⁸; он связывался с солнечным культом и издревле почитался.

9—14. Фрагменты фигурок лошадей мало выразительны. Собрано пять обломков красноангобированных туловищ и одна нога. Лепка ручная. Нога найдена над верхним полом помещения 4, три фрагмента туловищ — в восточном коридоре на нижнем полу. Два из них, судя по качеству глины и ангоба, выработаны в кушанское время, третья фигурка (рис. 84, 3) с избитой поверхностью и обломанными передними ногами, изготовлена в кангюйское время, а в кушанское использовалась вторично; сломы зашлифованы. Размер 7,1×4,8×3 см. Два фрагмента коней с подстриженной гривой обнаружены в свалке у входа в южный коридор. Одна фигурка (размер 7,3×4,3×2,9 см) покрыта красным ангобом целиком, вторая — полосами по спине, животу, груди (рис. 84, 15); размер 7,3×4,3×2,9 см. Посредине живота, от передних ног к задним, проходит неглубокий паз. На Кой-Крылган-кале в слое кушанского времени были фигурки коней, раскрашенные до обжига красным ангобом, в слое со смешанным материалом — с подобным пазом¹⁸⁹.

15. Миниатюрный ступенчатый жертвенник, квадратный в плане, с прочерченным до обжига знаком сверху. Черепок в изломе красно-оранжевый, тесто почти без примесей, поверхность покрыта красным ангобом. Найден в нижних наслоениях двора (раскоп IV). Размер 11,2×10,7×6,7 см. По качеству теста и ангоба должен относиться к раннеантичному времени. Ряд таких жертвенников встречен в нижнем слое на Кой-Крылган-кале и в завалах со смешанным материалом¹⁹⁰.

В наслоениях верхнего горизонта найдено 9 фрагментов терракотовых изделий: обломки статуэток (4), концы очажных подставок (2), часть подставки в виде животного (1) и два колеса.

1. Фрагмент нижней правой части сидящей человеческой фигуры. Нога согнута и поставлена на ступню, на колено положена кисть правой руки (низ ноги отбит). Терракота выполнена в форме, рельеф слабый, покрыта светлым ангобом; черепок в изломе серовато-палевого. Найдена на нижнем полу в южном коридоре. Размер 6,4×3,9×2,8 см.

2. Детская голова от крупной статуэтки (рис. 84, 14). Сохранилась правая часть пухлого лица, левая сторона сбита; верх пучка волос надо

лбом отбит. Оттиснута в форме, затылок округло-уплощенный. Черепок в изломе красновато-серовато-палевый. На поверхности сохранились следы белой обмазки, поверх которой за ухом черной краской были показаны, видимо, волосы. Размер 6,2×6,5×4,2 см. В трактовке головы заметно эллинистическое влияние. Пухлолицые детские головки с прической в три косицы были распространены в эллинистической и кушанской пластике. В Хорезме известны еще три головки — одна из раскопок на Базар-кале и две в подъемном материале¹⁹¹. Довольно близкие аналогии капарасскому изображению есть в Таксиле¹⁹².

3. Фрагмент изображения лошади. Сохранилась часть тулова. На спине — остатки подстриженной гривы, вдоль живота — неглубокий паз. Лепка ручная, поверхность покрыта красно-коричневым ангобом. Черепок в изломе палевый. Найден в завале стены над верхней поверхностью двора, к востоку от мастерской. Размер 7,9×4,4×4,7 см.

4. Круп животного с резко повернутым влево довольно длинным хвостом (рис. 84, 11). Лепка ручная; над правой ногой три нанесенные до обжига насечки. Черепок в изломе палевый, ангоб красный. Найден в завале стены у башни 5. Размер 3,3×4,6×2,9 см.

5. Фрагмент зооморфной подставки в виде животного на коротких ногах (рис. 84, 18). Голова, правая передняя нога и хвост отбиты. Посредине спины — чашевидное углубление шириной 4,0×3,5 см, глубиной 2,8 см; верхний край его обломан, в донной части углубления — дополнительная лунка. Лепка ручная, поверхность покрыта густым белым ангобом с желтовато-зеленоватым оттенком. На туловище — круглые отверстия, по верхнему краю сквозные углубления. Черепок в изломе красноватый, тесто грубое. Найден над верхним полом мастерской. Размер 14,5×6,0×5,7 см.

Близкие зооморфные подставки для сосудов в виде фигурок различных животных обнаружены в двух верхних строительных горизонтах городища Зар-Тепе и на других поселениях кушанской Бактрии. Совпадают место прикрепления резервуара, удлинённые пропорции туловища животного и орнаментация пуансоном. Отличие состоит в том, что резервуар капарасской подставки (не сохранился) не был прилеплен к спине фигурки, как у бактрийских изделий, а заглублен в толщу туловища. Кроме того, капарасская подставка покрыта грязно-белым ангобом, характерным для большинства хорезмийских терракот кушанского времени, зартепинские же — красным или коричневым¹⁹³. Как и бактрийские, она относится к кушанскому археологическому комплексу.

6. Фрагмент верхнего конца очажной подставки в виде конской головы (рис. 84, 17). Рот приоткрыт; круглыми углублениями показана уздечка; подстриженная грива промята пальцами. Лепка ручная, грубая. Длина головы вместе с шеей 10,8 см, ширина 7,8 см; верх гривы, низ правой стороны морды и уши отбиты. Найден в завале над верхним полом, в башне 5.

7. Фрагмент конской головы от очажной подставки. Рот приоткрыт; прочерченной линией показана уздечка. Лепка ручная, грубая. Черепок в изломе палевый, поверхность покрыта светлым ангобом. Найден в обмазке нижнего пола мастерской (см. рис. 69, 10). Размер 6,3×4,6××2,6 см. Аналогичные очажные подставки известны на многих памятни-

ках Хорезма, содержащих материалы кушанского времени. Наиболее сохранившаяся найдена на Кой-Крылган-кале в наслоениях среднего горизонта¹⁹⁴.

8—9. Колесо от повозки и фрагмент парного ему. Диаметр 15,5 см, толщина у края 2,7, у втулки (диаметром 4,9 см) 3,5 см. Лепка ручная. Черепок в изломе красновато-коричневый; тесто грубое; жидкий светлый ангоб. Найдены в мастерской, над вторым полом (фрагмент) и на третьем полу (целое колесо).

Алебастровые фигурки. Найдено две — одна уцелела полностью за исключением верха головного убора, от второй сохранилась голова.

1. Женская голова с продолговатым лицом, иссеченным с правой стороны (рис. 84, 13). Заметны дуговидные брови и выпуклость левого глаза; нос и рот стертые. Волосы за ушами спускаются на шею. Найдена в помещении 11, в яме от хума. Размер 5,4×4,4×2,9 см.

2. Женская стоящая фигура в высоком, вероятно, трехрогом головном уборе (рис. 84, 12). Поверхность широкого лица потерта и с правой стороны сбита. Шея короткая, на ней заметен валик ожерелья или гривны. Грудь впалая, груди не выделены; руки и ноги в виде коротких конических отростков расставлены в стороны; бедра широкие. Фигурка отлита из искусственного алебаstra в односторонней форме и подправлена ножом; спинка плоская. Поверхность облицована более тонкой обмазкой и была окрашена красной краской (следы). Фигурка, видимо, изображена обнаженной — на слегка выпуклом животе выделен неглубокой ямкой пупок, лобок пролеплен и окрашен черной краской. Найдена на втором полу мастерской (помещение 10). Размер 14,3×4,5×2,4×3,3 см. Несмотря на изображение рук и ног коническими отростками, фигурка не кажется примитивной благодаря довольно реалистичной моделировке тела. Такое сочетание известно по терракотам, найденным в Таксиле, в парфянском слое Сиркапа¹⁹⁵. Алебастровые фигурки из Кой-Крылган-калы также делались в форме¹⁹⁶. Примитивная статуэтка с отростками вместо рук в Хорезме обнаружена близ Большой Кырккыз-калы. Два фрагмента (верх безрукого туловища и нижняя часть с короткими ногами-столбиками) происходят из погребений I—II вв. н. э. могильника Тумек-Кичиджик¹⁹⁷. Вырезанные из искусственного алебаstra сидячие безрукие фигурки с только намеченными ногами и следами черной краски на голове найдены в могильнике II—III вв. н. э. Джанак I¹⁹⁸.

Терракоты Капараса неоднородны. Наряду с традиционным образом, видимо, главной хорезмийской богини с шарфом (рис. 84, 7), восходящим к раннеантичному времени, существовали изображения, почившие лишь в кушанский период и отражавшие влияние образов, распространенных в первых веках нашей эры на широкой территории Кушанского государства. Вместе с ними распространилась и техника изображения божеств из искусственного алебаstra.

Печати, буллы, монеты

На Капарасе найдена одна печать из слабообожженной глины, а из необожженной — четыре буллы, из которых две — с оттисками печатей. и десять оттисков печатей на большом куске обмазки. Кроме того, собрано семь кусков глиняных обмазок, опечатававших, видимо, горловины

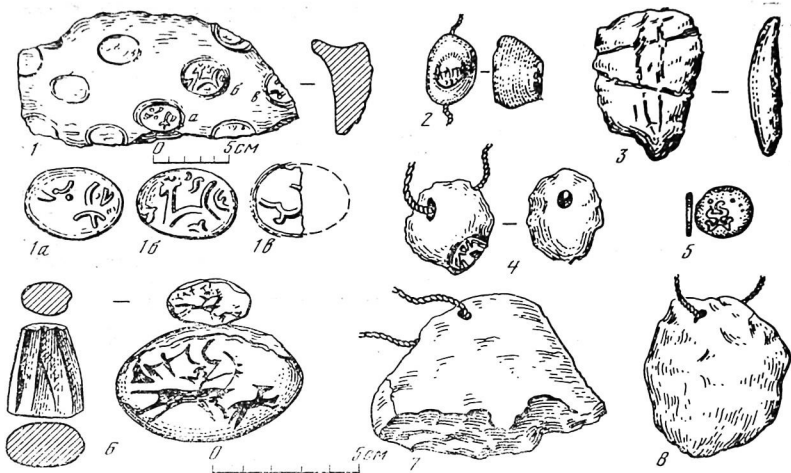

Рис. 85. Находки из Капараса

1 — оттиски печатей на глиняной обмозке; 2, 4 — буллы с оттисками печатей; 3 — глиняная обмозка с прочерченным знаком; 5 — медная монета; 6 — глиняная печать

хумов; одна из них — с каналом от шнура, на котором могла подвешиваться булла. Печать найдена в наслоениях нижнего горизонта, буллы и куски обмозки относятся к верхнему горизонту.

Печать в виде высокого усеченного конуса высотой 3,3 см, с изображением на плоском овальном основании размером $2,5 \times 1,4$ см (рис. 85, б). Боковая поверхность и верх обструганы до обжига. Глина розовато-палевая, обжиг горновой, слабый. По продольной оси овала после обжига выгравировано изображение скачущего вправо конного лучника, небольшого животного, бегущего впереди коня, и надпись или ее имитация над всадником. Фигура лучника устремлена вперед, ноги не показаны. На голове низкий широкополый головной убор (голова только намечена). Натянутый лук большого размера, стрела с длинным древком. Неглубокая линейная резьба сочетается с небольшими углубленными поверхностями. Найдена в помещении 5 на верхнем полу нижнего горизонта. Печать, вероятно, хорезмийского происхождения и могла принадлежать местному владетелю или должностному лицу.

По свидетельству М. Е. Массона и Г. А. Пугаченковой, для Средней Азии времени правления «Великих кушан» были характерны различные оттиски печатей — на сырой глине, сосудах, обожженных кирпичах, причем наряду с каменными и металлическими существовали и глиняные печати⁹⁹. Исследователи относят их к первым векам нашей эры.

Отметим некоторые среднеазиатские печати и оттиски, отчасти сопоставимые с найденной на Капарасе. Глиняная печать с изображением

всадника, отнесенная к парфянскому времени, найдена в селении Изгянт Геок-Тепинского района²⁰⁰. С капарасской ее сближает материал (глина), ориентировка всадника вправо и отсутствие ног у седока. Различие заключается в форме (низкий цилиндр, а не конус) и в сюжете (вместо конного лучника на охоте — всадник на медленно выступающем коне). По сюжету можно указать на относительное сходство с оттисками на глиняных комках из Старой Нисы²⁰¹, однако прямых аналогий нет. У всех нисийских всадников, и с луком, и с копьем, показаны ноги, кони же галопируют с высоко поднятой головой. Капарасский всадник без ног, конь вытянут в струнку, и его хвост, туловище, шея и уши расположены на одной прямой, что придает изображению особую экспрессию. Кроме того, нисийские оттиски оставлены геммами, стилистически отличными от глиняной печати из Капараса. По форме капарасскую печать можно в какой-то мере сопоставить с глиняным низким конусом из Дальверзин-тепе, найденным в кушанском комплексе. Однако сближают их только форма и материал²⁰². Таким образом, капарасская печать входит в круг подобных предметов, распространенных в первые века нашей эры, но имеет свои особенности. Мотив же конной охоты, широко распространенный в парфянском, а позднее — в сасанидском искусстве, на Востоке традиционен. В Хорезме еще в раннеантичном периоде изображения вооруженного всадника на галопирующем коне помещали на рельефах парадных керамических фляг, найденных на Кой-Крылган-кале и Джанбас-кале²⁰³.

Оттиски печатей из верхнего горизонта сделаны на крупном куске необожженной глины с отпечатком округлого предмета, скорее всего, венчика хума на оборотной стороне. На лицевой поверхности — десять оттисков овальных печатей с различными неясными изображениями. Размер всей обмазки 18,2×9,7 см. толщина 6,1 см; размер оттисков 2,7×2,4; 2,8×(2,3—2,5); 3×2,5 см. Полностью сохранились четыре овала (рис. 85, 1). Найдены в мастерской над верхним полом.

Куски необожженной глиняной обмазки с оттисками печатей в Хорезме встречались еще на памятниках раннеантичного периода. Найдены они на наслоениях нижнего горизонта Кой-Крылган-калы²⁰⁴, известны и среди материалов первого периода жизни в крепости Ток-кала, датированного А. В. Гудковой концом IV—II вв. до н. э. В первых веках нашей эры опечатывание отдельных предметов и помещений было довольно широко распространено в Средней Азии и соседних областях. Оттиски печатей из Старой Нисы также наносились на комья глины, причем число их доходило до семи. Наиболее поздние оттиски печатей в Нисе относятся к концу II — началу III в.²⁰⁵ Этим же или чуть более поздним временем датируются капарасские оттиски.

В верхнем горизонте найдено четыре буллы, из которых две с оттисками небольших овальных печатей, возможно, перстней-печатей. Глина плотная, местами растрескавшаяся, необожженная. Одна из булл в виде низкого неправильного усеченного конуса с овальным основанием размером 2,5×1,9 см; размер верхней площадки с оттиском печати 1,6×1,4 см, самого оттиска — 1,3×1,1 см. На обломке сохранился отпечаток шнура для подвешивания. На недостаточно отчетливом изображении просматривается стоящее рогатое животное с опущенной к передним

ногам головой; шерсть показана сомкнутыми треугольниками, поднимающимися по шее и спине вершинами вверх; глаз круглый, выпуклый. Найдена в мастерской, над верхним полом (рис. 85, 2).

Печать с изображением рогатого животного в близкой позе, но в круглом поле и с надписью наверху найдена в Хорезме, на крепости Кырк-Кыз-кала, и отнесена С. П. Толстовым к раннеафригидскому периоду²⁰⁶. Более ранний капарасский оттиск свидетельствует, что этот мотив существовал и в позднекушанское время.

Другая булла имеет вид неправильного, слегка сплющенного комочка с отверстием для шнура и овальным оттиском печати. Размер буллы $3,3 \times 2,9 \times 1,8$ см, оттиска — $1,3 \times 0,9$ см. Изображение нечеткое, просматриваются рельефные линии, возможно, буквы или знаки (рис. 85, 4). Найдена в помещении 5, в завале над верхним полом нижнего горизонта, отнесена к верхнему горизонту.

Буллы с оттисками печатей на территории Средней Азии находили неоднократно, но типология их разработана недостаточно. Большинство булл относят к сасанидскому времени и датируют III—VII вв.²⁰⁷ Капарасские буллы имеют более ограниченную дату, так как по совместным находкам не выходят за пределы начала IV в. н. э.

Были найдены две буллы без оттисков печатей, крупные. Одна из них конической формы (низ сбит) размером около 8×5 см (рис. 85, 7), вторая — в виде уплощенного округлого комка глины размером $5,7 \times 4,7 \times 3,3$ см (рис. 85, 8). Канал, оставленный шнурком, у обеих смещен к краю. Встречены в западном коридоре, севернее башни 5, над нижним полом. Кроме того, в помещении 5, в культурном слое над пандусом, найден кусок обмазки размером $5,2 \times 3,7 \times 1,2$ см, на округлой поверхности которого процарапан знак (рис. 85, 3).

Монеты. Всего найдено четыре медных монеты, из которых только одна поддается определению. Обнаружена она в мастерской, в слое над нижним полом верхнего горизонта. Размер кружка $16,5 \times 18 \times 2$ мм. Изображение в виде хорезмийской тамги отчетливо видно только на одной стороне (рис. 85, 5). По определению Б. И. Вайнберг, монета может датироваться I—II вв. н. э. (до правления Артава). В мастерской, на верхнем полу, найдена еще одна монета ($17,5 \times 18,5 \times 2,0$ мм), но изображение на ней читается. Из двух остальных неопределимых монет одна найдена во дворе, у входа в помещение 8, вторая ($19 \times 17 \times 2$ мм) — в южном коридоре, на полу периода обживания покинутой крепости.

Монеты, из которых определена только одна, не могут уточнить датировку слоя, в котором они обнаружены, но и не противоречат возможным датам сопутствующих находок.

4. Некоторые вопросы истории возведения, датировки и жизни памятника

Раскопки Капараса показывают, что это сооружение представляло собой одну из государственных крепостей, возведенных для защиты южных границ Хорезма. Существовала она долго, но пережила период запу-

стения и частичного разрушения, после которого была восстановлена без существенных изменений в планировке, а позже претерпела еще один ремонт, в основном в своей предвратной части.

Постройка и первый этап функционирования крепости по керамике и бронзовым наконечникам стрел датируются IV в. до н. э., по всей вероятности, его концом, поскольку фрагменты орнаментированных сосудов, типичные для начала IV в. до н. э., немногочисленны. В систему раннеантичных крепостей Южного Хорезма Капарас был включен не с самого начала создания цепи укреплений вдоль левого берега Амударьи. Некоторые из них, такие, как Хазарасп, в керамике которого сохранились черты более раннего, дингильджинского этапа архайской культуры Хорезма²⁰⁸. Джигербент, с керамикой начала IV в. до н. э. в нижнем слое²⁰⁹, были выстроены на рубеже V—IV или в самом начале IV в. до н. э., видимо, вскоре после выхода Хорезма из состава державы Ахеменидов. Они, вероятно, предназначались для защиты от возможных новых посягательств со стороны Ирана.

Возведение Капараса в конце IV в. до н. э. вблизи теснины, значительно суживающей Амударью, можно рассматривать как дополнительное укрепление вдоль реки, возможно, появившееся в связи с вторжением в Азию войск Александра Македонского. Как известно, претензии Александра на завоевание Хорезма отражены в его речи своим войнам в Опиде²¹⁰. Конец начального периода существования Капараса точно не устанавливается. По фрагментам наиболее поздних типов раннеантичной керамики это произошло не позже конца II в. до н. э., видимо, одновременно с концом существования укрепления, обнаруженного в нижнем горизонте Джигербента²¹¹.

По результатам раскопок Капараса и Хазараспа видно, что пограничные крепости Южного Хорезма были четко спланированы и хорошо укреплены еще в раннеантичном периоде. О надежности первоначального строительства свидетельствует достаточная для позднейшего восстановления крепости сохранность пахсового основания ее стен; хорошо сохранилась нижняя пахсовая часть раннеантичных стен и в Хазараспе. Общая планировка обеих крепостей совпадает. Они почти квадратные в плане, имеют угловые и пристенные башни и ворота посередине одной из стен. Однако конструкция стен и башен Хазараспа отличается от капарасских. Есть различие и в системе защиты ворот: хазараспские защищались двумя башнями, капарасские — предвратным сооружением. В Хорезме предвратный лабиринт был широко распространен начиная с раннеантичного периода. В целом Капарас и Хазарасп представляют собой два типа хорезмийских государственных крепостей, сосуществовавших долгое время.

Среди памятников Хорезма по планировке ближе всего Капарасу цитадель Гяур-калы I на Чермен-ябе, сходство с которой выражается и в наличии асимметрично расположенного вдоль одной из ее стен большого прямоугольного предвратного сооружения с несколькими крупными помещениями по одну сторону внутренних ворот и одним меньшим — по другую²¹². Близка Капарасу и цитадель Базар-калы. Разница заключается в возведении на одном из ее углов не диагонально расположенной башни, как на Капарасе, а двух пристенных в виде ласточкина хвоста;

кроме того, некоторая разница наблюдается и во внутренней планировке предвратного сооружения на Базар-кале. Однако эти детали не нарушают общего сходства планировки всех трех упомянутых памятников.

Обе цитадели — гяуркалинская и базаркалинская — датировались кушанским временем главным образом по форме и расположению башен, а также по собранному подъемному материалу. Между тем последний относится не только к кушанскому, но и к кангюйскому времени, а новые исследования в Хорезме и других областях Средней Азии, особенно на территории древних Маргианы и Бактрии, свидетельствуют в пользу того, что правильная конфигурация прямоугольных и близких к квадратным в плане крепостей с округлыми башнями имела глубокие традиции. В Маргиане и Бактрии эта традиция восходит к заключительному этапу эпохи бронзы²¹³, в Хорезме по полукруглой форме башен — к архаическому периоду (городище Кюзели-гыр)²¹⁴, по сочетанию формы башен и планировки — к позднеархаическому (укрепление в окрестностях Турпак-калы) и раннеантичному времени (два однотипных с турпаккалинским укрепления, которые находятся в хвостовой части канала, начинающегося против городища Калалы-гыр I, и укрепленное здание близ поселения Тузгыр II)²¹⁵.

На территории Южной Бактрии очень близкая Капарасу планировка известна по цитадели городища ахеменидского времени (середина I тыс. до н. э.) Алтын-Дильяр-тепе²¹⁶. Разница заключается в размерах (Капарас меньше) и наличии по коротким сторонам не двух, как на Капарасе, а одной пристенной башни, но общая схема прямоугольного укрепления правильной четырехугольной планировки, с округлыми башнями, мощными на углах и меньшего размера по периметру, однотипна. На территории Бактрии и Маргианы этот тип укреплений, как считает В. М. Массон, сформировался в позднем бронзовом веке на основе скрещения местной традиции округлых башен и привнесенной из Индии близкой квадрату правильной планировки²¹⁷. Памятникам ахеменидского времени там предшествовали такие укрепления, как Дашлы I в Бактрии, с еще нерегулярным расположением башен²¹⁸, или Аучин I в Маргиане²¹⁹. Появление подобной планировки в Хорезме в позднеархаическое время может указывать на существование связей Хорезма с Маргианой и Бактрией в период вхождения его в состав держав Ахеменидов. На это не раз обращалось внимание в связи с близким сходством архаической древнехорезмийской керамики с древнебактрийской и древнемаргианской.

О планировке Капараса кушанского времени говорить не приходится, так как она целиком основана на более ранней, может быть, за исключением западной части предвратного комплекса, первоначальный внутренний план которой остался неизвестным.

В свете раскопок на Капарасе не исключено, что и цитадели Гяуркалы I на Чермен-ябе и Базар-калы могли иметь более раннюю основу, что, однако, можно выяснить только после раскопок. С другой стороны, широкое распространение данного типа укреплений в более позднее время, вплоть до раннего средневековья, может свидетельствовать в пользу того, что выработавшийся в античное время (наряду с другими) этот тип небольших крепостей оказался столь рациональным, что продолжал применяться в кушанское время и при строительстве цитаделей

больших городищ, а в раннем средневековье — замков, примером чему могут служить Якке-Парсан, Кош-Парсан и некоторые другие замки в Хорезме²²⁰ или считавшаяся до раскопок античной крепость VI в. н. э. на городище Старый Кишман, на окраине Маргианы²²¹. Однако существенный элемент планировки античных крепостей и цитаделей — одноярусный или двухъярусный межстенный коридор с размещавшейся в нем или над ним стрелковой галереей — в дальнейшем заменяется монолитными одинарными стенами, такими, как в крепости на городище Старый Кишман или в близких по плану замках Хорезма. Таким образом, в раннем средневековье при сходстве планировки некоторых замков с рядом античных крепостей оборонительные функции стен изменяются.

Восстановление крепостных сооружений и возобновление функционирования Капараса приходится, видимо, на первые века нашей эры. Это устанавливается по керамике и другому инвентарю. Не противоречит такой датировке и найденная в слое монета с хорезмийской тамгой (см. выше), относящаяся к I—II вв. н. э. Она обнаружена на нижнем полу верхнего горизонта, но не исключена ее принадлежность к нижнему горизонту. Верхний предел существования нижнего горизонта может уточняться найденным на предпоследнем (третьем) полу помещения 6 венчиком привозного сосуда из прозрачного голубого стекла. Время существования подобных изделий не выходит за границы III в. н. э., наиболее широко они были распространены до середины III в.

В конце существования нижнего горизонта крепость, возможно, пережила осаду, на что косвенно указывают перекладка части стен предвратного сооружения и закладка углов между ним и северной крепостной стеной, а также между башней I и примыкающими к ней северной и восточной стенами. Однако перерыва в жизни крепости, видимо, не было, так как в наслоениях отмечены следы ремонта, но не запустения, а инвентарь нижнего и верхнего горизонтов отличается мало, что особенно заметно по керамике. Судя по материалам, вторичный ремонт производился в том же III в. Он не был капитальным для всех крепостных сооружений и затронул в основном предвратный комплекс, местами пострадавший довольно сильно. Крепость, видимо, не была взята и, не сменив своего населения, прусуществовала, возможно, до начала IV в. н. э.

Верхняя дата кушанского комплекса Капараса определяется керамикой и указаниями при характеристике инвентаря аналогиями. Она может уточняться и найденным в культурных наслоениях импортным стеклом. Так, большинство фрагментов стеклянных сосудов сделано из легкого бесцветного стекла с характерной молочно-белой иризацией; выработка такого стекла не известна позже II—III вв. н. э.²²² Ту же дату дает серпантинный орнамент и другие фрагменты стеклянных сосудов²²³. Это и определяет возможность попадания целой группы стеклянных изделий на Капарас примерно в конце III в. н. э., с учетом отдаленности от ближневосточных центров выработки. Стекло найдено на верхнем полу верхнего горизонта, который оно и может датировать. Этой дате не противоречат и другие совместно найденные предметы, в других областях Средней Азии датирующиеся II—III и II—IV вв. Учитывая эти данные, конец существования крепости кушанского периода может определяться временем никак не позже начала IV в. н. э., а возможно, и концом III в.

Об организации жизни в крепости в кушанское время данных не так много. Бесспорно, караульную службу несли в предвратных помещениях, 1 и 3; в пределах предвратного же комплекса, очевидно, располагались две большие казармы — в помещениях 6 и 4, вблизи выхода на территорию крепостного двора. В коридорах, за исключением северной части западного следов постоянного обитания практически не было, камеры башен, напротив, имели жилой вид. В них и в помещениях предвратного комплекса сохранились традиционные в Хорезме прямоугольные сырцовые выкладки очагов и суф, остатки подстилок или циновки, фрагменты керамики, кости животных, немногочисленные примитивные орудия труда типа лошл, терочников, проколок.

Судя по остаткам сырцовых стен, стоявших во дворе на культурном слое с керамикой кушанского времени, на последнем этапе существования крепости, соответствующем верхнему горизонту, были возведены новые постройки. Сплошной застройки не было, так как выявлены большие незастроенные участки, частично использовавшиеся для хозяйственных целей. Находки кочедыков, грузил и рыбьих костей свидетельствуют о занятии обитателей крепости рыболовством. Прядение и ткачество существовало, но пряслиц найдено меньше, чем обычно на поселениях. У обитателей крепости были, видимо, распространены игры с применением фишек и овечьих астрагалов.

О религиозных представлениях обитателей крепости свидетельствуют немногочисленные теракотовые и ганчевые изображения божеств и зооморфные обереги. Красноангобированная фигурка традиционной хорезмийской богини с шарфом, изображения коней и ежей отражали культовые представления хорезмийцев, существовавшие еще в раннеантичное время. Находки в верхнем горизонте детской головы с явными эллинистическими чертами, изображений обезьяны свидетельствуют об индийском культурном влиянии, но, видимо, не прямом, а опосредованном через Бактрию, где изображение обезьяны было широко распространено.

Есть некоторые данные и о погребальном обряде. Приблизительно в 3 км к юго-юго-западу от крепости, на небольшом холме, были обнаружены остатки захоронений в ящичных оссуариях. Среди обломков последних собраны фрагменты красноангобированных сосудов кушанского периода и небольшой железный нож типа найденных на Капарасе. Кроме фрагментов оссуариев были встречены остатки сырцовой кладки, возможно, разрушенного науса (?).

Следует отметить, что по сравнению с нижним горизонтом кушанского времени в материалах верхнего отражены некоторые изменения в жизни обитателей крепости. Прежде всего это относится к появлению костерезной мастерской, которой раньше не было и в которой найдено большинство орудий, относящихся к верхнему горизонту. Несклько изменился и состав инвентаря. Более чем в два раза увеличилось количество предметов, относящихся к утвари, почти в два раза — орудия труда, более чем в три раза — число украшений и предметов туалета, среди которых появились бусы. Кроме того, большинство предметов, находящихся себе аналогии в различных памятниках позднекушанского времени Хорезма и соседних областей, также залегали в наслоениях верхнего горизонта.

Капарасский инвентарь типичен для комплексов кушанского периода, известных по памятникам Хорезма и других областей Средней Азии. В Хорезме он находит больше всего соответствий в инвентаре Топрак-калы и среднего горизонта Кой-Крылган-калы, а за пределами Хорезма — в материалах, полученных при раскопках различных памятников Бактрии, в первую очередь Дильберджина, Дальверзин-тепе, Заре-тепе, Хайрабад-тепе, могильника у Ялангуш-тепе. С другой стороны, есть соответствия с инвентарем синхронных наслоений Мерва. В остальных памятниках кушанского времени типы найденных на Капарасе предметов также встречаются в разных сочетаниях, в совокупности они составляют устойчивый комплекс.

Одним из компонентов кушанского комплекса можно считать изображение обезьяны, распространившееся по всей Средней Азии. Также характерны фигурки женских и мужских божеств из искусственного алебастра, костяные и металлические стержни с фигурным навершием и другие предметы. Некоторые зафиксированы пока только в Хорезме. К ним относятся ячеистые палетки из серого мраморовидного известняка, отдельные типы терракот. Капарасская керамика также находит многие аналогии в материалах памятников кушанского периода. Больше всего соответствий с керамикой Топрак-калы, есть общие формы с сосудами из среднего горизонта Кой-Крылган-калы и много сходных черт с бактрийской посудой. Можно указать на закрытые сосуды с сильно отогнутым наружу краем, сосуды с боковым носиком, чаши с прямыми расклинными стенками, иногда с ребром посредине наружной стены, не характерные для Хорезма, но традиционные в Бактрии и Согде, а также на применение нарезного волнистого орнамента, с конца II в. до н. э. наносившегося на стенки закрытых сосудов и края открытых мисок в Бактрии и широко распространенного там в кушанское время (Беграм, Дальверзин-тепе, Дильберджин). Можно также отметить капарасские горшки с прямой или слегка отогнутой наружу короткой горловиной и округлым дном и почти круглодонные чаши и миски; аналогии этим сосудам известны в это время и в других районах, например, в Беграме (слой II). Капарасские хумы с вытянутой утолщенной горловиной, скругленной по краю, представлены в керамике кушанского времени тоже довольно широко.

Приводившиеся при описании инвентаря аналогии свидетельствуют, что характерные для кушанского комплекса типы представлены на Капарасе достаточно полно, что позволяет включить его в число памятников, типичных для кушанского периода в различных областях Средней Азии. Кроме того, полученные при раскопках материалы отражают широкие связи Хорезма, с одной стороны, с Бактрией и Согдом, с другой — с Мервом; судя по стеклянному изделию, намечаются и опосредованные ближневосточные контакты. Вместе с тем типичные и традиционные для Хорезма строительные приемы, часть керамики, изображения божеств, некоторые типы различного инвентаря специфичны только для Хорезма. Однако эта специфика, четко проявляющаяся в раннеантичное время, в кушанский период сглаживается.

Позднее обживание Капараса, относящееся к средневековому (не позднее XI в.) времени, носит случайный характер, что позволяет заканчивать историю этого укрепления III, может быть, началом IV в. н. э.

1. *Гулямов Я. Г.* История орошения Хорезма с древнейших времен до наших дней. Ташкент, 1957. С. 141.
2. При описании и на рис. 54 за башнями сохранена первоначально зафиксированная нумерация из расчета двенадцати башен; предвратный комплекс на плане обозначен как № 2—3.
3. Высотные отметки относительные, брались от одного условного нулевого репера, установленного внутри крепости на уровне современной дневной поверхности.
4. На выяснение этого обращалось особое внимание, так как в специальной литературе сохраняется убеждение, что башни полукруглой формы появились лишь в позднесакшанское время. См.: Всеобщая история архитектуры. 2-е изд. М., 1970. Т. 1. С. 335; *Пугаченкова Г. А.* К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия: М., 1976. С. 162.
5. *Толстов С. П.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. // ТХЭ. 1979. Т. 2. С. 32.
6. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 113.
7. *Гудкова А. В.* Ток-кала. Ташкент, 1964. С. 21—22.
8. *Пугаченкова Г. А.* Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮТАКЭ. 1958. Т. 6. С. 43.
9. *Толстов С. П.* Древний Хорезм. С. 92, рис. 29.
10. *Ершов С. А.* Археологические памятники левого берега Амударьи // ВДИ. 1941. № 1. С. 185—186, рис. 3.
11. *Воронина В. Д.* Строительная техника древнего Хорезма // ТХЭ. 1952. Т. 1. С. 46.
12. Там же. С. 95—96; *Шуази О.* История архитектуры. М., 1935. Т. 1. С. 38—39, рис. 38 С.
13. *Лапиров-Скобло М. С.* О некоторых приемах построения формы сводов в древнем Хорезме // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 243.
14. *Манылов Ю. П., Хожаниязов Г.* Городища Аязкала I и Бурлыккала: (К изучению фортификации древнего Хорезма) // Археологические исследования в Каракалпакии. Ташкент, 1981. С. 39—40, рис. 5, 2; С. 44.
15. *Воронина В. Л.* Строительная техника... С. 95.
16. Там же.
17. *Лапиров-Скобло М. С.* Реконструкция памятника // Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма (IV в. до н. э. — IV в. н. э.). М., 1967. Гл. VII. С. 286, рис. 116. (ТХЭ; Т. 5).
18. Периодическое выжигание навоза в использованном для содержания скота помещении отмечено на Калалы-гыре I. См.: *Рапопорт Ю. А., Лапиров-Скобло М. С.* Раскопки дворцового здания на городище Калалы-гыр I в 1958 г. // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 151.
19. *Коляков С. М.* Мастерская по обработке рога и кости в крепости Капарас // Этнография и археология Средней Азии. М., 1979. С. 49—53.
20. *Воробьева М. Г.* Керамика Хорезма античного периода // ТХЭ. 1959. Т. 4. С. 158, рис. 35, 29.
21. Городище Топрак-кала // ТХЭ. 1981. Т. 12. С. 74, рис. 39, 37; С. 86, рис. 44, 10.
22. Там же. С. 86, Рис. 44, 9; С. 96, рис. 47, 61.
23. *Воробьева М. Г.* Керамика... С. 150.
24. Кой-Крылган-кала... Табл. VIII, 19—20.
25. Городище Топрак-кала. С. 77.
26. *Неразик Е. Е.* Сельское жилище в Хорезме (I—XIV вв.) // ТХЭ. 1976. Т. 9. С. 52, рис. 26, 18, 19.
27. Кой-Крылган-кала... Табл. III, 39.
28. *Некрасова Е. Г.* Древняя керамика Шарабадского оазиса // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 77, рис. 1, 3; С. 79, рис. 2, 16; С. 82.
29. Кой-Крылган-кала... Табл. III, 45, 49.
30. *Рутковская Л. М.* Античная керамика древнего Мерва // ТЮТАКЭ. 1962. Т. 11. С. 60, рис. 6, 4—6.
31. Дальверзин-тепе — кушанский город на юге Узбекистана, Ташкент, 1978. С. 42, рис. 23; *Филанович М. И.* Гаур-кала // ТЮТАКЭ. 1974. Т. 15. С. 63, рис. 14; *Рутковская Л. М.* Античная керамика. С. 74, рис. 10, 4, 7, 10.
32. Городище Топрак-кала. С. 82, рис. 42, 12.
33. *Неразик Е. Е.* Сельское жилище... С. 33 рис. 13, 5.
34. *Воробьева М. Г.* Керамика... С. 168.
35. *Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А.* Дильберджи. М., 1977. Ч. 2. С. 31, рис. 24, 12; С. 47.

- 36 Пилико В. Н. Древнее городище Одей-тепе на среднем течении Амударьи // Каракумские древности. Ашхабад, 1979. Вып. 8. Рис. 6, 2; С. 36.
- 37 Воробьева М. Г. Керамика... С. 147, рис. 32, 12, 13; С. 152.
- 38 Гудкова А. В. Ток-кала. С. 37, рис. 9, 6.
- 39 Неразик Е. Е. Сельское жилище... С. 27, рис. 9, 14; С. 28.
- 40 Круликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. С. 30, рис. 23, 17; С. 47.
- 41 Кой-Крылган-кала. Табл. IX, 2, 3.
- 42 Городище Топрак-кала. С. 74, рис. 39, 19.
- 43 Неразик Е. Е. Сельское жилище... С. 27, рис. 9, 8.
- 44 Городище Топрак-кала. С. 76, рис. 40, 10, 27.
- 45 Кой-Крылган-кала... Табл. VIII, 2; Городище Топрак-кала. С. 76, рис. 40, 16.
- 46 Городище Топрак-кала. С. 86, рис. 44, 40.
- 47 Кой-Крылган-кала... Табл. IX, 102, 103.
- 48 Городище Топрак-кала. С. 76, рис. 40, 65.
- 49 Кой-Крылган-кала... Табл. III, 4; табл. IX, 47—48.
- 50 Там же. Табл. IX, 49, 53.
- 51 Городище Топрак-кала. С. 74, рис. 39; С. 86, рис. 44, 1, 2, 5; С. 89; С. 96, рис. 47, 3, 15; С. 97.
- 52 Кой-Крылган-кала... С. 131.
- 53 Вайнберг Б. И. Монеты древнего Хорезма. М., 1977. С. 96.
- 54 Кой-Крылган-кала... С. 130—131.
- 55 Городище Топрак-кала. С. 81.
- 56 Кой-Крылган-кала... Табл. X, 131.
- 57 Там же. С. 122—124, табл. X, 28 и др.
- 58 Там же. Табл. X, 104, 105.
- 59 Там же. Табл. X, 103, 142; Городище Топрак-кала. С. 76, рис. 40, 54, 55; С. 86, рис. 44, 42.
- 60 Кой-Крылган-кала... Табл. XI, 12, 13, 21, 33, 48; Городище Топрак-кала. С. 96, рис. 47, 20, 21.
- 61 Дальверзин-тепе... С. 151, рис. 103, 31.
- 62 Кой-Крылган-кала... Табл. VI, 1, 2.
- 63 Городище Топрак-кала. С. 87, рис. 44, 7.
- 64 Кой-Крылган-кала... Табл. XIII, 41, 42.
- 65 Неразик Е. Е. Сельское жилище... С. 47, рис. 23, 9—10; С. 48.
- 66 Там же. С. 27, рис. 9, 1, 2; С. 28.
- 67 Кой-Крылган-кала... Табл. IX, 37, 39.
- 68 Городище Топрак-кала. С. 92, рис. 46, 22—24, 26, 30, 36.
- 69 Там же. С. 92, рис. 46, 6, 9; С. 93.
- 70 Неразик Е. Е. Сельское жилище... С. 33, рис. 13, 17, 18; С. 35.
- 71 Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода // ТХЭ. 1959. 1. 4. С. 229, рис. 1, 20; С. 231; Она же. Сельское жилище... С. 52, рис. 26, 21; Городище Топрак-кала. С. 96, рис. 47, 59, 60.
- 72 Воробьева М. Г. Керамика... С. 158, рис. 35, 22.
- 73 Городище Топрак-кала. С. 90, рис. 45, 32, 44.
- 74 Воробьева М. Г. Керамика... С. 147, рис. 32, 6.
- 75 Неразик Е. Е. Сельское хозяйство... С. 34, рис. 14, 7.
- 76 Городища Топрак-кала. С. 74, рис. 39, 1, 8.
- 77 Кой-Крылган-кала... Табл. X, 129.
- 78 Городище Топрак-кала. С. 86, рис. 44, 13; Левина Л. М. Керамика нижней и средней Сырдарьи в I тысячелетии н. э. // ТХЭ. 1971. Т. 7. С. 22—23, рис. 6, 22; С. 108, рис. 32, 72; Зильвер Д. Г., Бураков Ю. Ф. Археологические наблюдения на городище Минг-Урюк в 1957 г. // Тр. ТашГУ. 1960. Т. 5. Табл. 4; Древний Ташкент. Ташкент, 1973. Рис. 35; и др.
- 79 Кой-Крылган-кала... Табл. X, 144.
- 80 Смирнов К. Ф. Вооружение савроматов // МИА. 1961. № 101. С. 46—48, табл. II, Г — 15, 98.
- 81 Трудновская С. А. Изделия из металла, кости, камня, стекла и других материалов // Кой-Крылган-кала... С. 137—139. Библиография.
- 82 Сабиров К. С. Кушанская фортификация в свете раскопок на городище Зар-Тепе // Бактрийские древности. Л., 1976. С. 48; Круликова И. Т. Дильберджин: (Раскопки 1970—1972 гг.). М., 1974. Ч. I. С. 96—97.
- 83 Трудновская С. А. Изделия из металла, кости... С. 139.
- 84 Трудновская С. А. Предметы вооружения и быта: Украшения // Городище Топрак-кала. С. 106—107, рис. 51, 6, 7.
- 85 Сокольский Н. И. Виноделие в азиатской части Боспора // СА. 1970. № 2. С. 79.
- 86 Трудновская С. А. Предметы вооружения и быта. С. 109, рис. 53, 4; С. 110.

- ⁸⁷ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк Исфаринского района // Тр. ИИАЭ АН ТаджССР. 1955. Т. 35. С. 51, рис. 23.
- ⁸⁸ *Бернштам А. Н.* Кенкольский могильник. Л., 1940. С. 7, табл. XXI.
- ⁸⁹ *Трудновская С. А.* Изделия из металла, кости... С. 158; *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию // МИА. 1966. № 135. С. 117—118.
- ⁹⁰ *Трудновская С. А.* Изделия из металла, кости... С. 143—145; *Она же.* Предметы вооружения и быта. С. 107, рис. 53, 13, 14.
- ⁹¹ *Трудновская С. А.* Изделия из металла, кости... С. 140—143. Там же. С. 161, рис. 64, 3.
- ⁹² Там же. С. 155, табл. XVIII, 9.
- ⁹⁴ *Юсупов Х. Ю.* Исследования курганных памятников вдоль Верхнего Узбоя // УСА. 1975. Вып. 3. С. 50, рис. 20, 10.
- ⁹⁵ *Гольмстен А. В.* Хронологическое значение древних форм. // Изв. Самар. ун-та. Самара, 1923. Вып. 5. С. 5—6, рис. 2; *Сымонович Э. А.* О культовых представлениях населения юго-западных областей СССР в позднеантичный период // СА. 1978. № 2. С. 114—115, рис. 1, 26.
- ⁹⁵ *Воронов Ю. Н.* Материальная культура Абхазии I тысячелетия н. э. // КСИА. 1979. Вып. 159. С. 44, 46, рис. 2, 5.
- ⁹⁷ *Трудновская С. А.* Изделия из металла, кости... С. 156, Табл. XVIII, 11.
- ⁹⁸ *Грязнов М. П.* Археологические исследования территории одного поселка: (Раскопки Североалтайской экспедиции в 1949 г.) // КСИИМК. 1951. Вып. 10. С. 109, рис. 30, 118; С. 111.
- ⁹⁹ *Финогенова С. И.* Античные медицинские инструменты // СА. 1967. № 1. С. 152, 154.
- ¹⁰⁰ *Алиев Иггар, Алиев В. Г.* О сармато-аланских памятниках на территории Нахичеванской АССР // СА. 1975. № 1. С. 178—179, рис. 2; *Кропоткин В. В.* Римские импортные изделия в Восточной Европе (II в. до н. э. — V в. н. э.) // САИ. М., 1970. Вып. Д1—27, № 882, рис. 70, 6; *Аракелян Б. Н.* Гарни II. Ереван, 1957. С. 60, 63, рис. 32 и 33; *Сорокина Н. П.* Стекланные сосуды из Танаиса // МИА. 1965. № 127. С. 232.
- ¹⁰¹ *Сорокин С. С.* О датировке и толковании Кенкольского могильника // КСИИМК. 1956. Вып. 64. С. 10—11, рис. 2.
- ¹⁰² *Мошкова М. Т.* Памятники прохоровской культуры // САИ. 1963. Вып. Д1—10. С. 32—33, табл. 17; *Асланов Г. М.* К изучению ранне-средневековых памятников Мингечаура // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 64, 67, рис. 27, 24; *Литвинский Б. А.* Среднеазиатские железные наконечники стрел // СА. 1965. № 2. С. 79—82.
- ¹⁰³ Excavations at Dura-Europos, 1935—1936. New Haven, 1946. Part 2. P. 12—14, 139; Pl. I. Tomb 37; Pl. LVI, Tomb 46.
- ¹⁰⁴ *Трудновская С. А.* Изделия из металла, кости... С. 135, 136, рис. 53, 6; *Лоховиц В. А., Хазанов А. М.* Подбойные и катакомбные погребения могильника Туз-Гыр // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979. С. 127, табл. IV, 13—18. (ТХЭ; Т. 11); *Лоховиц В. А.* Подбойно-катакомбные и коллективные погребения могильника Тумек-кичиджик // Там же. С. 142, табл. III, 7, 8.
- ¹⁰⁵ *Коляков С. М.* Мастерская по обработке... С. 49—50.
- ¹⁰⁶ *Лоховиц В. А.* Новые данные о подбойных погребениях в Туркмении // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 159, рис. 4, 1. По данным А. А. Абдуллаева, подобные ножи найдены на могильнике Иттифок. См.: *Абдуллаев А. А.* Отчет о раскопках погребений в Гиссаре (август—сентябрь 1971) // Археологические работы в Таджикистане. Душанбе, 1975. Вып. 11. С. 56—57.
- ¹⁰⁷ *Юсупов Х. Ю.* Исследования курганных памятников... С. 21.
- ¹⁰⁸ *Неразик Е. Е.* Археологическое обследование городища Куна-Уаз в 1952 г. // ТХЭ. 1958. Т. 2. С. 387, рис. 10, 4.
- ¹⁰⁹ *Вайнштейн С. И., Дьяконова В. П.* Памятники в могильнике Кожель конца I тысячелетия до н. э. — первых веков н. э. // Тр. ТКАЭЭ. 1966. Т. 2. С. 218, табл. XIII, 15.
- ¹¹⁰ *Коляков С. М.* Мастерская по обработке... С. 52.
- ¹¹¹ *Радищевская В. Е., Шрамко Б. А.* Усадьба с костерной мастерской на Бельском городище // СА. 1980. № 4. С. 184, рис. 3, 19, 21; С. 185.
- ¹¹² *Кацурис К., Буряков Ю. П.* Изучение

- ремесленного квартала античного Мерва у северных ворот Гуяр-калы // ТЮТАКЭ. 1963. Т. 12. С. 146, рис. 18; С. 147, 154, 155. В статье приведена основная библиография.
- ¹¹³ Пилипко В. Н. Исследования античных памятников в Северной Парфии в 1970 г. // Каракумские древности. Ашхабад, 1972. Вып. 4. С. 85—86.
- ¹¹⁴ Анфимов Н. В. Земледелие у мео-то-сарматских племен Прикубанья // МИА. 1951. № 23. С. 150, рис. 1, 7, 8; С. 153—154.
- ¹¹⁵ Трудновская С. А. Изделия из металла, кости... С. 166, рис. 67, 5, 1, 5, 7, 14; С. 167; Она же. Предметы вооружения и быта. С. 107—103, рис. 52, 14, 15.
- ¹¹⁶ Трудновская С. А. Изделия из металла, кости... С. 167, рис. 68, 3, 15; Она же. Предметы вооружения и быта. С. 107—108, рис. 52, 6, 23.
- ¹¹⁷ Трудновская С. А. Предметы вооружения и быта. С. 108, рис. 52, 33; Лоховиц В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения... табл. IV, 19.
- ¹¹⁸ Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966. С. 95, рис. 62; С. 96.
- ¹¹⁹ Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины // Археологические памятники Таласской долины. Фрунзе, 1963. С. 38, рис. 4, 6; С. 52.
- ¹²⁰ Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий // СА. 1971. № 4. С. 165—166, рис. 7, 3; Кругликова И. Т., Пугаченкова Г. А. Дильберджин. С. 37, рис. 30.
- ¹²¹ Завьялов В. А., Осипов В. И. Раскопки жилого комплекса на городище Зар-тепе в 1973 г. // Бактрийские древности. С. 56, рис. 3, 14; С. 57—58.
- ¹²² Трудновская С. А. Предметы вооружения и быта. С. 107—108, рис. 52.
- ¹²³ Баруздин Ю. Д. Кара-Булакский могильник // Изв. АН КиргССР. Сер. обществ. наук. Фрунзе, 1961. Т. 3, вып. 3. С. 65, 81, табл. XV (двусторонние гребни).
- ¹²⁴ Неразик Е. Е. Раскопки Якке-Парсапа // МХЭ. 1963. Вып. 7. С. 16.
- ¹²⁵ Сокольский Н. И. Деревообрабатывающее ремесло в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1971. С. 138, рис. 43 и 44; табл. XVIII, 10, XIX, 4.
- ¹²⁶ Мандельштам А. М. Кочевники на пути в Индию. С. 135—136; Табл. VIII, 44; Он же. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии // Тр. Тадж. археол. экспедиции Ин-та археологии АН СССР и Ин-та истории АН ТаджССР. Л., 1975. Т. 7. С. 54, табл. XVII, 14, 16; С. 125, табл. XXXIII, 16—18; С. 130; Кожомбердиев И. Катакомбные памятники Таласской долины. С. 49, 54, 57, 67, рис. 4, 16; С. 75—76.
- ¹²⁷ Вайнштейн С. И. Раскопки могильника Кокэль в 1962 г.: (Погребения кызылганской и сынчурекской культур) // Тр. ТКАЭЭ. 1970. Т. 3. С. 25—26, рис. 29, 5.
- ¹²⁸ Сорокина Н. П. Стекло из раскопок Шаитикаепа // МИА. 1962. № 103. С. 223.
- ¹²⁹ Сорокина Н. П. Стекланные сосуды из Танаиса. С. 208, 210, 214, 215; Алексеева Е. М., Арсеньева Т. М. Стеклоделные Танаиса // СА. 1966. № 2. С. 179—182.
- ¹³⁰ Сымонович Э. А. Стекланная посуда середины I тысячелетия н. э. с нижнего Днепра // КСИИМК. 1957. Вып. 69. С. 22—23, рис. 4, 9; Она же. Стекланная посуда из поднепровско-причерноморских памятников черняховской культуры // СА. 1977. № 1. С. 180, рис. 1, 6—8, группа III.
- ¹³¹ Аракелян Б. Н. Гарни II. С. 65, рис. 37; С. 66.
- ¹³² Левина Л. М. Керамика и вопросы хронологии памятников джеты-асарской культуры // Материальная культура народов Средней Азии и Казахстана. М., 1966. С. 69, рис. 6, 35. Л. М. Левина указывает, что подобные сосуды датируются IV—V вв. н. э., однако принята и более ранняя датировка. Так, М. Б. Шуклин в статье «О трех датировках черняховской культуры» (КСИА. 1967. Вып. 112. С. 12, рис. 3, 9) верхнюю дату бытования подобных чаш для черняховской культуры ограничивает серединой IV в. н. э. Кроме того, Л. М. Левина в качестве аналогии приводит конические кубки, появившиеся позже чаш.
- ¹³³ Трудновская С. А. Предметы вооружения и быта. С. 117, рис. 58, 24.
- ¹³⁴ Fremersdorf F. Die römischen Gläser mit Schlif Bemalung und Go-

- daufagen aus Köln. Köln, 1967. Taf. 82—83.
- ¹³⁵ *Clairmont Christoph W.* The Glass Vessels: The Excavations at Dura Europos. Final Report IV. New Haven, 1963. P. V. P. 2, 65, 70, 71, 266—267.
- ¹³⁶ *Аракелян Б. Н.* Гарни II. С. 15, 20, 64, 65, рис. 37; С. 68. Ср. с. 22.
- ¹³⁷ *Сорокина Н. П.* Позднеантичное стекло из Ольвии // *Художественная культура и археология античного мира.* М., 1976. С. 202—203.
- ¹³⁸ Там же.
- ¹³⁹ *Сорокина Н. П.* Стекланные сосуды из Танаиса. С. 208, 215, 217, рис. 7, 7.
- ¹⁴⁰ *Сорокина Н. П.* Стекло из раскопок Пантикапея. С. 226—229; 228, рис. 12, 5.
- ¹⁴¹ *Сорокина Н. П.* Позднеантичное стекло из Ольвии. С. 199—200.
- ¹⁴² *Clairmont Christoph W.* The Glass Vessels... P. 42.
- ¹⁴³ *Трудновская С. А.* Предметы вооружения и быта. С. 107—108; С. 109, рис. 53, 10.
- ¹⁴⁴ *Трудновская С. А.* Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-калы // ТХЭ. 1952. Т. 1. С. 126; *Неразик Е. Е.* Археологическое обследование городища Куны-Уаз... С. 390.
- ¹⁴⁵ *Давидович Е. А., Литвинский Б. А.* Археологический очерк Исфаринского района. С. 62, 63, 69; *Юсупов Х. Ю.* Курганы Шахсенемкыра // *История и археология Средней Азии.* С. 134, рис. 2, 12; *Дьяконов М. М.* Работы Кафирниганского отряда // МИА. 1950. № 15. С. 157—169; Табл. 86, 1.
- ¹⁴⁶ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. С. 121, рис. 63 (второй справа в верхнем ряду).
- ¹⁴⁷ *Коляков С. М.* Мастерская по обработке. С. 50—52.
- ¹⁴⁸ *Трудновская С. А.* Предметы вооружения и быта. С. 120, рис. 59, 38; С. 121. Также в Хорезме — Аязкала 3, Джанбаскалинское поселение, Капарас, Топрак-кала. В других областях Средней Азии и Казахстана — Старая Ниса, Гяур-кала Мервская, Дальверзин-тепе, Зар-тепе, Хайрабад-тепе. Халчаян, могильники Тулхарский, Берккаринский, Кулажурга, Батагаш, Джувантобе, Кенкольский (из серебра). Вне Средней Азии и Казахстана — могильник близ крепости Гарни на Кавказе, могильник и поселение в Дурра-Европос, Беграм, Дильберджин, Таксила. Список можно продолжить.
- ¹⁴⁹ *Пугаченкова Г. А.* Халчаян. С. 96.
- ¹⁵⁰ *Завьялов В. А., Осипов В. И.* Раскопки жилого комплекса. С. 56, рис. 3, 9, 10; *Массон В. М.* Раскопки кушанских памятников в Северной Бактрии // АО 1974 г. М., 1975. С. 508; *Завьялов В. А.* Раскопки квартала позднекушанского времени на городище Зартепе в 1975—1976 гг. // СА. 1979. № 3. С. 152; *Массон В. М., Кошеленко Г. А.* Исследование кушанского городища Зартепе // АО 1980 г. М., 1981. С. 456.
- ¹⁵¹ *Петренко В. Г.* К вопросу об употреблении булавок скифами. VI—IV вв. до н. э. // КСИА. 1975. Вып. 142. С. 53—57.
- ¹⁵² *Шейхов Н. Б.* Женские головные булавки как признак локальной культуры Дагестана VII—X вв. н. э. // КСИИМК. 1947. Вып. 18. С. 120—135.
- ¹⁵³ *Жуков В. Д.* Археологическая разведка на шахрестане Хайрабад-Тепе // ИМКУ. 1961. Вып. 2. С. 186, 187; *Marshall J.* Taxila. 1951. Vol. II. P. 585, 588.
- ¹⁵⁴ *Заднепровский Ю. А.* Археологические памятники южных районов Ошской области. Фрунзе, 1960. С. 90, 93 94; С. 104, рис. 59, 2; *Кадыров Э.* Новые материалы к изучению культуры древних скотоводов Ферганы: (По материалам раскопок могильника Гурмирзон в 1973 г.) // УСА. 1973. Вып. 3. С. 34.
- ¹⁵⁵ *Грязнов М. П.* Некоторые итоги трехлетних археологических работ на Верхней Оби // КСИИМК. 1952. Вып. 48. С. 99, рис. 31, 26; С. 95—96.
- ¹⁵⁶ *Неразик Е. Е.* Археологическое обследование городища Куны-Уаз... С. 382.
- ¹⁵⁷ *Обельченко О. В.* Курганные погребения первых веков н. э. и кенотафы Куо-Мазарского могильника // Тр. САГУ. Ч. с. 1957. Вып. 111; *Исторические науки*, кн. 25: *Археология Средней Азии.* 4. С. 113, 122, рис.
- ¹⁵⁸ *Сорокин С. С.* О датировке и толковании Кенкольского могильника. С. 13, 14; *Кожомбердиев И.* Катакомбные памятники Таласской долины. С. 38, рис. 4, 19—21; *Бернштам А. Н.* Из истории археоло-

- ческих работ на Тянь-Шане и Памиро-Алае // КСИИМК. 1949. Вып. 28. С. 58, рис. 7, 3, 4. Примеры можно умножить.
- ¹⁵⁹ *Абрамова М. П.* Новые погребения сарматского времени из Кабардино-Балкарии // СА. 1968. № 3. С. 120.
- ¹⁶⁰ *Богданова Н. А., Гуцица И. И., Лобода И. И.* Могильник Скалистое III в Юго-Западном Крыму (I—III вв.) // СА. 1976. № 4. С. 131, рис. 7, 104, 147.
- ¹⁶¹ *Асланов Г. М.* К изучению ранне-средневековых памятников Мингечаура // КСИИМК. 1955. Вып. 60. С. 70, рис. 21.
- ¹⁶² *Скаунд Н. Н.* Экспериментально-этнографические исследования керамических орудий труда эпохи палеометалла // СА. 1977. № 1. С. 264—268; *Хлопина Л. И.* Новый тип орудий труда эпохи бронзы // Там же. 1974. № 3. С. 240.
- ¹⁶³ *Сымонович Э. А.* Игрально-счетные жетоны на памятниках черняховской культуры // Там же. 1964. № 3. С. 307—312.
- ¹⁶⁴ *Трудновская С. А.* Предметы вооружения и быта. С. 111; *Она же.* Изделия из металла, кости... С. 157—158.
- ¹⁶⁵ *Трудновская С. А.* Предметы вооружения и быта. С. 109, рис. 53, 1, 5.
- ¹⁶⁶ *Финогенова С. И.* Античные медицинские инструменты. С. 160, 161, рис. 8, 1, 2.
- ¹⁶⁷ См., например, *Мандельштам А. М.* Кочевники на пути в Индию. С. 116, табл. I, 1—8; *Распопова В. И.* Металлические изделия раннесредневекового Согда. Л., 1980. С. 56, рис. 36, 9—12; С. 61.
- ¹⁶⁸ *Неразик Е. Е.* Сельские поселения афригидского Хорезма. М., 1966. С. 150, рис. 67, 3.
- ¹⁶⁹ *Гудкова А. В.* Ток-кала. С. 136, рис. 37.
- ¹⁷⁰ *Заднепровский Ю. А.* Археологические работы в Южной Киргизии в 1954 г. // Тр. Кирг. археол.-этногр. экспедиции. М., 1960. Т. 4. С. 239, рис. 58, 16, 34; С. 240; *Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А.* Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. Ташкент, 1965. С. 102, рис. 10.
- ¹⁷¹ *Гудкова А. В.* Ток-кала. С. 138, рис. 38.
- ¹⁷² *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Табл. 72, 8. Указанная статуэтка отнесена к архаическому стилю. После раскопок Кой-Крылган-кала установлено, что данный вариант изображений относится к кушанскому типу. См.: *Воробьева М. Г.* Терракоты, рельефы и алебастровые статуэтки // Кой-Крылган-кала... С. 185, табл. XXIX, 38.
- ¹⁷³ *Воробьева М. Г.* Хорезмийские терракоты // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 190, 191.
- ¹⁷⁴ *Воробьева М. Г.* Терракоты, рельефы... Табл. XXVII, 16, 18, 19, 22; табл. XXIX, 38.
- ¹⁷⁵ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Табл. 75, 1, 2, 4, 5, 7 (в подписи ошибка; надо: 1 — район Тешиккалы; 5, 7 — Базар-кала); *Воробьева М. Г.* Терракоты, рельефы... С. 187—188, табл. XXIX, 46, 47.
- ¹⁷⁶ *Кругликова И. Т., Сарияниди В. И.* Древняя Бактрия в свете новых археологических открытий. С. 164—165, рис. 5, 2, 3.
- ¹⁷⁷ *Marshall J.* Taxila. Cambridge, 1951. Vol. III. P. 133, N 3.
- ¹⁷⁸ *Сабоков Р. Л.* Музыкальная культура древнего Хорезма. М., 1970. С. 87.
- ¹⁷⁹ *Мешкерис В. А.* Терракоты Самаркандского музея. Л., 1962. С. 72, табл. IX, 101—103, 105; *Она же.* Коропластика Согда. Душанбе, 1977. Табл. XXVII, 41, 43, 44.
- ¹⁸⁰ *Забелина Н. Н.* Новые археологические находки из Гиссарской долины // Сообщ. Респ. ист.-краевед. музея ТаджССР. Сталинабад, 1952. Вып. 1: Археология. С. 25, рис. 2.
- ¹⁸¹ *Пугаченкова Г. А.* Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979. С. 185, рис. 227.
- ¹⁸² *Толстов С. П.* Древний Хорезм. Табл. 74, 4.
- ¹⁸³ *Шишкин В. А.* «Курган» и мечеть Чор-Сутун в развалинах Старого Термеза // Тр. АН УзССР. Сер. 1. 1945. Термезская археологическая экспедиция. Т. 2. С. 126, рис. 28; *Ставиский Б. Я.* Итоги раскопок Кара-тепе в 1965—1969 гг. // Блудский культурный центр Кара-тепе в Старом Термезе. М. 1972. С. 45, табл. XVI, а; табл. XVIII, Альбам Л. И. Балалык-тепе. Ташкент, 1960. С. 16, 18—20, рис. 7; *Завьялов В. А., Осипов В. И.* Раскопки жилого комплекса на городище Зар-Тепе. С. 56, рис. 3, 3; С. 57; *Пуга-*

- ченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. С. 183, рис. 221; Жуков В. Д. Археологическая разведка на шахрестане Хайрабад-тепе. С. 190, рис. 9; С. 191.
- 184 Пидаев Ш. Р. Мирзакул-Тепе — памятник раннекушанского времени в Северной Бактрии // Бактрийские древности. С. 75, рис. 4.
- 185 Толстов С. П. Итоги работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1953 г. // ВДИ. 1955. № 3. С. 203; Воробьева М. Г. Терракоты, рельефы... С. 192.
- 186 Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. С. 186.
- 187 Там же. С. 184—185, рис. 224, 226.
- 188 Авеста. Видевдат. фарагд XIII; Darmesteter J. Le Soud Avesta. Paris, 1982. Vol. I. P. 234.
- 189 Воробьева М. Г. Терракоты, рельефы... С. 184, 191, табл. XXXI, 65. Две фигурки коней с пазом вдоль живота, найденные в ямах на Кой-Крылган-кале, были отнесены к поздней поре кангюйского периода. Новые материалы позволяют считать, что этот тип появился в кушанское время.
- 190 Воробьева М. Г. Керамика // Кой-Крылган-кала. С. 113, рис. 48.
- 191 Воробьева М. Г. Античные традиции в памятниках искусства и художественного ремесла древнего Хорезма // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978. С. 238, 239.
- 192 Marshall J. Taxila. Vol. III. Pl. 138, N 184, 185.
- 193 Абдуллаев К. А., Завьялов В. А. Сосуды на зооморфных подставках из поселений кушанской Бактрии // СА. 1985. № 1. С. 202, 203, 207—210.
- 194 Воробьева М. Г. Керамика // Кой-Крылган-кала. С. 125, рис. 50, 2; С. 126.
- 195 Marshall J. Taxila. Vol. II P. 442—443. N 8; Vol. III. Pl. 132, N 8.
- 196 Воробьева М. Г. Терракоты, рельефы... С. 107 табл. XXXIII.
- 197 Лохвиц В. А. Подбойно-катакомбные и коллективные погребения... С. 135, 144, 146, 149, табл. 17, 20, 21.
- 198 Мандельштам А. М. Могильник Джанак I // КСИА. 1981. Вып. 167. С. 74, 77, рис. 4; С. 78, 79.
- 199 Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей из Нисы // ВДИ. 1954. № 4. С. 159—160.
- 200 Росляков А. А. Глиняная печать из села Изгант // ТЮТАКЭ. 1955. Т. 5. С. 104.
- 201 Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей... С. 166—167, рис. 4 и 7 между ними.
- 202 Пугаченкова Г. А. Терракотовая печать из Дальверзин-тепе // История и археология Средней Азии. С. 82.
- 203 Воробьева М. Г. Терракоты, рельефы... С. 201, 203, рис. 75, 6.
- 204 Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции... С. 177, 181, рис. 77; Трудновская С. А. Печати // Кой-Крылган-кала... С. 218.
- 205 Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей. С. 161.
- 206 Толстов С. П. Древний Хорезм. Табл. 83, 6.
- 207 Губаев А. Новые раскопки замка Ак-депе у Артыка // Каракумские древности. Вып. 4. С. 94; Губаев А., Лелеков Л. А. Буллы сасанидского периода из Ак-депе // Там же. Ашхабад, 1970. Вып. 3. С. 105, 106.
- 208 Воробьева М. Г., Лапирев-Скоболо М. С., Неразик Е. Е. Археологические работы в Хазараспе в 1958—1960 гг. // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 182.
- 209 Вишневецкая О. А. Раскопки Джигербента // АО 1975 г. М., 1976. С. 544.
- 210 Аррион. Поход Александра. М.; Л., 1962. VII. 10, 6.
- 211 Вишневецкая О. А. Раскопки Джигербента. С. 544.
- 212 Толстов С. П. Древний Хорезм. С. 116, рис. 54.
- 213 Массон В. М. Фортификация Средней Азии в бронзовом веке // Этнография и археология Средней Азии. С. 32.
- 214 Толстов С. П. Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции. С. 32.
- 215 Неразик Е. Е. Сельское жилище... С. 17—19; С. 20, рис. 4.
- 216 Кругликова И. Т., Сарияниди В. И. Пять лет работы Советско-Афганской археологической экспедиции 1969—1973 гг. // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 12 и рис. 10.
- 217 Массон В. М. Фортификация Средней Азии... С. 32, 33.
- 218 Там же: Сарияниди В. И. Бактрия в эпоху бронзы // СА. 1974. № 4. С. 49, 51, 52, рис. 3.

- ²¹⁹ *Сарианиди В. И.* Древности низовой Мургаба // *ЛО* 1972 г. М., 1973. С. 183.
- ²²⁰ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. С. 125, рис. 69, 70; *Неразик Е. Е.* Раскопки Якке-Парсана. С. 4, рис. 2; С. 37; *Она же.* Сельские поселения афригидского Хорезма. С. 57, рис. 31, 2.
- ²²¹ *Дурдыев Д.* Итоги полевых работ сектора археологии Института истории, археологии и этнографии АН СССР 1954—1957 гг. // *Тр. ИИАиЭ АН СССР*. 1959. Т. 5. С. 13; *Он же.* Городище старого Кишмана // *Там же*. С. 140—147, 149—151, 154, табл. II. В статьях Г. Хожаниязова (История развития фортификации Хорезма // *СА*. 1981. № 2. С. 55) и Ю. П. Манылова и Г. Хожаниязова (Городище Аязкала I и Бурлыккала. С. 46) эта крепость, со ссылкой на табл. II—III статьи Д. Дурдыева (Городище старого Кишмана. С. 154), ошибочно отнесена к античным и датирована VI—V и VIII—IV вв. до н. э., а не VI в. н. э., как в обеих статьях Д. Дурдыева.
- ²²² *Сорокина Н. П.* Позднеантичное стекло из Ольвии. С. 200, 201.
- ²²³ *Сорокина Н. П.* Стекло из раскопок Пантикапея. С. 223, 232, 234.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследования в Южном Хорезме, в зоне затопления Тюямуюнского водохранилища, как мы могли убедиться, велись широким фронтом и большими силами. В них принимали участие специалисты разных профессий, в том числе и естественники, что позволило, с одной стороны, обеспечить комплексный подход при решении ряда вопросов, а с другой — вести работы одновременно в разных направлениях. В результате удалось осуществить исследования по обширной программе, которая включала работы по выявлению первобытных памятников на данной территории, исследование торговых путей из Хорезма на юг вдоль правого и левого берега Амударьи, раскопки разновременных, античных и средневековых памятников, лежащих на этом пути, — укреплений, караван-сараев, городов, памятников гражданской архитектуры.

Самыми древними из обнаруженных памятников оказались стоянки эпохи неолита, датирующиеся IV—III тыс. до н. э. Они локализовались преимущественно в районе бессточных впадин Кошбулак и Султансанджар, некоторые из них были обнаружены вдоль края Заунгузских Каракумов — все на левом берегу Амударьи, непосредственно на берегу реки стоянок не было. Этот факт и расположение стоянок в зоне бессточных впадин, видимо, древних пресноводных озер, еще раз подтвердили целый ряд выводов, сделанных ранее на материалах из низовий Амударьи и Внутренних Кызылкумов. При несомненной привязанности человека в эпоху первобытности к естественным источникам воды он выбирал среди них наиболее спокойные и тихие — озера, небольшие дельтовые протоки, но ни в коем случае русла больших рек, а особенно такой, как Амударья, стихии которой он противостоять не мог.

Существование пресноводных озер во впадинах Султансанджар и Кошбулак в эпоху неолита подтверждает, по мнению А. В. Виноградова и Э. Д. Мамедова, высказанную ими ранее гипотезу о палеоклиматических изменениях в Средней Азии этого периода в сторону большей увлажненности, изменениях, названных ими льявляканским плювиалом¹. Подтверждением этого вывода является то, что во всех случаях после интенсивного заселения берегов озер в эпоху неолита, в эпоху бронзы начиная со II тыс. до н. э. они пустеют, стоянок этого времени там уже нет. Это свидетельствует об исчезновении в озерах пресной воды вследствие происшедшей аридизации климата.

Что же касается материальной культуры охотников и рыболовов неолитических стоянок в районе Кошбулака и Султансанджара, то ее принадлежность к кельтеминарскому культурному кругу при анализе изделий из кремня, равно как и керамики, сомнений не вызывает.

Стоянок эпохи бронзы нет и на берегах Амударьи. Здесь причина кроется в невозможности ведения комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, каковым оно было во II — начале I тыс. до н. э. в северном степном регионе Средней Азии, на берегу могучей реки с ее сокрушительными паводками и постоянно меняющимся руслом. В этих условиях пойменное и ирригационное земледелие исключались. А между тем известно, что в условиях пульсирующей Акчадарьинской дельты Амударьи (правый берег) в середине II тыс. до н. э. существовало орошаемое земледелие². Но здесь, на берегах тихих дельтовых протоков, люди могли приспособиться к природе, не то что на Амударье. К этому надо добавить, что и сами берега Амударьи в этом районе с точки зрения возможности ведения на них земледельческого хозяйства невыгодно отличались от плодородных дельтовых аллювиальных равнин.

И все же находки керамики эпохи бронзы сделаны были и в песках, близ их края, и в песках в районе впадин, причем характерно, что в основном эта керамика эпохи поздней бронзы, т. е. конца II — начала I тыс. до н. э. И в этом случае мы находим подтверждение сделанным ранее выводам. Этот период характеризуется вероятным переходом к отгонному, а затем и полукочевому скотоводству, что объясняет находки керамики в песках, на местах ночевок скотоводов, вдали от мест оседлых поселений³. В то же время находки керамики эпохи поздней бронзы в зоне действия Амударьи — доказательство усиления миграционных процессов, которыми было охвачено скотоводческое население севера Средней Азии в этот период. Это диктовалось ростом поголовья скота и поисками новых пастбищ, чему способствовало развитие коневодства, экономической необходимостью контактов с населением южных земледельческих оазисов, которая всегда, кстати сказать, была взаимной, неравномерным распределением сырья для изготовления металлических орудий. Археологически все эти процессы были ранее уже довольно четко фиксированы, и материалы из Южного Хорезма — еще один довод в пользу их существования.

Важным итогом наших исследований явилось и документальное подтверждение гипотезы о том, что левобережная караванная дорога из Хорезма в Мерв и Бухару, так хорошо описанная средневековыми арабскими географами, существовала, по крайней мере, с IV в. до н. э. Этот вывод теснейшим образом сопрягается с проблемой истории возникновения и развития древнехорезмийских городов.

Мы уже писали о том, что работы Хорезмской экспедиции выявили слои античного времени в основании городов, лежавших на упомянутом торговом пути (см. гл. 1). В Хазараспе⁴, Джигербенте и Садваре ранние из них датируются IV—III вв. до н. э., продолжается жизнь в этих городах и в кушанское время. Раскопки в Дарган-Ате не велись, но исключать возможность возникновения этого города в эпоху античности, судя по его топографии относительно упомянутых центров на караванном пути, не следует.

Е. Е. Неразик полагает, что типологически античная крепость Джигербент близка укреплениям Калалы-гыр 2, Малый Кырккыз, Бурлыккала, Шахсенем (ранний), датирующимся тем же временем⁵. К другому типу сооружений этого же времени она относит крепости правильной че-

тырехугольной формы, такие, как Хазарасп⁶, а мы добавим Капарас и Ак-рабат II. Исследуя проблему развития средневековых городов Хорезма, Е. Е. Неразик подчеркивает, что «большинство хорезмийских городов располагалось на больших караванных путях, шедших с юга, из Хорасана, Джурджана и Мавераннахара через центральные оазисы страны по левому и правому берегам Амударьи»⁷. При этом ею выделены три зоны урбанизации страны, к первой из которых относятся центральные приамударьинские районы, где археологические исследования выявили большую устойчивость населенных пунктов, существовавших на одном месте в течение многих столетий⁸. Как мы могли убедиться, этим выводам вполне соответствует ситуация, выявленная при работах на Тюямууне. Об античной основе некоторых средневековых городов писал С. П. Толстов⁹, и, думается, О. Г. Большаков напрасно ограничил его позицию по этому поводу ссылкой на его же высказывание о формировании средневековых городов у замков феодалов¹⁰. Полагая, что он противоречит С. П. Толстovu, О. Г. Большаков пишет, что «в Хорезме, как и во всей Средней Азии, развитие городов в VIII—XII вв. шло не по линии возникновения новых центров, а в основном за счет роста старых»¹¹, приводя в качестве примера Шахсенем. Но на самом деле, по-видимому, имели место оба процесса, и связано это было со многими причинами — экологическими, экономическими и политическими. Не следует забывать, что изменение системы земледелия и землепользования в раннем средневековье приводило к возникновению новых оазисов и новых городских центров.

Расположение древних городских центров вдоль главных торговых путей способствовало непрерывности существования первых на протяжении столетий. Важно еще раз подчеркнуть, что такая непрерывность была возможна при определенных экологических условиях. Например, и Джигербент, и Садвар стояли в зоне тугаев, что в античное время и особенно позднее, в отличие от эпохи первобытности, способствовало развитию здесь скотоводческо-земледельческого хозяйства и соответственно росту населения. Торговля была одним из стимулов их развития, но не единственным. Почему Капарас не стал крупным городским центром в средние века? Думается, потому, что расположение его в низине и достаточная близость к реке постоянно подвергали его опасности затоплений. По этой же причине во время паводков торговые караваны его миновали, проходя западнее. Если же говорить о политическом значении укрепленных поселений эпохи ранней античности вдоль караванного пути на левом берегу, то их роль как крепостей, защищающих южные границы Хорезмского государства, представляется бесспорной.

Все приведенные соображения далеко не исчерпывают круг вопросов, которые возникают в результате исследований античных памятников Южного Хорезма.

В последние годы археология расширила и углубила наши знания о Хорезме IV в. до н. э. — I в. н. э. — независимом государстве, освободившемся от власти Ахеменидов, избежавшем ига македонского завоевания и игравшем, по-видимому, заметную роль в политической расстановке сил эпохи. Его изолированное положение среди пустынь Каракумы и Кызылкум, несомненно, сулило стратегические преимущества. И именно географическое положение Хорезма имел в виду В. В. Бартольд, когда

писал о его исторической обособленности¹². Однако окружающая оазисы пустыня была не только географическим изолятором. Это была еще и та самая варварская кочевая скотоводческая периферия земледельческих оазисов, поддерживавшая с ними постоянные экономические контакты, которые были одинаково выгодны для обеих сторон. Контакты эти являлись традиционными, и корни их уходят в эпоху поздней бронзы. Они способствовали консолидации населения Южного Приаралья и усилению политической власти Хорезмского государства в этом регионе. Именно контакты Хорезма с окружающим его кочевым миром, ориентация последнего на поддержание этих контактов сыграли немалую роль в процессе формирования Хорезмского государства как самостоятельной политической силы. Разумеется, эти отношения не всегда были безоблачными, и одно из свидетельств тому система крепостей и городов-крепостей, расположенных на окраинах оазисов, на границе с кочевой степью.

Вывявленные памятники и слои на многослойных городищах Южного Хорезма, датирующиеся IV—II вв. до н. э., — свидетельства неоднородности процесса взаимодействия оазиса и степи. Торговый путь и особенно городские поселения на границе освоенной прибрежной полосы Амударьи и Каракумов (левый берег) — яркий пример экономических контактов не только с сопредельными южными областями, но и Хорезмского оазиса и степи. Укрепление городищ — защита от возможных нападений извне, в том числе и со стороны той же степи.

Проблема взаимоотношений кочевого скотоводческого населения степей и оседлых земледельческих оазисов, взаимовлияния их культур долгие годы разрабатывалась С. П. Толстовым¹³ и продолжает разрабатываться Хорезмской экспедицией в наши дни. Работы последних лет на территории Присарыкамышской дельты, в оазисе и на его окраинах, открыли не только памятники обеих культур, но и показали на материале погребального ритуала глубокие черты их взаимопроникновения¹⁴. Исследования земледельческих памятников, их архитектуры, искусства, образцов древнейшей хорезмийской письменности умножили число фактов, свидетельствующих о высоком уровне культуры античного Хорезма в один из ярких периодов его истории. Если до недавнего времени мы могли судить об этом преимущественно по материалам Кой-Крылган-калы, где были открыты прекрасные образцы керамического искусства, мелкой пластики, фрагменты настенной живописи, образцы письменности¹⁵, то теперь богатейшую коллекцию этого рода и этого же времени дает Калалы-гыр 2 в Левобережном Хорезме¹⁶. Столь исключительный набор находок, видимо, объясняется тем, что Кой-Крылган-кала — храмовый комплекс, а городище Калалы-гыр 2 было, вероятно, культовым центром. Кроме того, сохранности предметов материальной культуры в обоих случаях способствовал пожар.

Исследованный в Южном Хорезме Елхарас сохранился в основном как памятник архитектуры. Однако даже немногие фрагменты настенных росписей и объемной глиняной раскрашенной скульптуры, равно как и его архитектура, ставят Елхарас в один ряд с лучшими памятниками культуры Хорезма IV—II вв. до н. э. Само по себе появление образцов настенной росписи и объемной скульптуры для этого времени вполне вероятно, но датировка их и памятника в целом будет более убедительной,

когда в основу ее будет положена не только стратиграфия находок керамики, но и анализ архитектуры Елхараса. Каноничность его планировки позволяет надеяться на то, что ему будут найдены прямые или косвенные аналогии в широких территориальных пределах.

Факт существования в IV—II вв. до н. э. сухопутного караванного пути по левому берегу Амударья можно считать установленным. А использовалась ли для этих целей собственно Амударья? Археологические свидетельства в Хорезме немногочисленны и прямо на этот вопрос не отвечают. Известно изображение лодки среди наскальных рисунков из Бештюбе (правый берег, 20 км южнее Нукуса), которое С. П. Толстов датировал бронзовым веком¹⁷. Но датировка петроглифов всегда очень затруднительна, а возможность плавания по Амударье в это время весьма сомнительна. Другая находка сделана на Кой-Крылган-кале и относится к интересующему нас времени. Это оттиск печати на сырой глине с изображением корабля¹⁸. Но можно ли связывать это изображение с судоходством по Амударье — неизвестно. Данные письменных источников о судоходстве по Оксу немногочисленны — часто цитируемое известие Страбона (со ссылкой на Аристубула)¹⁹, сообщение Полибия²⁰ и данные Чжан Цяна²¹. Эти и некоторые другие сведения об Оксе (Амударье) античных авторов были в свое время подробно проанализированы В. В. Бартольдом и не привели его к бесспорному выводу о существовании судоходства по Оксу²². В наши дни Р. Р. Мукашева, основываясь на тех же источниках, пишет, что «начиная с VI в. до н. э. имеются сведения, прямо или косвенно указывающие на судоходность Амударьи»²³. И ниже уже уверенно: «Амударья, по течению которой располагались такие важнейшие оазисные государства, как Бактрия, Согдиана, Хорезм, с глубокой древности должна была быть водной магистралью, по которой осуществлялось самое оживленное сообщение, о чем сохранились сведения письменных источников»²⁴. При этом в качестве дополнительных аргументов Р. Р. Мукашева приводит значимость водной артерии в аридных условиях, наличие на ее берегах крупных торгово-ремесленных центров в том числе у переправ.

Но река в аридной зоне может служить и служит прежде всего источником воды, а само ее существование доказательством судоходства по ней не является. Наличие вдоль берегов Амударьи археологических памятников античного времени, в том числе городских центров, бесспорно, свидетельствует, как мы уже писали, о древности торговых сухопутных путей, на которых они стояли, но отнюдь не доказывает существование и водного торгового пути. Наконец, переправы опять-таки могли способствовать развитию торговых центров на берегах близ них. Но сами по себе свидетельства судоходства по Амударье не являются. Действительно, у Арриана мы читаем, как Бесс после переправы сжег свои суда²⁵, но об использовании судов при плавании по реке у нас никаких данных нет. Конечно, исключать такую возможность совсем не следует, но если вспомнить, какой трудной, по свидетельству того же Арриана, была переправа Александра через Амударью²⁶, и учесть, что в наши дни плавание по этой реке весьма непросто даже вниз по течению, станет ясно, что вопрос о судоходстве на Амударье в эпоху античности нельзя считать решенным.

Мы могли убедиться, что археологические исследования в зоне затоп-

ления Тюямуянского водохранилища привели не только к новым открытиям, но и позволили поставить, а в ряде случаев и решить серию крупных исторических проблем, охватывающих значительный хронологический период в истории Южного Хорезма — от эпохи неолита до средневековья.

Анализу исследованных средневековых памятников будет посвящена специальная книга.

- ¹ *Виноградов А. В.* Древние охотники и рыболовы Среднеазиатского Междуречья // ТХЭ. 1981. Т. 13. С. 19.
- ² *Итина М. А.* Древнехорезмийские земледельцы // История, археология и этнография Средней Азии. М., 1968. С. 75—86.
- ³ *Итина М. А.* История степных племен Южного Приаралья // ТХЭ. 1977. Т. 10. С. 193.
- ⁴ *Воробьева М. Г., Лапиров-Скобло М. С., Неразик Е. Е.* Археологические работы в Хазарские в 1958—1960 гг. // МХЭ. 1963. Вып. 6. С. 157.
- ⁵ *Неразик Е. Е.* К проблеме развития городов Хорезма // Культура и искусство древнего Хорезма. М., 1981. С. 221.
- ⁶ Там же.
- ⁷ Там же. С. 220.
- ⁸ Там же.
- ⁹ *Толстов С. П.* По следам древнехорезмийской цивилизации. М., 1948. С. 238.
- ¹⁰ *Беленицкий А. М., Бентович И. Б., Большаков О. Г.* Средневековый город Средней Азии. Л., 1973. С. 175. Там же. С. 176.
- ¹¹ Там же. С. 176.
- ¹² *Бартольд В. В.* Туркестан в эпоху монгольского нашествия. // Соч. М., 1963. Т. 1. С. 209.
- ¹³ *Толстов С. П.* По древним дельтам Окса и Яксарта. М., 1962; *Он же.* Среднеазиатские скифы в свете новейших археологических открытий // ВДИ. 1963. № 2.
- ¹⁴ *Кочевники на границах Хорезма // ТХЭ.* 1979. Т. 11.
- ¹⁵ *Кой-Крылган-кала — памятник культуры древнего Хорезма (IV в. до н. э. — IV в. н. э.).* М., 1967. (ТХЭ; Т. 5).
- ¹⁶ *Вайнберг Б. И.* Работы в южной части Присарыкамьшской дельты // АО 1981 г. М., 1983. С. 474; *Они же.* О раскопках крепости Калалы-гыр 2 // АО 1985 г. М., 1987. С. 604—605; *Вайнберг Б. И., Коляков С. М.* Раскопки на крепости Калалы-гыр 2 в Северной Туркмении // АО 1986 г. М., 1988. С. 506.
- ¹⁷ *Толстов С. П.* Древний Хорезм. М., 1948. С. 72—74, рис. 14.
- ¹⁸ *Толстов С. П.* Хорезмская археолого-этнографическая экспедиция АН СССР 1950 г. // СА. 1953. № 18. Рис. 17; *Он же.* Работы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции АН СССР в 1949—1953 гг. // ТХЭ. 1958. Т. 2. С. 181, рис. 77.
- ¹⁹ *Страбон.* XI. VII. 3.
- ²⁰ *Полибий.* X. 48 // История Узбекистана в источниках / Сост. Б. В. Лунин. Ташкент, 1984. С. 183.
- ²¹ *Бичурин Н. Я. [Накинф].* Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. М.; Л., 1950. Т. 2. С. 151.
- ²² *Бартольд В. В.* Сведения об Аральском море и низовьях Амударьи с древнейших времен до XVII в. // Соч. М., 1965. Т. 3. Мы намеренно опускаем здесь возникающую при анализе этих источников проблему стока вод Амударьи в Каспийское море во второй половине I тыс. до н. э., так как это уведет далеко от интересующего нас вопроса.
- ²³ *Мукашева Р. Р.* К вопросу о торговом пути проходившем по территории Средней Азии в древности // Древний Восток и античный мир. М., 1972. С. 14.
- ²⁴ Там же. С. 17.
- ²⁵ *Арриан.* III. 28. 9. Любопытно, что об этом же событии пишет и Квинт Курций Руф (VII, IV, 21), но у него Бесс сжигает не суда, а лодки (может быть, дело в переводе?). См.: История Узбекистана в источниках. С. 118.
- ²⁶ *Арриан.* III. 29. 3—4.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

РОСПИСИ И СКУЛЬПТУРА ЕЛХАРАСА

В. М. Соколовский

При раскопках Елхараса кроме остатков окрашенной штукатурки, сохранившейся на стенах внутри здания, в северо-восточной части помещения 32, в глинисто-песчаном намыве, были обнаружены измельченные фрагменты росписи и расписной круглой глиняной скульптуры.

Полевая обработка их ввиду отсутствия реставраторов производилась сотрудниками экспедиции. Первоначально была сделана попытка закрепить красочный слой на фрагментах с живописью и скульптурой водными растворами клея ПВА различной концентрации. Но из-за сильного потемнения цвета и изменения фактуры живописной поверхности от применения этого клея пришлось отказаться. В дальнейшем фрагменты со следами краски или признаками скульптурной формы по мере извлечения из намыва без всякого предварительного закрепления заворачивали в мягкие прокладки (папиросную бумагу, марлю, вату) и запаковывали в ящики. В тех случаях, когда это не представлялось возможным, фрагменты, прикрыв бумагой, заливали гипсом и после его затвердевания вместе с лессовой массой переворачивали тыльной стороной вверх, которую обрабатывали таким же образом. Загипсовка надежно предохраняла найденные фрагменты расписной штукатурки и скульптуры от разрушения при выемке и дальнейшей транспортировке. Все эти находки были переданы в отдел истории и культуры зарубежного и советского Востока Государственного Эрмитажа для всестороннего исследования и реставрации.

Живопись. Обследование фрагментов показало, что большая часть собранных осколков лессовой штукатурки просто окрашена по белому грунту красно-коричневой краской различной тональности, и лишь на некоторых из них сохранились следы утраченных орнаментальных композиций. В подавляющем большинстве случаев размеры кусочков штукатурки колебались в пределах 2—3 см². Такая измельченность не дает возможности в полной мере установить рисунок орнамента на этих фрагментах, а подобрать из них более крупные фрагменты невозможно, так как все это случайные нагромождения оказавшихся в намыве разрозненных кусков расписной штукатурки, рухнувшей с различных участков стен. И все же по сохранившимся изображениям можно установить, что в одних случаях орнамент выполнялся грубыми линиями

в основном черного цвета и отличался простотой рисунка и техники исполнения, в других — был сложнее, разнообразнее и более аккуратно выписан. Сопоставление этих данных с сохранившимися деталями рисунка орнамента на фрагментах более крупного размера дает некоторое представление о характере росписей, находившихся на стенах помещения. В целом все фрагменты, но особенно с красочным слоем хорошей сохранности, представляют существенный интерес с точки зрения изучения материалов живописи, ее техники и технологии.

По мере вскрытия ящиков и разгипсовки росписи закрепляли растворами фторопластов марки Ф-42Л по разработанной в Государственном Эрмитаже методике¹. Такая обработка позволила прочно закрепить хрупкую живописную поверхность без изменения не только цвета и тональности, но и микроструктуры красочного слоя, т. е. полностью сохранить все технико-технологические особенности данной живописи.

Все росписи (а также гладкая окраска стен в тех случаях, когда отсутствовала живопись) были выполнены по алебастровому грунту, толщина которого достигла 1 мм. Проведенный в физической лаборатории Эрмитажа микроструктурный анализ пигментов показал, что все они относятся по своему классу к охрам и лишь черная краска приготавливалась из угля. В двух случаях обнаружены очень слабые следы зеленой краски, состав которой идентифицировать не удалось. Таким образом, в целом установлено, что краски приготовлены из очень ограниченных по числу пигментов, известных с глубокой древности, которые вполне могли быть местного происхождения.

По изобразительным признакам роспись может быть разделена на три основные группы.

Первую составляет простейший орнамент в виде прямых черных полос шириной около 1 см, нанесенных на гладкоокрашенную красной охрой поверхность. Именно такие полосы были у большинства мелких кусочков штукатурки. Подобные полосы хорошо сохранились и на одном из крупных фрагментов (28×64 см), обнаружены в нише 1 южной стены помещения. По-видимому, этот фрагмент являлся частью боковой плоскости постамента под скульптуру (рис. 1,а). Угловая кромка постамента, сохранившаяся на фрагменте, была в растушевку высветлена розово-охристой полосой шириной до 3 см. Черные линии нанесены перпендикулярно к ней на расстоянии 7—8 см друг от друга. В таком же порядке подобные линии идут и от другой кромки, но теперь уже под углом 90° к предыдущим. Такое распределение черных полос создавало впечатление штриховки по краям лицевой плоскости постамента, середина которой оставалась просто гладкоокрашенной красной охрой. Как черные линии, так и светлая полоса на кромке выполнены волосяными, плохо собранными кистями, имеют неровные края и не отличаются тщательностью отделки. Учитывая обилие фрагментов с такими полосами (в некоторых случаях они черно-коричневые), можно предполагать, что подобный орнаментальный мотив составлял существенную часть декора и внутри ниш, а также простенков между ними.

Ко второй группе относится более усложненный геометрический орнамент, состоящий из очерченных темно-коричневым контуром по-

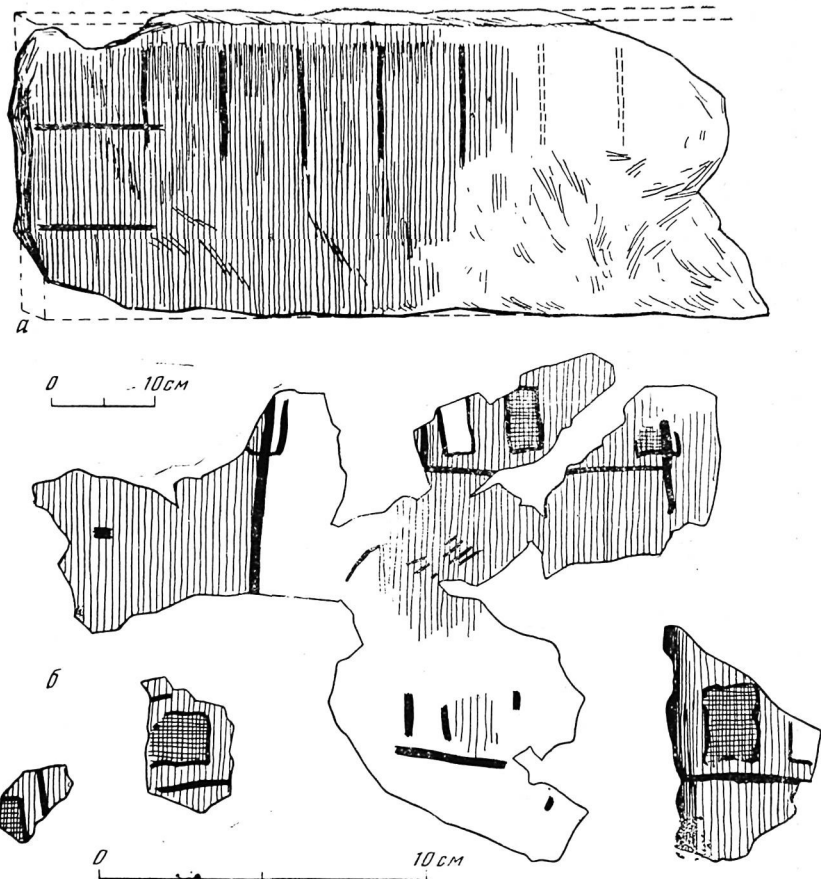

Рис. 1. Фрагменты росписи скульптуры и настенных росписей из помещения 32 Елхараса

лос, ширина которых около 4,5 см, и последовательно расположенных в них небольших прямоугольников (рис. 1, б). Иногда прямоугольники имеют не строго прямой, а несколько извилистый контур. В этом орнаменте наблюдаются цветовые и тональные градации. Оставаясь в целом охристо-розовым, цвет полос имеет различную интенсивность, а окраска прямоугольников последовательно чередуется: один из них темно-коричневый, другой белый и т. д. Наличие на некоторых фрагмен-

тах дополнительных темно-коричневых или ярких охристо-красных линий, идущих в различных направлениях, свидетельствует, что полосы с прямоугольниками являются составной частью более сложной орнаментальной композиции, понять которую сейчас уже невозможно. Предварительная разметка орнамента выполнена красной охрой по белому грунту. Затем раскрашены основные его элементы и фон, после чего расписаны детали (например, прямоугольники). При завершении работы все контуры орнамента по предварительным линиям снова прописаны черной или красно-коричневой краской. Таким образом, техника выполнения росписи, в отличие от предыдущего случая, более сложна и совершенна.

В третью группу входит растительный орнамент, состоящий из двух вариантов. В одном случае это очень упрощенные монохромные изображения ветвей с остроугольными листьями. Орнамент выполнен по белому фону черными и серыми линиями (рис. 2, а). На одном из фрагментов сохранилось изображение части ствола растения с передачей объема: левая часть высветлена светло-серой краской, средняя — темно-серая; справа обозначен черный контур. В другом варианте растительный мотив более усложнен. Здесь от ствола растения, окрашенного в коричневый цвет и также высветленного с одной стороны и утененного с другой, отходят по обе стороны черные изогнутые ветви, каждая из которых заканчивается тремя «сучками» (рис. 2, б, в). Есть основания предполагать, что были изображены и листья, так как возле «сучков» сохранились очень слабые следы зеленой краски. Исследование не показало присутствия меди, характерной для красок, приготавливаемых из малахита или хризоколлы — материалов, из которых делали зеленую краску в Средней Азии в период раннего средневековья². По-видимому, краска была приготовлена из глины, имеющей зеленый оттенок, и по своему составу близка к остальным железосодержащим пигментам, которые использовали при создании этих росписей.

Кроме фрагментов с вышеперечисленными орнаментальными мотивами при раскопках были обнаружены осколки расписной штукатурки с остатками изображений, которые трудно отнести к какой-либо группе. Это фрагменты с остатками полос различной ширины, конфигурации и расцветки (от черной до фиолетово-серой) или с изображением мелких кружков, выполненных черной краской по белому грунту (рис. 3, б). Выделять их в особую группу оснований нет, так как они могут быть отнесены к деталям как растительного, так и сложного геометрического орнаментов. Бесспорно одно: в имеющихся росписях нет никаких признаков антропоморфных или зооморфных изображений.

Скульптура. Основная масса раскопанных скульптурных фрагментов сильно разрушена и опознается с трудом. Но некоторую часть их, безусловно, составляют изображения человеческих фигур. Лучшее других сохранились передняя часть женского торса с прижатой к животу рукой и стопы двух ног. Остальные фрагменты имеют значительные повреждения и поэтому лишены художественной ценности, но вместе с тем представляют большой интерес как источник информа-

Рис. 2. Фрагменты настенных росписей из помещения 32 Елхараса

ции по технике изготовления скульптуры и ряду других ее особенностей. Например, обнаруженный остов головы с полностью разрушенной лицевой частью, но с сохранившимся изображением уха и окрашенной затылочной стороной показывает, что скульптура была круглой. Технически скульптура выполнялась следующим образом. Внутреннюю ее основу составляли жгуты плотно связанных стеблей камыша, кото-

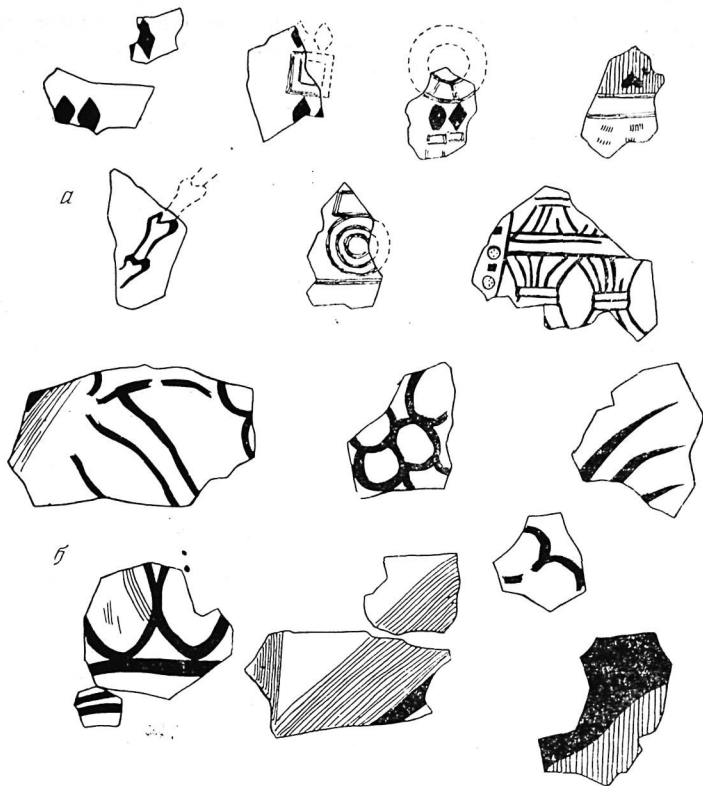

Рис. 3. Фрагменты росписи скульптуры из помещения 32 Елхараса

рые облепливались глиной, имеющей большую примесь лёсса и мелко нарезанной соломы. Так создавались ее основные формы. Дальнейшая моделировка производилась последовательным наложением слоев таким же образом приготовленной глины, а в некоторых случаях глины с очень большой примесью песка. Затем скульптура покрывалась белым алебастровым грунтом и расписывалась.

Большая часть фрагментов окрашена охрой, но на некоторых сохранились остатки довольно сложной росписи. Обмеры фрагментов женского торса и ступней ног, одна из которых левая, другая — правая (см. гл. 3, рис. 33, 34), показывают, что эти фрагменты могут относиться к одному и тому же изображению человеческой фигуры. Постановка этой скульптуры была статичной, строго фронтальной. Ориентировочно высота ее

не превышала 105—110 см. Моделировка торса выполнена обобщенно. Грудь имеет незначительную, но не округлую, а резко выступающую выпуклость. Уплощенная кисть правой руки плотно прижата к животу. Фаланги на пальцах едва намечены, но ногти проработаны хорошо (так же, как и на ногах). Рука и ноги окрашены по белому грунту желтовато-розовой охрой. На самом торсе сохранилась белая подгрунтовка со следами черных линий, которые, спускаясь от плечей, оконтуривают каждую грудь. Каких-либо других признаков раскраски торса не обнаружено. Нет также никакого намека на складки одежды, судя по всему, по крайней мере в верхней части, она плотно облегла фигуру. Остальная масса фрагментов, найденных в этом помещении, свидетельствует, что скульптура здесь была представлена достаточно широко и по своим габаритам близка размерам предыдущего изображения. Это подтверждают обмеры разрозненных сильно поврежденных деталей.

Большой интерес представляют очень мелкие фрагменты, сохранившие на своей поверхности остатки росписи. В некоторых случаях это рисунок орнамента на одежде, в других — изображение украшений. Роспись скульптуры, в отличие от орнаментов стенописи, выполнена гораздо тщательнее, она значительно мельче, более проработана по рисунку, при этом не лишена своеобразной исполнительской «хлесткости», когда живописец привычным и выверенным движением кисти наносит соответствующую линию или мазок. В цветовом же отношении и по составу красок роспись стен и скульптуры совпадает.

Среди расписных украшений, которыми декорировалась скульптура, могут быть названы изображения бус, возможно ожерелья, а также круглых орнаментальных подвесок с черными ромбовидными перемычками (рис. 3, а). Роспись одежды наилучшим образом представлена изображением параллельных полос шириной около 3,5 см, внутренняя часть которых заполнена однообразно повторяющимся рисунком стянутого в средней части стилизованного «снопа». На одном из кусочков с подобной росписью обнаружены небольшие округлые углубления со следами яркой зелени. Исследование показало, что в углублениях находились медные бляшки, со временем полностью окислившиеся и рассыпавшиеся (рис. 3, а). Таким образом, в некоторых случаях скульптура, помимо росписи, отделялась металлической инкрустацией.

В заключение можно отметить, что, несмотря на свою фрагментарность, все эти находки оказались добротным материалом для исследования и реконструкции технологических и некоторых художественных особенностей росписей и скульптуры, бесспорно, относящихся к наиболее ранним примерам изобразительного искусства на территории Средней Азии.

¹ Соколовский В. М., Виноградова В. П. Применение фторлона Ф-42Л при реставрации росписей из Шэкрстана // Художественное наследие: Хранение, исследование, реставрация. 1975. № 1 (31). С. 52—62.

² Соколовский В. М. Среднеазиатская монументальная живопись эпохи средневековья и ее краски // Абу Али Ибн Сино и его эпоха. Душанбе, 1980. С 114—126.

СЫРЦОВЫЙ КИРПИЧ КАПАРАСА И ЕЛХАРАСА

А. Н. Гертман

Территориальная близость памятников и сходство знаков на сырцовых кирпичах, из которых эти памятники построены, позволяют рассматривать обнаруженные материалы вместе.

На Капарасе кирпичи со знаками происходят из завалов крепостных стен позднего периода (294 шт.) и закладки субструкционной клетки в цоколе башни 3 (50 шт.). В закладке в значительной степени использован кирпич, происходящий из разобранных стен более раннего времени. На Елхарасе кирпичи со знаками обнаружены в завале стен помещения 1 (отдельные экземпляры), но основная масса кирпича происходит из закладок помещений 2 (1678 шт.) и 3 (311 шт.)¹.

При обследовании памятников обнаружены сырцовые кирпичи разной формы.

1. Квадратные — основной вид сырцового кирпича, применявшегося на памятниках древнего и раннесредневекового Хорезма². На Капарасе обнаружены кирпичи с размером стороны 39—46 см (средний размер составляет 43,8 см), на Елхарасе — с размером стороны 40—49 см (средний размер 43,4 см, определен по закладке помещения 2). Толщина и тех и других кирпичей 10—14 см, абсолютно преобладают кирпичи толщиной 11—12 см.

2. Прямоугольные — введены в кладку из квадратных кирпичей для облегчения перевязки вертикальных швов. По размерам соответствуют половине квадратных, толщина — та же.

3. Трапецевидные — изготавливались специально для выкладки сводов методом поперечных отрезков. Для лучшего сцепления с раствором одна из плоскостей покрывалась вдавлениями, которые делались пальцем. По длине трапецевидные кирпичи близки к квадратным (39—42 см), по толщине — несколько меньше (8—9 см). Основания трапеции (короткие стороны) различаются на 2—4 см: большая — 26—28, меньшая — 24—26 см.

4. Фигурные — обнаружены два вида, оба в закладке помещения 2 на Елхарасе. Использовались для декоративного оформления здания:

Рис. 1. Фигурные кирпичи из закладки помещения 2 на Елхарасе

1 — декоративный зубец из необожженной глины; 2 — реконструкция бордюра из таких зубцов; 3 — «арковидный» декоративный кирпич из необожженной глины

а) части зубцов-мерлонов (рис. 1, 1). Каждая пара кирпичей образует двойной зубец с декоративной стреловидной бойницей (рис. 1, 2). Находка на Елхарасе — первый случай, когда декоративные зубцы выполнены из необожженной глины, обычно материалом для них служил камень или керамические плиты³;

б) «арковидные» (рис. 1, 3) использовались, скорее всего, для оформления интерьера.

При визуальном обследовании, которое проводилось в полевых условиях, было выявлено несколько разновидностей глиняной массы, использовавшейся для изготовления кирпичей (табл. 1). В основном кирпичи сделаны из глиняной массы 1-го и 2-го видов. Отметим, что в закладках (выборки К₂, Е₂, Е₃) использованы кирпичи из глины 1-го вида с значительной добавкой кирпичей из глины 2-го вида. Различие в размерах кирпичей из глины 1, 2 и 4-го видов не зафиксировано, единственный кирпич, сделанный из глины 5-го вида, имеет меньшие размеры (36 × 36 × 8 см).

Таблица 1. Соотношение видов глины и форм кирпича Капараса (К) и Елхараса (Е)

Глиняная масса		Форма кирпича					Примечание
Вид глины	Добавка	квадратные и прямоугольные		трапециевидные		фигурные	
		К	Е	К	Е	Е	
1. Серая плотная	Солома (мало)	+	+	+	+	+	Все выборки
2. Желтовато-серая, плотная	Песок и солома (мало)	+	+	+	+		В стенах — много, в закладках — единичны
3. Ярко-желтая	Песок (много)			+			Выборка К ₁ , отдельные экземпляры
4. „Сероватая“, хрупкая	Материковая глина комками	+					Только в поздней кладке башни 3
5. Светло-серая, плотная	Гипс	+					Выборка К ₁ , завод в помещении 6 башни 3

На подавляющем большинстве кирпичей имеются знаки, прочерченные по сырой глине в процессе изготовления (рис. 2). Распределение знаков на кирпичах Капараса и Елхараса по выборкам представлено в табл. 2. Знаки сгруппированы по типам, многие из которых представлены несколькими вариантами.

Знаки на кирпичах Капараса и Елхараса находят многочисленные аналогии на различных памятниках Средней Азии, в первую очередь на памятниках начала нашей эры: Топрак-кале⁴, Ток-кале⁵ и Гяур-кале Султануиздагской⁶ в Хорезме, Эрк-кале⁷ и Гяур-кале⁸ в Маргиане, Бактрах (период Бактры II)⁹ и Дильберджине¹⁰ в Южной Бактрии.

Сходство между наборами знаков Капараса и Елхараса, хорошо за-

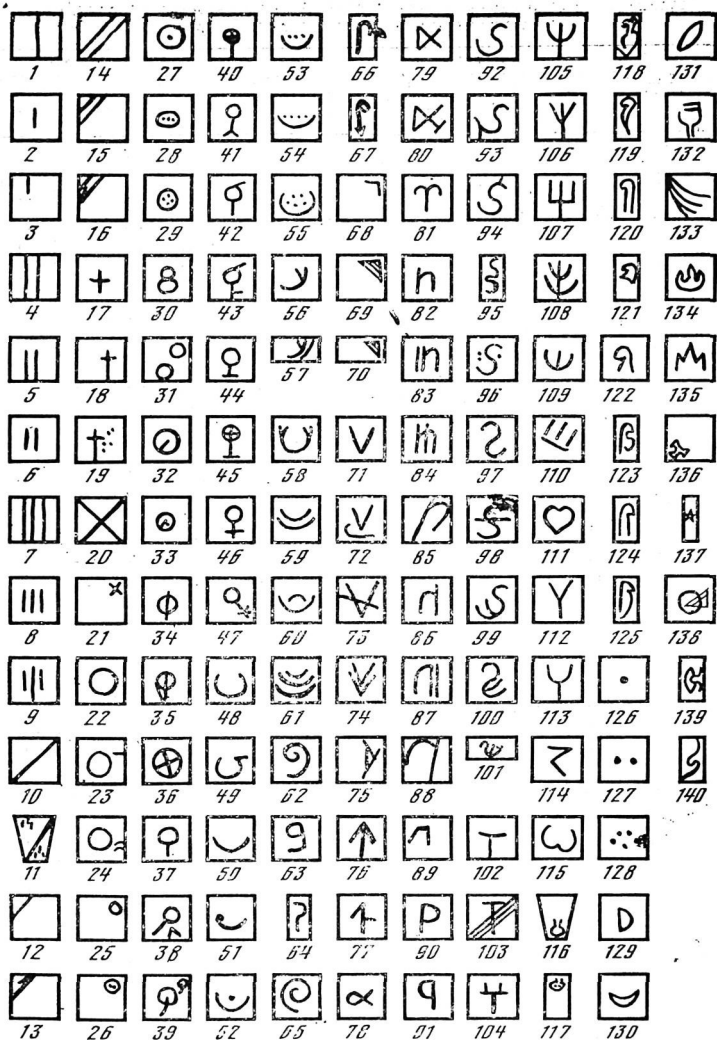

Рис. 2. Набор знаков на сырцовых кирпичях Капараса и Елхараса (номера соответствуют порядковым номерам в табл. 2)

Таблица 2. Распределение знаков по выборкам (номера по порядку соответствуют номерам знаков на рис. 2)

№ п/л	Тип знака	Выборка					№ п/л	Тип знака	Выборка				
		K ₁	K ₂	E ₁	E ₂	E ₃			K ₁	K ₂	E ₁	E ₂	E ₃
1	1	1	—	—	15	—	36	10	6	1	—	—	—
2		—	—	—	5	—	37		18	9	—	220	6
3		—	2	—	5	—			38	1	—	—	—
4	2	1	—	—	2	28	39	11	—	—	—	1	—
5		—	1	—	1	—	40		1	—	—	1	—
6		—	1	—	4	—	41		—	1	—	—	—
7	3	—	1	—	—	5	42	5	1	—	—	—	
8		4	—	—	1	—	43	1	—	—	—		
9		1	1	—	32	—	44	19	8	—	2	—	
10	4	2	—	—	1	—	45	12	1	—	—	—	
11		—	—	1	—	—	46		4	16	—	3	
12		4	6	—	71	—	47		—	1	—	—	
13		—	—	—	2	—	48		4	1	—	16	38
14	5	5	—	—	1	—	49	13	—	—	—	—	2
15		1	3	—	21	—	50		8	5	—	27	—
16		—	—	—	1	—	51		—	—	—	—	1
17	6	2	1	—	—	—	52	2	—	—	1	1	
18		—	4	—	—	—	53	—	—	—	2	1	
19		4	—	—	—	—	54	1	—	—	4	12	
20	7	1	3	—	—	—	55	—	1	—	12	75	
21		—	1	—	2	—	56	2	1	—	2	—	
22		18	25	—	144	60	57	—	—	—	1	—	
23		—	1	—	—	—	58	2	—	—	1	—	
24		—	1	—	—	—	59	14	1	—	—	—	
25		57	—	—	2	—	60		1	—	—	1	
26	8	1	—	—	—	—	61	15	1	—	—	—	
27		—	—	—	1	2	62		9	3	—	2	
28		—	—	—	1	1	63		1	1	—	1	
29		—	—	—	2	—	64		—	—	—	1	
30		2	—	—	1	—	65	16	2	2	—	1	
31		—	2	—	—	—	66		—	—	—	1	
32	9	5	—	—	116	18	67		1	—	—	—	
33		—	—	—	1	—	68	17	2	3	—	—	
34		18	2	—	9	—	69		—	—	—	8	
35		—	—	—	1	—	70		—	—	—	3	
							71		2	1	—	4	
							72	18	1	—	—	—	
							73		1	—	—	—	

Таблица 2 (окончание)

№ п/п	Тип знака	Выборка					№ п/п	Тип знака	Выборка							
		K ₁	K ₂	E ₁	E ₂	E ₃			K ₁	K ₂	E ₁	E ₂	E ₃			
74	19	1	—	—	—	—	110	32	1	1	—	1	—			
75	20	—	—	—	1	—	111	33	—	2	—	3	—			
76	21	2	2	—	12	—	112	34	—	—	—	—	3			
77		1	1	—	—	—	113		—	—	—	—	3			
78	22	4	—	—	—	7	114	35	—	2	—	1	—			
79		2	—	—	—	—	115	36	3	2	—	1	—			
80		1	—	—	—	—	116	37	1	—	—	—	—			
81	23	—	—	—	1	—	117	37	1	—	—	—	—			
82	24	2	—	—	114	—	118	38	1	—	—	—	—			
83		—	—	—	—	1	119		—	—	—	1	—			
84		—	—	—	1	—	120		—	—	—	9	—			
85		3	—	—	—	—	121		—	—	—	3	—			
86		1	3	—	—	—	122		—	—	—	1	—			
87		1	—	—	—	—	123		—	—	—	1	—			
88		4	—	—	—	—	124		—	—	—	5	—			
89	25	—	1	—	—	1	125	—	—	—	1	—				
90	26	—	—	—	8	—	126	39	—	1	—	1	—			
91		—	—	—	12	5	127		1	—	—	—	—			
92		7	6	—	—	—	128		1	—	—	50	—			
93		1	—	—	31	—	129		40	1	—	—	3	—		
94		—	—	—	1	—	130		41	—	—	—	1	—		
95		—	3	—	1	—	131		42	1	1	—	2	—		
96		—	3	—	—	—	132		43	—	—	—	1	—		
97	3	3	—	3	—	133	44	1	—	—	—	—				
98	28	4	2	—	8	2	134	45	1	—	—	—				
99	29	—	—	—	18	—	135	46	—	—	—	8	—			
100		1	—	—	14	—	136	47	—	—	—	1	—			
101		—	—	—	1	—	137	48	—	1	—	—	—			
102	30	2	1	—	32	1	138		—	—	—	1	—			
103		—	—	—	1	—	139	49	—	—	—	1	—			
104		—	—	—	—	1	140	50	—	—	—	1	—			
105	31	3	—	—	2	—	Знака нет (51)					10	30	—	116	18
106		—	—	—	3	—										
107		—	—	—	2	—										
108		—	—	—	1	—										
109		2	2	—	6	—										

метное по табл. 2, можно оценить с помощью меры близости, которая рассчитывается по формуле ¹¹

$$r = \left(\sum_{i=1}^m \sqrt{p_i q_i} \right)^2 \quad (1)$$

где r — мера близости; p_i — частота встречи знака в одной из сравниваемых выборок; q_i — частота встречи того же типа знака в другой выборке; m — количество одинаковых типов знаков в сравниваемых выборках.

Порядок расчета по формуле (1) поясним на примере. Пусть сравниваются две выборки K_1 и E_2 . Количество кирпичей в каждой из них обозначим $n_1=294$, $n_2=1678$. Количество типов знаков по всем выборкам (K_1, K_2, E_1, E_2, E_3) $m=51$ ¹². Частота встреч знака в выборке определяется как отношение количества кирпичей со знаком данного типа к общему количеству кирпичей в выборке. Например, для знаков «круг» (тип 8) в выборках K_1 и E_2 частота встреч равна $p_8 = \frac{78}{294} = 0,265$ и $q_8 = \frac{151}{1678} = 0,90$. При отсутствии знака данного типа в выборке принимаем $p_i = 0$; $q_i = 0$. Например, $p_{34} = q_{34} = 0$; $p_{48} = 0$; $q_{37} = 0$. По определению $p_1 + p_2 + p_3 + p_4 + \dots + p_{51} = 1$ (для выборки K_1) и $q_1 + q_2 + q_3 + q_4 + \dots + q_{51} = 1$ (для выборки E_2). Это значит, что при полном сходстве выборок $r=1$.

Результаты расчетов удобно представить в виде графа (рис. 3), который наглядно показывает меру близости выборок K_1, K_2, E_2, E_3 друг другу. Оказывается, что одновременные выборки Елхараса связаны с выборками Капараса теснее, чем между собой. Причиной столь тесных связей может служить чрезвычайно широкое использование на Капарасе при ремонтно-восстановительных работах начала нашей эры кирпичей, происходящих из разобранных строений более раннего времени. Другое объяснение предполагает возможность более поздней даты (начало нашей эры) закладок в помещениях 2 и 3 Елхараса.

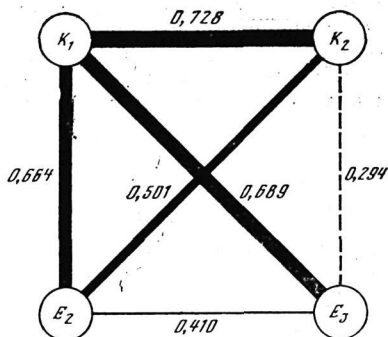
Величина выборки E_2 (1678 шт.) позволяет рассмотреть также некоторые другие вопросы, связанные со знаками на сырцовых кирпичях. Например, связь размера и формы кирпича с видом знака на нем.

Таблица 3. Сравнение средних размеров сторон кирпича с помощью t -критерия (Стьюдента)

Тип знака	Средний размер, см	Количество, шт.	Тип знака						
			4	8	9	11	13	24	39
4	43,581	73	—	1,39	1,16	0,98	5,79	0,43	1,24
8	43,327	151	—	—	0,47	0,6	5,09	2,44	3,11
9	43,39	121	—	—	—	0,18	5,84	2,47	3,17
11	43,414	222	—	—	—	—	5,77	2,05	2,8
13	42,257	66	—	—	—	—	—	7,31	7,53
24	43,65	115	—	—	—	—	—	—	1,22
39	43,8	51	—	—	—	—	—	—	—
Еся выборка	43,377	1678	1,37	0,43	0,18	0,38	6,28	3,69	4,0

Рис. 3. Граф, построенный по материалам расчета меры близости между выборками. Числа и толщина линий обозначают степень близости выборок друг к другу

Условные обозначения: K_1 — кирпич из за- валов крепостной стены Капараса; K_2 — кирпич из закладки субструкционной клетки в башне 3 Капараса; E_1 — закладка помещения 2 на Елхарасе; E_2 — закладка помещения 3на Елхарасе

Связь между размером кирпича и типом знака. Средний размер стороны сырцового кирпича в выборке E_2 равен $43,377 \text{ см}^{13}$. Средние размеры кирпичей, меченных знаками разных типов (в той же выборке), отличаются не только от «общего среднего», но и друг от друга (табл. 3). Оценить, существенно или несущественно это различие, можно с помощью методов математической статистики. Для этого воспользуемся t -критерием (Стьюдента) ¹⁴:

$$t = \frac{|\bar{x}_1 - \bar{x}_2|}{\sqrt{n_1 \sum_{i=1}^{n_1} (\bar{x}_i - \bar{x}_1)^2 \cdot p_i + n_2 \sum_{k=1}^{n_2} (\bar{x}_k - \bar{x}_2)^2 \cdot p_k}} \sqrt{\frac{n_1 \cdot n_2 (n_1 + n_2 - 2)}{n_1 + n_2}}, \quad (2)$$

где p_i , p_k — частота встреч кирпичей с размером стороны x_i , x_k , меченных знаками сравниваемых типов; $\bar{x}_1$, $\bar{x}_2$ — средние размеры сторон кирпичей тех же типов; n_1 , n_2 — число кирпичей, меченных знаками указанных типов в выборке. В формуле (2) сравниваются не только средние размеры сторон, но и размеры сторон всех кирпичей, меченных знаками указанных типов.

В качестве проверяемой гипотезы примем предположение, что различия в средних размерах носят случайный характер. Результаты расчета по типам, представленным в выборке E_2 наибольшим количеством экземпляров, приводятся в табл. 3.

Из табл. 3 видно, что значения t -критерия изменяются в диапазоне от 0,18 до 7,53. Известно, что при $t \geq 2$ вероятность реализации проверяемой гипотезы составляет 0,025, а при $t \geq 3,09$ она падает до 0,002¹⁵. Это означает, что предположение о случайном различии средних размеров сторон кирпича отвергается с вероятностью (при $t \geq 2$) более 0,975. Другими словами, в 15 из 29 случаев различия в размерах средних — закономерны ¹⁶.

Связь между формой кирпича и типом знака. Некоторые из типов знаков на прямоугольных кирпичах выглядят как половины знаков, изображенных на квадратных кирпичах (рис. 4, 1—3). Это можно объяснить тем, что пары прямоугольных кирпичей с такими знаками делались в форме для квадратных кирпичей, разделенной вставной перегородкой.

В тех случаях, когда тип знака не может быть определен по его половине, на прямоугольных кирпичах изображался весь знак целиком (рис. 4, 4—9). Тот же принцип нанесения знаков зафиксирован и на Капарасе.

«Почерк» мастеров. Детальное рассмотрение знаков, представленных в выборке Е₂ наибольшим количеством экземпляров, позволило выявить

наличие устойчивых, постоянно повторяющихся начертаний (рис. 5, 1, 2, 4—6, 11—18, 21—26). Если допустить существование у каждого мастера лепщика характерного только для него одного способа нанесения знака в различных начертаниях в каждом случае можно видеть особенности «почерка» отдельного мастера. Это открывает путь к определению числа работников в различных начертаниях в каждом случае можно видеть особенности «почерка» отдельного мастера. Это открывает путь к определению числа работников в группе, метивших изготовленный ими кирпич одним и тем же знаком. Наличие аналогичных почерков прослеживается и на Капарасе (рис. 5, 7—10, 19, 20).

Использование этнографических материалов¹⁷ и расчетов инженеров-строителей, исследовавших технологию массового изготовления сырцового кирпича при условии ручного труда¹⁸, позволяет рассчитать примерное число работников, входивших в «артель» по изготовлению сырцового кирпича: при двух почерках в работе должно было участвовать не менее трех человек, при трех-четырех почерках — не менее семи¹⁹. Косвенным подтверждением правильности производимых расчетов можно считать

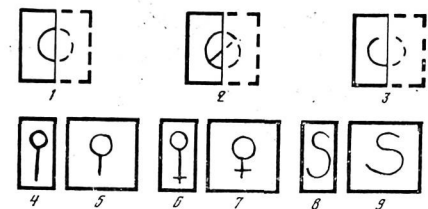

Рис. 4. Способы начертания знаков на прямоугольных («половинных») кирпичах 1—3 — «полузнаки»; 4, 6, 8 — целые знаки на прямоугольных кирпичах; 5, 7, 9 — те же знаки на квадратных кирпичах

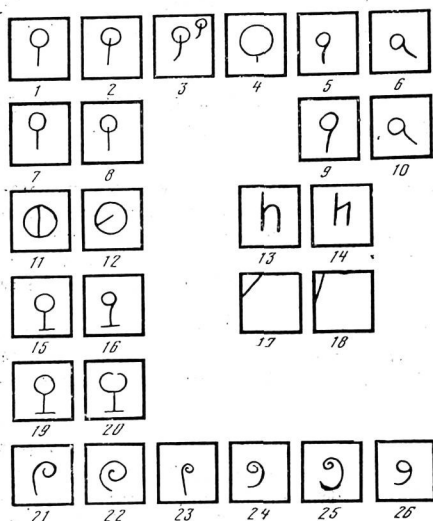

Рис. 5. Образцы «почерков», принадлежащих различным мастерам

1—6, 11—18, 21—26 — Елхарас; 7—10, 19, 20 — Капарас

изображение, происходящее из Египта (вторая половина II тыс. до н. э.) и представляющее процесс изготовления кирпича: из пяти работников двое — лепщики, трое — подносики глины²⁰.

Величина выборки E_2 в сочетании с применением математической статистики позволила сделать следующие выводы.

1. Установлена связь между типом знака и размером кирпича. Эта связь доказывает принадлежность кирпича, меченного знаками разных типов, различным работникам.

2. Получены факты, которые можно объяснить только при условии принадлежности знака не отдельному работнику, а коллективу; намечены пути к определению числа работников, входящих в такой коллектив.

3. Удалось определить, что прямоугольные кирпичи могли делаться в формах для квадратных, разделенных дополнительной перегородкой.

Назначение и принадлежность знаков на сырцовых кирпичах всегда интересовали исследователей. Назначение знаков сомнения не вызывает — это метки, связанные с учетом количества изготовленного кирпича²¹. Основные разногласия вызывает принадлежность знаков и социальное положение работников²². Изучение выборки E_2 позволяет считать знак принадлежащим «артели», организованной по соседскому или родственному принципу²³. Изделия работников при этом выявляются по «почеркам».

Письменные источники говорят о том, что изготовление кирпича являлось одним из видов трудовой повинности²⁴. Как правило, население несло коллективную ответственность за уплату налогов и выполнение трудовых повинностей²⁵. Широкая распространенность знаков на сырцовых кирпичах древнего Хорезма может служить свидетельством существования на этой территории института трудовых повинностей и методов учета выполненной работы.

¹ Ниже выборки названы: K_1 — кирпич из завалов крепостных стен Капараса, K_2 — кирпич из закладки субструкционной клетки башни 3 Капараса; E_1 — кирпич из завала в помещении Елхараса, E_2 — закладка помещения 2, E_3 — закладка помещения 3 Елхараса.

² Воронина В. Л. Строительная техника древнего Хорезма // ТХЭ. 1952. Т. 1. С. 89—91.

³ Воронина В. Л. К вопросу об изучении доарабского зодчества Средней Азии // СИИТА. 1947. Вып. 8. С. 43, рис. 7; Пугаченкова Г. А. Пути развития архитектуры Южного Туркменистана поры рабовладения и феодализма // ТЮТАКЭ. Т. 6. 1958. С. 82; Она же. Халчаян. Ташкент, 1966. С. 137, рис. 81.

⁴ Топрак-кала: Дворец // ТХЭ, 1984. Т. 14. С. 23, рис. 7.

⁵ Гудкова А. В. Ток-кала. Ташкент, 1964. С. 34, рис. 8.

⁶ Рапопорт Ю. А., Трудновская С. А. Городище Гяур-кала // ТХЭ. 1958. Т. 2. С. 254, рис. 4.

⁷ Филанович М. И. Сырцовые кирпичи с клеймами древнего Мерва (Эрк-кала) // Изв. АН ТССР. Сер. обществ. наук. 1961. № 1. С. 40, рис. 1.

⁸ Усманова З. И. Эрк-кала // ТЮТАКЭ. 1963. Т. 12. С. 50, рис. 24; Тауходжаев Ш. С. Разрез городской стены Гяур-калы // Там же. С. 104, рис. 6.

⁹ Le Berre M., Schlumberger D. Observations sur les remparts des Bactres // MDAFA. P., 1964. Vol. XIX. Pl. 88.

¹⁰ Пугаченкова Г. А. К познанию античной и раннесредневековой архитектуры Северного Афганистана // Древняя Бактрия. М., 1976. С. 127, рис. 64.

¹¹ Шер Я. А. Интуиция и логика в археологическом исследовании // Статистико-комбинаторные методы в археологии. М., 1970. С. 18.

¹² В качестве 51-го типа знака принято считать кирпичи без знаков.

¹³ Имеются в виду только квадратные кирпичи.

¹⁴ Бронштейн И. Н., Семендяев К. А.

- Справочник по математике. М., 1980. С. 817.
- ¹⁵ Там же. С. 96.
- ¹⁶ Можно предполагать существование различных причин, повлиявших на изменение средних размеров стороны кирпича. Это может быть изменение плотности набивки формы глиной и, следовательно, изменение в степени усушки; использование формы, несколько отличающейся по размерам, и другие причины.
- ¹⁷ *Гейер И. Н.* Туркестан. Ташкент, 1909. С. 13; *Писарчик А. К.* Строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров Ферганской долины в XIX — начале XX в. // ТИЭ. Н. с. 1954. Т. 21. С. 225—240; *Моногарова Л. Ф.* Материалы по этнографии язгулемцев // Там же. 1959. Т. 47. С. 40.
- ¹⁸ *Скачков А. И.* Саманные постройки. М., 1931; *Зуев А. Я.* Саман и саманное строительство. Ростов-на-Дону. 1931. С. 5.
- ¹⁹ Лепка кирпича велась с использованием формы без дна, употреблявшейся в Средней Азии до конца XIX в. При этом глиняная масса подносилась к форме, а не наоборот, как при использовании формы с дном (*Писарчик А. К.* Строительные материалы и конструктивные приемы. С. 229—230).
- ²⁰ *Лурье И. М.* История техники Древнего Египта // Очерки по истории техники Древнего Востока. М.; Л., 1940. С. 171, рис. 48.
- ²¹ *Воронина В. Л.* Строительная техника древнего Хорезма. С. 89.
- ²² Обзор точек зрения по этому вопросу приводится в работах: *Гудкова А. В.* Ток-кала. С. 35. Примеч.; *Пугаченкова Г. А.* Дальверзинтепе и некоторые общие вопросы истории и культуры Северной Бактрии // Дальверзин-тепе: Кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978. С. 191—192.
- ²³ *Мандельштам А. М., Певзнер С. Б.* Работы Кафирниганского отряда в 1952—1953 гг. // МИА. 1958. № 66. С. 295.
- ²⁴ *Беленицкий А. М.* О «рабовладельческой формации» в истории Средней Азии // КСИА. 1970. Вып. 122. С. 74; *Фрай Р.* Наследие Ирана. М., 1972. С. 159—161.
- ²⁵ *Бикерман Э.* Государство Селевкидов. М., 1985. С. 100.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО — Археологические открытия. М.
- ВДИ — Вестник древней истории. М.
- ДАН СССР — Доклады АН СССР. М.
- Зап. РГО — Записки Русского Географического общества. СПб.
- Изв. ВГО — Известия Всесоюзного географического общества. М.; Л.
- ИИАиЭ — Институт истории, археологии и этнографии АН Туркменской ССР. Ашхабад
- ИИАЭ — Институт истории, археологии и этнографии АН Таджикской ССР. Душанбе
- ИМКУ — История материальной культуры Узбекистана. Ташкент
- ККФАН УзССР — Каракалпакский филиал АН Узбекской ССР. Нукус
- КСИА — Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
- КСИИМК — Краткие сообщения Института истории материальной культуры АН СССР. М.; Л.
- КСИЭ — Краткие сообщения Института этнографии АН СССР. М.; Л.
- МИА — Материалы и исследования по археологии СССР. М.; Л.
- МИТТ — Материалы по истории туркмен и Туркмении. М.; Л.
- МХЭ — Материалы Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. М.
- ПИИЭ — Полевые исследования Института этнографии АН СССР. М.
- СА — Советская археология
- САГУ — Среднеазиатский государственный университет. Ташкент
- САИ — Свод археологических источников. М.
- СИИТА — Сообщения Института истории и теории архитектуры Академии архитектуры СССР. М.
- ТашГУ — Ташкентский государственный университет
- ТИЭ — Труды Института этнографии АН СССР. М.
- Тр. ВСЕГЕИ — Труды Всесоюзного научно-исследовательского геологического института. М.
- Тр. ТКАЭЭ — Труды Тувинской комплексной археолого-этнографической экспедиции. М.; Л.
- ТХЭ — Труды Хорезмской археолого-этнографической экспедиции Института этнографии АН СССР. М.
- ТЮТАКЭ — Труды Южнотуркменистанской археологической комплексной экспедиции. Ашхабад; М.
- УЗ САИГИМС — Ученые записки Среднеазиатского Института геологии и минералогического сырья. Ташкент
- УСА — Успехи среднеазиатской археологии. Л.
- IsMEO — Istituto Italiano per il medio ed Estremo Oriente. Roma
- MDAFA — Memoires de Delegation Archaeologique Française en Afghanistan

---

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	5
<i>Глава 1</i>	
АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ НА ДРЕВНИХ ТОРГОВЫХ ПУТЯХ ВДОЛЬ БЕРЕГОВ АМУДАРЬИ	11
<i>Глава 2</i>	
НЕОЛИТ И БРОНЗОВЫЙ ВЕК ЮЖНОГО ХОРЕЗМА	34
1. Геолого-геоморфологический и палеогеографический очерк	37
2. Памятники эпохи неолита и бронзы	51
<i>Глава 3</i>	
ЕЛХАРАС	80
1. <i>Общее описание памятника</i>	80
2. <i>Западное здание</i>	88
3. <i>Восточное здание</i>	112
4. <i>Керамика</i>	123
5. <i>История возведения, жизни и гибели памятника</i>	140
<i>Глава 4</i>	
КРЕПОСТЬ КАПАРАС	155
1. <i>Архитектура и стратиграфия</i>	155
2. <i>Керамика</i>	192
3. <i>Предметы вооружения, бытового и производственного назначения, украшения</i>	214
4. <i>Некоторые вопросы истории возведения, датировки и жизни памятника</i>	250
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	264
ПРИЛОЖЕНИЯ	270
<i>Росписи и скульптура Елхараса. В. М. Соколовский</i>	270
<i>Сырцовый кирпич Капараса и Елхараса. А. Н. Гертман</i>	277
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	287

